Георгий Владимирович

ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

РОССИЯ в средние века

ИСТОРИЯ РОССИИ

RUSSIA AT THE DAWN OF THE MODERN AGE

BY
GEORGE VERNADSKY

PROFESSOR EMERITUS OF RUSSIAN HISTORY
YALE UNIVERSITY

New Haven: YALE UNIVERSITY PRESS
London: OXFORD UNIVERSITY PRESS

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

РОССИЯ в средние века

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
1997

ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
и Тиличкину Олегу Аркадьевичу (г. Королев, Московская область)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Оформление: *Корольков В.А.*

© Издательство ЛЕАН. 1997 г.
© Издательство АГРАФ (оформление). 1997 г.
© Беренштейн Е.П., Губман Б.Л., Строганова О.В. (перевод) 1997 г.

ISBN 5-85929-016-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подъем Москвы как центра новой России, а в дальнейшем — могучей Российской империи, начался в монгольский период, и освобождение ее от монгольского владычества в середине XV века освободило путь для объединения и дальнейшего развития Московского государства.

Первой ступенью возвеличивания Москвы стало объединение Великой Руси благодаря усилиям Ивана III и Василия III. Второй — также сообразно с программой Ивана III — было установление контроля над Западной Русью (Белоруссией и Украиной). Чтобы достичь этого, Москве пришлось пойти на конфликт с Польшей, последствия которого ощутимы даже в настоящее время.

Именно в постмонгольский период сформировалась внешняя политика России нового времени и основные типы ее политических институтов. Поэтому изучение событий и тенденций этого периода важно для верного понимания последующего хода русской истории.

Постмонгольский период в России совпадает с эпохой Ренессанса и Реформации в Европе. Для России это был период интенсивного духовного и художественного брожения. Одно время протестантская Реформация была близка к утверждению в Западной Руси.

Процесс объединения Великой Руси описан во 2-5 главах. Последние три главы относятся к политической и социальной организации Западной Руси в XVI веке, борьбе между Москвой и Польшей за контроль над Западной Русью, подъему украинских казаков в

конце XVI века и церковной унии 1596 г.

В следующем томе я предполагаю рассмотреть эволюцию Московского царства при Иване Грозном и Борисе Годунове, а также основные аспекты русской культуры в конце XV и XVI столетиях.

В процессе работы над этим томом я в значительной степени пользовался советами друзей и коллег, оказавших разностороннюю помощь. Я в особенности благодарен Николаю Андрееву, Освальду П. Бакусу, Роману Якобсону, Акдесу Нимету Курату, Филиппу Лозинскому, В.Ф. Минорскому, Льву Окиншевичу, С.Г. Пушкареву, П.Н. Савицкому и Симону Шушману. Но к своим заключениям я пришел самостоятельно.

Нью Хейвен, Коннектикут
Г.В.
Декабрь 1958

Введение

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА

27 марта 1462 г. великий князь московский Василий II скончался после того, как, согласно его приказу, тлеющий трут был приложен к различным частям его тела. Таковой, по замечанию летописца, была обычная процедура лечения больных сухоткой в России. В этом случае средство лечения оказалось более опасным, нежели сама болезнь, т.к. ожоги стали причиной гангрены. Чувствуя приближение конца, он выразил желание принять монашеский постриг, но по неизвестной причине не получил разрешения на это и умер мирянином.

Василий жил и умер в старом кремлевском деревянном дворце, маленьком и душном. Позднее властители стали строить каменные дворцы и роскошные соборы и нанимать западных архитекторов и инженеров, а также врачей. При наследниках Василия Московское государство и город Москва разрастались, и за несколько десятилетий Москва стала столицей большой нации и одним из важных центров международной дипломатии и интриг.

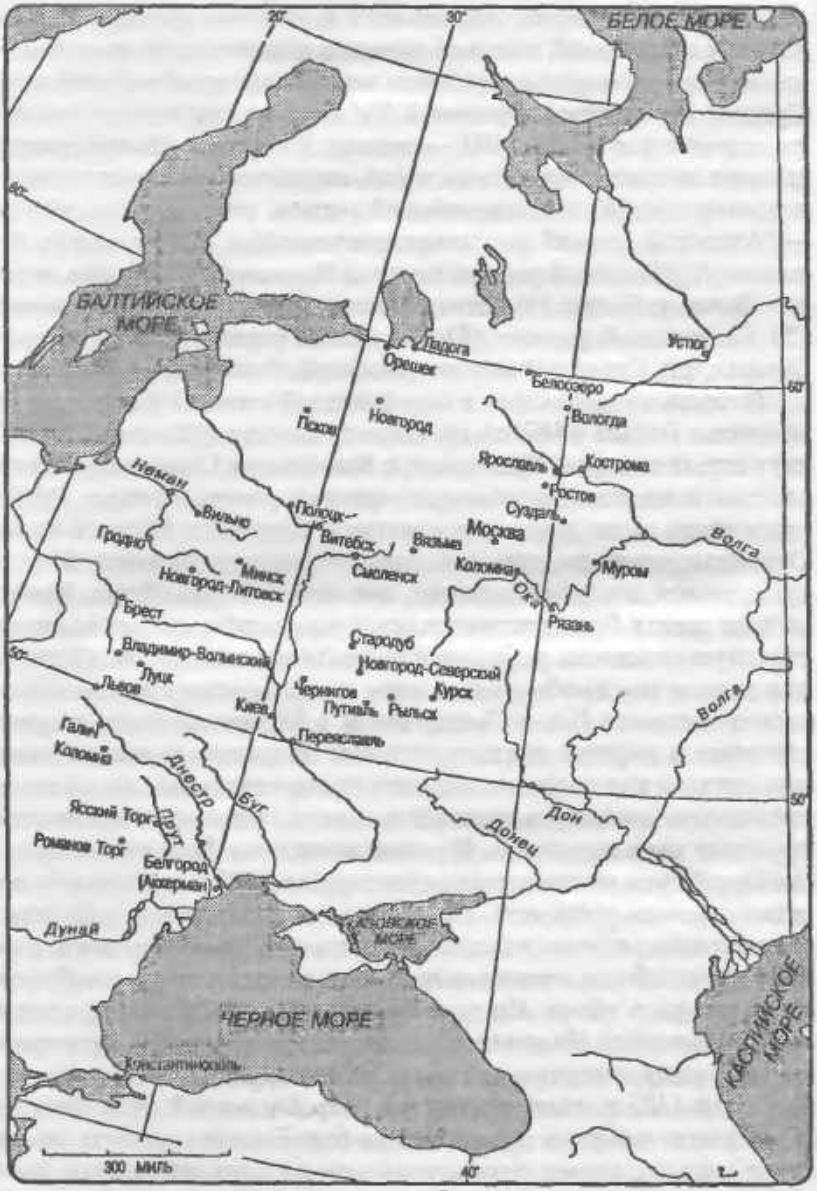
Цепкий, неразборчивый в средствах и жестокий, Василий II, казалось, не обладал качествами хорошего правителя, и все же у него была определенная цель, направлявшая его политику: объединение всех владений московской ветви рода Рюриковичей (дом Даниила) под единым правлением. В этом он имел поддержку церкви, сильной группы приближенных князей, нового дворянства и ряда бояр. С их помощью к концу своего правления он

достиг основной цели.[1] Более того, в период его правления Московское государство стало фактически, если и не юридически, независимым от власти татар; а московская церковь обрела независимость от власти константинопольского патриарха. Были заложены основания, на которых должно было быть вскоре воздвигнуто могучее здание московского царизма. Вследствие этого правление Василия может рассматриваться как один из важных поворотных пунктов в истории России.

Ко времени его смерти Великое княжество Московское было всего лишь одним из многих русских государств и земель. Рядом с ним существовали два других восточнорусских великих княжества — Тверь и Рязань. На северо-западе (от Москвы) существовали два процветающих города-государства — Новгород и Псков. Новгородские владения занимали целиком северную часть России, простираясь до берегов Северного Ледовитого океана и приполярной части Уральских гор на севере, и далее от них — к Нижней Оби на востоке.

К западу от Московии земля Смоленская, современная Белоруссия, и большая часть современной Украины были под властью великих князей Литвы. Восточная Галиция была частью Польши (присоединена к ней в 1349 г.). Карпатская Русь принадлежала Венгрии.

С лингвистической точки зрения к середине XV века определенный вид приобрела дифференциация трех современных восточнославянских языков — русского (великорусского), украинского (малорусского) и белорусского. Однако церковнославянский язык оставался языком церкви как в восточной, так и в западной части России. Он также составил основание литературного языка каждой из трех групп. Характерным для людей и восточной и западной России было то, что они продолжали называть себя русскими, а свою землю Россией (Русью). Эта практика отражалась в титулах правителей двух основных государств, которые появились на древнерусской территории, — Московии и Литвы. Начиная с Ивана I (1328-1341 гг.) правители Московии называли себя "Великими князьями Московскими и Всея Руси", в то время как литовские были известны как "Великие князья Литовские и Русские". Интересный пример существования понятия единства русской земли, несмотря на все политические деления среди образо-



1. Русские города XV века.

ванных людей России, представлен в "Списке русских городов, дальних и ближних", который помещен в замечаниях, предшествующих тексту одного из вариантов первой новгородской летописи.[2] Рукопись датируется серединой XV века, но сам список относится, вероятно, к концу XIV — началу XV веков. Имена русских городов организованы в семь групп, соответствующих следующим территориям: (1) нижнедунайский регион, включая Ясский Торг — "Аланский рынок" (в настоящее время Ясы в Румынии) и Коломию; (2) Киевский регион, включая Чернигов; (3) Волынь, включая Львов и Галич; (4) Литву, прежде всего белорусские города; (5) Смоленский регион; (6) Рязанский регион; (7) территорию Залесья, т.е. Суздаля (включая Москву), Новгорода и Пскова.

Татарская угроза была в определенной степени уменьшена отделением (около 1445 г.) от старого ханства ("Золотой Орды") двух новых ханств — Крымского и Казанского. Однако все эти три ханства совместно продолжали контролировать Южную Русь и украинские степи, равно как и регионы Средней и Нижней Волги. Огромные стада паслись в богатом черноземном поясе Южной Руси, мешая его использованию для сельского хозяйства. Каждое из трех ханств было достаточно сильным, чтобы представлять постоянную опасность либо для Москвы, либо для Литвы. (Если бы они вдвоем могли объединить свои силы, то всюду бы поставили заслон татарам.) Как в Литве, так и в Московии были государственные и военные деятели, которые понимали важность создания единого христианского фронта против татар, но они не могли превозмочь взаимную подозрительность, питаемую правящими группами двух государств. В целом люди как в Восточной, так и в Западной Руси инстинктивно чувствовали необходимость объединения против татар или, не обладая возможностью для этого, формирования сильного русского государства, имеющего центр либо на западе, либо на востоке и контролирующего, по крайней мере, часть ресурсов обоих. По этой причине каждый сильный властитель, пытавшийся объединить Россию, мог рассчитывать в это время на поддержку значительной части ее населения.

Около 1425 г., года, в который умер Василий I, отец Василия II, казалось, что роль объединителя большинства русских земель будет сыграна скорее великим князем литовским, нежели великим князем московским. В это время Василий II был десятилет-

ним мальчиком, и в московском княжеском роду не было единства. Один из дядей мальчика претендовал на великокняжеский трон. Можно было предвидеть несчастье даже до кончины Василия I. Чтобы предотвратить это, Василий I в своем завещании (сделанном в 1423 г.) отдавал свою жену и сыновей под защиту своего тестя, могущественного великого князя литовского Витовта. Это дало Витовту повод для вмешательства в дела Великого княжества Московского после смерти Василия. Более того, через несколько лет великие князья как Твери, так и Рязани признали Витовта своим сюзереном. Возможность постоянного расширения власти великого князя литовского над всей Восточной Русью, однако, не материализовалась. После смерти Витовта в 1430 г. началось волнение как в Западной, так и в Восточной Руси. Когда Василий II покорил своих врагов в Московии в 1447 г., он выдвинулся в качестве сильнейшего правителя в Восточной Руси, и в 1449 г. был подписан договор о дружбе и ненападении между Москвой и Литвой. Тверь была введена в литовскую сферу влияния, чего не случилось с Рязанью. Этот договор — важная веха в отношениях между Восточной и Западной Русью, означавшая конец краткого преобладания Литвы в восточнорусских делах. Таким образом главенство Москвы было предрешено.

В это время развились три отличных друг от друга типа правительства и администрации. Московская тенденция заключалась в усилении власти великого князя. Это затронуло прежде всего сам московский княжеский род. Большинство владений менее значимых князей было конфисковано Василием II, и эти князья признали великого князя как своего суверена. Некоторые из князей иных ветвей дома Рюрика, равно как и многие литовско-русские князья дома Гедимина стали служить великому князю московскому и в конце концов смешались с московскими боярами. Великому князю помогала как в законотворчестве, так и в администрации боярская *дума* (государственный совет), но дума не имела сама четко определенных властных полномочий. Во многих случаях великий князь использовал *дьяков* (государственных секретарей) как своих людей вместо бояр. Они назначались великим князем из числа простолюдинов и были полностью зависимы от него.

В качестве бывшего вассала монгольского хана и его фактического наследника в высшей власти над Москвой великие князья

приняли на себя функции ханской власти в сфере налогообложения и военной администрации. Как Дмитрий Донской, так и его сын Василий I использовали систему воинской повинности соответственно в 1380 и 1396 гг. При Василии II не было какой-либо всеобщей воинской повинности; он зависел от малого, но хорошо обученного количества стражников — *двора*, сравнимого с монгольской "*ордой*". Однако великий князь московский никогда не оставлял своего права всеобщего набора войска, и эта система была возрождена при наследниках Василия II, в особенности при его правнуке Иване IV.

Для администрирования и осуществления судебной власти на местах великий князь полагался на своих *наместников* и *волостелей*. Они не получали жалования из казны великого князя, а должны были "кормить себя" на данной территории (система *кормления*) — т.е. они получали содержание от местного населения и оставляли себе долю гонораров от судопроизводства и часть налогов, полученных с данного района.

Старорусский институт *вече* (городское собрание) был расшатан монгольскими ханами с помощью русских князей и прекратил существование за исключением случаев нападения врагов или иных экстремальных ситуаций.

В отличие от роста авторитарного и централизованного режима в Московии, правительство Великого княжества Литовского опиралось на принципы федерации и конституционных прав. После первого договора об объединении между Польшей и Литвой (1385 г.) конституция Литвы была пересмотрена сообразно с польским образцом. Великий князь назначался советом знати, известным как *панская рада*, соответствовавшим боярской думе Московии, но обладавшим большей властью. В Польше параллельно с этим аристократическим органом возникла ассамблея представителей провинциального мелкопоместного дворянства, *посольская изба* (палата представителей). Вместе оба органа составили *сейм* (парламент). Парламент контролировал польский бюджет, включая расходы на армию. Без санкции парламента король не мог принимать важные решения в сфере государственных дел. Схожие институты постепенно возникли также в Великом княжестве Литовском.

Великое княжество было не централизованным государством, а

свободной федерацией "земель" и княжеств. Каждая земля обладала значительной автономией, гарантированной *привилеями* (специальной хартией). В местных, равно как и в федеральных делах, аристократии принадлежала ведущая роль.

Вече претерпевало постепенные ограничения полномочий в Западной Руси, а затем и вовсе прекратило действовать. Вместо этого основные города получили корпоративное муниципальное правление немецкого типа на основе так называемого Магдебургского законодательства.

Третьим типом правления в России в XV веке — типом, который с определенными оговорками мы можем назвать "демократическим", — был город-государство, сравнимый во многих отношениях с древнегреческим полисом. Русский город-государство, опиравшийся на власть веча, преобладал в Северной Руси: в Новгороде, Пскове и Вятке. Вятка была республикой; Новгород и Псков имели князей, но их власть была ограниченной, а высшая власть принадлежала народу, а не князю. Символически Псковское государство именовалось "Господин Псков", а Новгород — "Господин Великий Новгород" или "Государь Великий Новгород". Вече было главным источником власти как в Новгороде, так и в Пскове; все государственные служащие избирались вечем, а не назначались князем.

Одновременно с вечем как в Новгороде, так и в Пскове существовали советы знати — господ. Сообразно с законом, это была не верхняя палата, а комитет веча. Фактически, однако, в особенности в Новгороде, она успешно оказывала значительное влияние на решения веча и таким образом многое делала для последовательности новгородской политики.

Следует отметить, что Псков был первоначально пригородом Новгорода, т.е. находился под властью Новгорода. В 1347 г. новгородцы даровали независимость Пскову и после этого его иногда называли "младшим братом Новгорода". Псковская церковь, однако, оставалась подчиненной архиепископу Новгорода.

Город Новгород представлял собою объединение, состоящее из пяти коммун или городских районов (*концов*). Соответственно основная территория Новгорода делилась на пять частей, известных как *пятины*.[3] Внешние провинции назывались *волостями*. Из них на район Торжка попеременно предъявляли свои притязания то

Тверь, то Москва, но новгородцам удавалось сохранять над ними контроль до утраты новгородской независимости. Далее на восток была земля Двины и иные территории, протянувшиеся до Уральских гор. Новгород, таким образом, был не просто городом-государством, а огромной империей, над которой владычествовал город.

Как в Восточной, так и в Западной Руси владельцы больших земельных поместий составляли высший слой русского общества. Эта элитная группа была известна в киевский период как бояре, и этот термин продолжал использоваться в Восточной России в течение московского периода. В Западной Руси при постепенном изменении его смыслового наполнения он применялся только к определенной группе меньших по значимости собственников, и "боярин" в старом смысле стал *паном* (господином). Мелкопоместное дворянство находилось в процессе формирования и в Восточной, и в Западной Руси из различных групп мелких землевладельцев и служилого люда князей, которые в Западной Руси стали известны под польским именем *"шляхта"*. В Восточной Руси некоторые из них именовались *"дети боярские"*; другие же — *дворянами* (т.е. принадлежавшими ко *двору* князя в военном звучании этого слова).

Городские люди состояли из двух основных групп — купцов и ремесленников. В Польше и Литве (и в некоторых частях Западной Руси) среди городского населения было много немцев и евреев. Большинство купцов и ремесленников в Восточной Руси были урожденными русскими. В Новгороде и Пскове класс купечества обладал значительным престижем и был влиятелен в формировании правительственной политики. Этот верхний слой имел тенденцию смешиваться с боярами. В Москве, напротив, лишь некоторые из наибогатейших купцов, занимавшихся внешней торговлей (известных как *гости*), имели подобное положение.

Следует отметить, что в результате монгольского нашествия развитие русских городов в целом приостановилось. Многие крупные города, подобные Киеву и Владимиру-на-Клязьме, были совершенно уничтожены монголами, и после падения Киев оставался длительное время мелким городом. Новгород был единственным крупным городом, который не только избежал разрушения, но даже в определенном отношении воспользовался монгольским владычеством.

В целом отношение городского населения к общему населению Руси значительно уменьшилось. Даже до монгольского вторжения около 85% народа жило в сельских районах. После вторжения сельское население стало даже более значительным (возможно, более 95%), за исключением новгородцев.

Большинство населения XV столетия может быть названо крестьянским, хотя и не все обрабатывали землю. Поскольку степи Южной Руси контролировались татарами, основная часть русских жила в лесной зоне, местами расчищенной и подходящей для пашни. Крестьяне занимались не только сельским хозяйством, их благосостояние зависело от рыбной ловли, охоты, пасечного хозяйства и разнообразных лесообрабатывающих производств, таких, как изготовление различной утвари, телег и лодок, равно как и дегтя и поташа.

Согласно русским понятиям, обрабатывающий землю имел права на возделываемый им участок земли (так называемое *трудовое право*), вне зависимости от того, кому законно принадлежала земля. Но поскольку значительная часть земли принадлежала государству, и князья и бояре, равно как и монастыри, обладали земельными угодьями, существовало множество прав. Крестьянин, живший в таком владении, мог сохранять право на свой участок до той поры, пока его обрабатывал, и мог быть изгнан лишь решением суда. С другой стороны, он был волен оставить свой надел (теряя таким образом на него права) и двинуться, куда ему заблагорассудится.

В середине XV века в Восточной Руси крестьяне были свободными. Они тем не менее должны были платить налоги государству и исполнять определенные повинности, а те, кто жили в частных или церковных владениях, должны были выполнять определенную работу вместо выплаты ренты. В течение киевского периода группа крестьян — смердов, живших на государственных землях, — находилась под специальной юрисдикцией князей. Эта группа выжила в новгородских владениях (равно как и в Пскове) под тем же именем; она была под юрисдикцией государства (а не князя) Новгорода и Пскова.

В течение киевского периода не существовало различия по социальному статусу и положению крестьян восточных и западных русских земель, но в XV столетии правительство Великого княже-

ства Литовского начало ограничивать свободу их передвижения, и "Привилей" ("Хартия") 1447 г. запретил крестьянам перемещаться с частных земель на государственные. Этот указ предвещал закрепощение крестьян.

Вдоль южных границ как восточных, так и западных русских княжеств, в лесостепной зоне и на местах внутри самой степной зоны в XV столетии появились свободные сообщества нового типа — сообщества людей приграничной полосы, известных как черкесы или казаки.[4] Наиболее раннее упоминание о них в русских хрониках относится к 1444 г. — рязанские казаки.

Обозрение старорусской социальной стратификации неполно без упоминания тех, кто находился за пределами сообщества свободных людей. С правовой точки зрения рабы не являлись личностями, а были движимой собственностью. Сохранение до нового времени древнего института рабства как в Восточной, так и в Западной Руси — одна из особенностей русской социальной истории; но истина в том, что рабы были довольно многочисленной группой даже в киевский период. После этого их количество по отношению к общему населению должно было значительно уменьшиться (относительно XV века не существует каких-либо точных цифр). Большинство из них принадлежало князьям и боярам и использовалось в качестве домашних слуг или в роли сельхозрабочих в более крупных имениях.

В духовной жизни русских в XV столетии можно выделить две основные традиции: древнюю, которая может быть названа древнеславянской и более молодую — византийско-христианскую. Понятия древнеславянской религии — почитание солнца и родовой культ — глубоко врезались в людские сердца и умы. Во многих местах в деревенских районах русские, хотя и были официально христианами, все же втайне почитали древних богов, и в особенности праотцев и прародительниц клана — *род* и *рожаницы*. Народная литература, основывающаяся на устной традиции, была пропитана дохристианскими верованиями, а народные искусства следовали примерам скифо-аланской эры.[5] На это древнее основание в X веке наложилось византийское христианство. В течение киевского периода, хотя все русские были официально обращены в новую веру, христианство пустило корни только в городах, и церкви в сельских районах были немногочисленны. И лишь в мон-

гольский период (в течение XIV и XV веков) были предприняты серьезные усилия, чтобы учредить церкви и приходы по всей стране. Но с утверждением христианства на Русь проникли византийская литература и искусство; по контрасту с устной литературой, литература письменная, поддержанная церковью, базировалась на христианских понятиях и традициях, и как в архитектуре, так и в живописи дух византийского христианства нашел подобающее воплощение на русской почве.

Два потока средневековой русской культуры не могли не затронуть друг друга в течение времени. С другой стороны, христианская литература и искусство находились до определенного предела под влиянием дохристианских народных мотивов. Некоторые из повествований христианских святых были похожи на былины (эпические сказания) как по форме, так и по содержанию. Древнеславянские боги прямо не отбрасывались духовенством и монахами, но рассматривались как *бесы* (злые духи или демоны), с которыми верующий должен был вести постоянную войну. Большинство древнеславянских праздников все еще отмечалось, хотя и в виде, приспособленном к христианскому календарю. Так, народный ритуал *коляд* (зимнего солнцестояния) слился с празднованием Рождества.

Хотя восточнославянская культура XV века была в основе самодостаточной, она подверглась внешним влияниям. Прежде всего Византия, которая была истоком русского христианства, продолжала осуществлять свое влияние на Русь — либо прямо, либо через южных славян (болгар и сербов) и румын, равно как и через Крым. Также через Византию и Балканы достигали Руси многие христианские апокрифы и предания восточного и западного происхождения.

Вследствие евразийского фона Руси, равно как и вследствие осуществления длительное время контроля над ней со стороны монголов, естественно ожидать значительного влияния восточных стереотипов на русскую жизнь и культуру этого периода, хотя острое различие между христианством и исламом мешало возможности какого-либо решающего восточного влияния на русскую религиозную жизнь. Но в сфере эпической поэзии и народного искусства восточное влияние было сильным и плодотворным; и конечно же московская административная система и организация

армии следовали монгольскому типу во многих отношениях. Достаточно большое количество русских терминов относительно финансовой администрации было заимствовано у татар (например, *тамга* — таможенные пошлины; *денга* — деньги).[6] Более того, следует отметить, что в правление Василия II несколько групп татар были поселены в Руси (в основном вдоль южной границы) как вассалы и служилый люд. Среди них наиболее важной была группа под предводительством царевича Касима. Ситуация вела к дружеским личным контактам между русскими и татарскими военачальниками. Многие татарские князья дома Чингисхана присоединились к русской аристократии.

Хотя основания христианской культуры в Руси и в католической Европе были тождественными, раскол между греко-православной и римско-католической деноминациями имел своим следствием постепенное создание культурного барьера между Русью и Западом. Однако этот барьер не был непроницаемым. Как Новгород, так и Псков поддерживали живые торговые отношения с балтийскими немцами и Ганзейским союзом, равно как и с Висби (остров Готланд). Существовало поселение немецких купцов (двор, по-немецки Hof) в Новгороде, а также поселение скандинавов (Варяжский двор). Некоторые новгородцы знали немецкий и латинский языки, а западные влияния могут быть обнаружены в новгородском искусстве, литературе и ремесле.

Западная Русь через ее связь с Великим княжеством Литовским также не была изолирована от Запада. Вслед за первым объединением Польши и Литвы (1385 г.) римский католицизм стал официальной религией Великого княжества Литовского, и русские в этом государстве лишь с большим трудом утвердили свое право оставаться приверженцами греческого православия (которое стало известно как "русская вера"). В собственно Литве римско-католическая церковь быстро и прочно укоренилась, и через эту церковь западные понятия распространились среди литовской знати. Благодаря тесным связям между литовской и польской знатью, польское культурное влияние в литовском обществе стало первостепенным, и западнорусская аристократия не могла оставаться со временем незатронутой им. Вслед за Флорентийской унией 1439 г.[7] была предпринята попытка подчинить западнорусскую православную церковь папе. После некоторых колебаний

западнорусские епископы остались верны православию, но сама церковь перешла под власть константинопольского патриарха, вместо того, чтобы сохранять зависимость от московского митрополита. Позднее, в 1596 г., была установлена уния между западнорусской церковью и Римом, но даже после этого большинство украинского народа осталось верным греческому православию на длительное время. Однако греческая православная церковь на Украине в конечном итоге стала сама каналом западной культуры, приняв многие черты римско-католической образовательной системы, включая изучение латыни.

Среди всех русских земель западное влияние было наислабейшим в Московии. Это может быть объяснено частично географически — отдаленностью Москвы от Запада — и частично тем, что монгольское владычество длилось на столетие дольше в Восточной Руси, нежели в Западной Руси. Нам также следует принять во внимание важную роль, сыгранную православной церковью в создании Московского государства; с середины XIV веке церковь была духовным лидером русского сопротивления татарам и борьбы за независимость. Поэтому большинство москвичей настороженно относились к политике обращения в римский католицизм, в особенности после Флорентийской унии. И все же, несмотря на это, Москва не была полностью изолирована от Запада. В конце XIV и на протяжении XV столетий многие литовские и западнорусские князья женились на русских княжнах и наоборот. Более того, довольно много литовских и западнорусских князей переселилось в Московию и поступило на службу великого князя московского. Великое княжество Литовское, все еще считавшееся Русью, в это время не рассматривалось восточными русскими как иностранная держава. Через нее всегда был возможен, хотя и не прямой, контакт между Москвой и Западом.

Хотя московиты были насторожены по отношению к римско-католическому влиянию, они в принципе не относились враждебно ко всему западному. Московские военные предводители всегда стремились иметь новое вооружение независимо от места его изготовления. Примером может служить введение огнестрельного оружия в Московии. Русские впервые познакомились с огнестрельным оружием восточного типа при осаде Булгара в 1376 г. Признав неоспоримые достоинства этого оружия, они обратились к

Западу и, получив множество пушек западного типа для укрепления обороны Москвы, впервые использовали их в 1382 г.

Шансы более тесных культурных контактов между Восточной Русью и Западом обнаружились в короткий период владычества Витовта. В 1429 г. многие русские князья, включая великого князя Твери, присутствовали на организованной Витовтом международной встрече в Луцке на Волыни. Среди гостей были Сигизмунд, император Священной Римской Империи, и Ягайло (Ягиелло), король Польши. Папа, византийский император Иоанн VIII, король Дании и Тевтонский орден послали своих представителей в Луцк. Все наслаждались щедрым приемом и развлечениями, предложенными их могущественным хозяином. Однако с практической точки зрения конференция не имела успеха. В следующем году великий князь Василий II Московский и великие князья Твери и Рязани присутствовали на другом пышном собрании в Вильно в Литве по поводу предполагаемой коронации Витовта, которое было сорвано, ибо поляки задержали посланца императора Сигизмунда, везшего корону.[8]

Вскоре после этого произошло событие, которое подготовило почву для прямого контакта между Москвой и Италией — Феррара-Флорентийский церковный собор 1438-1439 гг. (признан римскими католиками как XVII экуменический собор). Русская церковь была представлена там митрополитом Исидором — греком, родившимся в Салониках, которого сопровождали около ста русских духовных лиц и мирян. (Один из них оставил описание их путешествия во Флоренцию). Исидор подписал Флорентийскую декларацию об унии церквей, но когда он возвратился в Москву, то не был принят московскими властями и должен был бежать из России.[9] Несмотря на неудачу с признанием московитянами унии, весь этот эпизод оказался важной вехой во взаимном ознакомлении России и Запада.

Глава I

ВИЗАНТИЙСКИЙ БРАК ИВАНА III

1. Человек и правитель

Старшему сыну и наследнику Василия II Ивану III ко времени кончины его отца было двадцать два года. С тем чтобы обеспечить ему престолонаследование, Василий II провозгласил его великим князем и соправителем еще в 1449 г. В своем завещании Василий "благословил" Ивана своей *отчиной* (родовым владением) — великим княжеством. Не потребовалось никакого подтверждения власти Ивана со стороны хана Золотой Орды.

На протяжении своего правления Иван III сознавал свои права и величие своего царства. Когда в 1489 г. посланец немецкого императора предложил Ивану королевскую корону, последний ответил: "Мы подлинные властители в нашей земле, от наших предков, и мы помазаны Богом — наши предки и мы... И мы никогда не искали подтверждения тому у кого-либо, и теперь не желаем такового."[10]

Мать Ивана была русской княгиней серпуховской ветви дома Даниила (род Даниловичей) и дальней родственницей его отца. Это, однако, не означает, что Иван III был по крови чисто русским. Его предок, Святой Владимир Киевский, был скандинавского происхождения. В период между правлением Владимира и Александра Невского через смешанные браки русских князей и иностранных княжон было добавлено много неславянской крови. Среди

дальних предков Ивана III были одна шведская княжна, одна византийская, одна половецкая и одна осетинская.[11] Более того, дед Ивана (Василий I) женился на литовской княжне, дочери великого князя Витовта, и таким образом отец Ивана был по крови наполовину литовцем.

Мы обладаем кратким описанием физического облика Ивана по воспоминаниям итальянского путешественника Амброджио Контарини, который видел его в Москве зимой 1476-1477 гг.: "*Великому князю должно быть тридцать пять лет (ему было тридцать шесть); он высок, тонок и симпатичен.*"[12] Существует изображение Ивана III, преклоняющим колена перед папой на настенных картинах Санто Спирито в Риме, что является чистым вымыслом художника.[13] Портрет Ивана в профиль (гравюра) в "Универсальной космографии" Тевета (1555 г.)[14] также не может рассматриваться как аутентичный, поскольку он воспроизводит иной тип лица и бороды, нежели мы обнаруживаем на похожем на Ивана III (в три четверти) изображении, выполненном в технике цветной вышивки (1498 г.).[15] (Следует отметить, однако, что техника вышивки не служит подобающим средством для аккуратного натуралистического портрета).

Физически Иван был сильным и активным. Контарини говорит, что "*его обычаем было посещение различных частей его владений каждый год*".[16] И, разумеется, Иван отсутствовал на протяжении визита Контарини в Москву с конца сентября до конца декабря 1476 г. Существуют упоминания (в связи с войной хана Ахмата против Москвы в 1480 г.) об отсутствии у Ивана физической смелости. Эти истории едва ли достоверны. Фактом является то, что Иван не искал военной славы как таковой и предпочитал достигать успеха путем расчета, нежели полагаться на случайность.

Мы обладаем малой информацией относительно его внутренних качеств как личности. Его дипломатические письма и заявления, вероятно, были написаны его секретарями, хотя он должен был сообщить им, что надлежит писать. Личностный элемент в них подчинен политическому, даже в его письмах дочери Елене, которая стала великой княгиней литовской в 1495 г. Лишь фрагменты впечатлений других людей о нем могут быть обнаружены в документах этого периода. Не сохранилось частных писем к нему или воспоминаний о нем. Итак, мы можем судить о его характере

в основном по его политике и действиям, как они отражены в государственных бумагах различного типа и в летописях. В данной связи мы вновь не можем быть уверены в какой мере в каждом случае инициатива принадлежала ему самому, и в какой степени он подвергался влиянию своих советников. Среди них были весьма одаренные люди.

В результате всего этого наш портрет Ивана как человека и правителя не может быть определенным; но несмотря на отсутствие свидетельств, он считается одним из наиболее способных московских правителей, и возможно, наиболее способным. Он обладал широким видением и определенной политической программой. Он заранее готовил свой план действия и, никогда не делая непродуманного хода, знал цену спокойному ожиданию вызревания ситуации. Он полагался более на дипломатию, нежели на войну. Он был последователен, осторожен, сдержан и хитер. Хотя он и прибегал к жестким мерам против своих врагов, когда видел в этом необходимость, он не был чрезмерно жесток по стандартам того времени. Он наслаждался искусством, архитектурой. С помощью итальянских и псковских архитекторов он изменил лицо Москвы, в особенности — Кремля. Среди спланированных им роскошных строений были новый Успенский собор в Кремле (построен в 1475-1479 гг. Аристотелем Фиорованти), а также Благовещенский собор (построен псковскими мастерами в 1482-1489 гг.) и Грановитая палата, созданная итальянцами в 1473-1491 гг. и предназначенная для приемов великого князя.

Иван интересовался религиозными проблемами, но его подход к церковным делам был обусловлен более политическими, нежели религиозными соображениями. Как семейный человек он глубоко уважал свою мать и любил свою первую жену. Его второй брак был продиктован политическими соображениями и принес ему много неприятностей, семейных неурядиц и политических интриг, в особенности к концу его правления и жизни. Советники и помощники Ивана восхищались его способностями и глубоко уважали его; они обычно именовали его "державным" (правителем). Но немногие действительно любили его.

Изучая любую важную историческую личность — фактически, изучая любого человека, — мы сталкиваемся с проблемой определения, каков индивид в своих личностных и наследственных чер-

тах.[17] В данном случае отсутствие подлинных свидетельств затрудняет ответ на этот вопрос. Что касается наследственности, Даниловичи обычно женились на русских княжнах вплоть до деда Ивана III Василия I, жена которого, как уже упоминалось, была литовской княжной (дом Гедимина). Этот брак, вливший новую кровь, был важным в истории рода. Как в биологическом, так и в политическом смысле он предопределил судьбу отца Ивана и самого Ивана.

И предок Даниловичей, первый князь московский Даниил, младший сын Александра Невского, и его непосредственные потомки правили в течение тяжелого периода монгольского владычества в расчлененной Руси. Во имя спасения они прибегали, в зависимости от обстоятельств, то к полному подчинению хану, то к вызывающему неприятию ханских приказов. В своих отношениях с другими русскими князьями они были жестокими и жадными. Они никогда не расставались с приобретенными владениями и были хорошими правителями своих огромных земельных угодий, что составляло экономический базис их политического могущества.

Сосредотачиваясь на материальных вещах, они в то же время обладали политическим видением. В 1317 г. старший сын Даниила Юрий III получил ханский *ярлык* (право владения) на Великое княжество Владимирское. Несколько лет спустя после убийства Юрия тверским князем, его младший брат Иван I сумел получить схожий ярлык в 1332 г. После этого московские князья рассматривали владимирский стол как свою вотчину.[18] Великий князь был признан как глава семьи, но благодаря силе традиции, его родственники — младшие Даниловичи — получили каждый собственное владение, которым управляли самостоятельно. Это предвещало потенциальные конфликты, и сильная семейная борьба развернулась в правление отца Ивана III Василия II, который в конце концов, одолев своих соперников, конфисковал большинство владений меньших князей и объявил свой сюзеренитет над теми, кто остался у власти. Они теперь стали вассалами великого князя. Среди факторов, которые привели к установлению нового порядка, большое значение несомненно имело литовское происхождение Василия II — в особенности покровительство ему его деда Витовта.

Некоторые из черт Ивана III, такие как его упорство и жесткое удержание приобретенных владений, было общим для всех Даниловичей. У него отсутствовала смелость, присущая многим членам его семьи, и в особенности самому Даниилу, Юрию (старшему сыну Даниила — непрямому предку Ивана III) и Дмитрию Донскому. С литовской стороны, его последовательность в подготовке почвы для собственных действий, равно как и его сдержанность, сделали его похожим на дядю Витовта — Ольгерда. Если Иван действительно унаследовал эти черты от литовских предков его бабки, то мы должны искать их у предков деда Витовта (отца Ольгерда) Гедимина. Однако известно очень мало относительно личностных черт предков Гедимина, чтобы пытаться делать какие-либо определенные заключения об этом.

Наиболее трудным будет ответ на вопрос об оригинальном, индивидуальном в характере Ивана. В любом случае кажется, что чувство значимости его власти и положения было новым элементом в государственном управлении. Для его отца централизация великокняжеской власти являлась необходимой мерой. Для Ивана это была не только политическая программа, но и принципиальный вопрос. Более того, она кажется основанной на глубоких личных чувствах, которые могут быть частично объяснены психологическими травмами, полученными в раннем детстве. В 1446 г., когда Иван был шестилетним мальчиком, его отец был схвачен и ослеплен двоюродным братом и соперником Дмитрием Шемякой. Иван и его младший брат Юрий (пяти лет) были также заключены Шемякой в тюрьму. Их освободили лишь благодаря настойчивости главы русской церкви Ионы, тогдашнего епископа Рязани.[19]

Что касается советников и помощников Ивана III, то сначала он сохранил на своих должностях тех, кто заправлял делами на протяжении последнего времени правления его отца. Наиболее уважаемым среди них был старый мудрый митрополит Иона, но он умер в 1461 г. Его наследник митрополит Феодосий был святым человеком, который пытался поднять моральный и интеллектуальный уровень духовенства, но совсем не интересовался политикой. В 1464 г. Феодосий выразил свое желание удалиться в монастырь и был заменен Филиппом I. Наиболее влиятельным среди бояр Василия II был князь Иван Юрьевич Патрикеев, пото-

мок великого князя литовского Гедимина. Его отец князь Юрий Патрикеев женился на одной из сестер Василия II. Князь Иван Юрьевич был, таким образом, первым кузеном Ивана III. Многие другие князья домов Гедимина и Рюрика служили Василию II и затем молодому Ивану III как соперники и полководцы. Члены немногих старомосковских некняжеских боярских фамилий также оказывали значительное влияние на дела до и после смерти Василия II. Среди московских военных предводителей этого времени ведущую роль играли Константин Беззубцев и князь Иван Стрига-Оболенский.

2. Софья Палеолог

Основные тенденции политической программы Ивана III стали очевидными уже в первые годы его правления. В 1463 г. последние ярославские князья потеряли свою независимость, и их княжества и уделы были поглощены Великим княжеством Московским. В следующем году Иван отдал свою сестру Анну замуж за молодого князя рязанского. Этот дипломатический брак открыл путь для будущего поглощения Рязани Москвой. В своих отношениях с Новгородом и Псковом Иван III двигался крайне осторожно. Незадолго до своей смерти его отец навязал псковичам князя, которого они не желали и вскоре изгнали. Иван разрешил псковичам избрать князя по своей собственной воле, и в то же время действовал как посредник между Новгородом и Псковом в церковных делах и убедил псковичей уважать власть архиепископа новгородского. И лишь в 1471 г. Иван сделал свой первый ход против Новгорода. Большое внимание уделялось отношениям с татарами. Как Золотая Орда, так и Казанское ханство представляли для Московии постоянную опасность. Пытаясь предотвратить ее военной силой и дипломатией, Иван использовал как свою главную силу татарских вассалов, царевича Касима. Через касимовских ханов у Ивана была возможность участвовать в казанских делах и подготовить почву для дружеских отношений с ханами Крыма.

Первая жена Ивана III княгиня Мария Тверская умерла в 1467 г. Она родила ему в 1456 г. сына Ивана Молодого, который около

1470 г. получил титул великого князя и был признан как соправитель своего отца. Оставшись с одним маленьким сыном, Иван III скорее всего беспокоился о безопасности наследования трона. Предложения второго брака шли, возможно, молодому правителю с разных сторон (ко времени кончины Марии Ивану было двадцать семь). Факт того, что второй брак последовал не сразу, а спустя пять лет после первого, может свидетельствовать о верности Ивана III памяти своей первой супруги. Кроме того он был не из тех, кто принимает быстрые решения: весьма возможно, что он решил подождать удобной возможности жениться на иностранной княжне. Подобный брак, как можно утверждать, должен был поднять значимость московского правителя и поставить его самого и его семью над местной московской аристократией. Такой брак мог быть полезен и с точки зрения дипломатии и международных отношений.

Возможность вскоре представилась. В 1468 г. Джан Баттиста делла Вольпе (известный в Москве как Иван Фрязин), итальянец, которого Иван III сделал ответственным за чеканку монет в Москве, послал в Италию двух агентов — итальянца Никколо Джислярди (или Джилярди) и грека Георгия (Юрия). Их основной задачей было привлечение итальянских техников для Ивана III.[20] Агенты Вольпе были приняты в Риме папой Павлом II, который решил использовать их для начала переговоров о женитьбе Ивана III на византийской принцессе Зое Палеолог, племяннице византийского императора Константина XI. Семья Зои приняла декларацию Флорентийской унии, и сама Зоя стала римской католичкой. Папа являлся ее опекуном. В феврале 1469 г. (дата русских летописей) грек Юрий вернулся в Москву с итальянскими техниками, братом Вольпе Карло и Антонио Джислярди (Антоном Фрязиным). Юрий также доставил Ивану письмо от кардинала Виссариона — наставника Зои — с предложением ее руки.

Подготавливая брак Зои и Ивана, папа имел двоякую цель: поддержать римский католицизм в России и сделать великого князя московского своим союзником против османских турок. Опасаясь османского владычества, папа (равно как и венецианский сенат) собирал любых возможных союзников, включая властителей Золотой Орды и Ирана. Агенты Вольпе, скорее всего преувеличивая силу Московии, дали папе совершенно ложное представление о

желании Ивана III воевать с турками. Сам Вольпе лелеял собственный амбициозный план — стать главным агентом папы и Венеции на востоке. Для достижения этого он не возражал против обмана как папы, так и великого князя московского, если это могло служить его собственным планам.[21] Когда он прибыл в Московию, то согласился обратиться в греческое православие, но тайно оставался римским католиком. Теперь он уверил московитов, что Зоя была греко-православной. В то же время он дал папе основание верить, что католическое исповедание Зои не будет препятствием для вступления Зои в брак с Иваном III.

После получения послания Виссариона, Иван III посоветовался со своей матерью, а также митрополитом Филиппом и боярами. С их одобрения он послал Вольпе в Рим в 1470 г. для того, чтобы обсудить это дело с папой Павлом и кардиналом Виссарионом. Зоя согласилась выйти замуж за Ивана, а папа и кардинал одобрили ее выбор. Вольпе привез в Москву портрет Зои. Зимой 1471-1472 гг. возможность брака была вновь обсуждена Иваном III и его советниками. Окончательное решение было принято. 16 января 1472 г. Вольпе еще раз отправился в Рим, чтобы привезти в Москву невесту Ивана. (Папа Павел умер в 1471 г. Новость достигла Москвы до отъезда Вольпе, но имя нового папы было извращенно передано как "Калист". Это имя было впоследствии упомянуто в официальном письме Ивана III папе. Однако, когда Вольпе и его спутники достигли Италии, то им сообщили, что имя нового папы Сикст, а не Калист. Вольпе нашел легкий выход из трудной ситуации: он стер в письме Ивана неправильное имя и вписал верное).

24 мая 1472 г. московские посланцы были приняты папой Сикстом IV. 1 июня в Ватикане состоялась торжественная церемония — помолвка Зои с Иваном III (Вольпе выступал в роли доверенного лица великого князя московского). Некоторые историки называют эту церемонию свадьбой, а не помолвкой. П. Перлинг предпочитает говорить о ней, как о "свадьбе Ивана в Ватикане". Однако он признает, что документы неоднозначны.[22] Фактически же Перлинг сам цитирует письмо папы герцогу Модены от 21 июня 1472 г., в котором папа говорит, что Зоя недавно "стала невестой" Ивана.[23]

24 июня Зоя, сопровождаемая папским легатом Антонио Бо-

нумбре, Вольпе, греком Дмитрием Ралевым (Ралли, который должен был представлять братьев Зои на свадьбе в Москве), другим греком Юрием Траханиотом (которого русские хроники называют "боярином") и многочисленной свитой, направилась из Рима через Флоренцию и Нюренберг в Любек. Здесь Зоя и ее свита взошли на корабль, который доставил их в Ревель (по-русски — Колывань) 21 октября. Морское путешествие заняло одиннадцать дней. Маршрут, который должна была избрать Зоя, является хорошей иллюстрацией хаоса, сопряженного с сообщением между Италией и Восточной Европой, который стал результатом османского завоевания Константинополя и Балкан. Как морской путь из Италии к Черному морю, так и наземный путь через Польшу и Литву были блокированы турками. Из Нюренберга Зоя могла избрать сухопутный маршрут через Польшу и Литву, но как раз в это время отношения между Иваном III и королем Польши и Литвы Казимиром были натянутыми из-за новгородского конфликта. К тому же дороги через Литву были очень плохи, в особенности осенью.

Из Ревеля Зоя и ее свита проехали к Пскову, где духовенство, бояре и все население приветствовали ее. Хотя Зою сопровождал папский легат, она, очевидно, захотела расположить русских к себе, приняв их обычаи и веру, еще до начала путешествия. Это могло быть результатом совета боярина Юрия Траханиота, который, согласно псковской летописи, был родственником епископа тверского.[24] Поэтому перед въездом в Псков Зоя надела русские царские одежды и в Пскове без консультации с папским легатом посетила собор Святой Троицы и поклонилась иконам. Легат, оказавшийся в затруднительном положении, тем не менее последовал за Зоей в Москву. Здесь он по обычаю шел за служителем, который нес то, что русский летописец поименовал "латинским крестом" (распятие). Это чуть не послужило причиной конфликта, поскольку митрополит Филипп ожесточенно возражал против публичной демонстрации латинского креста в Москве и угрожал покинуть город. Несмотря на возражения Вольпе, легату запретили нести распятие перед ним.

В тот же самый день, 12 ноября 1472 г., когда Зоя въехала в Москву, после торжественной службы в маленьком временном строении, которое использовалось, пока возводился Успенский собор, состоялось ее православное венчание с Иваном. Служил сам мит-

рополит, и Зоя получила православное имя Софья. Хотя папский легат понял, что Зоя была потеряна для римско-католического дела, он остался в Москве еще на одиннадцать недель, пытаясь получить согласие Ивана на союз против турок. Наконец он покинул Москву, увозя с собой в Италию богатые подарки, но не политическое соглашение.

Хотя Софья стала супругой Ивана III, человек, которому она была обязана своим новым положением, Джан Баттиста делла Вольпе, попал в серьезную беду. Как говорилось, папа и венецианский сенат хотели обеспечить помощь хана Золотой Орды против османских турок. В 1471 г. сенат решил послать своего секретаря Джан Баттиста Тревизано через Москву в Золотую Орду. Он получил инструкции посоветоваться с Вольпе и следовать его мнению. Тревизано был хорошо встречен в Москве, но Вольпе убедил его не обнаруживать своей миссии венецианского посла в Золотую Орду, а представиться племянником Вольпе, не обладающим официальным статусом. Когда Софья прибыла в Москву, итальянцы в ее свите без сомнения открыли подлинный смысл приезда Тревизано в Москву. Иван был раздосадован обманом и предположил, что Вольпе и Тревизано имели тайную связь с Золотой Ордой в ущерб московским интересам. Вольпе был арестован и выслан в Коломну (на юго-восток от Москвы). Тревизано был приговорен к смерти, и только личное вмешательство папского легата спасло его. Он был лишен свободы передвижения и за ним до того, как все прояснилось путем переговоров с Венецией, было поручено наблюдать русскому должностному лицу Никите Беклемишеву. Когда Иван получил уверения от венецианского сената, что миссия Тревизано заключалась в переговорах с Золотой Ордой о выступлении против турок, а не Москвы, Тревизано был освобожден (1473 г.) и получил разрешение продолжить путь. Но карьера Вольпе в Московии закончилась и его дальнейшая судьба неизвестна.[25]

3. Зоя в Москве

Для Софьи (Зои) ее переселение из Италии в Москву означало коренное изменение жизни. Ее детство не было счастливым. Отец

Зои, Фома Палеолог, брат последнего византийского императора Константина XI, был правителем (деспотом) Мореи до 1460 г., когда бежал на остров Корфу, спасаясь от наступающих турок.[26] Оставив свою жену и детей на Корфу, Фома отправился в Италию, где безнадежно пытался найти признание своих прав на византийский престол со стороны папы. Он получил приличную пенсию (3600 дукатов от римской курии, 2400 дукатов от коллегии кардиналов и 500 дукатов от Венеции ежегодно), которой, однако, не был удовлетворен. Фома и его жена скончались около 1462 г. Их дети — двое мальчиков — Андрей и Мануэль и младшая среди всех — Зоя — были привезены в Италию. Зое тогда было около четырнадцати лет. Что до ее братьев, то Мануэль позднее признал власть османского султана и вернулся на родную землю. Старший брат Андрей остался на Западе, предлагая продать свои права на византийский престол тому, кто даст подороже. И он продал их три раза различным людям.

Папа поручил кардиналу Виссариону, выдающемуся греческому ученому, обращенному в римский католицизм (он горячо поддержал Флорентийскую унию), обеспечить образование детей Фомы. Один из двух учителей, назначенных Виссарионом, был греком; другой, очевидно, был итальянцем (учитель латыни). Кроме того, два католических священника должны были позаботиться о религиозном воспитании наследников. В своих наставлениях учителям Виссарион приказывал, что детям следует посоветовать не хвастать своим царственным происхождением, а всегда помнить, что они изгнанники, сироты и нищие; что они должны быть достойными, смиренными и благодарными своим благодетелям; и что они должны быть прилежными учениками.[27] Одним из хороших плодов этой системы было то, что дети в дополнение к своему родному языку — греческому — владели как латинским, так и итальянским. С другой стороны, они едва ли могли испытывать удовольствие от постоянных напоминаний о своем униженном положении и о благодарности, которую они обязаны были выражать своим благодетелям. Подобная система могла развить либо комплекс неполноценности, либо лицемерие или же то и другое вместе и сформировать у детей циничное отношение к жизни. Показная приверженность Зои римскому католицизму не была искренней.

Хотя Зоя не могла быть счастлива в дни своей юности, она провела их в наиболее цивилизованной стране Европы. Когда она попала в Москву, контраст между Италией и Россией должен был быть разительным, хотя ее новое положение отличалось властью и богатством. Но, привыкшая с детства к постоянным переменам судьбы, она быстро приспособилась к новым условиям жизни. Никто не слышал от нее жалоб; по крайней мере, никто не зафиксировал их. Как прирожденный лингвист она, должно быть, изучила русский без больших трудностей.

Зоя, ставшая Софьей, была удовлетворена своим новым положением, но она наслаждалась каждой возможностью разговора с итальянскими путешественниками и итальянцами, жившими в Москве. Они именовали ее "Деспиной" (женский вариант слова "Деспот") по греческому образцу. Контарини говорит, что нанес ей визит по приглашению Ивана и имел длительную беседу с ней. *"Она приняла меня с великой добротой и вежливостью и откровенно уполномочила меня рекомендовать ее моим почтенным господам".*[28]

Портрет Софьи, привезенный в Москву Вольпе в 1470 г., еще не обнаружен. Она была также представлена коленопреклоненной перед папой на стенной росписи Санто Спирито.[29] В группе на московской вышивке 1498 г. Софья (подобно другим) воспроизведена в принятом стиле. Ее лицо можно назвать симпатичным, но мы не знаем, близок ли этот портрет к оригиналу (в это время ей было около пятидесяти). Итальянская княгиня Кларисса Орсини, которая навестила ее в Риме в 1472 г., нашла ее красивой, хотя флорентийский поэт Луиджи Пулчи, который был при их встрече, представил ее в письме своему другу отталкивающе толстой. Но Пулчи, влюбленный в Клариссу, испытывал искушение обнаружить недостаток Софьи. Кроме того Софья не предложила ни еды, ни питья своим посетителям в течение всего вечера и, возможно, голод поэта объясняет его раздражение.[30]

Не может быть и сомнения в том, что прибытие Софьи в Москву не понравилось некоторым из придворных Ивана. Ее воспринимали интриганкой, тяготеющей к власти над своим супругом и подрыву позиций его бывших советников. Но при ее умении приспосабливаться и такте она, очевидно, преуспела в установлении добрых отношений со своей свекровью, по крайней мере, так каза-

лось окружающим. С другой стороны, ее неродной сын, Иван Молодой, которому было шестнадцать ко времени прибытия Софьи, относился к ней подозрительно. Вероятно и Софья не любила его. Контарини говорит, что Иван Молодой *"не находится в большей чести из-за своего плохого поведения."*[31] Это заявление явно отражает некоторые сплетни при дворе Софьи в 1476 г. Указание на ее неприятие в некоторых кругах московского общества могут быть обнаружены в русских летописях при описании русско-татарского конфликта 1480 г. Некоторые из летописцев критиковали Софью за то, что она покинула Москву во время опасности и бежала на север Руси из соображений самосохранения.[32]

Острые нападки на Софью были предприняты в XVI веке противниками ее сына Василия III и ее внука Ивана IV. Барон Сигизмунд Герберштейн, который дважды посетил Россию, в 1517 и 1526 гг., получил сообщение (очевидно от враждебных бояр), что Софья "очень коварна" и что Иван III "делает многое при ее подстрекательстве".[33] Иван Берсень-Беклемишев (сын вышеупомянутого Никиты Беклемишева) сказал ученому Максиму Греку около 1520 г., что "когда великая княгиня Софья прибыла сюда с вашими греками, наша земля попала в трудную ситуацию и начались беспорядки". Он пояснил, что причинами этих беспорядков были высокомерие великого князя и его отказ советоваться со старыми боярами. В этом случае, однако, он имел в виду сына Ивана III Василия, а не самого Ивана. Он сказал, что Иван был добр к своим советникам и ценил откровенную критику своих действий. Князь Андрей Курбский, который порвал с сыном Василия Иваном IV и перешел на литовскую сторону, назвал Софью "греческой колдуньей" и сожалел о ее дурном влиянии на Ивана III. Курбский также обвинял ее в отравлении своего неродного сына Ивана Молодого (который умер в 1490 г.).[34]

Под влиянием критиков Софьи в XVI в., равно как и на иных основаниях, большинство историков XVIII и XIX вв. приписывали Софье особо важную роль в период правления Ивана III. Утверждалось, что благодаря браку с Софьей Иван получил право на трон Византии (Ф.И. Успенский); что одним из следствий брака было создание теории о Москве как "Третьем Риме" (Перлинг); что вслед за бракосочетанием византийский дворцовый этикет был введен в Москве (князь Щербатов, Карамзин, Бестужев-Рюмин,

Иконников); что как присоединение Новгорода, так и "низвержение монгольского ига" были результатом советов Софьи (князь Щербатов, Карамзин, Терновский, Перлинг). С другой стороны, С.М. Соловьев, отмечая степень влияния Софьи на Ивана, указывал, что многие из деяний Ивана традиционно следовали московской политике. Таким же было и мнение Ключевского. В 1901 г. роль Софьи в московской политике была тщательно пересмотрена В.И. Саввой, который пришел к заключению, что утверждаемое влияние Софьи на мужа и политику было слишком преувеличено историками. Недавно К.В. Базилевич выразил то же мнение.[35]

Выводы Саввы и Базилевича кажутся мне в основном верными. Разумеется, нет каких-либо оснований приписывать влиянию Софьи присоединение Новгорода или достижение Московией юридической независимости от Золотой Орды. Первый ход Ивана III против Новгорода был предпринят в 1471 г,. за год до его женитьбы на Софье. Что же касается Золотой Орды, то Москва стала фактически независимой около 1452 г., в правление отца Ивана Василия II. После этого высвобождение из-под монгольского гнета было лишь делом времени и умелой дипломатии. А права на престол Византии не принадлежали Софье; ее старший брат Андрей рассматривал себя в качестве их обладателя и, как упоминалось, был готов продать их. Андрей посетил Москву дважды — в 1480 г. и в 1490 г. Мы можем предположить, что он предлагал права Ивану, но сделка не состоялась.

В целом можно сказать, что в продолжение первых двух десятилетий пребывания Софьи в Москве, она вряд ли могла обладать каким-либо политическим влиянием на состояние дел. Верно, что она оказалась весьма полезной для Ивана в его взаимоотношениях с итальянскими архитекторами и техниками. Эти итальянцы всегда могли просить невмешательства и защиты в случае непонимания между ними и русскими. И одно то, что Деспина находилась в Москве, придавало все большему количеству итальянцев смелости, чтобы ехать туда. Софья была весьма заинтересована в широкой строительной программе, начатой ее мужем в Москве. Хотя она и не могла знать действительного величия византийского двора (она родилась за пять лет до падения Константинополя), она видела красоты итальянских дворцов и совершенно естественно желала иметь нечто похожее в Москве для неё самой и её се-

мьи, равно как и для приема зарубежных послов. Если бы это удалось, можно было бы подумать о введении более совершенного церемониала при московском дворе.

Единственно возможным для Софьи путем получения политического влияния была дворцовая интрига. Этот путь открылся для нее в 1479 г., когда родился ее первый сын Василий (два первых ребенка были девочками). С ним была связана надежда Софьи, при счастливом стечении обстоятельств, достигнуть подлинной власти. Но она должна была терпеливо ждать такого момента. В 1485 г., когда мать Ивана III ушла из жизни, Софья стала "первой дамой" московского двора. Пятью годами позже старший сын Ивана III (пасынок Софьи), Иван Молодой, скончался. Это событие, резко изменившее дворцовую ситуацию, сделало мечту Софьи об обеспечении трона своему сыну, хотя и дальней, но возможной. Иван Молодой оставил одного сына Дмитрия, которому в 1490 г. было шесть лет. Сыну Софьи Василию было в это время одиннадцать лет. В Московии не было определенного закона о престолонаследовании, и было неясно, какой из двух мальчиков обладает правом наследования.

Началась напряженная борьба за власть между двумя матерями — византийской княгиней Софьей (матерью Василия) и молдавской княгиней Еленой (матерью Дмитрия). Сначала молдаванка, казалось, имела больше шансов, но победа в конце концов осталась за Деспиной. В 1502 г. Василий был провозглашен великим князем, соправителем отца и наследником трона; Елена и Дмитрий были арестованы. Софье, однако, не дано было долго наслаждаться плодами собственной победы: она умерла в 1503 г. Иван III умер два года спустя, и в 1505 г. Василий III взошел на престол.

Основное влияние Софьи на ход русской истории определилось тем, что она дала жизнь человеку, который стал отцом Ивана Грозного.

Глава II

НОВГОРОД

1. Культурные традиции

Два северных русских города-государства — Новгород и Псков — не были прямо затронуты монгольским вторжением XIII в. и продолжали поддерживать свою целостность и автономию в течение монгольского правления. Новгород должен был платить часть дани хану, но монголы ему не досаждали. Напротив, они даровали ему его древние политические привилегии и свободу торговли.

На протяжении монгольского периода Новгород поддерживал активную торговлю с островом Готланд, равно как и с Ригой и Ганзейской лигой. Псков также торговал с Ригой. Новгородские и псковские купцы имели дело с Тверью, Витебском, Смоленском и с "низовыми городами" волжско-окского региона. Новгородцы были заинтересованы в открытии для торговли всего течения Волги от Нижнего Новгорода до Каспийского моря. В данной связи следует упомянуть, что в это время купцы некоторых других русских городов были заинтересованы в торговле с Востоком. Один из них, тверич Афанасий Никитин, оставил замечательное описание своего путешествия в Индию (1466 — 1472 гг.).[1] В интересах новгородских, псковских и тверских купцов было уничтожение барьеров на пути торговли, и поэтому они поддерживали и старались возродить древние традиции свободной русской федерации, чтобы предотвратить раскол между Восточной и Западной Русью.

Новгородское и псковское общество хранило как политическое, так и культурное наследие киевского периода. Единственная рукопись "Слова о полку Игореве" (которая сохранилась до 1812 г. и погибла в большом московском пожаре во время вторжения Наполеона), была списком, сделанным в Пскове в XVI в. псковским копиистом, и является свидетельством живого интереса к литературе киевского периода русских ученых уже в XVI столетии. Нужно отметить, что повествование о битве под Оршей (1514 г.) в псковской летописи[2] написано в стиле "Слова", что показывает хорошее знакомство с ним и влияние его духа на автора.

Принимая во внимание демократические формы правления в Новгороде и Пскове, мы можем предположить, что значительная часть граждан этих двух государств понимала значение сохранения древних традиций политической свободы и единства путем объединения всех русских земель. В этой федерации Новгород (как мечтали многие новгородцы) должен был сыграть важную роль, как это было и в прошлом. На этом фоне интенсивной политической мысли и почитания великих культурных традиций можно наилучшим образом понять значительный подъем новгородской литературы и искусства в XIV и XV вв.

Выдающимся руководителем этого движения был архиепископ Новгорода Евфимий II. Евфимий был избран на этот пост Новгородским вече в 1429 г., но его кандидатура не была утверждена московским митрополитом Фотием, который был главой русской церкви в Московии и Литве; и новгородская епархия некоторое время оставалась свободной. Фотий умер в 1431 г. В следующем году совет русских епископов назначил митрополитом епископа Рязани Иону. Великий князь литовский представил своего кандидата — епископа Герасима — константинопольскому патриарху, которому в это время принадлежало право назначения русских митрополитов. Патриарх возвел в сан Герасима. Когда москвичи отказались принять его, Герасим сделал своей резиденцией Смоленск; именно к нему новгородцы обратились для утверждения кандидатуры Евфимия для новгородской епархии. Евфимий был как полагается возведен в сан архиепископа новгородского митрополитом Герасимом в 1434 г. В следующем году Герасим был сожжен на костре по приказу великого князя литовского,[3] и русская митрополитская кафедра вновь оказалась свободной. Она остава-

лась таковой до того времени, как новый митрополит Исидор был послан из Константинополя в Москву. После признания Исидором Флорентийской унии московиты также отвергли его, и в 1448 г. рязанский епископ Иона вновь был избран советом восточнорусских епископов митрополитом Руси. На сей раз не испрашивалось никакого разрешения у патриарха константинопольского. Евфимий не присутствовал на выборном совете, но послал письменное согласие на избрание Ионы. Евфимий умер в 1456 г., оставаясь на посту главы новгородской церкви двадцать пять лет. Его положение было уникальным, поскольку он был возведен в сан не митрополитом московским, а митрополитом, который был главой западнорусской церкви. В отличие от многих московских духовных лиц Евфимий не был подозрителен по отношению к иностранцам. Согласно его "Житию", созданному сербским ученым Пахомием Логофетом, жившим в Руси с 1440 г., Евфимий приветствовал всех вновь прибывавших из-за рубежа, был приветлив и помогал им. В немецких источниках он назван "добрым покровителем и защитником немецких купцов".[4]

До 1448 г. московские политические и церковные дела были в беспорядочном состоянии, и власть Евфимия над новгородской церковью была практически беспредельной. Новый митрополит Иона вначале был неуверен в своей собственной власти (будучи непризнанным патриархом константинопольским) и потому не предпринимал решительных попыток ограничения прав внутри церкви. Он обратился с двумя посланиями к Новгороду — одним к архиепископу Евфимию и другим к новгородцам в целом, увещевая их воздержаться от распространенного обычая кулачных боев, которые часто заканчивались кровопролитием и убийствами. Послания Ионы были выдержаны в форме совета, а не повелительного приказа.[5] В целом же период пребывания Евфимия II в сане был отмечен быстрым ростом духа свободы и самостоятельности как в новгородской церкви, так и в новгородском обществе. Наследник Евфимия архиепископ Иона (умер в 1470 г.) следовал этой традиции.

Среди литературных произведений, поддержанных Евфимием, был цикл повествований, основанных на жизни и деяниях двух дальних предшественников Евфимия — архиепископа Ивана (Иоанн, около 1170 г.) и архиепископа Моисея (1325-1329 и 1352-

1359 гг.). Их целью было прославление новгородских святых и таким образом увеличение влияния новгородской церкви. Во времена Ивана, гласила одна из историй, суздальские армии, ведомые многими князьями под командованием Андрея Боголюбского, напали на Новгород. По совету Ивана, новгородцы взяли почитаемую икону Богоматери из храма, которому она принадлежала, и поместили ее на стене напротив врагов, надеясь, что последние воздержатся от нападения. Суздальцы, однако, продолжали посылать стрелы, и несколько попало в икону. Из глаз Богоматери, по преданию, покатились слезы. Суздальцы были поражены слепотой и бежали от Новгорода. Мотив этого повествования был использован в композиции иконы Знамения Богородицы конца XV в.[6] Автор повествования с горечью жаловался, что объединенные силы князей, напав на Новгород, предали поруганию единство русских людей и христианскую веру.[7]

Идея единства русских людей легла в основу новгородской исторической литературы XV в. При Евфимии (около 1446 г.) была предпринята попытка написания на основе более ранних русских летописей (как новгородских, так и иных) целостной истории России. В наши дни это произведение известно как "Новгородско-софийский свод".[8] Новой чертой его является включение исторических, географических и юридических примечаний, среди которых и "Список русских городов", упомянутый выше. "Свод" не был сохранен как целое, но части его остались в некоторых новгородских летописях меньшего размаха — в четвертой новгородской летописи и первой софийской летописи. "Перечень", равно как и свидетельства аналогичного характера, были также включены в вариант первой новгородской летописи,[9] где мы обнаруживаем также "Список русских митрополитов". Последнее имя в этом перечне — Герасим, возведший в сан Евфимия. Среди иных примечаний в этой части кодекса — перечень русских великих князей (от Рюрика до Василия II) и перечень новгородских князей, глав города (посадников), тысяцких и архиепископов.

Другой вид деятельности Евфимия проявляется в его интересе к архитектуре. Он поддерживал строительство церквей и дворцов в Новгороде; многие из этих церквей были построены в стиле XII века. Очевидно, что Евфимий пытался возродить древние традиции новгородской архитектуры.[10] Насколько мне известно, не

существует свидетельства личного интереса Евфимия к живописи, но его время, тем не менее, видело расцвет новгородской иконописной школы.

2. Между Москвой и Литвой

Благосостояние Новгорода и расцвет его культуры зависели от свободы, равно как и принадлежности к русскому миру. В соответствии с этим, политическая программа Новгорода состояла из двух основных положений — сохранения новгородских институтов и возрождения русского единства. Большинство новгородских политических лидеров понимали, что Новгород может выжить лишь в сообществе русских земель.

Был ли достижим этот идеал? Обстоятельства были против этого, поскольку в середине XV в. два больших государства — великие княжества Московское и Литовское — поглотили большинство прежде самостоятельных русских княжеств. Если бы Новгород был мощным в военном отношении, на равных с Москвою и Литвой, он мог подумать об основании федеративного объединения трех главных государств — Новгородского, Литовского и Московского, — в котором могли принять участие и малые государства (Псков, Тверь и Рязань). Однако Новгороду никогда не удавалось создать сильной армии, и это в дальнейшем оказалось для него роковым.

При сложившихся обстоятельствах единственной надеждой на спасение Новгорода было сохранение превосходства Московии над Литвой и препятствие объединению в этих государствах. Поддерживая отношения с Литвой, новгородцы пытались сохранять дружеские связи с некоторыми меньшими князьями дома Гедимина, в особенности, киевскими. В отношениях с Москвой, в борьбе между Василием II и его дядей Юрием (и после сыном Юрия Дмитрием Шемякой) в 1430-х и 1440-х гг.[11], новгородцы поддерживали соперников Василия. Василий совершенно естественно ненавидел их и после победы в отместку попытался урезать новгородские свободы.

По очевидным причинам новгородцы боялись силы великого князя московского и централизации московской армии и администрации; в то же время они не могли понять внутреннюю

2. Пять новгородских провинций (пятины).

цель московской политики и поддержку ее значительной частью московитов. Москвичи устали от гражданской войны. И, что еще более важно, они страдали от постоянного ожидания татарских нападений, поэтому в полной мере осознавали необходимость сильного руководства и создания боеспособной армии. Это была борьба за выживание, и люди чувствовали, что им прежде всего нужна безопасность. Соперник Василия II Дмитрий Шемяка однажды попытался использовать против Василия одновременно Новгород и Казанское ханство. В глазах московитов новгородские симпатии Шемяки были связаны с его дружбой с татарами. Над Новгородом не довлела угроза татарских набегов, поскольку он был защищен от татар Московией. Немногие новгородцы осознавали это, и еще меньшее их число понимало влияние постоянной угрозы нападения татар на московскую политическую программу.

Поскольку Литва была конституционной монархией и русские земли, подчиненные власти великого князя литовского, имели значительную автономию, Новгороду следовало гораздо меньше бояться политического объединения с Литвой, нежели признания власти великого князя московского. С экономической точки зрения Новгород был теснее связан с Московией, нежели с Литвой. В первую очередь, новгородские земли не давали достаточно зерна для населения, и поэтому Новгород покупал большую часть зерна в залесских городах. Любой конфликт с Московией означал недостаток хлеба и голод. Да и главный путь на восток по реке Волге контролировался Москвой, и новгородские купцы могли получать восточные товары, имеющие большую ценность на Западе, в основном через Московию. Что же касается балтийской торговли, западнорусские и литовские города имели собственные выходы на Балтику и были в определенном отношении соперниками Новгорода.

Более того, отношения между Новгородом и Литвой были осложнены объединением Литвы и Польши. Верно, что между 1447 и 1567 гг. это объединение существовало только на уровне правителей. За немногими исключениями Польша и Литва избирали на собственные троны одного и того же человека, известного как "король" Польши и "великий князь" литовский. Внутренне Литва была отдельным государством, но литовская политика не могла игнори-

ровать польские интересы. С этим была тесно связана религиозная проблема, поскольку Польша была главным оплотом католицизма в Восточной Европе.

Согласно условиям первого договора об объединении Польши и Литвы (1385 г.) римский католицизм официально стал государственной религией Великого княжества Литовского, и лишь католики могли обладать политическими правами. В результате литовцы были обращены в римский католицизм. Западнорусская знать, однако, резко возражала на любую попытку своего обращения в римско-католическую веру или отмены ранее имевшегося политического статуса. В 1432 г. великий князь литовский должен был пойти на уступки своим русским подданным и отменить статью, лишавшую их политических прав. Таким образом получило косвенное признание существование в Литве греческой православной церкви. (Казнь митрополита Герасима в 1435 г., упомянутая ниже, была обусловлена политическими, а не религиозными соображениями).

Вслед за Флорентийской унией была предпринята попытка подчинить западнорусскую церковь власти папы. Следует отметить, что после избрания Ионы митрополитом (1448 г.), Казимир — великий князь литовский с 1440 г.; король Польши с 1447 г. — признал власть Ионы над западной русской церковью. Десять лет спустя в Риме греческий униатский патриарх в изгнании Григорий Мамас по совету кардинала Исидора (бывшего митрополита московского) возвел ученика последнего Григория (болгарина) в сан митрополита Руси. Папа Пий II утвердил Григория и послал его к Казимиру. Король Польши Казимир не нашел возможным отклонить волю папы и принял Григория в качестве митрополита "Киевского и Всея Руси". Московские власти отказались принять его, а западнорусские епископы неохотно согласились сотрудничать с ним. Лишь один из них отказался признать Григория и бежал в Московию. Фактически никто из западнорусских епископов не принял от всего сердца унию, а общины были прямо против нее. После десяти лет безуспешных попыток укоренить идею унии среди своей паствы Григорий, наконец, сдался и в 1469 г. отправил посланника в Константинополь, прося о благословении греческого православного патриарха. Последний подтвердил должностные полномочия Григория и отправил послания в Москву и

Новгород, прося о признании Григория митрополитом Всея Руси. Московские власти отказались это сделать. С другой стороны, некоторые новгородцы, как мы увидим, были склонны согласиться с требованием патриарха. Результатом спора было разделение русской православной церкви на две половины: автокефальную Московскую церковь и Киевский диоцез Константинопольского патриархата.

Религиозная проблема была тесно связана с общим положением русских в Великом княжестве Литовском. Численно русские составляли большинство населения великого княжества. Политически, однако, их положение было ослаблено после объединения Литвы с Польшей и обращения литовцев в римский католицизм. Как указывал украинский историк Михаил Грушевский, несмотря на "Привилеи" 1432 г. лишь немногие русские были допущены к какому-либо высокому посту в государстве. Хотя римско-католические епископы играли важную роль в раде (палате знати), мы не обнаруживаем там ни одного греко-православного епископа.[12] С другой стороны, литовские магнаты не могли исключить мирян из правящего слоя великого княжества, поскольку литовцы нуждались в их поддержке то против Польши, то против Москвы. В 1441 г. Казимир должен был признать своего дядю Свидригайло, популярного среди русских, князем Волыни, а своего двоюродного брата Александра (Олелько) князем киевским.[13] Эти уступки были результатом слабого положения Казимира в начале его царствования и существования претендентов на трон. Позднее Казимир и литовские магнаты попытались воспрепятствовать подъему русского движения в великом княжестве, что создало оппозицию по отношению к Казимиру со стороны многих защитников прав русских.

Взаимным интересом русских как в Великом княжестве Литовском, так и в Новгороде была координация своей политики. Новгородцы попытались это сделать, но без большого успеха.

3. Конституция

Новгород был политически связан с Москвою правлением князя, который обычно был одновременно и великим князем московс-

ким. Князь в Новгороде, однако, обладал совершенно иным статусом, нежели в Москве. Прежде всего, пост князя в Новгороде был выборным. Во-вторых, новгородский князь имел лишь ограниченную власть. Каждый князь после избрания должен был дать особую клятву и подписать договор, в котором он обещал сохранять новгородские институты и ограничивать свои действия строго определенной сферой полномочий. Если новгородцы невзлюбят князя, они имели право устранить его — "указать ему дорогу прочь".

Главной причиной потребности новгородцев в князе была военная. Во многих случаях их собственные силы оказывались недостаточными для отражения нападения врагов — немцев, литовцев и шведов. Другой важной функцией князя была судебная; как чужеземец он должен был быть беспристрастным. Он находился в высшей администрации Новгорода, хотя его права были жестко ограничены договорами. Князь мог действовать лишь во взаимосвязи с новгородскими властями. В каждом княжеском договоре с Новгородом мы обнаруживаем выражение, адресованное князю: "*А бесъ Посадника ти, Княже, суда не судити, ни волостий раздавати, ни грамоть ти даяти*". Далее предусматривалось, что князь может действовать в качестве князя новгородского лишь во время пребывания в Новгороде; никакое решение по поводу новгородских дел не могло быть принято в период его проживания в другом княжестве (Владимире или Москве). Напротив, новгородские официальные лица могли и реально действовали без совета князя, и новгородское городское собрание (вече) могло и создавало новые законы и документы (вечные грамоты) без одобрения князя. Он должен был пообещать не торговать с немецкими купцами в Новгороде, делать это только через новгородцев. Он не имел права закрывать Немецкий двор или посылать туда своего пристава.[14]

В качестве вознаграждения за свою службу князь должен был получать ежегодный *дар* от *волостей* за пределом Новгорода, но не от основной территории Новгорода (*пятины*). В дополнение князь получал часть судебных штрафов и некоторое количество охотничьих и рыболовных угодий для собственного пользования. Все его доходы проверялись новгородскими чиновниками.

Новгородцы принимали все возможные меры для предотвращения возрастания роли князя в Новгороде. Он воспринимался чужаком.

Его присутственное место и отданные для его проживания дома находились за пределами города, в месте, известном как Городище. Ему, его семье и свите запрещалось иметь земельную собственность в пределах Новгорода и покровительствовать новгородским крестьянам или ремесленникам.

Из сказанного явствует, что новгородский князь не правил Новгородом; он был наемным официальным лицом с ограниченными полномочиями. Фактически Новгород был республикой — Господином Великим Новгородом. Собор Св. Софии являлся его духовным центром, и существовало поверие, что Новгород охраняется "Божественной Премудростью" (Sancta Sophia).

Высшей властью обладало городское собрание. Этот орган выбирал городского главу, тысяцкого и других высших должностных лиц, которые действовали от имени Новгорода. Вече собиралось звоном особого колокола — главного символа новгородской свободы. Канцелярия веча располагалась на так называемом "Ярославовом Дворище", где организовывалось и собрание.

В нем имели право принимать участие все новгородские граждане мужского пола, и в каждом случае требовалось "единодушное" решение, что означало принятие решения по любому вопросу большинством голосов. Если же образовывались две равные по количеству группы людей, отстаивающих разные мнения, то дело часто кончалось кулачным боем. В критической ситуации в качестве примирительной силы выступал архиепископ, а если ничто не срабатывало, то решение откладывалось. Не следует думать, однако, что собрание было аморфной толпой. Люди располагались на площади в соответствии с городским делением. Как уже упоминалось, город Новгород представлял собою объединение пяти коммун, или самоуправляемых городков, известных как *концы*. Каждый *конец* состоял из двух *сотен*; каждая *сотня* из нескольких *улиц*; каждая *улица* из нескольких *рядов*. Меньшие коммуны были похожи на ассоциации соседей. Обычно ремесленники одной профессии и люди схожего статуса или профессии селились в одной части города, так что некоторые коммунальные группы напоминали ремесленные гильдии.

Большинство важных дел до поступления в вече обсуждалось в отдельных коммунальных сообществах. В наибольшем числе случаев на уровне самоуправляемых городков должно было дости-

таться предварительное соглашение. На собрании веча люди каждого самоуправляемого городка держались вместе, и внутри городка каждая меньшая группа обладала собственным местом. Когда все самоуправляемые городки были единодушны, вече могло без труда прийти к конечному решению. Лишь когда между городками были разногласия, вече разрывали противоречия.

Работе веча также помогало наличие его специальных комитетов, совета господ, который возглавлялся архиепископом и который собирался в его дворце. Он состоял из высших официальных лиц города — старшего городского головы (степенного посадника), помощников такового (кончанских посадников), тысяцкого, а также старост концов и сотен. Это был совет, включавший около пятидесяти членов.[15] Совет готовил материалы для обсуждения веча и поддерживал преемственность в новгородской политике. Следует дополнить, что высшие должности в администрации судебных органов заполнялись путем выборов кандидатов из социального слоя, группировавшегося вокруг совета.

Политические конфликты в Новгороде были часто окрашены социальными эмоциями, возникавшими из расхождения интересов различных классов новгородского населения. Новгородское общество не было феодальным. В Новгороде не существовало "сословий" в западном понимании, не было Stande в немецком смысле (соответствующий русский термин имперского периода — "*состояние*" или "*сословие*"). Различия среди социальных классов в Новгороде основывались на экономическом положении — большем или меньшем богатстве.

Основное социальное противоречие в Новгороде существовало между богатыми и бедными, говоря словами С.М. Соловьева, между потребителями белого и ржаного хлеба.[16] Первая группа была численно меньше, нежели последняя, но пользовалась большим экономическим и политическим влиянием. В богатом классе было два слоя. Высшую группу составляли бояре; следующую — "*житьи люди*" (достойные люди). Люди низшей группы — едоки ржаного хлеба — именовались "*молодшие люди*" и "*черные люди*". В Новгородской судной грамоте 1471 г. мы обнаруживаем шкалу наказаний за нападение на любого из новгородских высших официальных лиц или судей. Согласно этой шкале, за нанесенное оскорбление боярин должен был платить штраф в пятьдесят рублей;

житий человек — двадцать рублей; *молодший* человек — десять рублей.[17] Эта шкала не отражает точного распределения богатства между высшими и низшими классами в Новгороде, поскольку действительное различие было значительно больше.

Два основных источника богатства новгородских высших классов составляли торговля и земельные угодья. Следует отметить, что земельный режим в Новгороде не был феодальным. Земля свободно продавалась и покупалась, и граждане любой социальной группы могли владеть ею. Фактически наиболее крупные земельные владения принадлежали боярам, но некоторые из житьих людей так же обладали значительными имениями. Поскольку резкий климат и бедная земля не позволяли получать высокие урожаи, ценность земельного владения в окрестностях Новгорода определялась возможностью использования естественных ресурсов лесов и озер: в производстве дегтя и золы (производные поташа), выделении и выплавке железа, изготовлении соли (через выпаривание), охоте и рыбной ловле. Среди сельхозпродуктов высоко ценился лен. Все, что производилось, постоянно востребовалось на рынке. Поэтому можно сказать, что в Новгороде крупные землевладельцы ориентировались на торговлю.

Купцы в Новгороде не составляли отдельной группы; многие бояре и житьи люди были вовлечены в торговлю. Купец мог рассматриваться как боярин или как житьий человек в зависимости от количества его капитала. Существовала профессиональная организация, гильдия Св. Иоанна, вступительный взнос в которую был высок (50 серебряных гривен в XII в.; цифра для более позднего периода неизвестна). Это, очевидно, была корпорация богатых оптовых торговцев. Более мелкие розничные торговцы были организованы в ассоциации, известные как "сотни". Именно эта низшая группа торговцев, именуемая купцами, упоминается в Новгородской судной грамоте 1471 г. после житьих людей.

Люди церкви в Новгороде составляли особую социальную группу, и эта группа была очень влиятельна. Во главе ее стоял архиепископ Новгорода. Следующим за ним по значимости был новгородский архимандрит (титул настоятеля монастыря Св. Георгия). Большой вес также имели духовные лица собора Святой Софии и настоятели основных монастырей. Не только духовные лица, но и некоторые миряне на службе архиепископа активно участвовали в

делах церкви и города. Все люди, связанные с церковью, находились под особой юрисдикцией архиепископа. При всем этом духовенство не составляло в Новгороде закрытого сословия. Любой новгородский гражданин мог быть рукоположен, и не существовало закона, направленного против духовного лица, даже монаха, возвращающегося в ряды мирян. Церковь была богата. Епархия архиепископа, равно как и основные монастыри, обладали большими земельными владениями и промысловыми угодьями. Прямо или косвенно архиепископ новгородский контролировал значительную часть новгородского национального дохода.

Низшие классы государства состояли из ремесленников и подмастерьев. Труд был основным источником их дохода.

До сих пор мы говорили о новгородском обществе в собственном смысле слова, как о населении самого Новгорода, состоящем из полноправных новгородских граждан. Некоторые из них жили вне города, в меньших городках (*пригородах*) или в сельских хозяйствах, но они обладали правом участвовать в вече, если они могли присутствовать на его собраниях. Однако кроме граждан существовали и некоторые другие группы, которые мы можем назвать "субъектами", но не "гражданами". В первую очередь, на основной территории Новгорода жила группа крестьян — поселенных на государственной земле, — которые, хотя и были лично свободными, не имели политических прав. Они известны как смерды (терминология осталась от киевского периода).

Кроме того, мы не должны забывать о провинциях (*волостях*) и обширной Новгородской империи, простиравшейся на восток к Уральским горам. Население этих регионов управлялось наместниками и, не обладая голосом в вече, не могло влиять на новгородскую политику в обычные времена, хотя в периоды кризиса — в особенности во время борьбы с Москвой — отношение этих людей к метрополии становилось особенно важно: они могли либо всецело поддержать Новгород или же отказать в помощи. В последнем случае они до определенной степени действительно стали инструментами Москвы.

Наконец, следует отметить, что в Новгороде, равно как и в иных русских землях, рабство было признанным институтом. Рабами в основном владели бояре и богатые торговцы. В Новгороде было больше рабов, нежели в Московии, но и московс-

кое общество являлось рабовладельческим, и поэтому Москва в принципе не желала проводить какой-либо антирабовладельческой политики. Отдельные недовольные рабы новгородских бояр использовались агентами Москвы как информаторы.

Социальный раскол между богатыми и бедными в Новгороде не мог не затронуть политики, особенно в кризисное время. Хотя бедные составляли большинство веча, богатые контролировали совет господ, и когда районные коммуны не могли прийти к соглашению между собой, мнение совета должно было преобладать на вече. Более того, бояре обладали различными путями прямого или косвенного влияния на общественное мнение. Если иные пути воздействия не помогали, для принятия необходимой боярам политической линии применялся подкуп простолюдинов. Для боярской партии было достаточно обеспечить поддержку даже одного или двух концов, с тем чтобы сломить единство веча.

Другой стороной новгородского правления, в котором преобладала власть богатых, была юридическая. Новгород, равно как и Псков, обладал хорошо сбалансированной системой судов и жестко устанавливал процедурные правила. Все граждане были равны перед законом и судимы одинаково. Однако судьи избирались в основном среди богатой части населения, бедные во многих случаях жаловались на отсутствие справедливого суда. В конечном итоге эта ситуация дала возможность великому князю московскому увеличить свои судебные прерогативы и таким образом вбить еще один клин между новгородской аристократией и простолюдинами.

Первоначальная новгородская политическая программа имела, как упоминалось, два главных направления — поддержание свободы города и возрождение русской федерации; исходя из существующих свидетельств, мы можем полагать, что эта программа поддерживалась большинством граждан, независимо от их принадлежности к той или иной социальной группе. Однако, когда план федерации оказался невыполнимым, и когда в жестокой политической борьбе Новгород вынужден был выбирать между Литвой и Москвой, новгородцы пришли в замешательство и между ними начался разброд.

Бояре стояли за союз с Литвой, поскольку полагали, что сво-

бода Новгорода так будет защищена наилучшим образом. Большинство же духовенства колебалось в решении присоединения к Литве, поскольку боялось возможности римско-католического давления на новгородскую церковь. Многие простолюдины имели схожие сомнения. Кроме того, хорошие отношения с Москвой означали дешевый и обильный хлеб. К тому же, некоторые люди низших классов не были против предоставления великому князю московскому дополнительных полномочий в новгородских судах. В целом можно сказать, что пролитовская партия в Новгороде поддерживалась в основном боярами, а промосковская партия — частью низших сословий. Большинство граждан не могло принять решения и предпочло воздерживаться как можно дольше.

Уже упоминалось, что основная слабость Новгорода состояла в военной организации. Традиционно новгородцы рассчитывали на защиту города со стороны избранного ими князя. Великий князь московский не мог — и не хотел — постоянно проживать в Новгороде. Кроме того, ему возбранялось иметь в Новгороде постоянное войско. Ожидалось, что он пошлет туда свою армию в случае нападения на город шведов или ливонских рыцарей. Это казалось новгородцам не совсем достаточным, поскольку войска великого князя не могли всегда вовремя прибыть в Новгород. Для обеспечения обороны город нуждался в немедленном использовании войск, и поэтому время от времени нанимал "служилых князей". Некоторые князья принадлежали к дому Рюрика, другие — к дому Гедимина. Каждый должен был привести с собой свою свиту, хорошо обученных всадников. Но новгородцам нужны были собственные вооруженные силы. Новгородская церковь согласилась сформировать кавалерийское подразделение, известное как "*владычный стяг*" (знамя владыки), и в случае тревоги все граждане могли быть мобилизованы в армию под командованием тысяцкого. В результате этой подготовки Новгород был в состоянии при необходимости собрать большую армию, но без единого командования и с плохо вооруженными и обученными солдатами. Подобные силы оказались несопоставимыми с московскими.

4. Конфликты с Москвой, 1456 и 1470-1471 гг.

Политическая программа Москвы, подобно новгородской, основывалась на сплочении русского народа. Ее методы достижения единства весьма отличались от новгородских. Москва предложила русским людям единство путем их подчинения политической и военной власти великого князя. Вся Россия рассматривалась в Москве как вотчина великокняжеской короны. Итак, в противовес республиканской идее свободной русской федерации (поддержанной новгородцами), Москва выдвинула монархическую идею централизованного русского государства. Вследствие подобного расхождения в основных политических целях, конфликт между Новгородом и Москвой оказался неизбежным.

Хотя московские великие князья, подобно суздальским и тверским, заверяли в сохранении новгородских свобод в соответствии со "*стариной*" (древними обычаями), им хотелось постепенно увеличить свою власть над Новгородом, предлагая свое собственное понимание "*старины*". Со времени правления сына Даниила Московского — Ивана I (Калиты) — новгородцы, за некоторым исключением, всегда выбирали великих князей московских (потомков Ивана I) на должность новгородских князей. Предпочтение, отдаваемое ими Москве, может быть объяснено желанием иметь лучшую защиту от врагов. Но настало время, когда сама Москва стала угрозой. В особенности это проявилось после победы Василия II над своими врагами. Василий учитывал тот факт, что многие его предки были новгородскими князьями, и для него это был предлог усиления власти Москвы над Новгородом. Такой была его трактовка "старины" в московско-новгородских отношениях, и поэтому он настаивал, чтобы новгородцы принесли заверения в сохранении великокняжеской власти "*честно и грозно*".

Когда после окончательного поражения (1452 г.) основной соперник и враг Василия Дмитрий Шемяка сбежал в Новгород, и новгородцы предоставили ему убежище, Василий воспринял это как нарушение новгородцами верности. В следующем году Шемяка был тайно отравлен московскими агентами. Новгородцы устроили ему официальные похороны в монастыре Св. Георгия, которые были расценены Василием II как очередное оскорбление. Ему

также не понравилось, что новгородцы приняли в качестве своего служилого князя одного из князей суздальского дома — Василия Гребенку Шуйского, состоявшего ранее на его службе. Более того, Василий II пожаловался новгородским властям, что они не выплачивают ему регулярно его долю судебных штрафов. Не получив удовлетворительного ответа из Новгорода, Василий II повел свои войска против мятежного города. Небольшой отряд под командованием князя Ивана Васильевича Стриги-Оболенского и "боярского сына" Федора Басенка захватил и разграбил богатый город Рузу, к югу от озера Ильмень. Новгородцы послали пятитысячный кавалерийский корпус для освобождения Рузы. Всадники были облачены в тяжелые пластинчатые доспехи и вооружены длинными копьями. Их кони, однако, защищены не были. По сообщениям, лишь две сотни воинов были готовы к встрече новгородцев, остальные же отправились назад к основной части армии со своей добычей. По мере приближения новгородцев московиты направили свои стрелы на коней, а не на всадников. Большое количество всадников попадало, другие обратились в паническое бегство, и битва завершилась полной победой московитов.[18]

Новгородцы не могли далее оказывать сопротивление и послали архиепископа Евфимия в лагерь великого князя, прося о мире, который был дарован, но на тяжелых условиях. Их, тем не менее, приняли (1456 г.), и заключили новый договор от имени Василия II и его сына Ивана III, который был тогда шестнадцатилетним мальчиком.[19] Этот мастерский удар московской дипломатии дал позднее Ивану возможность объявить Новгород своей *"отчиной"* (родовым владением). На новгородцев наложили штраф в размере 8500 рублей, кроме того великий князь мог теперь собирать с некоторых новгородских провинций специальный налог, так называемый *"черный бор"*, остаток монгольской дани. Вече было лишено древнего права принимать договорные грамоты независимо от князя. Печать великого князя должна была присутствовать на всех договорных грамотах. Новгородцы обязывались не допускать в Новгород сына Шемяки (который бежал в Литву после смерти своего отца), а также кого-либо из других врагов Василия II (*"лиходеев"*). Тем самым новгородцы не только отошли от своего древнего правила давать убежище любому просящему его, но также приняли политический контроль Москвы над их отношениями со

всеми русскими князьями, не подчиненными власти великого князя московского. Более того, этим пунктом договора было введено новое понятие в отношениях между Москвой и Новгородом — "предательство". Любой союз новгородцев с врагом великого князя мог теперь рассматриваться московскими властями как политическое преступление против князя, который сам решал что считать предательством, а что нет. Ему одному теперь принадлежала власть наказывать за действия, которые он трактовал как преступные. Ничего не говорилось об участии новгородских официальных лиц в политических процессах.

Договор 1456 г. оказался серьезным ударом по новгородской свободе. Он означал, что первый этап борьбы с Москвой был проигран. Это подготовило почву для похода Ивана III на Новгород пятнадцать лет спустя.

История московско-новгородского конфликта 1470-1471 гг. известна нам в основном из московских источников. Лишь отрывок из новгородских записей событий сохранился в четвертой новгородской летописи. Некоторая дополнительная информация может быть получена из псковских летописей. Московские описания естественным образом тенденциозны в пользу Ивана III, и некоторые из них звучат как политические памфлеты, разъясняющие московскую доктрину церкви и государства. Без сомнения памфлеты подобного рода писались также и в Новгороде, с тем чтобы объяснить и защитить новгородскую политическую программу, но ни один из них до нас не дошел.

По понятным причинам трудно было ожидать от новгородцев окончательного принятия условий договора 1456 г.; они были готовы избавиться от унизительных условий договора при первой же возможности. Влиятельная группа новгородских бояр теперь искала помощи у Литвы. Во главе этой группы стояла женщина — Марфа Посадница. Марфа Борецкая была без сомнения одной из наиболее замечательных русских женщин этого периода. По закону, она не являлась городским головой (посадником) — лишь мужчины могли выбираться в Новгороде на эту должность. Но она была вдовой посадника и матерью посадника, и ее влияние на новгородскую политику, в особенности на политику боярской партии, было значительным. К сожалению, известно о ней немного, поскольку после падения Нов-

города архивы Борецких, равно как и большинства новгородских бояр, были уничтожены или конфискованы. Часть государственных документов из архивов Борецких увезли в Москву, а частную переписку, скорее всего, уничтожили.

Московские летописи говорят о Марфе с очевидной предвзятостью и ненавистью. Они утверждают, что Марфа и ее сыновья были "научены диаволом".[20] Они уподобляют ее Иезавели, Далиле, Иеродиаде и византийской императрице Евдокии, которая преследовала Св. Иоанна Хризостома.[21] Они утверждают, что она хотела порушить греко-православную веру и обратить новгородцев в римский католицизм. Более того, они обвиняют ее в личном тщеславии и утверждают, что она намеревалась выйти замуж за литовского вельможу, которого Казимир должен был послать в Новгород как своего представителя, и таким образом управлять Новгородом от имени Казимира. Последнее обвинение звучит абсурдно, поскольку Марфа была уже пожилой женщиной. В это время Марфе было, вероятно, лет 65, если не больше. Ее муж Исаак Андреевич Борецкий стал важным новгородским официальным лицом уже в 1426 г. В 1439 г., будучи новгородским посадником, он подписал договор с немецкими купцами.[22] Умер до 1459 г. Их старший сын Дмитрий стал новгородским посадником в 1471 г.

Хотя Марфа и была активна в политике, но не упускала из виду семейное благополучие. Борецкие являлись наибогатейшими землевладельцами. Они имели огромные угодья в различных частях Новгородской земли и в других местах — на побережье Белого моря напротив Соловецких островов. После смерти своего мужа Марфа управляла имуществом семьи твердой рукой. Она была главой; ее сыновья лишь помогали ей. Относительно обвинений в предательстве Марфой греческого православия, следует отметить, что по крайней мере два раза она дарила ценные земельные угодья с рыболовными местами Соловецкому монастырю. Одно из них было даровано между 1459 и 1469 гг.; другое — в 1469-1470 гг.[23]

Интересно отметить, что память об этом хранилась среди *поморов* (населения побережья Белого моря) вплоть до недавнего времени. Около 1908 г. один рыбак сообщил писателю Михаилу Пришвину, что соловецкие монахи имеют очень давние права на рыболовные места — фактически *"со времен Марфы Посадницы"*.[24]

В соответствии с новгородскими политическими традициями,

боярская партия сначала собиралась иметь дело не с великим князем литовским, а с неким младшим князем из дома Гедимина, который бы представлял русское население в Великом княжестве Литовском. Соответственно, где-то в 1470 г. они пригласили князя Михаила Олельковича (сына Олелько, т.е. Александра) в Новгород со своей свитой в качестве "служилого князя".

Отец и дед Михаила были князьями Киевскими, а его старший брат Симеон занимал киевский трон около 1454 г. Симеон был весьма популярен в Пскове, и, предположительно, в Новгороде. По случаю его кончины в 1470 г. псковский летописец отмечал, что он с честью защищал свою родную вотчину, Киев, от Золотой Орды и других татар, и его имя было высоко чтимо как на Руси, так и в зарубежных землях.[25] Следует заметить, что мать Симеона и Михаила была сестрой Василия II, и, следовательно, они были двоюродными братьями Ивана III.

Михаил принял новгородское предложение и прибыл со своей свитой в Новгород 8 ноября 1470 г.[26] В Никоновской летописи говорится, что король Казимир (великий князь литовский) послал его в Новгород.[27] В четвертой новгородской летописи зафиксировано, что Михаил "приехал в Новгород".[28] В действительности отношения между Казимиром и Олельковичами (сыновьями Олелько) отнюдь не были сердечными, и Олельковичи могли надеяться укрепить свое положение путем договора между Киевом и Новгородом. И случись это, Казимир вряд ли был бы счастлив.

Вместе с Михаилом в Новгород прибыло много киевских купцов, среди них несколько евреев.[29] Один их них, Захария (Схария), был ученым человеком, хорошо знакомым с философией и астрономией; в своих беседах с новгородскими учеными он посеял на Руси зерна интеллектуального течения, которое впоследствии стало известно как "ересь жидовствующих".

Предположительно Михаил Олелькович или кто-то из его свиты организовал путешествие новгородских художников в Краков (Польша). Им принадлежит стенная роспись "Последний ужин" в часовне Святого Креста в Краковском соборе, датируемая 1471 г.[30]

Московское правительство не могло не интересовать прибытие Михаила Олельковича в Новгород. Политическая напряженность между Москвой и Новгородом усугублялась религиозными трениями. За три дня до появления Михаила в своем дворце скончал-

ся архиепископ Иона, и через десять дней после его кончины вече собралось на площади у Святой Софии для избрания нового архиепископа. Единодушного решения достигнуто не было. Выдвигались три кандидата, все монахи, тесно связанные с покойным Ионой, а именно: исповедник Ионы Варсанофий, управитель архиепископа Пимен, глава церковного совета Феофил. Избрание архиепископа решилось жеребьевкой: был избран Феофил.

Следующим шагом стало извещение Москвы о выборах и запрос о разрешении московскими властями поездки Феофила в Москву с целью возведения в сан митрополитом Филиппом. Московское правительство согласилось принять Феофила без каких-либо колебаний. Однако, когда это сообщение достигло Новгорода, там началось волнение. Боярская партия возражала против подчинения новгородского архиепископа митрополиту московскому и настояла, чтобы избранный архиепископ ехал в Киев принять благословение митрополита киевского Григория. Феофил твердо отказался от возведения в сан греко-униатским патриархом и римским папой, и лишь позднее (в 1469 г.) был благословлен греко-православным патриархом. Феофил, очевидно, сомневался в искренности обращения Григория в православие. Московские власти, как мы знаем, отказались признать Григория.

Однако Пимен, бывший вместе с Феофилом кандидатом на архиепископскую должность, хотя на него и не пал жребий, заявил, что он готов отправиться в Киев для принятия благословения Григория. Пимен, который был управителем архиепископского дворца, контролировал крупные денежные суммы и, согласно московским летописям, позволил Марфе Борецкой использовать часть денег для подкупа людей в пользу боярской партии. Князь Михаил Олелькович, скорее всего, был в тесной связи с Марфой и Пименом. План возведения Пимена в сан главы Новгородской епархии был нарушением новгородских законов, поскольку Феофил был уже провозглашен вновь избранным архиепископом и не мог быть смещен без участия веча. Итак, в Новгороде должно было возникнуть значительное возмущение среди простого люда против действий боярской партии. Огромная толпа прорвалась в архиепископский дворец: Пимен был схвачен и избит, а часть архиепископской казны, как говорит летописец, была "разграблена" (воз-

можно, укрыта для предотвращения дальнейшего использования на нужды боярской партии).

Несмотря на этот эпизод, боярская партия все же решила рекомендовать вечу формальное соглашение с Литвой, дабы направить ее действия против Москвы. Согласно московским летописцам, в целях обеспечения поддержки бояре подкупили столько людей, сколько смогли. После шумных дебатов вече проголосовало за заключение договора с королем Казимиром (в качестве великого князя литовского). Затем к Казимиру была отправлена посольская миссия, и состоялось подписание договора на весьма приемлемых для Новгорода условиях.[31] Общая форма соглашения следовала типу предшествующих новгородских договоров с русскими великими князьями, но сфера полномочий, гарантированная Казимиру, была более узкой, нежели данная русским великим князьям, даже во времена до правления Василия II. В тексте договора новгородцы называли себя *"мужами вольными"*. Существовали некоторые новые пункты, предусмотренные религиозными соображениями. Казимир обещал не наносить вреда православной церкви в Новгороде и разрешить новгородскому архиепископу рукополагаться в сан там, где того желали новгородцы. Представителем Казимира в Новгороде должен был быть православный христианин. Казимир также обещал не строить на новгородской земле римско-католические соборы. Наиболее важным для новгородцев было, конечно, военное соглашение. Казимир и литовские вельможи обязывались защищать Новгород от Москвы всеми силами литовской армии. Договор был подписан в начале 1471 г., возможно, в феврале.

В договоре 1471 г. вопрос о том, где и кем должен возводиться в сан архиепископ новгородский, оставлялся на усмотрение новгородцев. Это показывает, что хотя бояре и преуспели в достижении своих политических целей, они должны были найти компромисс с Феофилом в церковных делах. И только при этом условии Феофил одобрил договор и согласился на упоминание своего имени в его преамбуле.

Заключение новгородского договора с Казимиром не могло удовлетворить Михаила Олельковича. Он имел свои собственные политические планы и, очевидно, не хотел оставаться в Новгороде лишь в качестве пешки Казимира. Старший брат Михаила князь

Симеон Киевский умер в декабре 1470 г., и Михаил надеялся занять его место. Однако Казимир под воздействием литовцев отказался отдать Киев Михаилу или сыну Симеона Василию и назначил вместо них одного из могущественнейших литовских вельмож — Мартина Гаштольда — своим наместником в Киеве. Согласно польскому летописцу Длугошу, киевляне проявляли сильное недовольство изменением статуса Киева с княжества на управляемую наместником территорию, и по религиозным соображениям возражали против назначения римского католика в качестве их "губернатора". Более того, клан Олельковичей был популярен в Киеве, и киевляне хотели видеть Михаила своим новым князем.[32]

Свидетельства отношений между Новгородом и Михаилом Олельковичем скудны. Можно предположить, что Михаил ожидал от новгородцев помощи в получении киевского княжества и настойчивости на переговорах с Казимиром, но подобный пункт не был включен в соглашение с Казимиром. 15 марта 1471 г. Михаил покинул Новгород и увел свою свиту в Литву. По пути его вассалы разграбили богатый город Рузу и несколько деревень.[33]

Обидев Михаила и разрешив ему вернуться в Литву, новгородцы лишили себя способного военачальника и хорошо обученных воинов. Разумеется, взамен они ожидали получить поддержку всей литовской армии. В этом, как показали будущие события, им пришлось горько разочароваться.

Новгородцы считали, что их договор с Казимиром не противоречил "старине", согласно которой Новгород имел право выбирать своего князя по желанию. С другой стороны, по мнению московитов, Новгород был связан с Москвой и договором и ходом событий. Своим договором с Казимиром новгородцы, как полагали московиты, порвали со "стариной" и совершили предательство. И поскольку Казимир был римским католиком, новгородцы, приняв его в качестве князя, подвергли опасности целостность греко-православной веры и, таким образом, подорвали религиозную "старину" в дополнение к политической. Основываясь на этих двух посылках Иван III организовал моральное давление на новгородцев, которое подготовило почву для политических, а затем и военных действий. Митрополит Филипп всецело поддерживал великого князя и направил новгородцам множество посланий, призывая их быть верными православию.

Возможно в апреле 1471 г. Иван III обратился за советом к своей матери, митрополиту и крупным боярам. На небольшом совете в принципе было принято решение о войне с Новгородом. Вслед за этим Иван разослал приглашения приехать в Москву своим братьям и всем епископам, малым князьям, зависимым от него, боярам, воеводам и "воинам" ("вси вои своя") — т.е., как мы можем полагать, всем "боярским сынам" и дворянам, находившимся на его службе.[34] Это была по существу национальная ассамблея церковных и государственных лидеров, аристократии и дворянства. Хотя в дискуссиях не были приглашены участвовать ни купцы, ни крестьяне, этот сбор может быть назван прототипом *земского собора* XVI и XVII веков. Он собрался в Москве в мае, и решение начать войну против Новгорода было подтверждено без обсуждения. Единственным обсуждаемым вопросом было время похода. Из-за особенностей природы новгородской земли — обилия озер, рек и болот — зима, а не лето обычно рассматривалась как подходящее время для похода на Новгород. Однако после продолжительного обсуждения было решено начать поход немедленно. Митрополит Филипп и все присутствующее духовенство благословили данное решение.

Дипломатическая почва была подготовлена предварительно. Псков, Тверь и Вятка согласились поддержать Ивана III. Новгородцы надеялись на союз с Псковом, и новость о союзе Пскова с Москвой была для них тяжким ударом. С помощью псковичей они надеялись выстоять против московских армий до прибытия сил Казимира. Теперь они стали просить Казимира послать литовскую армию для их спасения как можно скорее, и посылали письмо за письмом к Казимиру, но Казимир не отвечал.

Его бездействие объяснялось различными причинами. Во-первых, он, очевидно, не хотел порывать с Псковом. Единственным путем для достижения Новгорода литовской армией в обход Пскова была дорога через владения ливонских рыцарей. Казимир обратился к магистру ливонцев за разрешением на проход литовских войск, но магистр после долгой проволочки отказал. Более того, согласно польскому хронисту Длугошу, Казимир ожидал помощи Польши.[35] Согласно Нешавскому статуту 1454 г., король Польши нуждался в одобрении провинциальных ассамблей шляхты (*сеймиков*) для мобилизации польских армий.[36] Это означало еще одну

задержку. Наконец, в это время Казимир был занят чешскими и венгерскими делами.[37] Сложилось так, что Новгород остался без союзников, и новгородцы зависели только от самих себя.

Трагическим для Новгорода было и то, что в этот судьбоносный час жители не могли договориться между собой. Бояре целенаправленно готовились к обороне. Но духовенство и многие простолюдины были приведены в смятение религиозным разногласиями, и многие из них находились под впечатлением посланий митрополита Филиппа. Вновь избранный архиепископ Феофил отказался послать свое конное войско ("архиепископское знамя") против Ивана III и разрешил использовать его только против псковичей.

Московская армия была укреплена татарской кавалерией, приведенной вассалом Ивана III царевичем Даньяром, и в июне несколько частей московских и татарских войск с трех сторон вторглись на новгородскую землю. Сам Иван выступил из Москвы 20 июня в сопровождении царевича Даньяра. Они достигли Торжка 29 июня. Там к ним в июле присоединились тверские войска, а псковская армия начала кампанию 10 июля.

Война фактически была комбинацией отдельных кампаний. Было несколько столкновений и битв. Позднее летописцы попытались рассказать о войне, исходя из отдельных описаний, и картина выглядит довольно противоречивой. В любом случае точно, что решающая битва состоялась на берегах реки Шелонь, на юго-западе от Новгорода. Описание этой битвы в Никоновской летописи[38] существенно отличается от описания в новгородских источниках.[39] Согласно Никоновской летописи, бояре собрали в Новгороде 40000 ремесленников и торговцев, посадили их на коней и направили против московского передового отряда в 5000 человек, бывшего под командованием князя Михаила Холмского (тверская княжеская ветвь). Малые, но хорошо обученные московские кавалерийские силы легко разбили неподготовленный новгородский конный отряд. Двенадцать тысяч новгородцев, по сообщениям, были убиты, а две тысячи захвачены в плен.

Согласно четвертой новгородской летописи новгородцы в этой битве совсем не имели кавалерии, вследствие отказа вновь избранного архиепископа послать свое "знамя" против московитов. Тем не менее, новгородцам удалось оттеснить московские войска

назад через реку Шелонь, но в этом месте им подготовили засаду татары Даньяра, и их постигло тяжелое поражение. Многие были убиты, некоторым удалось бежать, другие же были схвачены. Точных цифр не приводится.

Как видно, существуют два главных расхождения между московскими и новгородскими повествованиями: (1) Никоновская летопись, в противовес четвертой новгородской летописи, не упоминает об участии татар в Шелоньской битве; (2) четвертая новгородская летопись вопреки Никоновской летописи утверждает, что новгородцы не имели в этой битве кавалерии.

Новгородское описание хода битвы более достоверно, нежели московское. Последнее кажется воспроизведением описания сражения при Рузе в 1456 г. Что же касается результата, то источники обеих сторон сходятся в том, что новгородцы проиграли и их потери были очень велики, а также и относительно того, что среди новгородских пленных был один из сыновей Марфы Борецкой, Дмитрий Исаакович Борецкий, и несколько других новгородских бояр.

Иван III рассчитывал, что новгородцы запросят мира. Но новгородская боярская партия настаивала на продолжении борьбы. Новгородец Упадыш, который оказался агентом Москвы, был казнен. Начались беспорядки и, как отмечает хронист, *"и хлебъ дорогъ, и не бысть ржи на торгу в то время ни хлеба, толко пшеничныи хлебъ, и того по оскуду (т.е. в недостатке)"*.[40] В несчастьях люди начали обвинять бояр. Тем временем были получены известия, что московские и тверские войска одолели новгородские силы в двинской земле и в районе Печоры. Разрушалась вся новгородская земля.

Для действий Ивана III настало подходящее время. Чтобы запугать боярскую партию, он приказал казнить Дмитрия Борецкого и трех других новгородских бояр. Другие пленные бояре и житьи люди были увезены в Москву и заключены под стражу. Пленники из молодших людей были освобождены и получили разрешение вернуться в Новгород. Это был умелый психологический ход, который укрепил промосковскую партию в Новгороде. В итоге "едоки ржаного хлеба" взяли там верх над "едоками пшеничного хлеба", и вече поручило архиепископу Феофилу отправиться в лагерь Ивана, рас-

положенный в устье реки Шелонь, для заключения договора о мире.

Мир был дарован на условиях менее жестких, чем можно было ожидать в сложившейся ситуации. Новгородцы должны были выплатить штраф в размере 15500 рублей и разорвать свой договор с Казимиром. В договоре от 11 августа 1471 г. были повторены наиболее важные статьи договора 1456 г.[41] Новгородцы также торжественно заверяли в том, что никогда не будут искать защиты у короля (великого князя) Литвы и никогда не примут служилых князей из Литвы. Более того, новгородцы должны были повторить обещания, данные ими отцу Ивана III в 1456 г. — никогда не принимать любого из потомков Шемяки или любого из "врагов" великого князя.

Новгородцы все еще называли себя в тексте договора "свободными людьми", но должны были признать Новгород "*отчиной*" (родовым владением) великого князя московского. Новгородская судная грамота должна была быть переделана от имени великого князя и скреплена его печатью.[42]

Иван вернулся в Москву 1 сентября 1471 г. Феофил прибыл в Москву из Новгорода 30 ноября и 15 декабря был торжественно возведен в сан митрополитом Филиппом. В честь этого события все новгородские пленники и получили разрешение вернуться домой.

5. Капитуляция, 1478 г.

Результаты войны 1471 г. были ужасны для Новгорода. Многие из его провинций были опустошены. Новым договором подтверждались не только наиболее унизительные статьи договора 1456 г., теперь новгородцы должны были также признать постоянную зависимость Новгорода от Москвы. При этом Новгород оставался полуавтономным государством, и если бы новгородцы смогли теперь объединиться в защиту оставшегося от их древних институтов, они могли бы попытаться предотвратить дальнейшее посягательство Москвы на их права, хотя бы на время. К сожалению, разногласия среди новгородцев не прекратились, и боярская партия все еще думала о восстании против Ивана III при первой же возможности.

Престиж бояр значительно упал в связи с ужасным провалом их политики в 1470-1471 гг. В это время житьи люди поддерживали бояр, и лишь низшие классы (молодшие люди) старались воспротивиться соглашению с Литвой. Теперь же в Новгороде новый режим Ивана III приняло большинство житьих людей, и даже некоторые бояре задумывались о том, чтобы прекратить сопротивление Москве.

Знатные бояре более не решались открыто демонстрировать свою враждебность Москве на собраниях веча. Вместо этого они пытались получить твердый контроль над хотя бы некоторыми "уличанскими коммунами". Там, где увещевание или взятка не срабатывали, они применяли силу. Осенью 1475 г. посадник Василий Ананьин в сопровождении восемнадцати других бояр и их слуг организовал нападение на жителей, принадлежавших к двум "уличанским коммунам" (улиц Славковой и Никитиной). Они избили, а некоторых до смерти, многих членов названных коммун и разграбили их собственность, ущерб насчитывал 1000 рублей. Приблизительно в это же время староста Федоровской "уличанской коммуны" Памфил, в сопровождении двух бояр (принадлежавших к группе поддержки посадника Ананьина) напал на дом двух непокорных бояр — братьев Полинарьиных — и разграбил его. Ущерб насчитывался в 500 рублей.[43]

Мотив в каждом случае очевиден — запугивание противников боярской партии. Однако на примере бояр Полинарьиных мы видим, что некоторые из бояр отказались следовать своим предводителям. С другой стороны, можно заключить, что староста коммуны Федоровской улицы был на стороне бояр. Эта коммуна должна была управляться боярской партией, как, возможно, и некоторые другие. Большинство городских коммун, должно быть, неохотно признало руководство бояр. Боярская партия, конечно, играла в опасную игру, поскольку ее противники теперь могли обратиться к Ивану III, как к судье в споре, и действительно поступили именно так. Люди среднего класса (житьи люди) и низшие классы (молодшие) послали жалобщиков в Москву, чтобы искать справедливости у Ивана III.[44]

22 октября 1475 г. Иван III отправился из Москвы в Новгород с большой свитой.[45] В Вышнем Волочке его приветствовал посланец архиепископа Феофила, везший дары. Одновременно свои

жалобы представили новгородские граждане, оскорбленные боярами. Затем Иван медленно направился в Новгород. На его пути ему передавали иные жалобы на бояр. Разумеется, существовало множество разных обид, нанесенных боярами кроме двух, зафиксированных летописями и описанных выше.

За 40 верст до Новгорода Ивана III встретили новгородцы, в их числе были архиепископ Феофил, служилый князь Василий Гребенка Шуйский, посадник Ананьин и многие другие знатные люди. 21 ноября все они достигли Новгорода, и, в соответствии с древними договорами, Иван III остановился на Городище. Многие новгородцы поспешили представить свои жалобы. Но им сказали, чтобы они подождали несколько дней. 23 ноября Иван посетил город Новгород, присутствовал на службе в соборе Святой Софии, а затем отобедал у архиепископа. Он получил щедрые дары.

26 ноября Иван устроил заседание верховного суда на Городище для рассмотрения двух упомянутых выше случаев боярского насилия, действуя совместно с архиепископом Феофилом и посадниками. Посадник Ананьин не имел, естественно, возможности быть членом суда, поскольку сам был в роли обвиняемого. Как потерпевшие, так и обвиняемые были приглашены для изложения своих жалоб, и суд признал справедливость иска потерпевших. Их предводители, включая Ананьина, были арестованы; другие же были выпущены под залог. До этого момента Иван III действовал в границах полномочий, установленных договором 1471 г., и не посягал на новгородское представление о "старине".

После заседания трибунала Иван III приказал взять под стражу двух бояр, Олферия Офонасова и его сына (не бывших среди обвиняемых) за связь с Казимиром Литовским. Это действие было незаконным с точки зрения "старины", поскольку приказание Ивана III не было поддержано новгородскими официальными лицами.

Иван III считал, что договоры 1456 и 1471 гг. дают ему полную власть действовать по своей собственной воле, тем более в случаях предательства. И только теперь новгородцы осознали полное значение политических пунктов тех судьбоносных договоров.

Три дня спустя архиепископ Феофил и городские главы попросили Ивана простить арестованных бояр и освободить их. Иван III не только отказался удовлетворить их просьбу, но и приказал перевезти посадника Ананьина и трех его сообщников в Москву и

заключить там в тюрьму. Это было, конечно же, нарушение "старины", но новгородцы не могли противиться этому. Через несколько дней Иван III согласился простить менее провинившихся обидчиков, которые до этого были выпущены под залог. Однако они должны были возместить убытки пострадавшим, а также выплатить Ивану III судебные штрафы. Вместо Ананьина был избран новый посадник, и новгородские бояре устроили в честь Ивана III несколько щедрых пиров, на каждом из которых ему преподносили богатые дары. Среди благородных людей была вдова Настасья Ивановна Григорьева — "славная, богатая", как называют ее некоторые летописцы.

26 января 1476 г. Иван III покинул Новгород и 8 февраля возвратился в Москву. В соответствии с договорами на пути назад он не требовал подарков от местного населения.

Пребывание Ивана III в Новгороде значительно увеличило его популярность среди средних и низших классов, и даже многие бояре, кажется, были под благоприятным впечатлением от его действий. Те новгородцы, представившие после отъезда Ивана III свои жалобы в суд и неудовлетворенные решением, были склонны обратиться к Ивану III. Согласно "старине", великий князь московский мог судить новгородцев лишь во время пребывания в Новгороде и не имел права принимать какие-либо жалобы, находясь в Москве. Вероятно, многие неудовлетворенные новгородцы просили его вновь прибыть в Новгород, чтобы устроить еще одну "сессию верховного суда", но Иван не изъявлял какого-либо желания предпринять еще одну поездку сразу же после первой; поэтому нетерпеливым новгородцам оставалось только представлять свои дела для рассмотрения в Москву.

В феврале 1477 г. новгородский глава Захар Овин и многие недовольные новгородцы явились в Москву, дабы найти там справедливость. Поступив таким образом, они посягнули на одну из наиболее важных основ своей собственной старины. "*Того не бывало от начяла, как и земля их стала*", — отмечал летописец.[46] Вскоре после этого несколько других бояр, житьих людей и мелких землевладельцев также преступили древнее установление, приехав в Москву. Боярин Василий Никифоров поступил на службу к Ивану.

В марте произошел эпизод, который до сих пор остается до

некоторой степени покрытым тайной. Два мелких новгородских служилых лица, Подвойский Назар и некто по имени Захария (не следует путать его с посадником Захаром Овином), который называл себя вечевым дьяком (хотя очевидно, что он был лишь мелким чиновником), прибыли в Москву и подали Ивану петицию, в которой обращались к нему как к новгородскому господарю (государю) вместо традиционной формы господин. В Никоновской летописи[47] говорится, что Назар и Захария были официально посланы в Москву "*архиепископом Феофилом и всем Великим Новгородом*", но этого нельзя принять, учитывая низкое положение как Назара, так и Захарии в новгородской администрации. Конечно, для миссии такого порядка должны были быть выбраны более значимые люди. Скорее всего, поездка Назара и Захарии была подготовлена каким-либо московским агентом в Новгороде, возможно, по заданию Москвы.

Как и следовало ожидать, в Москве миссия Назара и Захарии была принята официальной. 24 апреля Иван III послал в Новгород посольство, состоявшее из двух московских бояр и дьяка (государственного секретаря) Василия Долматова, одного из наиболее способных помощников Ивана III. Они появились на вече и, ссылаясь на новгородское принятие Ивана III как господаря, объявили его новые условия: великий князь должен иметь полную судебную власть в Новгороде, и новгородские официальные лица не должны вмешиваться в осуществление его судебных решений; представительство великого князя в Новгороде должно быть на Ярославском Дворище, а не на Городище.[48] Новгородцев это ошеломило. Архиепископ Феофил "*и весь Великий Новгород*" немедленно заявили, что Назар и Захария не имели поручения предлагать Ивану суверенное господство над Новгородом и открыто назвали версию московских послов о миссии Назара и Захария ложью.

Весь город был в смятении. Друзья Москвы были обвинены в предательстве Новгорода. Боярин Василий Никифоров, пошедший на службу к Ивану III, был вызван на собрание веча, приговорен к смерти и немедленно убит. Городской голова Захар Овин (первый явившийся в Москву с жалобами) был убит во дворе архиепископа. Многие новгородцы выступали за то, чтобы обратиться с просьбой о защите к Казимиру. Предложение Пскова о посредни-

честве было отвергнуто. Посланцы Ивана III, однако, не пострадали и после шестинедельной задержки получили разрешение вернуться в Москву с официальным ответом Новгорода Ивану III: Новгород признает Ивана как господина, а не как господаря и принимает управление на основе договора 1471 г.

После получения новгородского ответа Иван III объявил, что сами новгородцы предложили ему государеву власть и теперь называют его лжецом, что показывает их неверность и клятвопреступление. 30 сентября Иван послал в Новгород свое объявление войны.[49] 9 октября он начал наступление. Как касимовские татарские всадники, так и тверские войска присоединились к московской армии. Когда Иван достиг Торжка, его встретили два новгородских боярина, братья Клементьевы, которые просили Ивана принять их на свою службу — прямое указание на отсутствие единства и растерянность новгородцев.

Иван достиг окраин Новгорода 27 ноября. Укрепив город, новгородцы отказались сдаться. Со своей обычной осторожностью Иван не стал пытаться штурмовать его, а плотно окружил его своими войсками, надеясь, что отсутствие продовольствия вскоре сломит дух защитников. Несколько раз новгородцы посылали парламентеров к Ивану III, каждый раз предлагая все большее число уступок. Иван отвергал все предложения и настаивал на признании своей полной суверенной власти. В особенности, он требовал роспуска веча и ликвидации вечевого колокола, уничтожения поста посадника; признания той же власти великого князя в Новгороде, что и в Москве. 29 декабря новгородцы приняли условия Ивана III, и 13 января 1478 г. новгородские знатные люди дали клятву верности своему государю. Новгородский служилый князь Василий Гребенка Шуйский отказался от своей клятвы Новгороду и заявил о верности Ивану. После принятия клятвы новгородские вельможи попросили Ивана III огласить свои "предпочтения" народу новгородскому. Иван разрешил князю Ивану Юрьевичу Патрикееву быть выразителем его воли. От имени великого князя князь Патрикеев заявил, что вследствие полного подчинения Новгорода, великий князь сменил свой гнев на милость и готов благожелательно отнестись к новгородцам. После этого все жители Новгорода приняли клятву в каждом его конце. 18 января новгородские бояре и житьи люди попросили Ивана III принять их на

свою службу.

Для управления Новгородом Иван назначил двух наместников. Это были два князя из рода Оболенских — Иван Васильевич Стрига, известный полководец, и его брат Ярослав, — которые немедленно разместились на Ярославовом Дворище. Новгород лишился своих юго-восточных владений, и новгородцы были вынуждены сдать великому князю все сельские районы Торжокской (Новоторжской) волости; архиепископ передал десять сельских районов, принадлежавших его епархии. К тому же, население сельских районов, оставшихся новгородскими пятинами, должно было платить дань великому князю. Иван согласился, однако, что сами новгородцы могли собирать эту дань и передавать ему оговоренную часть поступлений.

Перед тем как покинуть Новгород Иван III приказал взять под стражу и отправить в Москву несколько новгородских бояр, конфисковав всю их собственность. Среди них была Марфа Борецкая и один из ее внуков. 17 февраля Иван покинул город и прибыл 5 марта в Москву. Новгородский вечевой колокол привезли в Москву и повесили на одной из колоколен.

Согласно польскому хронисту Длугошу, Иван III привез из Новгорода множество трофеев: серебра, золота, драгоценных камней, шелковой ткани, одежды и мехов. Часть этого была взята из архиепископской казны, а часть — из конфискованной собственности предателей. Триста телег было использовано для перевозки всего этого в Москву.[50] В другом источнике стоимость трофеев оценивалась в 14000000 флоринов.[51] Следует отметить, что большинство богатств, привезенных в Москву, предназначалось для великокняжеской казны, а не лично для Ивана III. Архиепископская казна была привезена лишь для сохранения и возвращена в Новгород в 1524 г.[52]

6. Восстание и конечное подчинение

В то время как большинство новгородцев подчинились, хотя и в мрачном состоянии духа, своей судьбе, некоторые из бояр попытались найти пути избавления от московского контроля. Опасаясь теперь открытого сопротивления, они стали действовать тайно.

Сам архиепископ Феофил состоял в числе заговорщиков. Все они понимали, что Новгород может быть освобожден лишь с помощью сильных союзников. Несмотря на неспособность Казимира прийти на помощь Новгороду в 1471 г., заговорщики были готовы вновь обратиться к нему. Казимир также искал союзников для борьбы с Москвой и в 1479 г. вел переговоры с ханом Ахматом, правителем Золотой Орды, о совместном наступлении на Московию. Боярские предводители в Новгороде без сомнения знали об этих планах.

Боярская партия попыталась также привлечь на свою сторону братьев Ивана III. Любимый брат Ивана, князь Юрий Дмитровский, умер в 1473 г. Юрий, родившийся в 1441 г., был младше Ивана III на год. После его смерти оставалось еще три брата — Андрей Большой, князь угличский (родился в 1446 г.); Борис, князь волоцкий (родился в 1449 г.) и Андрей Меньшой (родился в 1452 г.). Андрей Большой и Борис были не согласны с политической программой Ивана III и отстаивали расширение прав для меньших князей, поэтому сочувствовали бедствиям новгородцев. Едва ли есть сомнения, что они поддерживали тайную связь с Казимиром, подобно боярским предводителям в Новгороде.

Очевидно в октябре 1479 г. Иван получил от своих агентов в Новгороде донесение о созревшем там боярском заговоре. 26 октября он направился в Новгород с малым войском в 1000 человек без всякого объявления войны, чтобы не возбуждать подозрений. Он приказал своему сыну Ивану Молодому (ему было тогда двадцать два года) собрать большее количество войск и следовать за ним. Возможно, что либо князь Андрей Большой, либо князь Борис предупредили новгородцев о намерениях Ивана III. В любом случае, они не были застигнуты врасплох. Заговорщики начали теперь открытую борьбу, собрали вече и восстановили древние формы новгородского правления.[53]

Иван III должен был ждать, подкрепления. Даже когда Новгород был окружен его силами, новгородцы сначала отказались подчиниться. Вскоре, однако, они увидели, что дальнейшее сопротивление бесполезно, открыли городские ворота и запросили о прощении. Иван вошел в город около 15 января 1480 г., обещая простить всех, кроме главных заговорщиков. Пятьдесят из них немедленно схватили. Под пыткой некоторые открыли имена дру-

гих заговорщиков, включая архиепископа Феофила. 19 января Феофил был взят под стражу, перевезен в Москву и заточен в Чудовом монастыре. Были произведены дальнейшие аресты, и сто бояр было казнено; сотню житьих людей и купцов с семьями вывезли в Суздаль. В этот момент Иван III получил известие, что его братья Андрей Большой и Борис выступили против него, осадили некоторые московские города и разграбили княжество. Он вернулся в Москву и быстро подавил восстание; в апреле 1480 г. непокорные князья бежали в Великие Луки на бывшей новгородской территории и запросили защиты у Казимира. Он обещал вмешаться и отвел их женам для резиденции город Витебск. Со своей стороны, Иван III выслал посланника в Великие Луки, убеждая Андрея Большого и Бориса вернуться в Московию и предлагая им два города в придачу к их владениям.

Иван хотел достичь соглашения со своими взбунтовавшимися братьями как можно скорее, поскольку стало известно, что армия хана Ахмата направляется к реке Оке. В сентябре Андрей Большой и Борис вернулись в Москву и были хорошо встречены Иваном III. В это время Москва готовилась к нападению Ахмата, которое казалось неотвратимым. Однако этого не произошло, а поход Ахмата в целом провалился; 11 ноября 1480 г. хан спешно отступил к Сараю.

После того как опасность миновала, Иван III мог вновь обратить свое внимание на новгородские дела.[54] В 1481 г. были схвачены еще четыре боярина. Три года спустя Ивану сообщили, что некоторые новгородцы ведут переписку с Казимиром. На основании этого донесения арестовали тридцать новгородских бояр и житьих людей. Под пытками каждый обвинял другого. Всех их приговорили к смерти, но когда привезли на эшафот для повешения, каждый попросил у другого прощения за ложные обвинения. Когда Иван III услышал это, то всем заменил казнь тюремным заключением. Приблизительно в это время были арестованы еще два знатных лица: "славная Настасья", которая угощала на пиру Ивана III в 1476 г., и боярин Иван Кузьмин, который бежал в Литву в 1478 г., но ничего не получил от Казимира и вскоре вернулся в Новгород. Собственность как Настасьи, так и Кузьмина была конфискована.

С арестом архиепископа Феофила автономия новгородской цер-

кви кончилась, и пост владыки оставался незанятым в течение четырех лет. В 1488 г. Феофил был вынужден заявить, что не способен *"вести за собой паству Христову"* и отказался от своего сана.[55] Это открыло путь к архиепископскому престолу. Наследник Феофила выбирался московскими властями из московских монахов.[56] Чтобы сохранить сходство со староновгородской процедурой, великий князь и митрополит Геронтий (наследник Филиппа I, умершего в 1473 г.) назначили три кандидатуры, выбор среди которых должен был осуществляться жеребьевкой. Монах Сергий из монастыря Троицы стал новым архиепископом новгородским, но под нападками со стороны новгородского духовенства он заболел и был заменен по приказу митрополита, а затем вернулся в монастырь Троицы. Архимандрит Геннадий из Чудова монастыря (один из двух других кандидатов, назначенных в 1483 г.) был возведен в сан архиепископа новгородского. Геннадий был энергичным и хорошо образованным человеком с сильной волей, но даже и он не смог сразу сломить оппозиции новгородского духовенства и вынужден был пойти на некоторые уступки их традициям.[57]

После ареста и казни новгородских бояр в 1480-1484 гг. становой хребет боярского сопротивления был сломан. Иван III и его советники обратили внимание на средние классы Новгорода. В 1487 г. пятьдесят богатых торговцев были вывезены во Владимир. В следующем году наместник великого князя в Новгороде, раскрыв заговор среди житьих людей, приказал сразу же казнить несколько его предводителей. Затем около 7000 житьих людей были доставлены в Москву, некоторых здесь казнили. Большинство же было поселено в Нижнем Новгороде, Владимире, Ростове и иных городах волжско-окского региона. Чтобы заменить их, московские "боярские сыны" и торговцы были посланы в Новгород и осели там.[58]

В результате всех этих мер убрали высший слой новгородского общества, а почти весь средний класс расселили. Простолюдины остались без предводителей и политических свобод, а церковь подчинили московскому контролю. Это был политический конец Великого Новгорода. И все же, даже после расправы дух новгородцев не был полностью сломлен. Вместо политики они теперь выражали себя в литературе, искусстве и религиозных дискуссиях.

До середины XVI столетия Новгород оставался одним из важных центров русской духовной культуры.

7. Легенды

Падение Новгорода произвело чрезвычайное впечатление на современников, как в самом Новгороде, так и в Москве. Это отражено во множестве легенд, некоторые из них могли появиться даже до войны 1471 г. Большинство легенд было, скорее всего, создано в церковной среде и представляло продолжение литературных традиций архиепископа Евфимия и его окружения.

Легенды могут быть классифицированы на две основные группы: предостережения и пророческие видения; повествования, направленные на увеличение престижа новгородской церкви и ее святых.

К первой категории относится повествование о скрытом смысле детали фрески Христа Панкратора на куполе Святой Софии в Новгороде. В образе Вседержавца в греческом и русском религиозном искусстве, особенно в иконописи, правая рука Спасителя обычно "открыта" — т.е. пальцы находятся в положении благословения. На фреске Панкратора в Новгороде рука "сжата". Предположительно, фреска была написана в 1144 г. (собор построен в 1045-1052 гг., вновь расписан в XVI веке и реставрирован в XIX веке).[59] Сжатая рука пережила реставрацию. Согласно Н.П. Кондакову, сжатая рука была обычной в мозаиках XI в. и перешла во фрески XII века.[60] В третьей Новгородской летописи, однако, в истории создания фрески говорится (она относится к 1045 г., к году, когда началось строительство Святой Софии в Новгороде), что художники пытались три раза изобразить руку Господа в жесте благословения, но каждый раз, когда возвращались к работе, рука чудесным образом оказывалась опять в сжатом состоянии. Наконец, голос свыше позвал художников, указав им писать фигуру с правой рукой не открытой, а сжатой, *"ибо в этой руке моей я держу Новгород, и когда эта моя рука откроется, Новгороду придет конец"*.[61] Интерпретация тайны сжатой руки пришла на ум новгородцам, лишь когда положение Новгорода стало рискованным. По моему мнению, повествование могло быть создано вскоре

после войны 1456 г., возможно, в 1460 г., когда Василий II посетил Новгород, и новгородские опасения и ненависть вспыхнули вновь. Новгородцы затевали его убийство, но побоялись мести Ивана III (которого Василий оставил в Москве).[62]

Кажется, что как новгородцы, так и московиты чувствовали в это время, что Иван III был человеком, призванным сокрушить Новгород. Эти чувства отражены в истории пророчества монаха Михаила из Клопского монастыря близ Новгорода. Михаил, как кажется, в юности переехал из Москвы в Новгород. Он никому не говорил о своем происхождении, но ходили слухи о его принадлежности по крови московскому княжескому роду. Он не скрывал своих промосковских симпатий, и ко времени гражданской войны 1440-х гг. уже бранил Шемяку за его восстание против Василия II. Михаил умер в 1452 г. Согласно повествованию, архиепископ Евфимий II посетил Михаила в Клопском монастыре 22 января 1440 г. Как только Евфимий вошел в его келью, Михаил сказал ему, что "*сегодня радость большая в Москве*". Затем он объяснил, что как раз сейчас у великого князя Василия родился сын и был наречен Иваном. "*Разрушит он обычаи Новгородской земли и принесет гибель нашему городу*".[63] Мы не можем сказать, правдиво или нет это повествование. Если оно придумано, то около 1460 г.

Другая история пророчества о грядущем несчастии для Новгорода содержится в видении пономаря Тарасия из Хутынского монастыря (одного из наиболее крупных новгородских монастырей, основанного Св. Варлаамом в конце XII века). Однажды Тарасий должен был прийти в монастырскую церковь в полночь. Как только он вошел, все свечи зажглись сами, и Тарасий увидел Св. Варлаама, выходящего из своей гробницы. Три часа Варлаам молился перед иконами. Тарасий находился в благоговейном страхе. Затем Варлаам подошел к нему и попросил его подняться наверх, чтобы он мог увидеть, как Бог намеревается поразить Новгород. С колокольни испуганный Тарасий увидел, что озеро Ильмень распростерлось высоко над городом. Когда Тарасий рассказал об этом Варлааму, последний предавался молитве еще три часа, а затем послал Тарасия еще раз на колокольню. В этот раз Тарасий увидел сонм ангелов, поражающих огненными стрелами. Третьим предзнаменованием были горящие облака. Варлаам сказал Тарасию, что Новгород будет поражен наводнением, чумой и великим

пожаром. Существует множество версий этой истории.[64] По моему мнению, наиболее ранние могли появиться между 1456 и 1470 гг.

Случай более конкретного видения изложен в "Житии" святых Зосимы и Савватия, основателей Соловецкого монастыря. Однажды Зосима должен был отправиться по делам монастыря в Новгород. Среди иных дел ему надлежало увидеться с Марфой Борецкой, чтобы пожаловаться на обиды монастырских людей, нанесенных управителями Борецких. Согласно повествованию, Марфа сначала отказалась принять Зосиму. Возвращаясь от нее, он сказал своим ученикам, которые сопровождали его: "*близко время, когда двери этого дома будут закрыты и дом будет пуст*". Марфа раскаялась, позвала Зосиму назад в свой дом, попросила о благословении и пригласила его на обед. Сидя за столом, Зосима увидел, что среди присутствующих бояр шестеро были без голов. Он склонил свою голову и после этого не прикасался ни к какой пище. Вскоре, гласит повествование, новгородцы были разбиты на реке Шелонь (1471 г.), и шесть бояр были взяты в плен и казнены.[65] Краткая версия истории о пророческом видении Зосимы включена в Никоновскую летопись.[66] Там упоминаются четыре боярина, а не шесть, в соответствии с толкованием летописцем числа казненных. Очевидно, что именно во время посещения Зосимы Марфа решила совершить свое второе дарение Соловецкому монастырю.

Давайте теперь обратимся к другой группе легенд, направленных на возвеличивание новгородских святых и новгородской церкви. Некоторые легенды этого типа появились в среде монахов Хутынского монастыря, и одна вошла в новгородскую летопись 1461 г.[67] Согласно ей, Иван III однажды посетил монастырь и приказал открыть гробницу его основателя Св. Варлаама. Когда помощники Ивана III попытались это сделать, из гробницы поднялось пламя, и испуганный Иван III бежал из церкви, оставив там свой жезл. Наполовину обожженный жезл предстал позднее перед молящимися.[68]

Другая легенда этого типа связана с монахом Сергием, который, как упоминалось, был назначен московскими властями архиепископом новгородским вместо смещенного в 1483 г. Феофила. Как мы знаем, Сергий был встречен новгородцами с откровенной ненавистью. Как видно из легенды, новгородцы обвинили его сре-

ди всего прочего в поругательстве памяти архиепископа Моисея (который жил в XIV столетии). В "Житии" Моисея, написанном Пахомием Логофетом, сказано, что Сергий однажды пришел в церковь, где был похоронен Моисей и приказал открыть гробницу, чтобы он мог увидеть останки Моисея (мотив схож с историей Ивана III и гробницы Варлаама). Священник отказался и сказал Сергию, что только епископ может сделать это. Сергий вышел прочь со словами: *"У меня нет желания смотреть на тело этой деревенщины"* (имея ввиду Моисея). После этого Сергий потерял разум, и митрополит должен был отозвать его назад в Московию. Некоторые новгородцы полагали, что Сергий был чудесным образом наказан за свое неуважение к Моисею другим новгородским святым — архиепископом Иоанном (XII в.). Московиты обвиняли новгородцев в навлечении колдовством психической болезни на Сергия.[69]

Глава III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III

1. Основные факторы

Главной целью в жизни Иван III стало создание единого русского государства под верховной властью одного правителя, государства настолько сильного, чтобы существовать во враждебном мире. Именно на достижение этой цели были направлены все его действия как внутри страны, так и за ее пределами. Мы, таким образом, не можем провести резкой границы между его национальной и внешней политикой. Когда он стал великим князем московским, Великороссия еще оставалась раздробленной, и традиции киевского периода были живы. Не только правители местных великих княжеств, таких, как Тверское, Рязанское или Новгородская земля, но даже сами младшие московские князья не желали признавать верховной власти Ивана III.

Когда русским противникам Ивана III стало ясно, что их сил недостаточно, чтобы противостоять укреплению великокняжеской власти, они обратились за помощью к Литве и Золотой Орде. Иван III счел это предательством и объединил интересы своей русской национальной политики с внешней дипломатией. Это не могло не отражаться на ходе борьбы между ним и его противниками на Руси.

Переплетение внутренних и внешних проблем особенно ясно прослеживается в случае с падением Новгорода. Иван III, возмож-

но, предпочел бы подчинять Новгород своей власти постепенно, но союз Новгорода с Литвой подтолкнул его действовать быстро и решительно. Точно так же попытки тверского великого князя и младших московских князей (включая двух собственных братьев Ивана) объединиться с Казимиром Литовским только заставили Ивана срочно принять жесткие меры. Таким образом, процесс объединения Великороссии зависел от успехов Ивана III как во внешней политике, так и во внутренней.

После достижения фактической независимости от Золотой Орды при отце Ивана III Василии II, примерно в 1452 г., Московия превратилась в важный фактор международной политики Западной Евразии и Восточной Европы, и в правление Ивана III значение ее в этом качестве постоянно росло. После падения Новгорода границы Московского государства распространились до берегов Финского залива, и Московия стала балтийской державой.

Рубежи страны, за исключением Крайнего Севера, в то время не были безопасными: с востока и запада страну окружали государства, многие из которых являлись ее фактическими или потенциальными врагами. Армия московитов была недостаточно сильна, чтобы противостоять всем врагам одновременно. Поэтому перед правительством Московии постоянно стояла дипломатическая задача: предотвратить формирование каких-либо коалиций противников Москвы среди зарубежных стран, а когда подобная коалиция, тем не менее, складывалась — разрушить союз потенциальных или фактических врагов сепаратным соглашением с некоторыми из них и противопоставить вражескому блоку собственный. Таким способом Ивану III часто удавалось справляться со своими врагами по отдельности, и в подобной политике заключался секрет многих его успехов.

Необходимо отметить, что очень часто зарубежные страны сами искали поддержки у Ивана III, чем осложняли дипломатическую обстановку. Иван, в свою очередь, всегда стремился использовать подобные ситуации с выгодой для себя, но всегда отказывался участвовать в делах, которые, с его точки зрения, противоречили истинным интересам Москвы. Так, он остался равнодушным ко всем попыткам со стороны папы и германского императора вовлечь его в войну с Турцией, с которой он, напротив, старался установить дружественные отношения.

Для понимания сложных дипломатических шагов как Ивана, так и его противников необходимо кратко обрисовать круг зарубежных держав, окружавших Московию. Начнем с татарских ханств на востоке и юге. Тюменское ханство в Западной Сибири не представляло непосредственной угрозы Московии; напротив, в определенных ситуациях оно было полезно Москве при ее конфликтах с Золотой Ордой, от которой изначально исходила главная опасность. Позже наибольшее беспокойство стало доставлять Казанское ханство. Поведение правителей Ногайской Орды, контролировавшей территорию на восток от Нижней Волги и бассейн Яика (река Урал), прогнозировать было трудно.

На юге крымский хан владел не только самим Крымским полуостровом, но и частью степей между Нижним Днепром и Азовским морем. В 1475 г. хан Крыма был вынужден признать сюзеренитет оттоманского султана и стать его вассалом. Кроме того, турки полностью подчинили себе важный торговый город Каффу (современная Феодосия) в Крыму, а также Керчь (в одноименном проливе) и Азов (в устье Дона).

На запад от Московии располагалась Литва, а за ней — Польша. На северо-западе после падения Новгорода соседом Московии стала Ливония. Она не была единым государством. С военной точки зрения, германский контроль над этой территорией осуществляла ливонская ветвь Тевтонского ордена, но рижский архиепископ не зависел от магистра ордена, а ливонские города (Рига, Дерпт и другие) имели собственные права. Финляндия в то время принадлежала Швеции. Новгород и Москва впоследствии контролировали все течение реки Невы до ее устья, однако северным побережьем Финского залива владели шведы. К берегам Ладожского озера Швеция в то время не имела выхода, шведские границы не доходили тогда и до Северного Ледовитого океана. Печорская губа принадлежала русским — в этом районе Московия граничила с Норвегией.

Необходимо отметить, что при любом столкновении интересов Германской империи и Польши император был склонен искать сближения с Московией. Более того, при короле Матвее Корвине (1458-90 гг.) Венгрия, находившаяся между турками и Габсбургами, в свою очередь, тоже старалась установить связи с Москвой.

Что касается татарских ханств, то политика Ивана III была

направлена на использование одного или нескольких из них против остальных. Ему, в конце концов, удалось установить дружественные отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем. Казимир Литовский, со своей стороны, заключил соглашение с ханом Золотой Орды Ахматом. Каждый из них время от времени пытался подстраховаться, ведя сепаратные переговоры с представителем другой стороны, что преимущественно ни к чему не приводило, но иногда ставило под угрозу весь замысел.

Важную роль в дипломатии Ивана III (и на Востоке и на Западе) играли коммерческие интересы. Казань и Крым являлись значительными центрами международной торговли и ежегодно привлекали большое количество русских купцов. Московское правительство прилагало значительные усилия, чтобы поддержать их и сохранить торговые пути открытыми. У ханов Золотой Орды оставалась возможность перекрывать дорогу из Москвы в Крым по Дону, когда бы они этого ни пожелали, что они фактически и делали довольно часто. Московским купцам тогда приходилось добираться в Крым западным путем, через территорию Среднего Днепра, который находился под контролем Литвы. Собственно говоря, контроль над этими путями играл заметную роль в столкновениях Москвы с Золотой Ордой и Литвой.

В политике Ивана III в балтийском регионе коммерческие интересы тоже просматриваются совершенно очевидно. Главной целью Ивана III было разрушить монополию Ганзейского Союза в русской торговле на Балтике. Это, в конце концов, привело к сближению с Данией.

И в XV и в XVI веках существенным фактором международной политики являлись религиозные конфликты. Основным различием между византийско-русским и западным миром было, конечно, различие между греческим православием и римским католицизмом. Флорентийская уния, хотя и не предотвратила падение Константинополя, служила, тем не менее, основой для дальнейших попыток установить власть папы над восточнославянской церковью. Эти попытки, однако, ни к чему конкретному не приводили до Брестской церковной унии в 1596 г. Не только Москва сразу же отвергла Унию, но и большая часть духовенства и прихожан Западной Руси твердо противостояли каждому новому униатскому шагу в русских землях Великого княжества Литовского.

3. Россия в 1462 г.

В борьбе между римским католицизмом и греческим православием Иван III выступал в роли защитника православия и решительного противника римского католицизма. Как мы видели выше, благодаря этой позиции он сумел подорвать единство новгородцев. Она также привлекла к нему симпатии некоторых западнорусских князей, что служило его интересам в столкновениях с Литвой.

Напротив, Иван III никогда не смешивал религию с политикой в своих отношениях с Восточным миром, и в делах с татарами старательно избегал любого вмешательства в их религиозные верова-

ния — никогда не было предпринято ни единой попытки силой обратить в христианство кого-либо из его мусульманских вассалов.

Другим проявлением религиозной терпимости Ивана III являлось его доброжелательное отношение к иудеям.[1] Иудей Хозия Кокос служил торговым и дипломатическим представителем Ивана III в Крыму в семидесятые и восьмидесятые годы. В 1484 г. и снова в 1487 г. Иван III приглашал в Москву другого иудея, Захарию, в то время тоже являвшегося представителем в Крыму.[2] Несколько лет Иван III не желал принимать каких-либо жестких мер против распространения так называемой "ереси жидовствующих". Только к концу своей жизни, когда сын Василий стал его соправителем (1502), Иван был вынужден снять свое молчаливое покровительство и с "жидовствующих", и с *заволжских старцев* (отшельники из-за Волги) — мистического течения в русской православной церкви.

2. Борьба с Золотой Ордой

Во время новгородского кризиса (1470-71) король Казимир заключил с золотоордынским ханом Ахматом союз против Москвы. Хотя Казимир и не смог поддержать Новгород в 1471 г., он продолжал готовиться к войне с Москвой и побуждал Ахмата принять в ней участие.

Из всех татарских ханств того периода Золотая Орда, хотя и представляла собой лишь часть когда-то могущественной Монгольской империи, лучше других хранила традиции монгольской эпохи. Все правящие династии татарских ханств восходили к Чингисхану, но именно правители Золотой Орды в то время в особенности помнили о своем происхождении. В письме от 1477 г. к султану Фатиху Махмеду (Мухаммед II Завоеватель) Ахмат, заверяя султана в своей "дружбе и любви", гордо называет себя "сыном" (*ogul*) Чингисхана.[3]

Ахмат принадлежал к дому Джучи, старшего сына Чингисхана. Более точно, отец Ахмата, Кучук-Махмед, был потомком Урусхана (потомка Джучи).[4] Кучук-Махмед не предпринимал крупных походов против Москвы и, по-видимому, никогда не собирал в Московии большой дани, если вообще собирал там что-либо. Судя по всему, после 1452 г. великий князь Василий II не платил ре-

гулярной ежегодной дани никому из последующих ханов. Однако великие князья чувствовали, что в любой момент может возникнуть необходимость выплатить дань какому-либо татарскому хану, и поэтому сборщики продолжали свою работу. В год, когда не производилось никаких выплат, они оставляли собранные деньги в собственной казне. В своем завещании Василий II советовал жене и детям после его смерти производить перепись их земель для сбора дани. Он добавил тем не менее, что в случае, когда "*переменет Бог Орду (власть в ней)*", каждый князь оставит собранное себе.[5] В договоре Ивана III с князем Михаилом Андреевичем Верейским (примерно 1463 год) мы обнаруживаем следующую статью: "*А Орда знати и ведати мне, великому князю, [то есть ведет дела по выплате дани]... А коли аз, князь великий, выхода в Орду не дам, и мне и у тебе не взяты*".[6] За период правления Ивана III в русских летописях ни разу не упоминается о регулярных выплатах дани какому-либо хану.

Программа Ахмата состояла из двух главных пунктов: восстановление ханского сюзеренитета над Великим княжеством Московским и наложение на Московию ежегодной дани. Для достижения этих целей он предпринял против Москвы несколько походов. Согласно "Казанской истории", Ахмат после восшествия на ханский трон отправил послов великому князю Ивану III "*по старому обычаю... с басмой — портретом, просить дани и оброков за прошлые годы. Великий же князь не испугался царя [то есть хана], но, взяв басму — портрет царя, плюнул на него, сломал, бросил наземь и растоптал ногами своими*".[7] Эпизод относят к 1480 г. — то есть, году решающего столкновения Ивана с Ахматом.

Принимая во внимание, что "Казанская история" — созданная примерно в 1565 г. как историко-политическое произведение, прославляющее Ивана Грозного, — включает в себя не только большое количество ценной информации по истории Казанского ханства, но и легенды, мы можем заключить, что вышеизложенная история несколько приукрашена. Ахмат стал ханом не позже 1460 г. (когда его имя впервые упоминается в русских летописях). Весьма вероятно, что он начал свое царствование, отправив посольство к великому князю московскому с требованием покорности. В это время Василий II был еще жив. Однако Иван III являлся его соправителем и тоже носил титул великого князя. Возможно, что

он принял послов Ахмата и отверг его требования, однако описанное в "Казанской истории" поведение Ивана III при этом, безусловно, не соответствует действительности. Очевидно, что составитель, или переписчик повести, не имел ясного представления о символах власти, жалуемых ханами своим вассалам и слугам. Он говорит о таком знаке, как *басма* — портрет хана. По-тюркски *басма* значит "отпечаток", "оттиск". В древнерусском языке термин употреблялся применительно к металлическому окладу иконы (обычно из чеканного серебра). *Басма*-портрет тогда должна бы означать изображение лица в виде барельефа на металле. Никаких подобных портретов никто из монгольских ханов никогда не выдавал своим вассалам. Составитель "Казанской истории", по всей видимости, спутал басму с *пайцзой*; последний термин происходит от китайского *paitze* — "пластина власти", как называет ее Марко Поло. Она представляла собой — в зависимости от положения того, кому она выдавалась ханом, — золотую или серебряную пластину с каким-либо рисунком, например, головой тигра или сокола, и выгравированной надписью.[8] Это именно тот знак, который посол Ахмата должен был бы вручить Ивану III, если бы он согласился признать сюзеренитет Ахмата. Поскольку Иван III, судя по всему, отказался стать вассалом Ахмата, посол должен был вернуть пластину хану. Драматическое описание того, как Иван III растоптал пайцзу, таким образом, чистый вымысел.

Узнав об отказе великого князя выполнить его требования, Ахмат двинул большое войско на город Переяславль-Рязанский (в 1460 г., согласно Никоновской летописи).[9] Русским удалось отразить это нападение. Пять лет спустя Ахмат сосредоточил свои войска для похода против Москвы на Среднем Дону, но сам был атакован Хаджи-Гиреем, ханом Крыма, который нарушил все его планы. [10] В 1472 г., побуждаемый Казимиром, Ахмат предпринял еще один набег на Московию. Вместо того чтобы воспользоваться прямым путем к Москве через Коломну, он повел армию к городу Алексин, расположенному западнее и ближе к литовской границе. По всей видимости, он ожидал, что там к нему присоединится Казимир с литовской армией. Татары сожгли Алексин и переправились через Оку, но на противоположном берегу русские им дали отпор. Поскольку литовская армия на помощь не пришла, Ахмат отступил обратно в степи.[11]

Чтобы предотвратить будущие нападения Золотой Орды, Иван III через иудея Хозию Кокоса вступил в переговоры с крымским ханом Менгли-Гиреем, сыном и преемником Хаджи-Гирея. Иван III предложил Менгли-Гирею объединить силы для борьбы с Ахматом и Казимиром. Почва для договора была уже хорошо подготовлена, когда в 1475 г. турки предприняли поход на Крым и захватили Менгли-Гирея. Ахмат, желая воспользоваться ситуацией, пытался посадить на крымский престол своего родственника, но турецкий султан решил оставить правителем в качестве своего вассала Менгли-Гирея (1478). Как уже отмечалось, турки оставили за собой несколько крымских городов, включая Каффу. В апреле 1480 г. Иван III и Менгли-Гирей наконец заключили договор о дружбе и взаимопомощи.[12] Перед тем, как этот договор был заключен, в Москву приехали и поступили на службу к Ивану III два брата хана, Нур-Давлет и Хайдар, которые сначала искали покровительства короля Казимира.

Заключение союза с Менгли-Гиреем произошло в момент, когда новое столкновение Ивана III с Казимиром и Ахматом казалось неминуемым. Осенью и зимой 1479 г. Иван III узнал о заговоре в Новгороде (в пользу Казимира) и мятеже двух собственных братьев. Кроме того, в январе 1480 г. ливонские рыцари вторглись в Псковскую землю. Весьма вероятно, что ливонский магистр заключил какое-то соглашение и с Казимиром и с Ахматом.[13] Летом 1480 г. в Москве стало известно, что Ахмат готов выступить в поход, а в октябре хан повел армию к берегам реки Угры (приток Оки) западнее Калуги, в этот раз продвинувшись дальше на запад, чем в 1472 г. Его стратегия заключалась в том, чтобы обойти русскую армию и укрепления на северном берегу Оки, а затем соединиться с Казимиром.

Описания в исторической литературе последующей войны между Иваном III и Ахматом до недавнего времени исходили из повествований московских летописей и текста послания епископа ростовского Вассиана Ивану III. Некоторые историки также доверяют рассказу о басме из "Казанской истории". Как показал К.В. Базилевич,[14] многие свидетельства об этой войне были вставлены в русские летописи при последующих обработках. Только отдельные фрагменты подлинных современных описаний можно обнаружить в сводах середины XVI века, таких как Воскресенская и

Никоновская летописи. Их главный источник — "Повесть о нашествии Ахмата" — написана, судя по всему, примерно в 1498 г. — то есть, почти через двадцать лет после войны.

В летописях, как и в послании Вассиана, Ивана III упрекают в малодушии. Утверждают, что он не решался сразиться с татарами, и был готов оставить Москву и отступить в Северную Русь. Летописец винит в том, что Иван III медлил с принятием решения, двух его советников, Ивана Ощерю и Григория Мамона, которых считает предателями, предполагая, что как люди богатые, они опасались за свое состояние. Заявляется, что только по настоянию сына, Ивана Молодого, и духовника, ростовского епископа Вассиана, Иван III принял решение повести войска к Угре. Базилевич справедливо, с моей точки зрения, отказывается признать достоверность "Повести о нашествии Ахмата", но, судя по всему, готов допустить, что "Послание" Вассиана, которое тесно связано с "Историей", подлинно. Я полагаю, что "Послание" (в известной нам форме) тоже было составлено примерно в 1498 г. Весьма вероятно, что Вассиан в 1480 г. действительно писал Ивану III, но также вероятно, что оригинальный текст был позднее заменен другим, более похожим на политический памфлет (Вассиан умер в 1481 г.). Следует отметить, что хотя так называемое "Послание Вассиана» и включено в некоторые летописи, до сих пор не обнаружено его отдельной рукописи.[15]

Согласно Вологодско-Пермской летописи (до сего времени полностью не опубликованной), Ахмат пытался пересечь реку Угру 8 октября 1480 г., но встретил мощное сопротивление со стороны русских войск, вооруженных огнестрельным оружием. Войсками командовали великий князь Иван Молодой и его дядя, князь Андрей Меньшой. После четырех дней ожесточенного сражения Ахмат, осознав, что дальнейшие усилия тщетны, отступил на запад и разбил лагерь на литовской территории, в двух верстах от места битвы.[16] Он решил подождать подхода Казимира с литовской армией. Казимир, однако, не появился, потому что, во-первых, он не получил достаточной поддержки от Польши, и, во-вторых, его внимание отвлек набег хана Менгли-Гирея на Подолию. Кроме того, планы Казимира встретили серьезную оппозицию со стороны некоторых русских князей в Литве. Против Казимира был организован заговор, в котором активную роль играли князь Михаил Олель-

кович и князь Федор Иванович Бельский. В 1481 г. Михаила Олельковича схватили и казнили, а Бельский бежал в Московию.[17]

Не получив помощи от Казимира, татары Ахмата разграбили территорию "верховских городов" (в бассейне Верхней Оки), к которым относятся Одоев, Белев, Мценск и другие. Русские князья этой области были вассалами Казимира и, как полагает Базилевич, [18] могли принимать участие в заговоре против него. Опустошая эти владения, Ахмат, по-видимому, хотел предотвратить любое открытое выступление в тылу своего лагеря и компенсировать армии неудачный поход.

7 ноября 1480 г. (дата по Вологодско-Пермской летописи)[19] Ахмат повел армию обратно в Сарай. Согласно Казанской истории[20], воспользовавшись затишьем, последовавшим за безуспешной попыткой Ахмата пересечь Угру, Иван III послал через степи во владения Ахмата объединенный отряд русско-татарской конницы под командованием Нур-Давлета и князя Василия Ноздреватого. Это, по всей видимости, ускорило отступление Ахмата.

Чтобы избежать позора, Ахмат написал Ивану III, что временно отступает из-за приближающейся зимы. Он грозил Ивану III, что вернется и захватит и его самого и его бояр, если тот не согласится — во-первых, выплатить дань в размере 60 000 алтын в течение сорока дней (1 алтын был равен 6 деньгам, или трем сотым рубля), 20 000 алтын следующей весной и 60 000 алтын следующей осенью; во-вторых, носить "знак Батыя" на своем *колпаке* (княжеской шапке), и в-третьих, убрать царевича Даньяра из Касимова. Письмо Ахмата сохранилось только в русском переводе.[21] Нет сомнений, однако, что перевод с оригинального татарского текста был сделан вскоре после того, как письмо было получено в Москве. "Знак Батыя", упоминаемый в документе — это, конечно, пайцза. Требование Ахмата ликвидировать Касимовское ханство вполне понятно, если вспомнить, какую важную роль этот район играл в татарской политике Ивана III.

Размер дани, затребованной Ахматом (140 000 алтын), весьма скромен, если мы сравним его с размером дани, прежде выплачиваемой московскими великими князьями ханам. 140 000 алтын составляет 4 200 рублей. Этот только малая часть суммы, собранной ханом Тохтамышем с Великого княжества Владимирского в 1382 году (около 85 000 рублей).[22]

Ахмату не суждено было продолжить борьбу с Москвой. Согласно Устюжской летописи,[23] когда тюменский хан Айбек (Западная Сибирь) прослышал, что Ахмат возвращается из Литвы с богатой добычей, он решил застать его врасплох и напасть на него. К Айбеку в этом предприятии присоединилась Ногайская Орда. Поскольку люди Ахмата не ожидали никакого нападения, у них не осталось времени для организации сопротивления. Айбек легко добрался до белого шатра Ахмата и лично убил его. Затем тюменцы и ногайцы разграбили лагерь, захватив большую часть литовской добычи, включая множество пленников. Айбек получил львиную долю.

После убийства Ахмата его сыновья поделили власть в Золотой Орде между собой, что усилило разобщенность в Орде и заметно ее ослабило. Тем не менее она представляла опасность и для Москвы и для Крыма еще около двадцати лет.

О событиях 1480-81 гг. в исторической литературе часто говорят как о «падении татарского ига». Фактически же, Москва установила свою независимость почти на тридцать лет раньше, в правление Василия II, а кампания Ахмата была лишь попыткой восстановить бывший сюзеренитет ханов над Москвой. Провал этого предприятия показал, что Москва стала слишком сильной, чтобы татары могли когда-либо снова подчинить ее. Это, однако, не означало, что татарской угрозы больше не существует. Иван III вынужден был использовать все свое дипломатическое мастерство, чтобы поддерживать дружественные отношения с Крымским ханством и сдерживать Золотую Орду и Казанское ханство. Хотя регулярной ежегодной дани татарам больше не выплачивалось, Ивану III, как и его преемникам, приходилось тратить большие средства на *поминки* (подарки) различным ханам, включая вассальных ханов Касимова. Поэтому налоги собирались по-прежнему, а их назначением долгое время оставался *выход* (дань).[24]

3. Отношения с Турцией, Крымом и Казанью к 1487 году

Оттоманская Турция, сформировавшаяся на руинах Византийской империи, во второй половине XV и первой половине XVI веков являлась самым могущественным государством в регионе,

который традиционно называют Ближним Востоком. Она контролировала Малую Азию и Балканы и представляла серьезную опасность для Италии, Австрии, Венгрии, Валахии, Молдавии и Польши. После Крымской кампании 1475 г. оттоманские султаны получили возможность следить и частично управлять политикой крымских ханов (теперь их вассалов). Москва вынуждена была теперь считаться с Турцией, поскольку в дипломатической системе Ивана III Крыму отводилась значительная роль.

Период правления султана Мухаммеда II Завоевателя (1451-81 гг.) характеризовался активной экспансией и яростной агрессивностью Оттоманской империи. Напротив, правление сына и преемника Мухаммеда, Баязеда II "Святого Султана" (1481-1512), было периодом относительного покоя и закрепления достигнутых ранее успехов. В своих «Рассуждениях...» Никколо Макиавелли, современник Баязеда, упоминает его в качестве примера, подтверждающего тезис о том, что "*если одаренному и воинственному правителю наследует слабый, то последний может определенное время поддерживать себя; но если и его преемник слаб, тогда последний не сможет сохранить свое государство*". Макиавелли говорит, что Баязед, "*хотя и предпочитал мир войне, все-таки мог наслаждаться плодами трудов своего отца Мухаммеда, раздавившего, подобно Давиду, своих соседей, и оставившего ему прочное государство, которое Баязед легко мог сохранить при помощи искусства поддерживать мир*".[25] (Преемники Баязеда — его сын Селим Ужасный и внук Сулейман Великолепный — продолжили воинственную политику Мухаммеда II.) Баязед был философом на троне, приверженцем суфизма, больше любившим религиозные размышления, чем ратные подвиги.[26]

Несмотря на миролюбивый нрав султана Баязеда, в его правление Турция значительно укрепила свои позиции в районе Черного моря. В 1484 г. турки захватили Килию в дельте Дуная и Аккерман (Белгород) в устье Днестра.[27] Тогда же в северо-восточной оконечности Черного моря они заняли Таманский полуостров (древняя Тмутаракань) и подчинили себе черкесов.[28] Вслед за этим они установили полный контроль над всем Черным морем, по которому вскоре запретили плавание всем иностранным судам. Была сформулирована особая турецкая доктрина, по которой Черное море являлось "девственным" и не должно было оскверняться хри-

стианскими кораблями. Только в 1774 г. во время правления Екатерины II, турок наконец заставили отказаться от тотального господства на Черном море.

В своем письме к гражданам Рагузы от 2 августа 1484 г. Баязед назвал Килию ключом к воротам в Молдавию и Венгрию, а Аккерман — ключом к воротам в Польшу, Русь и Татарию.[29]

Что же касается политики Ивана III, то турки теперь имели возможность пристально следить за обменом посольствами между Москвой, с одной стороны, и Молдавией и Венгрией, с другой. В 1482 г. венгерский посол прибыл в Москву для обсуждения совместных действий против короля Казимира. Иван III был рад удобному случаю упрочить позиции Москвы на западе и послал одного из своих лучших дипломатов, Федора Курицына, в Венгрию для заключения союза с королем Матвеем Корвином. Иван III также весьма желал установить дружественные отношения с воеводой Стефаном Молдавским (Волошским). В 1482 г. Иван и Стефан договорились о браке дочери Стефана Елены и сына Ивана III Ивана Молодого. Свадьба состоялась в Москве 1 января 1483 г. Следует отметить, что мать Елены была дочерью князя Олелько Киевского и, таким образом, сестрой князя Михаила Олельковича, казненного Казимиром в 1481 г.

Курицын оставался в Венгрии больше года и собрал значительную информацию о центральноевропейских и балканских делах. На обратном пути он провел переговоры с воеводой Стефаном, а затем выехал в Крым осенью 1484 г. — то есть, вскоре после захвата турками Аккермана. Из-за напряженности в отношениях с венграми турки с подозрительностью отнеслись к миссии Курицына, схватили его и продержали под арестом в Аккермане больше двух лет. Только летом 1487 г. он смог возвратиться в Москву.

Захват турками в то время территории Тамани не сразу задел интересы Руси. С точки зрения историка, однако, это событие было существенным, поскольку свидетельствовало о намерении турков заявить свои права на этот район (в котором в 11 веке процветало русское Тмутараканское княжество) до того, как это в состоянии будут сделать русские. В этой связи следует отметить, что в 1487 г. князь Тамани, итальянец по имени Захария Гвизольфи, до этого бывший вассалом генуэзцев и смещенный турками, обратился к

Ивану III с просьбой разрешить ему приехать в Москву и поступить на великокняжескую службу. Иван III удовлетворил его ходатайство, но по разным причинам Захария так и не добрался до Москвы.[30]

Примерно в то же время грузины пытались установить связи с Москвой. Сохранился русский перевод письма Ивану III кахетинского царя Александра. Оно содержит имена грузинских послов и датируется 1483 г. В русских источниках нет информации об этом посольстве, и первое упоминание о грузинской миссии в Москве в них относится к 1492 г.[31]

До уничтожения турками в 1475 г. итальянских колоний в Крыму крымскую торговлю контролировали преимущественно генуэзцы.[32] Московские купцы весьма активно участвовали в ней и получали значительные доходы. После 1475 г. контроль над каффской торговлей перешел к туркам, но русские купцы продолжали посещать крымские базары. В связи с этим поддержание хороших отношений с Крымом оставалось существенным для русских коммерческих интересов.

Политический союз Москвы с Крымом против Литвы и Золотой Орды сохранялся все правление Ивана III. Менгли-Гирей с помощью союза с Иваном стремился уменьшить наступательную силу Золотой Орды. Литва непосредственно не угрожала Крыму, но состояние войны с ней было выгодно Менгли-Гирею, поскольку позволяло время от времени совершать набеги на южные области Литвы — фактически украинские земли. Одним из самых ужасных набегов крымских татар был набег на Киев в 1482 г. Город полностью разрушили, и много лет его не могли восстановить. Нападения на соседние страны, следует заметить, составляли важный источник дохода татарских ханств того периода. В церквах и особняках знати обычно захватывали много золота и драгоценностей, но главной добычей являлись пленники — мужчины, женщины и дети. Их приводили в Каффу и продавали там для отправки морем на невольничьи рынки Турции, Египта и Италии. Набеги Менгли-Гирея на Украину отвлекали внимание Казимира от других дел и, чаще всего, заставляли отказываться от намерений воевать с Москвой. Это превращало Менгли-Гирея в ценного союзника Ивана III. После смерти Ахмата Золотая Орда стала менее опасной для Москвы. Теперь не Золотая Орда, а Казанское хан-

ство представляло главную внешнеполитическую проблему, потому, что казанским татарам совершать набеги на прилежащие к ним районы Московии не составляло никакого труда. За Волгой татары проникли далеко на север и установили контакты с русской "республикой" Вятка. С экономической точки зрения Казань являлась важным центром восточной торговли, и в мирные времена ее посещало большое количество русских купцов.

Чтобы ослабить мощь Казанского ханства, Иван III сначала хотел прибегнуть к помощи своего вассала, царевича Касима. Первый хан Казани, Махмудек, приходился Касиму братом. После смерти Махмудека ханом стал его сын Ибрахим, а Касим женился на вдове Махмудека (матери Ибрахима).[33] В 1467 г. группа казанской знати предложила трон Касиму. Однако хан Ибрахим отказался освободить престол, рассчитывая на поддержку большей части казанской армии. На помощь Касиму Иван III направил русские войска. Против Казани было предпринято три похода. Первые два провалились, третий завершился мирным договором. Ибрахим остался ханом Казани. Касим умер во время или вскоре после третьей кампании (примерно в 1460 г.).

Около 1482 г. умер Ибрахим, ему наследовал Алигам (называемый также Али-ханом), его сын от одной из второстепенных жен. Старшей женой Ибрахима была Нур Салтан, дочь князя Темира из рода мангкытов.[34] От нее Ибрахим имел двух сыновей: Мухаммеда-Эмина и Абд-ал-Лятифа (Абдул-Латифа). Примерно через три года после смерти Ибрахима Нур Салтан вышла замуж за хана Крыма Менгли-Гирея и стала его старшей женой. Она была умной и энергичной женщиной и оказывала большое влияние на политику своего нового мужа, поддерживая в Крыму промосковскую ориентацию. Иван III, со своей стороны, старался сохранять хорошие отношения с ней и ее родом. Ее отец князь Темир называл Ивана III своим "сыном", а Иван III обращался к нему "отец". И Нур Салтан и ее отец каждый год получали из Москвы богатые подношения.

Нур Салтан планировала сместить с казанского трона своего приемного сына Алигама, чтобы правителем стал старший из ее родных сыновей от Ибрахима, Мухаммед-Эмин. Это полностью соответствовало желаниям Ивана III. В Казанском ханстве, как и в Крымском, власть хана в реальности ограничивали *мурзы* — гла-

вы аристократических татарских родов. Без согласования, по меньшей мере с некоторыми из них, хан был не в состоянии предпринимать что-либо. Когда наиболее влиятельные роды поддерживали хана, дела шли гладко. Когда между основными родами возникали противоречия, появлялась почва для интриг и даже дворцовых переворотов. Иван III и его советники хорошо понимали механизм татарского правления. И в Крыму и в Казани Иван III поддерживал дружеские отношения с некоторыми влиятельными мурзами. Нур Султан помогала ему в Крыму и — через своих представителей — в Казани. Несколько лет в Казани шла упорная борьба между сторонниками Алигама и Мухаммеда-Эмина. В 1486 г. Мухаммед-Эмин бежал в Москву и лично просил Ивана III выступить в его защиту.

18 мая 1487 г. сильная русская армия под верховным командованием князя Данилы Холмского появилась перед Казанью. После осады, продолжавшейся 52 дня, хан Алигам сдался. Его взяли под стражу и позже выслали в Вологду, а нескольких поддерживавших его князей казнили. Мухаммеда-Эмина возвели на казанский престол как вассала Ивана III. Сразу после получения известия об этом событии Иван направил гонца в Крым, чтобы сообщить Менгли-Гирею и Нур Салтан о воцарении Мухаммеда-Эмина. Стоит отметить, что после этого официальная переписка между Казанью и Крымом осуществлялась только через Москву. В Москве все письма читали и переводили, после чего оригиналы надлежащим образом доставлялись адресатам.[35]

4. Москва и Литва, 1487-95 гг.

Частичное решение проблемы с Казанским ханством позволило Ивану III уделить больше внимания Литве. Объявления войны с ней пока не было, но в 1487 г. и в последующие годы имела место серия пограничных инцидентов в Смоленской земле, а также в районах верховских городов. Официально Москва не была вовлечена в эту "малую войну". Внешне инициатива принадлежала сыну Ивана III — тверскому князю Ивану Молодому, брату Ивана III — углицкому и можайскому князю Андрею Большому, по его положению можайского князя, и волостелям районов, при-

лежащих к верховским городам. Литовцы время от времени отвечали, но в целом верх брали московиты. Во время набегов они захватывали тысячи людей, угоняли их в Московию и там расселяли. Необходимо заметить, что некоторые князья как в районе Вязьмы, так и в верховских городах находились в оппозиции к Казимиру и требовали расширения своих прав и привилегий. Пока Иван III проводил в Московии политику централизации, он поддерживал требования удельных князей в Великом княжестве Литовском, поскольку их оппозиция Казимиру ослабляла положение последнего. В результате политики Ивана несколько русских князей верховских городов, среди них Воротынские и Белевские, перешли на сторону Москвы.

Одновременно Иван создавал дипломатическую осаду Польше и Литве на случай, если малая война перерастет в большую. Помимо переговоров с Венгрией, он налаживал связи с Германской империей. В 1486 г. немецкий князь Николай Поппель посетил Москву, чтобы ознакомиться с ситуацией. В 1489 г. он вновь приехал в Москву в качестве официального посла императора Фридриха III, чтобы предложить Ивану III королевскую корону. Согласие Ивана III означало бы включение Московии в систему Священной Римской империи. Иван III от короны отказался, однако выразил желание заключить с Империей союзный договор. После обменов посольствами сын Фридриха III, король Максимилиан I, одобрил договор (1491), но вскоре заключил мир с сыном Казимира Владиславом, королем Богемии и Венгрии. Союз с Москвой теперь не имел для него никакого значения, и договор не вступил в силу.

Контакты с Германской империей в те годы благотворно повлияли на развитие на Руси горного дела. Еще в 1482 г. Иван III просил короля Матвея Корвина Венгерского направить в Москву горных инженеров для разведки месторождений металлов на Руси. Если венгерские инженеры и были посланы, то они не смогли добраться до Москвы из-за ареста Курицына турками на обратном пути. В 1491 г. послы Ивана III привезли двух горных специалистов из Германии. В русских источниках упоминаются только их имена (Иван и Виктор). Сопровождаемые двумя русскими чиновниками, они отправились в Северную Русь и разведали месторождения серебра и меди в Усть-Цильме в низовьях реки Печоры.[36] В следующем году в Москву приехал немец Михаил Снапс с рекомендатель-

ными письмами от короля Максимилиана I и его дяди эрцгерцога Сигизмунда Инсбрукского. Они обращались к Ивану III с просьбой позволить Снапсу предпринять путешествие за Урал к берегам реки Оби для географических исследований. Иван III отказал под предлогом, что он не в состоянии гарантировать безопасность Снапса в "варварских" районах. Скорее всего, у Ивана III имелись подозрения по поводу истинной цели миссии Снапса.[37]

Таким образом, только крымский хан Менгли-Гирей оказался для Ивана III полезным союзником в противостоянии с Литвой, даже несмотря на то, что на него не всегда можно было положиться. В 1492 г. Менгли-Гирей решил построить крепость, которая служила бы форпостом для будущих походов на Польшу и Литву. Он выбрал удобное место на северной стороне днепровской дельты и назвал новую цитадель Очаков. Известие о ее возведении вызвало большое волнение в Польше и Литве. В Москве новость встретили, скорее всего, со смешанными чувствами. Цитадель, без сомнения, укрепляла положение Менгли-Гирея относительно западных врагов Москвы. В то же время Очаков можно было рассматривать и как постоянную угрозу Киеву и другим украинским землям, на которые Иван III имел собственные виды.

В конце концов крепостью овладели турки, и она служила им важной базой в войнах с Россией в конце XVII и XVIII веках. В 1788 г. русские взяли ее штурмом и присоединили к России по Ясскому договору 1792 г. Захват русскими Очакова в то время вызвал крайнее недовольство Великобритании. Американский историк Дж. Х. Глиссон недавно высказал мнение, что именно это событие следует связывать с появлением в Англии русофобии.[38]

7 июня 1492 г. в Гродно умер Казимир. Он оставил несколько сыновей, старший из которых был королем Богемии (с 1471 г.) и Венгрии (с 1490 г.). Что же касается других сыновей Казимира, то Яна Альбрехта после смерти Казимира избрали королем Польши, а следующий по старшинству, Александр, стал великим князем литовским. В результате династическая связь между Польшей и Литвой на время прервалась. (Она возобновилась в 1501 г., когда после смерти Яна Альбрехта королем Польши стал Александр, который оставался при этом великим князем литовским.) Польша даже при Казимире не оказывала Литве ощутимой поддержки, теперь же, в результате разделения двух государств, Литва как

противник Москва стала значительно слабее.

В этой связи необходимо сделать несколько замечаний по поводу изменения после смерти Казимира политики Литвы в отношении иудеев. В XV веке евреи составляли существенную часть городского населения как в Польше, так и в Литве. В XIII и XIV веках польские короли издали несколько указов, позволявших евреям свободно заниматься торговлей на всей территории Польши. В XV веке Казимир подтвердил старые указы и даровал евреям несколько новых привилегий. С другой стороны, католическая церковь постоянно стремилась ограничить права иудеев. В Польше существовало также и некоторое недовольство деятельностью евреев в качестве ростовщиков. Законодательным актом от 1454 г. ссуды под проценты были запрещены; однако этот акт имел юридическую силу только на территории Польши.[39]

В Литве на всем протяжении правления Казимира евреи пользовались теми же привилегиями, что и в Польше. Необходимо отметить, что караимские поселения подчинялись тем же законам, что и евреи-раввинисты. По Магдебургскому праву караимские общины Трокая обладали правами, которые в других случаях предоставлялись только христианам.[40]

В 1492 г. евреям запретили жить в Ковно. Три года спустя великий князь Александр издал указ, по которому как евреи-раввинисты, так и караимы изгонялись из Великого княжества Литовского. Эти антисемитские меры частично можно считать результатом влияния на Александра римско-католического духовенства. Но, вместе с тем, существует вероятность, что советники Александра считали евреев потенциальными агентами Ивана III. Известно, что в 1490 г. литовские евреи проявляли интерес к распространению "ереси жидовствующих" на Руси.[41] Следует заметить, что Великий князь Александр аннулировал свой антисемитский указ в 1503 г. — то есть, в то самое время, когда консервативное духовенство русской православной церкви преодолело сопротивление «заволжских старцев», что предопределило ограничение деятельности проповедников и других течений.

В 1493 г. Литва и Москва начали переговоры по поводу заключения договора, который должен был положить конец невыносимой ситуации необъявленной пограничной войны. Чтобы обеспечить лучшие взаимоотношения с Москвой, литовцы предложили

соединить браком дочь Ивана III Елену с великим князем Александром Литовским. На этих переговорах Иван III впервые в отношениях с зарубежным государством назвал себя "Государем Всея Руси". Однако формулировка "Всея Руси" не являлась изобретением Ивана III. Его предок Иван I Калита (великий князь владимирский, 1328-37, 1339-40 гг.) включил ее в свою титулатуру, следуя образцу титулов русских митрополитов.[42] Позднее формула несколько раз появлялась в титуле московских великих князей в межкняжеских договорах, как, например, в договоре великого князя Симена с его братьями (приблизительно в 1350 г.);[43] в договоре Василия II с его братом Юрием (приблизительно в 1390 г.);[44] в нескольких договорах Ивана III с удельными князьями (в 1483-86 гг).[45] Но в 1493 г. Иван III впервые включил выражение "Всея Руси" в свой титул на переговорах с иностранным государством, и, что особенно важно, на переговорах со страной, относительно которой оно звучало как вызов, поскольку правитель этой страны сам имел слово "Русь" в своем титуле (Великий Князь Литовский и Русский).

После продолжительных пререканий договор о дружбе и взаимопомощи между Москвой и Литвой был подписан в Москве 7 февраля 1494 г.[46] Литовцы согласились с титулом Ивана III "Государь Всея Руси". Александр и Иван III дали обязательства не вторгаться во владения друг друга. Александр отказался от притязаний на Новгород, Псков, Тверь, Ржев, Вязьму, Алексин и Рязань. Иван III — от притязаний на Смоленск, Любутск, Мценск и Брянск. Что касается удельных русских князей верховских городов, то Александр снял вассальную зависимость с Одоевских, Воротынских, Белевских и одной ветви Мезецких. Иван, со своей стороны, согласился признать сюзеренитет Александра над другой ветвью Мезецких.

Договор в целом, безусловно, был более выгоден Москве, чем Литве. Правда, большая часть из того, что передал Александр, в действительности ему и не принадлежала (Новгород, Псков, Тверь, Рязань), однако он, вместе с тем, вынужден был отказаться от важной части спорной пограничной территории, включая Вязьму и часть верховских городов. Более того, ему пришлось признать титул Ивана III "Всея Руси", без точного знания того, что под ним подразумевается.

Очевидно, что литовцы пошли на столь значительные уступки в надежде обеспечить на востоке прочный мир. Они также верили, что брак Александра с дочерью Ивана сделает отношения между двумя правителями более дружелюбными. Помолвка Елены с Александром состоялась в преддверии подписания политического договора. Александр был представлен доверенным лицом. Главным условием Ивана III было сохранение его дочерью православной веры. Даже после помолвки многие детали оставались еще не оговоренными, и только одиннадцать месяцев спустя литовские посланники прибыли в Москву (6 января 1495 г.), чтобы доставить невесту в Вильно. Иван III, со своей стороны, поручил сопровождать Елену князю Семену Ивановичу Ряполовскому и нескольким московским боярам с женами. Московского священника Фому тоже включили в группу, чтобы служить в Вильно в качестве духовника Елены. Свадебный поезд покинул Москву 13 января.

Путешествие Елены в Вильно и ее свадьба живо описаны в отчете московских послов Ивану в феврале 1495 г.[47] Когда поезд Елены добрался до нового владения Московии Вязьмы, его торжественно встретили все князья Вяземские с богатыми дарами. Не менее сердечный прием ожидал Елену и в первом крупном городе на литовской территории, Смоленске. Ее приветствовал наместник Александра, все бояре и жители города, а также русское духовенство. Она оставалась в Смоленске два дня и присутствовала на службе в русском кафедральном соборе.

Подобным образом Елену принимали и на пути через западнорусские земли Великого княжества Литовского — в Полоцке и Витебске. Когда она прибыла на литовскую территорию, близ Крево ее встретили специальные представители Александра, князь Константин Иванович Острожский и князья Иван и Василий Глинские. Они предложили Елене для продолжения пути роскошную карету, посланную Александром. Карету везли восемь серых жеребцов в прекрасной сбруе. Однако Елена имела строгие указания отца воспользоваться каретой (предложение которой, по-видимому, ожидалось), только если в ней будет находиться мать Александра, чтобы приветствовать и сопровождать ее. Поскольку этого не случилось, Елена отказалась пересесть в литовскую карету и осталась в надежной повозке, в которой она ехала из Москвы, в тапкане.[48] За две мили до Вильно Александр лично встретил невесту

верхом на коне. Подъехав к тапкане, он приказал постелить на землю между его конем и повозкой Елены красную материю. Московские бояре, не долго думая, положили поверх материи у тапканы кусок дамаска (шерстяной ткани). Таким образом, когда жених спешился, а Елена вышла из повозки, он ступил на свою материю, а она на свой дамаск — то есть, символически она осталась на московской территории.

После взаимных приветствий, Елена продолжила путь в тапкане, а Александр сопровождал ее верхом на своей лошади.. По приезде в Вильно Елена отправилась в русскую церковь Рождества Богородицы, а Александр — в римско-католический собор, где должно было состояться бракосочетание. У входа в русскую церковь Елену приветствовал православный митрополит киевский Макарий. Потом по старому русскому свадебному обычаю боярские жены, сопровождавшие Елену, расплели ее волосы, причесали, надели на нее кику[49] и обрызгали ее хмелем. Пастырь Елены, священник Фома, прочел молитвы и благословил ее. После этого Елена отправилась в костел, где ее ожидал Александр. Священник Фома шел с ней рядом, неся крест, которым благословил ее. Ксендз с распятием встретил Елену перед собором, но не благословил. Все вместе они вошли внутрь, и Елена заняла место около Александра. Епископ совершил католический свадебный обряд. Митрополит Макарий присутствовал, но Александр запретил ему принимать участие в службе. Священник Фома, однако, стоял рядом и читал молитвы по-славянски; княгиня Мария Ряполовская, согласно русской традиции, держала над головой Елены свадебный венец. И епископ и сам Александр гневно высказали князю Ряполовскому недовольство вмешательством в обряд княгини Марии и Фомы. Ряполовский попытался остановить Фому и Марию, но они оба упрямо продолжали делать то, что почитали своим долгом. После свадьбы Александр отправился в свою часть дворца, а Елена — в свою. Вскоре Александр пригласил русских бояр на банкет. В заключении отчета Ивану III бояре отметили, что Елена на свадебной церемонии была в русском наряде и добавили, с явным удовлетворением: *"И сегодня, на четвертый день после свадьбы, Великая княгиня всв еще носит собственное платье и кику"*.

5. Ближний Восток и Казань, 1490-96 гг.

Установление сюзеренитета Ивана III над Казанью заметно повысило его престиж на Востоке. В августе 1490 г. мурзы Ногайской орды направили в Москву посольство, предлагая Ивану III союз против "сыновей Ахмата" — то есть, против Золотой Орды. Предложение было принято. Более того, Иван позволил своему вассалу, казанскому хану Мухаммеду-Эмину, жениться на дочери ногайского мурзы и отдать в жены другому ногайскому мурзе свою дочь.[50] Поощряя дружественные отношения между ногайцами и Казанью, Иван III, по-видимому, надеялся не только укрепить свое положение по отношению к Золотой Орде, но и открыть новый путь на Ближний Восток через бассейн реки Яик. Судя во всему, именно этим путем посол Хуссейн-Мирзы, правителя Герата, прибыл в Москву 28 сентября 1490 г.[51]

В 1492 г. грузинское (кахетинское) посольство посетило Москву.[52] Как уже отмечалось, по всей видимости, оно было не первой грузинской миссией к Ивану III.[53] Письмо кахетинского царя Александра Ивану III, сохранившееся только в русском переводе, относится, скорее всего, к предыдущему посольству (1482). Обе миссии, должно быть, имели одну цель. Александр передавал приветствия Ивану III как защитнику всего православного христианства от давления мусульман.[54]

Через Крым Иван III старался наладить дружественные отношения с мамлюкским султаном Египта.[55] В 1491 г. крымский хан Менгли-Гирей написал Ивану III, что получил послание от султана Египта, в котором речь идет о подарках для установления дружеских контактов между ними. Менгли-Гирей объяснял Ивану III, что использовал его (Ивана) подношения в качестве подарков оттоманскому султану Баязеду и теперь не имеет ничего подходящего, чтобы послать султану Египта, и настаивал, чтобы Иван III выслал ему (Менгли-Гирею) несколько ценных даров, таких, как соболя и моржовые клыки, для отправки в Египет.[56] Судя по всему, Иван III послал Менгли-Гирею то, о чем он просил. Затем, в 1493 году, представитель Московии, Михаил Мунехин, отправился в Палестину и Египет. Николай Андреев предположил, что целью его миссии являлась передача пожертвований великого князя

православным церквам.[57] Это, без сомнения, входило в задачи Мунехина, но его главное поручение, по всей вероятности, заключалось в том, чтобы доставить новые подарки султану Египта, на этот раз без посредничества Менгли-Гирея. После этой поездки Мунехина стали называть Мизиур-Мунехин (от арабского названия Египта — Мизр).

Хотя отношения между Иваном III и Менгли-Гиреем оставались дружественными, среди московских купцов, которые имели дела в Крыму, росло недовольство высокими пошлинами, установленными турками, а также разными притеснениями со стороны турецких чиновников. До появления в Крыму турок русские купцы платили крымскому хану таможенную пошлину (тамгу) в объеме 7 процентов от стоимости товара и специальный налог — 16 денег с человека — мурзе Ширину (Ширины являлись самым могущественным родом среди крымской татарской аристократии). Если русским нужно было отправляться из Каффы морем, они платили тамгу в 5 процентов от стоимости товара, что освобождало их от всех других сборов по возвращении обратно. Теперь турки увеличили размеры всех таможенных пошлин и установили новую тамгу в Очакове, которую русским приходилось платить, даже если они там не останавливались. Более того, купцы жаловались, что турки заставляли их работать на строительстве укреплений, например в Азове. Если член общины русских купцов заболевал во время пребывания в турецком городе, немедленно опечатывались товары всех членов этой общины. После выздоровления купца общине возвращалась только половина товара. Если купец умирал, весь товар конфисковывали.[58]

В качестве ответной меры Иван III в 1492 г. запретил русским купцам торговать в Крыму. Тогда же, через Менгли-Гирея он направил письмо султану Баязеду, спрашивая, известно ли тому об обидах, наносимых подданным Ивана III, и предлагая прислать турецкого посла в Москву для обсуждения этого вопроса. Неизвестно, получил ли Иван III ответ от султана, но три года спустя Баязед решил реорганизовать турецкую администрацию в Крыму и отправил одного из своих сыновей, молодого шах-задеха Мухаммеда (буквально — "сына верховного правителя") в Каффу в качестве наместника. К Мухаммеду был назначен советник. Менгли-Гирей сообщил Ивану III, что Мухаммед уполномочен рассмот-

реть жалобы русских купцов. Вскоре (зимой 1495-96) Мухаммед отправил к Ивану III посла, но того арестовали в Киеве по приказу великого князя Александра Литовского и не позволили проследовать в Москву. Воспользовавшись началом переговоров, которые так и не состоялись, Иван III отправил своего посла Михаила Плещеева в Каффу, чтобы поблагодарить Мухаммеда, а затем в Константинополь, для переговоров с самим Баязедом.

Плещеев имел от Ивана III строгие инструкции не раскрывать турецким пашам цели своей миссии до встречи с султаном, а также не преклонять перед султаном коленей. Отказ Плещеева подчиниться требованиям турецкого протокола привел пашей в бешенство. А. Крымский остроумно замечает, что если бы подобный инцидент произошел при Мухаммеде II, то посла, несомненно, казнили бы.[59] На счастье Плещеева, Баязед отличался мягким характером и согласился принять его (в мае 1497 г.).[60] В своем ответе Ивану III Баязед сказал, что некоторые жалобы русских купцов лживы, но он тем не менее приказал своему сыну, наместнику в Каффе Мухаммеду, принять строгие меры, чтобы предотвратить притеснения русских купцов и обеспечить справедливое к ним отношение.

В 1499 г. Иван III отправил в Константинополь другого посла, Александра Голохвастова. Он должен был выразить благодарность Баязеду за его готовность облегчить условия торговли, а также предложить направить в Москву турецкого посла непосредственно от Баязеда, а не от Мухаммеда Каффского. Баязед хорошо принял Голохвастова. Однако в ответе Ивану III султан, хотя и выказал дружеское расположение, ничего не сказал об отправке посла в Москву. Дальнейшие контакты между Москвой и Константинополем в правление Ивана III осуществлялись через Каффу.[61]

Еще раз возвращаясь к казанским делам, заметим, что власти Москвы над этим ханством в 1495 г. бросил вызов Мамук, брат покойного хана Ивака (из рода Шибана) и его преемник на тюменском троне. Мамук заключил соглашение с несколькими ногайскими мурзами и при их поддержке напал на Казань осенью 1495 г. Мамук, несомненно, имел также тайный сговор с некоторыми казанскими мурзами — противниками Мухаммеда-Эмина, но когда он сам попытался захватить в Казани власть, большинство казанских мурз поднялись против него и отправили гонцов к

Ивану III с просьбой посадить на казанский трон нового хана, младшего брата Мухаммед-Эмина Абд-ал-Лятифа. Иван III согласился, и в апреле 1496 года московские официальные лица препроводили Абд-ал-Лятифа в Казань и возвели его на престол. Мухаммед-Эмину Иван III пожаловал в "кормление" три русских города, включая Каширу и Серпухов.[62] Через восемь лет Иван III призвал Абд-ал-Лятифа обратно в Москву, а Мухаммеда— Эмина снова посадил в Казани.

6. Конфликты со Швецией, Литвой и Ливонией, 1492-1503 гг.

После присоединения Новгорода Московия превратилась в балтийскую державу, и перед Иваном III встали новые проблемы. В балтийской политике он преследовал следующие цели: разрушить торговую монополию Ганзейского Союза, оградить Новгород и Псков от нападений ливонских рыцарей и обезопасить от посягательств шведов выход через реку Неву в Финский залив.

В 1492 г. Иван приказал построить новую русскую крепость на восточном берегу реки Нарва, недалеко от ее устья и напротив немецкого города Нарва. Крепость назвали Ивангород. Ивангород скоро стал не только стратегически важным фортом, но и приобрел большое экономическое значение как новый порт для торговых судов, курсирующих в Балтийском море.

В июле 1493 г. в Москву прибыл датский посол, чтобы подготовить почву для соглашения Дании с Москвой по балтийским проблемам. Иван III в ответ отправил в Данию собственное посольство, и 8 ноября в Дании был подписан союзный договор между королем Хансом Датским и Иваном III.[63] Два правителя взяли на себя обязательства поддерживать друг друга "насколько возможно". Отдельным пунктом соглашения стала договоренность о совместной акции против правителя Швеции, Стена Стуре, узурпатора с точки зрения короля Ханса, заявлявшего собственные права на корону Швеции. Для Ивана III союз с Данией был вдвойне ценен: он позволял ему более смело вести себя с Ганзейским Союзом и давал возможность ослабить шведский контроль над Финляндией. Год спустя Иван III закрыл Ганзейский двор в Новгороде, а в 1495-96 гг. русские приняли участие в войне Ханса

против Швеции. Русская армия воевала в Финляндии и дважды доходила до Ботнического залива. Союзники выиграли войну, и Ханс получил корону Швеции (1497).[64]

Тем временем возникли новые противоречия между Московией и Литвой. Брак Елены и Александра, вместо того чтобы сделать отношения между Иваном III и Александром более сердечными, посеял семена нового конфликта. Иван III, никогда не позволявший личным чувствам мешать политике, был готов пожертвовать семейным счастьем своей дочери ради русских национальных и религиозных интересов. С другой стороны, папа и римско-католическое духовенство в Литве оказывали постоянное давление на Александра, требуя от него либо убедить свою супругу принять католичество, либо развестись с ней.

Вскоре литовское правительство предприняло новую попытку подчинить западнорусскую церковь папе. В 1497 г. митрополит киевский Макарий погиб от рук крымских татар во время набега на западнорусские земли. На его место великий князь Александр назначил епископа смоленского Иосифа (1498). Новый митрополит принадлежал к аристократическому западнорусскому роду и приходился родственником Яну Сапеге, секретарю великого князя Александра. Сапега, ранее исповедовавший православие, в 1492 г. перешел в лоно католической церкви.

Иосиф выступал за объединение западнорусской церкви с Римом. После предварительной переписки в 1500 г. он направил папе официальное письмо, объявляя о своем желании принять Флорентийскую унию.[65] Еще до этого события православные Литвы жаловались Ивану III, что их религиозные права ущемляются.

В 1499 г., понимая, что новое столкновение с Литвой неотвратимо, Иван III счел необходимым обсудить со своим союзником ханом Менгли-Гиреем вопрос о разделении сфер влияния Московии и Крыма в украинских землях Великого княжества Литовского. Менгли-Гирей согласился отдать под юрисдикцию Ивана III Киев и Черкассы.[66]

В апреле 1500 г. два русских князя из Черниговско-Северской земли, Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемячич, перешли на сторону Ивана. Они оба являлись потомками старых врагов Василия II, и их драматический переход из-под литовского сюзеренитета к московскому был важен и для них и для Ивана.

В мае 1500 г. Иван III отправил в Вильно декларацию об объявлении войны,[67] основываясь на том, что литовское правительство не соблюдает условий договора от 1494 года и настаивает на том, чтобы его дочь Елена изменила веру. К этому моменту Литва имела союзные договоры с Ливонией и Золотой Ордой. Кроме того, в 1501 г. Александр унаследовал польскую корону после смерти брата Яна Альбрехта, и династическое единство Польши с Литвой было восстановлено. Союзниками Московии являлись Крымская Орда и Дания. В действительности, когда начались боевые действия, внимание Менгли-Гирея переключилось на Золотую Орду (которую он сокрушил в 1502 г.), и он не оказал Ивану III значительной поддержки. Король Ханс Датский вообще не помог, потому что в 1501 г. восстала Швеция, и он был вынужден послать туда дополнительные войска.

В результате Московии пришлось вести сразу две войны — с Литвой и Ливонией — абсолютно самостоятельно. Ливонская война, проходившая преимущественно на Псковской территории, не имела большого значения — за исключением того, что она отвлекала на себя часть войск с литовского театра военных действий на псковский и этим ослабляла основную армию московитов. В первый год войны (она началась 14 июля 1500 г.) московиты нанесли сокрушительное поражение литовской армии на берегах реки Ведроши. Московской армией командовали боярин Юрий Захарьевич Кошкин и князь Данила Щеня; литовцами — западнорусский аристократ, князь Константин Иванович Острожский.[68] В конце лета 1500 г. московская армия заняла большую часть Черниговско-Северской территории. В то же время, попытки Москвы взять штурмом Смоленск в октябре 1502 г. результата не принесли, так как московская артиллерия оказалась слишком слабой, чтобы решить эту задачу.[69]

Успешная оборона Смоленска позволила литовскому правительству начать переговоры о мире, сохранив при этом достоинство. Папа Александр VI вызвался быть посредником, рассчитывая включить и Литву и Москву в антитурецкую коалицию, которую он пытался организовать. Иван III, однако, предпочел вести переговоры непосредственно с Александром Литовским. Литовские и ливонские послы прибыли в Москву 4 марта 1503 г. Иван отказался иметь дело с ливонскими послами, направив их к своему наме-

стнику в Новгороде. Переговоры с литовцами начались немедленно, но скоро стало ясно, что ни одна из сторон не готова идти на уступки достаточно значительные, чтобы обеспечить устойчивый мир. Поэтому вместо мира было заключено перемирие сроком на шесть лет (2 апреля 1503 г.). Согласно этому документу все пограничные районы Великого княжества Литовского, захваченные московскими войсками в течение войны (и удерживаемые ими на момент переговоров), на время перемирия оставались под властью Ивана III.[70]

Так, в вассальной зависимости от Москвы оказались Дорогобуж и Белая в Смоленской земле; Брянск, Мценск, Любуцк и несколько других верхних городов; большая часть Черниговско-Северской земли (бассейны рек Десна, Сож и Сейм); а также город Любеч на Днепре, севернее Киева. Москва, таким образом, получила контроль над сухопутным путем в район Среднего Днепра, что заметно облегчало доступ в Крым московским купцам и дипломатическим представителям.

Вскоре после заключения московско-литовского перемирия в Новгороде было подписано перемирие с Ливонским Орденом. Оно не повлекло за собой никаких территориальных перемен, но содержало обязательство со стороны епископа Дерпта по старому обычаю ежегодно выплачивать символическую дань Ивану III как сюзерену Пскова.[71]

Глава IV

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III

1. Объединение Великороссии

Главной целью Ивана III во внутренней политике было распространение великокняжеской власти на всю Великороссию, а в конечном итоге на всю Русь. В сферу его политической деятельности, таким образом, вовлекалось не только Великое княжество Московское, но также и многие другие части Руси. Его цели можно охарактеризовать как национально русские, а не специфически московские. Старая формулировка в титуле московских великих князей, Всея Руси, теперь приобретала дополнительное значение.

Задача, стоявшая перед Иваном III при проведении его национальной политики, имела две стороны: во-первых, он должен был присоединить к Москве до сих пор независимые русские государства, а во-вторых, ограничить власть своих братьев и других удельных князей. Как нам известно, он при любой возможности избегал скоропалительных решений, предпочитая продвигаться постепенно и концентрировать внимание в каждый отдельный момент на одной конкретной проблеме. Поэтому процесс объединения Великороссии продолжался весь период правления Ивана III, а некоторые менее значительные задачи были даже оставлены для решения его сыну и преемнику Василию III.

Напомним, что в 1462 г. — году восшествия Ивана III на престол — Великороссия была еще далека от политического единства.

Кроме Великого княжества Московского существовало еще два великих княжения (тверское и рязанское), два княжества (Ярославль и Ростов) и три города-республики (Новгород, Псков и Вятка).

Само Великое княжество Московское тоже не было полностью единым. Хотя отец Ивана III, Василий II, конфисковал уделы Дмитрия Юрьевича Шемяки (Галич в Костромской земле), Ивана Андреевича Можайского и Василия Ярославовича Боровского, он согласился оставить князя Михаила Андреевича в Верее и Белоозере править там в качестве великокняжеского вассала ("младшего брата"). Михаил обращался к Василию II как к своему господину и "старшему брату".[1]

На первом или втором году своего правления Иван III, в свою очередь, заключил с Михаилом договор примерно на тех же условиях, что и Договор от 1450 года. Политическая зависимость Михаила от великого князя отражалась в той же терминологии[2]: в Договоре 1472 г. Иван называл себя "старшим братом" Михаила и его "господином". Сходные термины использовались и в Договоре от 1482 г.[3] В Договоре 1483 г. Михаил должен был признать своим "старшим братом" также сына Ивана III, Ивана Молодого.[4] Видно, как Иван III последовательно укреплял власть великого князя, что отражалось в изменении "терминологии подчинения". Примерно в 1483 г. Михаил Андреевич написал завещание, в котором он называл Ивана III не только своим господином, но и своим государем; более того, он добавил к титулу Ивана выражение "Всея Руси".[5] И что было еще важнее для Ивана III, он завещал ему княжества верейское и белоозерское. Михаил умер в 1486 г., и оба его княжества тогда официально отошли к Московии.

Все братья Василия II умерли в младенчестве (кроме одного, умершего в возрасте 21 года) и не оставили потомства. Таким образом, в правление Василия II вопрос об уделах внутри великокняжеской семьи не вставал. Василий оставил 5 сыновей, включая Ивана III. Древнерусское представление, согласно которому каждый сын получал долю отцовского владения, было столь сильно, что Василию II пришлось принять его во внимание. В последнем завещании и распоряжении Василий "благословил" старшего сына Ивана III великим княжеством и отдал в его непосредственное управление около половины территории: четырнадцать городов против двенадцати, поделенных между остальными четырьмя сыновьями.[6]

Из братьев Ивана III Юрий стал князем дмитровским; Андрей Большой — князем углицким; Борис — князем волоцким; Андрей Меньшой — князем вологодским.

Хотя Иван III чтил волю отца и признавал удельные права своих братьев, у него не было намерения расширять их владения. Когда Юрий Дмитровский, не оставив потомства, в 1472 г. умер, Иван III повелел возвратить его удел великому князю как выморочный. Это противоречило древней традиции, по которой каждый из оставшихся братьев имел право на долю имущества покойного брата. Затем в 1478 г., Иван Васильевич отказался выделить братьям долю земель, полученных от Новгорода. Политика Ивана III возмутила Андрея Большого и Бориса, и, как мы видели, они фактически восстали против него в следующем году. Непосредственной причиной этого выступления послужил конфликт с Иваном III по делу князя Ивана Владимировича Оболенского-Лыко.[7] Князь Оболенский являлся наместником великого князя в городе Великие Луки. Горожан возмутили злоупотребления Оболенского, и они пожаловались великому князю. Иван III сместил Оболенского и приказал отдать под суд. Тогда оскорбленный Оболенский ушел от Ивана III и поступил на службу к князю Борису Волоцкому, пользуясь старой боярской привилегией свободы службы. Иван III, однако, больше не признавал этого принципа и послал своих людей захватить Оболенского и силой доставить в Москву на суд. Поступок великого князя, естественно, вызвал возмущение князей Бориса и Андрея Большого. Однако в 1480 г., во время нашествия хана Ахмата, Борис и Андрей, под нажимом матери и ростовского епископа Вассиана, согласились на мир с Иваном. Иван III пошел на некоторые уступки. Он пожаловал Андрею Большому важный город Можайск, добавив его к углицкому уделу, а Борису небольшой городок Вышгород с несколькими деревнями в Дмитровской земле в придачу к Волоку. И Можайск и Вышгород входили в удел покойного князя Юрия. Но, несмотря на это соглашение, отношения между Иваном III и двумя братьями оставались натянутыми.

В 1481 г. бездетным умер князь Андрей Меньшой Вологодский. Его удел, как прежде удел Юрия, перешел к великому князю, что не могло улучшить отношений Ивана III с Андреем Большим и Борисом. В 1491 г. Андрей Большой не смог принять участие в

походе против Золотой Орды. Тогда его и Бориса обвинили в измене. Бориса Иван III простил, Андрея же взяли под стражу, а его удел конфисковали,[8] он умер в тюрьме в 1493 г. В следующем году скончался князь Борис Волоцкий, оставив двух сыновей. Один из них не был женат и умер в 1504 году; второй — женатый, но не имевший сыновей — умер в 1513 г. Это произошло в правление Василия III, который присвоил Волок как выморочное имущество, что явилось одним из тех случаев, когда Василий III завершал труд отца.

Что касается внешних правителей, то ярославские князья уступили свои права одиннадцать лет спустя. В 1456 г. скончался великий князь Иван Рязанский, оставив девятилетнего сына Василия, которого он поручил заботам великого князя московского Василия II. В 1464 г. Иван III выдал свою сестру Анну за молодого Василия Рязанского. После чего Рязань, пусть формально и независимая, стала подчинена Москве. Василий умер в 1483 г., оставив двух сыновей, Ивана и Федора. Последний завещал свою половину рязанского княжества Ивану III Московскому (1503 г.), но Ивану (V), скончавшемуся в 1500 г., наследовал его сын Иван (VI).

Самым большим достижением Ивана III в деле объединения Великороссии явилось присоединение Новгорода (1478 г.). Новгород был подчинен только после продолжительной борьбы и серии принудительных мер, применявшихся к горожанам в течение нескольких лет после 1478 г. Однако дело было сделано, хотя и ценой разрушения новгородских традиций.

Покорение Твери оказалось куда более легким. Следует отметить, что Михаил, великий князь тверской (брат первой жены Ивана III), помогал Ивану III в его походах против Новгорода. В качестве награды за свою помощь он рассчитывал получить часть новгородских территорий, но получил отказ. Примерно в 1483 г. Михаил заключил союз против Москвы с Казимиром Литовским. Как только известие о соглашении дошло до Ивана III, он выслал на Тверь войска (1484 г.). Не получив поддержки от Казимира, Михаил пошел на мирные переговоры.[9]

По Договору от 1485 г. Михаил признал Ивана III "Всея Руси" своим господином и старшим братом, а Ивана Молодого старшим братом.[10] Михаил вынужден был дать клятву никогда не заключать никаких соглашений с Казимиром Литовским. Хотя Михаил

и подписал этот договор, он не собирался выполнять его и продолжал секретные переговоры с Казимиром. Вскоре московские агенты перехватили одно из писем Михаила к Казимиру, после чего Иван III лично повел армию на Тверь (24 августа 1485 г.). Город сдался на третий день осады, а Михаил бежал в Литву. Чтобы облегчить горожанам переход к новой власти, Иван III назначил в Тверь нового князя — своего сына, Ивана Молодого.

Покорив Тверь, Иван III обратил свое внимание на небольшую северную республику Вятка. Первоначально колония Новгорода, Вятка получила независимость в конце XII века.[11] Город Хлынов стал ее столицей. Новгородцев раздражала потеря ценного региона, и вятичи постоянно находились в готовности отразить их попытки восстановить здесь свое господство. Вятичи были людьми вольными и весьма заносчивыми. Им удалось поссориться практически со всеми своими соседями, включая двинцев (которые подчинялись Новгороду) и жителей города Устюг, присоединенного к Москве в правление Василия I. Вятичи постепенно распространили свою власть на юг, вниз по течению реки Вятки, притоку Камы. Некоторые финские роды из племен вотяков и черемисов стали их подданными. После образования Казанского ханства казанские татары, продвигаясь на север, проникли в район нижней Вятки, в результате чего между ними и вятичами произошло несколько столкновений.

Ища компромисса то с Новгородом, то с Казанью, вятичи часто обращались за помощью к Москве. Когда они поняли, что подобная помощь может угрожать их независимости, они вместо этого постарались установить дружеские отношения с Казанским ханством. Во время гражданской войны в Московии, в 1451-52 гг., вятичи поддерживали Дмитрия Шемяку против Василия II. После победы над Шемякой Василий II выслал в Вятку отряд. Этот первый поход московитов на Вятку провалился. Во втором же походе московиты нанесли вятичам поражение, и те дали Василию II клятву верности (1460 г.),[12] но вскоре после ухода московских войск восстановили свою независимость.

Когда Иван III, в 1468 г., попросил вятичей поддержать войсками московский поход на Казань, они отказались и объявили нейтралитет в московско-казанском конфликте. Три года спустя, однако, они согласились принять участие в московском походе на Нов-

город. Это, конечно, было ошибкой, поскольку, несмотря на всю их нелюбовь к Новгороду, само его существование служило определенным ограничением московской политики объединения. В 1486 г. вятичи совершили набег на Устюг, владение Московии. Годом позже они опять отказались участвовать в войне с Казанью. Тогда Иван III обратился с просьбой к митрополиту Геронтию направить вятичам послание. Митрополит убеждал вятичей не помогать мусульманам против христиан и угрожал им отлучением от церкви.[13] Не получив ответа, Иван III отправил в Вятку сильную армию под командованием князя Данилы Щени и боярина Григория Морозова. Тверские, устюжские и двинские соединения участвовали в походе вместе с московской армией, в которую входила конница. Вассал Ивана хан Мухаммед-Эмин выставил 700 конников. Напомним, что и устюжане и двинцы имели к Вятке собственные претензии и поэтому горели желанием наказать вятичей.

16 августа 1486 г. объединенная московская армия появилась перед Хлыновым. Московские военачальники потребовали, чтобы вятичи поклялись в покорности Ивану III и выдали трех своих предводителей. Через три дня те подчинились. Трех руководителей передали под охрану устюжанам. Это, однако, было не все. 1 сентября всем гражданам Вятки с семьями (их было, по-видимому, несколько тысяч) приказали покинуть свои дома и повезли в Москву через Устюг. В Москве трех лидеров казнили. Все другие вятичи должны были поступить на великокняжескую службу. Нескольким пожаловали поместья.[14] Таким был конец Вятки.

В результате этих событий к концу правления Ивана III лишь часть рязанского княжества и город Псков оставались в Великороссии самостоятельными государствами. Ни Рязань, ни Псков не составляли никакой угрозы Москве. Псков нуждался в поддержке Москвы против ливонских рыцарей, и поэтому можно было рассчитывать на его приверженность великим князьям Московии.

2. Региональные грамоты и судебник

Распространение великокняжеской политической власти на прежде независимые великорусские государства являлось лишь первым шагом на пути приведения государственного управления

и органов администрации к единообразию. Оно установило новую форму национального великорусского государства, но эта форма еще должна была быть наполнена новым содержанием. Перед московским великим князем стояли, таким образом, задачи привлечения администрации вновь присоединенных территорий к национальным нуждам и приведения действий центральных и местных органов управления к согласованности.

В подобных делах, как и во многих других, Иван III предпочитал действовать медленно и осторожно. Известный специалист по русскому праву и государству М.Ф. Владимирский-Буданов справедливо заметил, что некоторое время после присоединения каждого государства к Москве местные органы самоуправления имели определенные прежние черты, и территория, таким образом, на время сохраняла известную степень административной автономии.[15] Разумеется, местные дела теперь находились в ведении великокняжеских наместников, а не прежних правителей. Московская система управления распространялась на всю Великороссию постепенно. В этом процессе и сами московские методы управления претерпели изменения, им суждено было завершиться крупными реформами 1550-х гг.

В первой половине XV века московская администрация представляла собой соединение двух различных систем, базировавшихся на разных принципах.[16] Одну из двух ветвей можно назвать государственным управлением в прямом смысле этого термина; другую — "манориальным", или "дворцовым", управлением. К государственному управлению относились сбор налогов (прежде собираемых ханами), система призыва на военную службу и судопроизводство. Дворцовая администрация отвечала за содержание войск великокняжеской гвардии; управляла владениями великого князя; в ее ведении находились различные специальные службы, такие как сокольничий, конюшенный, охотничий; а также снабжение великокняжеского дворца.

Когда власть великого князя московского распространилась на всю Великороссию, и он превратился в правителя национального государства, дворцовая администрация тоже приобрела национальное значение. Две системы — государственная и дворцовая — не слились, однако, а продолжали сосуществовать. Каждая имела собственные органы и чиновников. Представительства обеих

ветвей постепенно были учреждены на всех присоединенных территориях.

Что касается государственного управления, то его главными представителями на местах являлись великокняжеские наместники и волостели. Наместник назначался в каждый крупный город, а волостель в каждый сельский район. Основной функцией наместника и волостеля был суд. Они не получали жалования от великого князя, и поэтому имели право оставлять за собой часть собираемых ими судебных пошлин, им также разрешалось "кормиться" с города или района, куда они назначались. Это было так называемое *кормление.*[17] Объем того, что жители обязаны были предоставлять этим чиновникам, устанавливался традицией. С распространением власти великого князя московского появилась необходимость точнее определить обязательства местных жителей по отношению к великокняжеским представителям, особенно во вновь присоединенных регионах, где люди не были знакомы с московской административной системой. Первые списки обязательств народа по отношению к кормленщикам относятся к середине XV века.[18] В правление Ивана III было решено выдавать особые грамоты жителям недавно присоединенных территорий, дабы предотвратить недоразумения между чиновниками и народом. Одна подобная грамота, пожалованная Иваном III жителям Белоозера в 1488 г., дошла до нас в полном виде. Есть основания думать, что она не была единственной. В статье 38 Судебника 1497 г. говорится, что наместники и волостели должны собирать судебные пошлины "*согласно грамотам*". Это ясно говорит о том, что к 1497 г. существовало несколько подобных грамот.[19]

Напомним, что последний князь белоозерский Михаил Андреевич завещал свое княжество Ивану III. Когда Михаил скончался (1486 г.), в Белоозеро прибыли московские представители для преобразования бывшего княжества в провинцию Московии. Первая их задача состояла в сборе информации о местных законах и обычаях. В Москве эти материалы тщательно изучили и использовали при подготовке грамоты, определяющей сферу компетенции наместников и волостелей Московии в Белоозерской провинции; ее обнародовали в марте 1488 г.[20] Эта белоозерская уставная грамота 1488 г. является важным документом административного права Московии того периода.[21]

Грамота устанавливает определенные правила дознания и судебной процедуры над уголовными преступниками, а также размеры судебных пошлин. Для предотвращения злоупотреблений со стороны чиновников в грамоте оговаривается объем выплат (корма) местных жителей чиновникам, а также время этих выплат (дважды в год, на Рождество и Петров день). Сбор выплат осуществляли выбранные представители сельских общин (сотники), а не чиновники. Принципиально важная статья (19) грамоты требует, чтобы в суде местных жителей представляли сотники и добрые люди (выборные). Судья должен советоваться с ними по ходу судебного разбирательства. Другая имеющая существенное значение статья (23) гласит, что в случае нанесения обиды белоозерским людям (горожанам или крестьянам), пострадавшие *"сроки наметывают на наместников и на волостелей и на их людей (представителей)"*. Таким образом, наместник не имел возможности уклониться от ответственности, откладывая дело против него на неопределенное время. В заключительной части грамоты говорится, что любой, нарушивший условия, обозначенные в ней, будет наказан великим князем. Это предполагает право местных жителей направлять великому князю жалобы на чиновников, если они будут препятствовать обычной процедуре.

Региональные грамоты оказались лишь первой ступенью на пути сведения методов управления и судебной процедуры к единообразию. Существовала явная необходимость в более полном своде законов, который был бы приемлем для всей Великороссии. Такой судебник был обнародован 1 сентября 1497 г. Нет сомнений, что подготовительная работа по составлению свода началась по меньшей мере за год до его окончательного одобрения великим князем и боярской думой, а возможно, и за два. До последнего времени считалось, что главным создателем судебника был Владимир Гусев, поскольку в одной из летописей имя Гусева упоминается непосредственно после записи о выходе судебника.[22] Большинство ученых полагали, что Гусев был дьяком. Однако Н.П. Лихачев в своей работе о дьяках (опубликованной в 1885 г.) утверждает, что имя "Владимир Гусев" не встречается среди известных нам дьяков того времени.[23] В 1939 г. С.В. Веселовский в своей статье о Владимире Гусеве показал, что его семья принадлежала к дворянству.[24]

В 1940 г. И.С. Лурье высказал мнение, что имя Владимира Гусева в Типографской летописи упоминалось просто как сноска к следующей записи, записи о казни Гусева в 1497 г., а не в связи с предыдущей записью о составлении судебника.[25] С заключением Лурье согласился и Л.В. Черепнин.[26] По Черепнину, составление судебника Иван III доверил не Гусеву, а комиссии, возглавляемой князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Материалы, собранные комиссией, редактировал, по всей видимости, дьяк Василий Третьяк Долматов.[27] Доказательства Черепнина кажутся мне убедительными.

В сущности Судебник 1497 г. представляет собой собрание правил процедуры и избранных правовых норм, предназначенное, прежде всего, как руководство для судей высших и местных судов.[28]

В судебнике упоминаются три вида высших судов: (1) верховный суд, возглавляемый председателем боярской думы, в котором заседают бояре и государственные чиновники; решения этого суда обжалованию не подлежали. (2) Боярский суд, который должен был докладывать дело великому князю, которому принадлежало окончательное решение. (3) Суд по особым делам под председательством судьи (боярина или государственного секретаря), которого специально назначали для каждого подобного дела; этот судья докладывал дело верховному суду для окончательного утверждения судебного приговора. Судопроизводство в провинциальных городах и районах оставлялось в руках кормленщиков. Как и в Белоозерской уставной грамоте, представители местного населения должны были принимать участие в судебных заседаниях (статьи 37 и 38 судебника).

Что же касается правовых норм, то судебник установил размеры наказаний за разные виды преступлений; а также правила судебных процедур по делам о земельных владениях и торговых займах, отношениях между хозяевами и наемными работниками, между владельцами земли и крестьянами, по делам о рабстве. Большая часть статей судебника предельно лаконична. Многие статьи основываются на ранних русских сводах законов — "Русской правде" Киевского периода и Псковской судной грамоте XIV и XV веков.[29]

Принципиальное значение для укрепления власти великого князя имела статья 9 судебника, которая устанавливала смертную казнь

за основные государственные преступления, прежде всего, для всех виновных в вооруженном мятеже и заговоре против государя.[30]

В "Русской правде" не было статей о смертной казни, но она существовала в Новгородском и Псковском праве. Великие князья московские в конце XIV и начале XV веков несколько раз применяли смертную казнь к непокорным боярам и предателям.[31] Согласно Уставной грамоте Двинской Земли 1398 г. наказаньем за третью кражу являлась казнь через повешенье. Иван III, как нам известно, казнил нескольких новгородских бояр, а также руководителей восстания в Вятке. Однако до судебника 1497 г. в Великороссии не существовало общего закона о смертной казни за государственные преступления.

С точки зрения социального и экономического развития Великой Руси одной из наиболее важных статей судебника являлась статья 57 о праве крестьян переходить из одного владения или района в другой. Эта статья состоит из двух частей. Первая содержит общее правило о том, что крестьяне свободны менять место жительства один раз в год в течение двух недель около "осеннего Юрьева дня", 26 ноября. Во второй части оговаривается особый случай, который касается крестьян, проживающих в домах (пожилых дворах), построенных для них владельцем земли. Если такой крестьянин желал съехать в конце первого года проживания, он должен заплатить землевладельцу за пользование домом одну четвертую часть его стоимости. Если крестьянин жил там два года, он выплачивал половину; если три, то — три четверти; если четыре, то — полную цену. Средняя стоимость дома устанавливалась в размере 1 рубль для степных районов (где лес стоил дорого) и половину рубля для лесных районов.

Кажется очевидным, что 57 статья вводилась в интересах землевладельцев и крестьян, а также в интересах великого князя. Крестьянам было важно, чтобы свобода их передвижения из одной местности в другую была официально подтверждена. Время, установленное для переезда (около 26 ноября), соответствовало окончанию сельскохозяйственного сезона в Великороссии. К этому моменту сбор урожая заканчивался, и зерно было уложено на хранение. Крестьянин, таким образом, имел возможность произвести все расчеты с землевладельцем и заплатить все налоги великому князю. Более ранний закон подобного рода встречается в статье

42 Псковской судной грамоты (с немного другим временем для переезда — 14 ноября, вместо 26 ноября). Что же касается специального условия для крестьян, проживавших в домах, построенных землевладельцами, то требование платы за пользование домом в случае отъезда крестьянина должно было, конечно, прежде всего гарантировать владельцу сохранность дома. Однако сумма, устанавливаемая в качестве цены за дом, была не слишком высока. Более того, если крестьянин уезжал, прожив в доме более четырех лет, он все равно платил не более установленного размера.

В целом статью 57 следует рассматривать вполне благоприятной и для землевладельцев и для крестьян. С моей точки зрения, В.Б. Ильяшевич абсолютно прав, утверждая, что эта статья предназначалась не для того, чтобы лишить крестьян свободы передвижения, а для того, чтобы регулировать их миграцию в соответствии с требованиями сельскохозяйственной экономики.[32]

3. Землевладение, армия и возвышение дворянства

Даже после политического объединения Великой Руси и установления единой системы судопроизводства оставалось множество препятствий для осуществления непосредственного управления людьми великим князем. В тот период на Руси кроме политических существовали противоречия экономические и общественные.

Историки, особенно марксисты, обычно характеризуют общественно-экономический строй Руси того времени как феодальный. Но термин "феодализм" превратился в своего рода ярлык и в целом, насколько это касается Руси, применяется некорректно.[33] На Руси XV столетия, несомненно, наблюдаются определенные аналогии с феодальным строем Западного типа. До объединения Великороссии отношения между великим князем и младшими князьями можно охарактеризовать терминами сюзеренитета и вассальной зависимости. Одним из краеугольных камней феодальной экономики является большое земельное владение, и таковые были широко распространены на Руси в XV веке. Как на Западе, владелец *"манора"* имел определенные "манориальные" и юридические права над населением своего владения. Однако на Руси в то время крестьяне не были привязаны к владению и все еще имели свобо-

ду передвижения из одной местности в другую. Более того, основа землевладения не была феодальной. До введения поместной системы в конце правления Ивана III владелец имел полное право собственности на землю.

Представление о правах на землю в Древней Руси значительно отличалось от понятий современного периода. Только с оговорками мы можем применять современные юридические термины к русскому землевладению XV века. Самый лучший анализ проблемы дает В.Б. Ильяшевич. Несколько упрощая его выводы, мы можем говорить о следующих основных категориях земель в Древней Руси: (1) государственные земли (обычно называемые черные земли); (2) великокняжеские земли (известные как дворцовые земли); (3) вотчины (родовые, наследственные имения) удельных князей, которые сохранялись за ними, даже когда они отказывались от права сюзерена и становились служилыми князьями под властью великого князя; (4) боярские земли и (5) церковные земли, включая монастырские.

Следует отметить, что не только земли, которыми владели бояре, но и все земли, принадлежавшие людям на правах частной собственности, называли боярскими. Таким образом, термин "боярские земли" являлся эквивалентом термину "частные владения", в отличие от государственных и церковных земель.[34] К этой категории тогда относились, наряду с вотчиной боярина, гораздо меньшее по размерам имение "боярского сына" (члена низшего дворянства), и совсем маленькое имение, владелец которого иногда сам обрабатывал землю. Таких мелких землевладельцев в Новгороде называли *своеземцами*. Они существовали также и в Московии, хотя количество их там неуклонно сокращалось.[35] Ни боярские дети, ни своеземцы не представляли угрозы для великокняжеской власти. Бояре и служилые князья, с другой стороны, могли доставить — и временами действительно доставляли — серьезные беспокойства великому князю. Их сила состояла в вотчинах. Иван III по своей осторожной натуре это ясно осознавал, однако избегал прямо ущемлять какие-либо наследственные права служилых князей и бояр. Вместо этого, он пытался ввести, наряду со старыми формами землевладения, новый тип пользования землей — поместье.

Наследственные права служилых князей и бояр являлись пре-

пятствием для великокняжеской власти и в управлении армией, и в отправлении судопроизводства. Русское судопроизводство, как нам известно, строилось в то время на системе кормления. Не имея средств на жалование судьям, великий князь был не в состоянии упразднить эту систему; в любом случае он не мог сделать этого немедленно. Поэтому, как мы знаем, он старался отрегулировать ее тремя способами. Во-первых, региональными грамотами и судебником устанавливались правила надлежащих судьям выплат. Во-вторых, были утверждены определенные нормы судебной процедуры. В-третьих, местные жители допускались к участию через выборных представителей в сборе выплат и судебных заседаниях. Все это касалось жителей государственных и дворцовых земель, а также мелких землевладельцев. Вотчин служилых князей и бояр, как и церковных и монастырских земель, новое законодательство поначалу особенно не коснулось.

Со времен Владимира Святого русская церковь имела полуавтономный статус и некоторые привилегии. По Церковному Уложению Владимира и другим законодательным актам *"церковные люди"* находились под юрисдикцией митрополита, а не князя. Под "церковными людьми" понимались не только духовенство и члены их семей, но также и другие определенные группы людей, которые либо служили церкви тем или другим способом, либо нуждались в ее защите.[36] Монгольские ханы в свое время, в соответствии с Ясой Чингисхана, пожаловали церкви специальные ярлыки (грамоты) неприкосновенности.

Земельные владения церквей и монастырей со всеми людьми, работающими на них, освобождались от налогов; все церковные люди не подлежали призыву на военную службу. Монгольским представителям запрещалось под угрозой смертной казни захватывать церковные земли или требовать услуг от церковных людей.[37] После распада Золотой Орды и возвышения великого князя московского церковь была вынуждена обратиться к последнему за подтверждением своих привилегий. В XIV и XV веках вышло несколько великокняжеских грамот, дарующих церкви административную и юридическую неприкосновенность, однако подчиняющих крестьян церковных земель государственному налогообложению. Таким образом, как это ни парадоксально, независимость церкви стала не такой безоговорочной, когда христианские прави-

тели взяли верх над буддийскими, шаманистскими и мусульманскими ханами.[38]

Что же касается вотчин служилых князей, то последние (если когда и сохраняли за собой свои бывшие земли после отказа от прав суверена) имели традиционное право отправлять суд над людьми, живущими в их доменах. Великие князья поначалу молча признали их права.

Напротив, нетутилованные бояре и более мелкие землевладельцы нуждались в великокняжеском подтверждении своего судебного права. В течение XV века великие князья выдали таким землевладельцам несколько грамот, гарантирующих юридическую неприкосновенность. Для выдачи подобных грамот у великого князя было две причины. Во-первых, он не располагал достаточным количеством подготовленных судей для всех боярских земель. А во-вторых, выдавая эти грамоты, он мог ограничивать юридические права бояр, когда считал это необходимым. В большинстве таких грамот дела по наиболее серьезным преступлениям исключались из юрисдикции землевладельцев. Кроме того, все тяжбы между получателями дарений и их соседями подлежали рассмотрению великим князем.[39]

Хотя в области судопроизводства на текущий момент великий князь мог быть удовлетворен компромиссом, устраивающим обе стороны, ситуация в армии была абсолютно другой. Отчаянная борьба Великороссии за выживание требовала централизованного руководства армией больше, чем чего-либо другого. Великий князь московский, как мы знаем, унаследовал от монгольских ханов право на всеобщую мобилизацию в случае необходимости. По этому праву Дмитрий Донской провел "призыв" в 1380 г. на всей территории Великого княжества Московского, а его сын, Василий I, сделал то же самое в 1396 г.[40]

Однако ни Дмитрий, ни Василий I не создали регулярной национальной армии. Успех всеобщей мобилизации зависел от сотрудничества с удельными князьями и боярами и, конечно, от отношения к ней народа в целом. Поэтому мобилизация была возможна в тот период только в момент угрозы национальной безопасности. Во время княжеских усобиц в первой половине правления Василия II больших армий не собиралось, и великий князь вынужден был рассчитывать преимущественно на свой двор.[41]

Основываясь на доступных свидетельствах, мы полагаем, что во второй половине правления Василия II великокняжеский двор был значительно увеличен. Некоторых слуг под *дворским* (прикрепленных к службе)[42] перевели от других обязанностей на военную службу. Этим дворянам (слугам двора) обычно жаловали небольшие поместья либо в полную собственность, либо во временное пользование. Самый первый из известных нам случаев пожалования земли княжескому слуге на время его службы зафиксирован в завещании великого князя Ивана I Калиты (примерно 1339 г.): *"А что купил село..., а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимь, не иметь ли служити детем моим, село отоимуть"*.[43] Судя по всему, в XIV веке составлялись и другие подобные соглашения, а еще больше — в первой половине XV столетия.

Однако даже весьма значительное расширение двора великого князя было недостаточным для создания сильной армии. Необходимо было искать другие средства. Одним из наиболее действенных при Василии II явился прием на великокняжескую службу татарских князей с соответствующими отрядами. Если эти князья принадлежали к дому Чингисхана, на Руси их называли царевича́ми. Каждый получал город (с прилегающим районом) для кормления. Здесь мы встречаемся со случаем использования системы кормления для нужд армии, а не для отправления судопроизводства. Эти татарские войска обычно были исключительно боеспособны и оказали большую поддержку как Василию II, так и Ивану III.

В первой половине правления Ивана III Москва, как мы знаем, вела несколько войн, а именно: против Казанского ханства (1468-69 гг.), против Новгорода (1471 и 1478 гг.) и против Золотой Орды (1472 и 1480 гг.). Исходя из описаний этих войн в летописях и других источниках, можно проследить следующее ее переустройство московских вооруженных сил того периода.

Ядро армии (войска) Московии составляли дворяне и боярские дети, связанные с двором, под командованием самого великого князя или воеводы (военачальника), назначаемого великим князем. Эту часть армии можно назвать дворянским ополчением. Братья великого князя с собственными отрядами должны были приходить к нему на помощь по призыву. Служилые князья и московские бояре участвовали в войнах по приказу, каждый со

своим отрядом. Они ожидали назначений на командные посты в соответствии с чинами и статусом их родов. В этом отношении великий князь был связан традицией. Далее следует назвать вспомогательные татарские войска под командованием татарских царевичей, владеющими различными городами на условиях системы кормления, и также войска вассального касимовского хана.

Все вышеперечисленные подразделения были конными. Кроме них во многих случаях использовались пешие войска. В 1469 г. Иван III призвал для похода на Казань всех годных к строевой службе купцов и горожан в Москве и некоторых других городах. Они служили под командованием отдельного воеводы (подчиненного воеводе конных войск, который являлся главнокомандующим). Это городское ополчение воевало в пешем строю. Другим видом пехоты были казаки, впервые упоминаемые в русских летописях в Рязанской земле под 1444 г.[44] В 1468 г. группу казаков послали из Москвы против казанских татар в район Камы. По-видимому эта группа в то время временно была расквартирована в Москве или неподалеку от нее. Судя по всему, постоянно они жили не в Москве, а где-то под Окой, у северной границы степей. Казаки воевали под командованием собственного выборного атамана, которым в 1468 г. являлся Иван Руно.

Замечательной чертой великорусской армии того периода был дух воинской инициативы и участие рядовых воинов в планировании походов. Прекрасным примером этого служит весеннее выступление 1469 г. против Казани. Русская армия под командованием старшего воеводы боярина Константина Александровича Беззубцова стояла в Нижнем Новгороде. По какой-то причине Иван III в последний момент решил отложить главное наступление на Казань и выслать вперед разведывательный отряд. Он приказал Беззубцову оставаться со штабом в Нижнем Новгороде и отправить в бой только добровольцев. Когда Беззубцов объявил солдатам великокняжескую волю, каждый пожелал сражаться с татарами "за всех христиан". Сначала они заказали молебен, а затем сами выбрали себе командира, казацкого атамана Ивана Руно. Спустившись по Волге на лодках, они 22 мая добрались до пригородов Казани. Татары контратаковали, русские понесли большие потери, но в целом поход достиг своей цели и подготовил почву для основного наступления, которое состоялось в августе и заверши-

лась 1 сентября мирным договором.[45] Другим примером участия командиров и рядовых воинов в планировании военных походов является совещание боярских и дворянских войск, созванное Иваном III в 1471 г. накануне наступления на Новгород.

Во второй половине своего правления Иван III столкнулся с проблемой объединения населения новых полученных территорий (Новгород, Псков, Белоозеро) в армию Великого княжества Московского. Главный упор он теперь делал на увеличение дворянского ополчения. Его политика диктовалась как военными, так и политическими соображениями. С военной точки зрения отряды дворян, находившиеся под непосредственным управлением великого князя, лучше отвечали задаче централизации структуры армии и объединению общего командования, чем подразделения, предоставляемые князьями и боярами. С политической стороны, в случае любых выступлений аристократии правительство великого князя могло ожидать поддержку от дворян.

Для должного исполнения своих военных обязанностей дворянские войска нуждались в средствах, а их в то время можно было предоставить только в форме землепользования. Поэтому главной задачей Ивана III во второй половине его правления было получить достаточно земель для распределения дворянам, несущим военную службу.

Теоретически великий князь распоряжался всей государственной землей. Фактически же большая ее часть, особенно в Северной Руси, являла собой девственный лес. Пахотные земли населяли крестьяне, которые, согласно древнерусскому представлению, имели собственные права на обрабатываемые ими земли. Поскольку они выплачивали государству налоги, то представляли собой важный источник государственного дохода. Дворцовые земли давали содержание великому князю и его двору. Исходя из этих соображений, великий князь предпочел бы не использовать государственные земли в качестве поместного фонда. Существовали, однако, еще две обширные категории земель — боярские вотчины и церковные и монастырские владения.

Великий князь не имел права затрагивать боярские вотчины, поскольку бояре являлись ведущей силой в великорусском правительстве и органах администрации. Любая попытка упразднить наследственные права боярского класса могла закончиться свер-

жением самого великого князя. Да и просто открытое наступление на привилегии боярства противоречило бы природе Ивана III. Кроме того, дворянство, которое должно было служить союзником великого князя в его борьбе против бояр, еще недостаточно окрепло и оставалось плохо организованным. Несмотря на все эти обстоятельства, Иван никогда не упускал возможности захватить владения отдельных бояр, виновных в измене или недостойном поведении, и поступил так, когда в 80-х гг. XIV века несколько московских бояр навлекли на себя его немилость.

Во вновь присоединенных территориях ситуация была другой. Там великий князь не был связан традициями и мог действовать как победитель. Поскольку новгородские бояре возглавляли борьбу против него, Иван III попытался уничтожить их как класс. Как нам известно, после присоединения Новгорода нескольких бояр казнили, большинство отправили в Москву, а их вотчины захватил великий князь. Таким способом Иван III получил немало земель, которыми мог распоряжаться по своему усмотрению. Подсчитано, что до 1470 г. примерно 33 процента пахотной земли в новгородском регионе принадлежало 68 боярским семьям.[46] В 1489 г. меньшие по размерам владения житьих людей тоже конфисковали.

Не удовлетворившись этим новым земельным фондом, Иван III обратил свое внимание на новгородскую церковь и монастыри. В 1478 г. от новгородского архиепископа потребовали передать Ивану III десять волостей (районов), входивших в его епархию, а также шесть, принадлежавших десяти самым богатым новгородским монастырям, — половину всей церковной земли.[47] В 1491 и 1492 гг. в Новгород прибыли московские чиновники для составления кадастра всех новгородских земель. Они работали несколько лет, за которые и другие церковные и монастырские земли тоже перешли к великому князю. В 1500 году Иван получил благословение митрополита Симона на секуляризацию любых церковных и монастырских земель в новгородском районе.[48]

Согласно С.В. Веселовскому, к 1500 г. Иван III получил в новгородском регионе путем конфискации боярских и церковных земель примерно 1 000 000 десятин пахотной земли.[49] Основную их часть московское правительство предоставило дворянам, которые находились на военной службе и в большинстве своем были бояр-

скими детьми. Кроме них, на новгородских землях расселили некоторых бывших слуг опальных московских и новгородских бояр; теперь они стали слугами великого князя.

Мы не располагаем точными сведениями об общем количестве дворян, поселившихся на новгородской территории с 1487 по 1500 гг., но можно предположить, что за этот период не менее 8000 человек получили там поместья. Известно, что в 1489 г. из Новгорода вывезли 9000 бояр, житьих людей и купцов, а на их место отправили такое же количество московских бояр, купцов и боярских детей.[50] До нас дошли, хотя и с некоторыми пробелами, новгородские кадастровые книги. Согласно С.В. Веселовскому, в доступных нам кадастровых книгах зарегистрировано 2000 поместий московских поселенцев (бояр, боярских детей и бывших боярских слуг). Базилевич дает меньшее число — 1800.[51] Размер большей части новых поместий колебался от 100 до 300 десятин.[52]

Следует отметить, что большинство высланных новгородцев поступили на великокняжескую службу и получили поместья в различных районах Великого княжества Московского. В целом это было взаимное переселение. На основе доступной нам информации оно представляется тщательно организованным и хорошо проведенным. Историческое значение этого массового переселения для русской политической и общественной истории поистине огромно, поскольку в его процессе сложился новый тип условного землевладения — особый род военного ленного владения, известный как поместье. Ни московские поселенцы в Новгородской области, ни новгородские поселенцы в Московской не имели права собственности на землю. Они получали землю, чтобы быть в состоянии исполнять свои обязанности в качестве военнослужащих, и пользовались ею только при условии службы государству. Хотя юридическая природа поместья конкретнее определена в середине XVI века, цель жалованья поместьем прекрасно понимали во времена Ивана III и сам великий князь и получавшие землю.

Получивший поместье стал известен как *поместник* или *помещик* (позднее помещик), то есть тот, кто был "помещен" (от место, поместити). Термин фигурирует в статье 63 Судебника 1497 г. Примечательно, что помещик упоминается не в первой части статьи (где говорится о боярстве и монастырях), а во второй, в ряду с "черными" (государственными) крестьянами. Законодатель, та-

ким образом, ясно подчеркивал, что поместья принадлежат к категории государственных земель, а не частных владений.

4. Боярская дума и секуляризация церковных земель

Хотя во второй половине правления Ивана III и произошел глубокий социальный переворот, который должен был выдвинуть класс средней аристократии (дворянство), правительство и органы центральной администрации еще находились тогда в руках бояр. Однако в среде этого социального класса произошли серьезные перемены. Наряду с древними родами московского боярства трон теперь окружали служилые князья. Одни являлись потомками Рюрика, другие — Гедимина.

Вскоре две аристократические группы — служилые князья и нетитулованные бояре — слились, образовав единую правящую группу, в целом называемую боярство. Процесс урегулирования отношений между ними протекал не всегда гладко, поскольку некоторые представители древних боярских фамилий не желали уступать новичкам и продолжали требовать себе высших постов в армии и органах управления. В 1500 г., во время литовской кампании, боярин Юрий Захарьевич Кошкин отказался принять на себя командование сторожевым полком, когда князь Данила Щеня (потомок Гедимина) был назначен командующим главным полком. Кошкин заявил, что не пристало ему подчиняться Щени — "охранять князя Данилу", как он выразился. Иван III ответил, что Кошкин должен охранять не князя Данилу, а самого великого князя (другими словами, что каждый военачальник служит государству, а не непосредственному начальнику).[53] Кошкин в этом случае подчинился приказу великого князя, но в целом Ивану III не удалось разрушить аристократические традиции в армии и правительстве. В конце концов была разработана сложная система чинов и соответствующая ей табель о старшинстве княжеских и боярских родов. Система стала называться *местничество* (буквально "порядок мест"), законность системы вынуждены были признавать и великий князь и боярство.

Боярство совместно с великим князем правило Русью через государственный совет, известный в современной историографии

как боярская дума. Членов этого органа великий князь назначал из ведущих княжеских и боярских фамилий, и в своем выборе он был связан традицией. Как мы знаем, в 1471 г. при подготовке к походу против Новгорода великий князь советовался и с боярами и с дворянством. Это собрание можно рассматривать как прототип Земского собора, введенного внуком Ивана III, Иваном IV Грозным. В правление Ивана III подобный эксперимент, насколько нам известно, не повторялся. Бояре были еще могущественны, а дворянство недостаточно сильно.

Не имея возможности ввести постоянный дворянский совет в противовес влиянию боярской думы, Иван III использовал другие средства для контроля за боярской администрацией. Он все более и более полагался на дьяков (государственных секретарей), обычно избираемых из людей незнатного происхождения. Некоторые из них, такие как Федор Курицын, были учеными людьми, многие получили по русским стандартам того времени хорошее образование. Великий князь мог назначить и сместить дьяка без консультаций с боярской думой; успех дьяка по службе, таким образом, зависел от его собственных способностей и лояльности к великому князю. Большинство дьяков были людьми весьма одаренными, а некоторых со всей ответственностью можно назвать выдающимися государственными деятелями. Они служили в качестве секретарей как великого князя, так и боярской думы, и при Иване III думные дьяки признавались полноправными членами думы. Им обычно поручалось управление великокняжеской казной и приказом иностранных дел, а также, как можно видеть из Судебника 1497 г. (статья 1), они участвовали в деятельности верховного суда.

Боярская дума являлась высшим правительственным органом Великороссии. Она служила законодательным советом и руководила как внутренними, так и внешними делами, а также занималась проблемами руководства армией. Великий князь председательствовал на заседаниях думы, когда считал это необходимым, обычно если предполагалось утверждение и обнародование важных решений. Рядовыми заседаниями руководил один из бояр, называемый *первосоветником*.[54] Мы можем назвать его председателем и главой думы. Большую часть правления Ивана, до 1499 г., этот пост занимал князь Иван Юрьевич Патрикеев.

Мы бы ошиблись, если бы поверили, что бояре думали только о своих классовых интересах. Московские бояре явились важнейшим фактором построения Великого княжества Московского. Теперь они, вместе со служилыми князьями, превращали его в Великорусское государство. Бояре всем сердцем поддерживали великого князя в его политике объединения. Они также оказались готовы сотрудничать с великим князем в деле увеличения дворянского ополчения и снабжения дворянства землей, пока не были затронуты их права на собственные земли.

Каким бы значительным ни казался земельный фонд, полученный от Новгорода, его не хватало для полной реализации поместного плана. Кроме того, весь новгородский земельный фонд находился в одном регионе, Северной Руси. Он мог служить базой для защиты Новгородской и Псковской областей от балтийских немцев и шведов. Однако другие потенциальные театры войны — литовский на западе и татарский на юге и юго-востоке — тоже требовали внимания. Необходимо было более пропорциональное распределение поместных землевладений по всей территории Великороссии, чтобы, в случае необходимости, обеспечить готовность дворянской армии. Таким образом, требовалось больше земель для дворянства в центральной части Великороссии, а также в ее западных и юго-восточных пограничных районах.

Успех секуляризации церковных и монастырских земель в Новгородской области вдохновил Ивана и его советников на рассмотрение возможности секуляризации хотя бы части церковных земель на основной территории самого Великого княжества Московского.

Следует отметить, что в течение правления Ивана III церковь Московии, хотя и стала независимой от патриарха константинопольского и превратилась в национальную Русскую Церковь, не смогла четко определить свои взаимоотношения с растущим Русским государством. Великий князь московский считался ее защитником. Более того, во многих случаях, а особенно при выборе митрополита, Иван III вел себя как глава церковной администрации. Митрополита избирал епископский собор, однако с одобрения великого князя. Однажды (в случае с митрополитом Симоном, 1494 г.) Иван торжественно провел вновь посвященного прелата к митрополичьей кафедре в Ус-

пенском соборе, таким образом подчеркнув прерогативы великого князя.[55]

Принимая во внимание большую роль Ивана III в руководстве Русской Церковью, достижение по крайней мере частичной секуляризации церковных земель в Московии казалось вполне вероятным. Огромное значение имел также тот факт, что право монастырей владеть землей и другими богатствами подвергалось по моральным и религиозным соображениям сомнению целой группой самих священников. Наиболее известными в этой группе были так называемые заволжские старцы, представлявшие мистическое течение мысли в русском православии того периода. Они испытали влияние учений видного византийского богослова XIV века Св. Григория Паламы и его последователей.

Проблему церковных земель широко обсуждали и миряне, и духовенство. Многие миряне, включая некоторых бояр, одобрительно относились к деятельности заволжских старцев, направленной на духовное возрождение и очищение церкви. Сын Ивана Патрикеева Василий, постриженный в монахи в 1499 г., стал известным старцем под именем Вассиана. Возможно, что весь род Патрикеевых сочувствовал этому течению.

Право монастырей владеть землей ставило под вопрос и другое религиозное движение, которое фактически отрицало весь институт Православной Церкви: "ересь жидовствующих". Начало ему положил ученый иудей (возможно, караим) Захария, появившийся в Новгороде в 1470 г. В этой ереси существовало несколько ответвлений, варьирующихся от караизма до рационалистического отрицания церковных догматов и обрядов[56] Несколько высших чиновников в Москве, включая дьяка Федора Курицына, тайно поддерживали это движение.

Маловероятно, что Иван III лично сочувствовал ереси по религиозным соображениям. Но он, несомненно, считал полезным для своей политики по меньшей мере один из ее принципов — отрицание права церкви владеть землей. Как защитник православной церкви Иван III не имел возможности открыто поддерживать деятельность этого движения. Более того, согласно общепринятым понятиям того времени, он должен был подавить его жестокими мерами. В 1375 г. новгородское правительство, не колеблясь применило высшую меру наказания к трем лидерам более раннего

еретического движения, так называемым стригольникам.[57] Иван III, напротив, пока было возможно избегал применения крутых мер против еретиков.

Судя по всему, архиепископ Геннадий Новгородский узнал о существовании этой ереси в конце 70-х гг. XV века.[58] Однако только в 1487 г., собрав больше информации, он взял под стражу двух священников и двух дьяков, обвинив их в богохульстве. Всех четверых он отправил в Москву, прося великого князя и митрополита наказать их. В Москве трое обвиняемых были признаны виновными в хулении святых икон, а один оправдан. В целом вопрос о ереси не поднимался. В 1488 г. троих (двух священников и одного дьяка) наказали кнутом, а затем всех четверых отослали обратно в Новгород. Геннадий получил указание провести дальнейшее расследование, но в то же время ему запретили применять к подозреваемым пытки или делать ложные обвинения. О расследовании по распространению ереси в Москве приказа не поступало. 26 сентября 1490 г. в сан митрополита московского был посвящен монах Зосима, подозреваемый в тайном сочувствии ереси. С другой стороны, под давлением архиепископа Геннадия и других консервативных священников, требовавших жестоких мер, в Москве был созван собор (церковный совет) для обсуждения мер по прекращению дальнейшего распространения ереси.

Собор допросил еще нескольких новгородских священников и дьяков, обвиненных архиепископом Геннадием во время следствия. Сам Иван III не стал участвовать в заседаниях и представлять великокняжескую власть послал трех бояр (включая князя Патрикеева) и одного дьяка. Всех обвиняемых признали виновными, и священников лишили сана. Всех приговорили к телесным наказаниям, и для исполнения приговора отправили обратно в Новгород. В самой Москве в это время никто из приверженцев этого течения не был ни схвачен, ни допрошен.

Геннадий и его последователи не удовлетворились такими половинчатыми мерами и организовали травлю митрополита Зосимы, обвинив его не только в еретических взглядах, но и в пьянстве. В 1494 г. Иван III позволил Зосиме тихо оставить пост, а затем, как уже говорилось, назначил его преемником Симона. Симон был убежденным православным, однако человеком робким, готовым подчиняться приказам Ивана III. Все понимали, что в основе

своей терпимое отношение правительства к ереси не изменится, пока у власти будет находиться Иван III.

5. Политический и династический кризис, 1497-99 гг.

В продолжение большей части правления Ивана III работа московского правительства шла гладко, без каких-либо резких противоречий внутри правящей группы. В 90-х гг. XV века ситуация изменилась. Религиозные разногласия смущали весь народ и вызывали горькое чувство. Расправа в 1491 г. с братом Ивана Андреем Большим и его смерть в тюрьме в 1493 г. сделали того мучеником в глазах многочисленных сторонников прав удельных князей, особенно их бывших слуг. Что касается внешней политики, то основная часть нации всем сердцем поддерживала Ивана III в его борьбе против татар, германцев и шведов, однако подобного единства не было относительно его конфликта с Литвой. Все это создавало благоприятную психологическую почву для роста оппозиции. Эта оппозиция не объединилась бы и не составила серьезной угрозы Ивану III и его правительству, если бы само это правительство в тот момент не было поражено дворцовыми интригами, в результате которых даже Иван III в конце концов вышел из себя.

Как мы знаем, в 1470 г. Иван III объявил своим соправителем сына (от первой жены) Ивана Молодого, дав ему титул великого князя. Через двадцать лет Иван Молодой умер (ходили слухи, что он был отравлен мачехой, Софьей Палеолог); его смерть снова открыла вопрос о наследнике трона. Двор разделился на две группы: одна поддерживала кандидатуру сына Ивана Молодого (внука Ивана III) Дмитрия, а другая — старшего сына Ивана III от Софьи Палеолог, Василия (родился в 1479 г.). За всем этим стояла личная борьба двух женщин: Софьи — матери Василия и Елены — матери Дмитрия.

Несколько лет Иван III не мог решить, кого из двух мальчиков назначить своим преемником. Из главных советников Ивана III и князь Патрикеев и дьяк Федор Курицын склонялись к кандидатуре Дмитрия. С другой стороны, Софья, естественно, интриговала в пользу своего сына. Некоторые противники Ивана III тоже пред-

почитали Василия Дмитрию. Среди них были бывшие слуги удельных князей, а также некоторые священники, болезненно воспринимающие терпимое отношение Ивана III к "ереси жидовствующих". Было известно, что соперница Софьи, княгиня Елена Молдавская, разделяет взгляды этого течения. При подобных обстоятельствах можно было ожидать, что Софья и Василий постараются войти в контакт с политическими и религиозными противниками Ивана.

Связи Софьи с удельными московскими князьями установились задолго до конфликта девяностых годов XV века. В 1480 г. ее племянница Мария (дочь брата Софьи Андрея Палеолога) вышла замуж за Василия Михайловича, сына князя Михаила Андреевича Верейского. Этот брак имел неожиданные последствия четыре года спустя, послужив причиной ссоры между Софьей и Иваном III. После свадьбы Иван разрешил Софье носить один из драгоценных камней своей первой жены. Когда в 1483 г. родился Дмитрий (сын Ивана Молодого и Елены Молдавской), Иван III попросил Софью вернуть драгоценность, чтобы подарить ее Елене. Софья сочла эту просьбу оскорблением и отказалась возвратить камень. Она объяснила, что у нее самой осталось мало драгоценностей, потому что ей пришлось многое отдать своему брату Андрею (который, напомним, всегда нуждался в деньгах), а остальное племяннице Марии в качестве приданого. Иван III пришел в ярость и послал своих людей в Верею конфисковать приданое Марии, что они и сделали. Василий и Мария бежали в Литву, прося защиты у великого князя Казимира.[59]

Этот случай, естественно, возбудил в Софье ненависть к Елене и мальчику Дмитрию. Пока был жив отец Дмитрия, сам мальчик не представлял непосредственной угрозы для Софьи. Однако после смерти Ивана Молодого Дмитрий превратился в серьезное препятствие на пути Софьи и ее сына Василия к трону.

Это препятствие можно было устранить только отчаянными мерами. В 1497 г. был раскрыт заговор с целью убийства Дмитрия. По всей вероятности, он зародился после ареста Андрея Большого в 1491 г. или после его смерти в заточении в 1493 г. Заговорщики решили действовать, когда в 1497 г. они узнали, что Иван III наконец принял решение объявить Дмитрия своим соправителем и преемником.

Свидетельства о заговоре в летописях скудны и противоречивы. По понятным причинам составители летописных сводов, созданных во времена правления Василия III и его сына Ивана IV, по-видимому, получили указание удалить информацию об участии в нем Софьи и Василия. Однако в некоторых манускриптах сохранились отдельные фрагменты подлинных записей.[60]

Согласно рассказу в одном подобном фрагменте, Иван III, получив информацию о заговоре и о роли в нем Василия, пришел в бешенство и заключил Василия под домашний арест. Сторонников Василия схватили. Следствие обнаружило следующие факты.

Несколько ранее (вероятно в сентябре или октябре) дьяк Федор Стромилов сообщил Василию, что его отец (Иван III) решил пожаловать Дмитрию титул великого князя владимирского и московского. По совету Афанасия Еропкина Василий собрал совещание своих приверженцев, в основном являвшихся боярскими детьми; среди них был Владимир Гусев (которого до последнего времени ошибочно считали составителем Судебника). Они, и некоторые другие, присягнули Василию. Было решено, что Василий со своими людьми должен нарушить верность отцу, отправиться в Северную Русь и захватить там великокняжескую казну, хранящуюся в Вологде и Белоозере. В это время Дмитрия убьют.

Тогда же Иван получил донос, что Софья встречалась с несколькими "ведьмами", которые снабдили ее ядом. Предполагается, что Софья — по ее роли в заговоре — намеревалась тайно отравить Дмитрия, а возможно, и самого Ивана III. Иван приказал "ведьм" схватить и утопить ночью в Москве-реке. Затем он наложил опалу на Софью и, как говорит летописец, с этого времени принимал особые меры предосторожности.[61] Василий тоже попал под тщательный надзор.

Что касается руководителей заговора, то прежде всего Иван III передал дело митрополиту Симону и епископскому собору.[62] Собор уполномочил верховный суд провести судебное заседание. Всех участников заговора признали виновными. Дьяка Федора Стромилова, Афанасия Еропкина, Владимира Гусева и еще трех руководителей приговорили к смертной казни и обезглавили 27 декабря. Это был первый случай применения статьи 9 Судебника. Многих сторонников Василия заключили в темницу.

Как убедительно показал Л.В. Черепнин, все лидеры заговора и

их семьи были связаны, в то или иное время, с дворами удельных князей, таких как Андрей Большой Углицкий, Борис Волоцкий и Михаил Верейский и Белоозерский. Следует также отметить, что предки Гусева и Стромилова поддерживали Дмитрия Шемяку и Ивана Можайского против отца Ивана III.[63] Таким образом, заговор 1497 г. представляется возрождением федеративной идеи, противостоящей аристократии.

Нет оснований верить, что сын Ивана III Василий поддерживал права удельных князей. Позже, став правителем Московии, он продолжил политику своего отца. Очевидно, что причиной его союза с группой Гусева стала рискованная затея отчаявшегося человека. Заговор казался единственным способом, дававшим Василию возможность захватить власть. Он проиграл, но последующие события показали, что не окончательно. В настоящий момент важнее была его жизнь.

Как только заговор был раскрыт, подготовка к официальной коронации Дмитрия завершилась. Заранее был разработан сложный ритуал. Церемонию провели в Успенском соборе Кремля 4 февраля 1498 г. Митрополит Симон и епископы совершили богослужение. В центре церкви стояли три трона: для Ивана III, для Дмитрия и для митрополита. Иван III и митрополит восседали на своих местах, Дмитрий стоял перед своим троном. Иван III, обращаясь к митрополиту, объявил, что согласно древнему обычаю каждый из его предков передавал великое княжение своему первому сыну. Поскольку первый сын Ивана III умер, он теперь благословляет Дмитрия (как первого сына своего первого сына) Великим княжеством Владимирским, Московским и Новгородским. Митрополит затем наложил руку на голову Дмитрия и прочел молитву помазания, после чего благословил регалии — *бармы*[64] — *венец*[65]. Иван III возложил регалии на плечи и голову Дмитрия, Дмитрий сел на трон, и прозвучал молебен. Затем в краткой речи Иван III дал своему внуку напутствие быть покорным Богу, любить справедливость и хорошо заботиться о православном народе.[66]

С торжественной коронацией Дмитрия политический кризис, казалось, был преодолен, стабильное положение правительства восстановлено и, более того, благословлено митрополитом и епископским собором. Однако на самом деле рана не затянулась. Раскрытие заговора и особенно участие в нем Софьи и Василия болез-

ненно отразились на физическом и душевном состоянии Ивана III. Если мы решим поверить рассказу Герберштейна о пьянстве Ивана III, то, скорее всего, он пристрастился к нему именно в это время. Герберштейн говорит: "*За обедом он обычно пил так много, что засыпал. Все приглашенные сидели тогда в безмолвии, сильно напуганные*".[67] Герберштейн во время своих посещений Москвы собрал много ценной информации, но в то же время повторял и просто слухи: некоторые из его рассказов, безусловно, вымысел. Конкретно эта история кажется психологически правдивой, но только в том случае, если мы предположим, что она относится к последним годам жизни Ивана III: нет свидетельств о чрезмерном пьянстве Ивана III в первой половине его правления. Итальянец Амброджио Контарини, трижды приглашенный Иваном III на обед в 1476-77 годах, нашел, что обед "был, конечно, подан в великолепном стиле". Контарини понравились все блюда. Что же касается напитков, то он говорит, что после того, как он отобедал у Ивана III в третий раз (незадолго до своего отъезда), ему преподнесли "*огромный серебряный сосуд полный их напитка, приготовленного из меда*". Контарини смог отпить только четверть. Иван не настаивал, чтобы он допил до дна, и "*приказал освободить сосуд и вернуть его мне*".[68]

Хотя Софья и Василий были в опале и, по-видимому, находились под строгим надзором, их невозможно было изолировать полностью. Следующий по старшинству брат Василия, Юрий (родился в 1480 г.), опалы избежал (как и младшие дети Софьи). Юрий даже принимал участие в церемонии коронации Дмитрия. Сестра Василия Елена являлась великой княгиней литовской, и любое открытое насилие над ее матерью могло привести к дипломатическому инциденту. До раскрытия заговора 1497 г. и Иван и Софья вели с Еленой регулярную переписку. После опалы Софья перестала писать дочери. Иван III, однако, продолжал писать Елене и передавать наилучшие пожелания и ей и ее супругу, великому князю Александру. 29 марта 1498 г. послу Ивана в Литве, князю Василию Ромодановскому, были даны указания передать приветствия Александру в следующем порядке: от самого Ивана III, от Дмитрия, от Софьи и от матери Дмитрия Елены Молдавской. Приветствия Елене Литовской должны были быть переданы в том же порядке.[69]

После того, как первый шок от опалы прошел, Софья и Василий, судя по всему, начали попытки возвратить себе милость Ивана III через своих друзей среди придворных и духовенства. Для этого было необходимо возбудить его подозрения в отношении бояр, проводивших расследование заговора 1497 г. и посадивших на трон Дмитрия, а прежде всего в отношении князя Ивана Патрикеева. Наиболее убедительным было бы представить Василия жертвой клеветы. Именно такому плану следуют летописные своды XVI века. В Никоновской летописи мы читаем, что Иван III наложил опалу на Василия и Софью под воздействием "дьявольских чар и советов дурных людей".[70] Можно быть уверенным, что князя Ивана Патрикеева сочли одним из таких людей.

Византийцы являлись непревзойденными мастерами дворцовых интриг, и, судя по всему, это искусство было у Софьи в крови. Можно предположить, что сначала она не пыталась сама доказывать что-либо Ивану III, а подослала какое-то третье лицо, скорее всего не участвовавшее в конфликте, постепенно подрывать доверие Ивана III к князю Патрикееву. Так случилось, что именно в это время между Иваном III и князем Патрикеевым возникли разногласия по поводу русской внешней политики. Как мы знаем, после подчинения Казанского ханства в 1487 г., Иван III поставил своей следующей целью присоединение Западнорусских земель. Это предполагало конфликт с Великим княжеством Литовским. Брак дочери Ивана Елены с Александром Литовским (в 1495 году) со стороны Ивана был дипломатическим шагом, направленным исключительно на укрепление в Литве Русской православной партии. Напротив, князь Иван Патрикеев и некоторые другие знатные бояре, такие как князь Семен Иванович Ряполовский и князь Василий Васильевич Ромодановский, выступали за сближение с Великим княжеством Литовским. Они надеялись, что брак Елены с Александром сможет укрепить дружбу двух стран, которым вместе будет легче сражаться с татарами и турками.[71]

По-видимому, Патрикеев и Ряполовский, которым часто доверялись переговоры с Литвой, чтобы избежать войны, не всегда точно следовали наставлениям Ивана III и придерживались собственной линии. Когда Иван III обнаружил это, то счел их поведение "предательством" (выражение использовано в Устюжской летописи).[72] Развязка наступила, когда в январе 1499 г. Иван III

приказал взять под стражу князя Ивана Патрикеева, его сына Василия и князя Семена Ряполовского. 5 февраля Ряполовского казнили. Обоих Патрикеевых постригли в монахи. В апреле был схвачен князь Василий Ромодановский.[73]

Все приказы по этому делу Иван III отдавал лично, без всякого согласования с боярской думой (главой которой являлся князь Патрикеев). Таким образом, в отличие от казней 1497 г. убийство князя Ряполовского являлось властным актом, противоречившим духу Судебника. Вскоре назначили нового главу думы — князя Василия Даниловича Холмского (из тверской ветви Рюриковичей). Год спустя (13 февраля 1500 г.) Иван III отдал Холмскому в жены свою дочь Феодосию (родилась в 1485 г.). Следует отметить, что отец Василия Холмского, князь Данила Дмитриевич Холмский, прославил себя как полководец в войнах с казанскими татарами и ливонцами, но несмотря на это в 1474 г. попал в опалу. Иван III вернул князю Даниле свое расположение только после того, как тот подписал специальное обязательство никогда не покидать московской службы. Князь Данила скончался в 1493 г. Его сын Василий (новый глава думы) тоже был выдающимся военачальником.

Вскоре после ареста Ряполовского и Патрикеевых Иван III вернул ко двору Софью и Василия, а 21 марта Василия объявили великим князем новгородским и псковским.

Некоторое время спустя Софья снова начала писать дочери, Елене Литовской. Однако дух ее писем сильно изменился. Раньше это были интимные письма матери к дочери; теперь послания Софьи имели религиозный и политический тон. Она призывает Елену твердо держаться своей православной веры. "Не принимай римской веры, даже если они будут запугивать тебя болью и смертью, иначе погибнет душа твоя" (30 мая 1499 г.).[74] Очевидно, что в своих письмах к Елене того периода Софья следовала официальной линии внешней политики Ивана III.

При своей коронации в 1498 г. Дмитрий получил титул Великого князя Всея Руси. Точнее, Иван III "благословил внука Великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским". Теперь, когда после коронации прошло чуть больше года, Иван III объявил Василия Великим князем Новгородским (и Псковским), таким образом нарушая единство "Всея Руси" и лишая Дмитрия одного из

великих княжеств. По всей видимости, этот поступок Ивана III одобрила боярская дума во главе со своим новым председателем. В любом случае свидетельств о противодействиях нет. С другой стороны, яростный протест против нового титула Василия пришел от тех, кого он непосредственно касался. Новгород теперь являлся провинцией Московии и политического голоса не имел. Однако Псков еще оставался свободным городом, хотя и под сюзеренитетом Ивана III. Иван отправил в Псков посла со следующим извещением: "*Я, Великий князь Иван, благоволю моему сыну Василию и жалую ему Новгород и Псков*". Псковское вече отказалось признать Василия и послало в Москву делегацию из трех руководителей города и трех бояр с просьбой к великим князьям Ивану и Дмитрию не нарушать древней традиции, по которой сюзереном Пскова является великий князь московский (и Иван III и Дмитрий были великими князьями московскими, а Василий нет).

Когда псковская делегация вручила Ивану III петицию, он рассердился и ответствовал: "*Не свободен ли я заботиться о своем внуке и моих сыновьях? Я дарую княжескую власть, кому желаю; и я желаю даровать Новгород и Псков Василию*". Он взял под стражу двух членов псковской делегации, хотя другим позволил вернуться в Псков. Псковичи тогда послали другую делегацию с новой петицией, адресованной "Ивану, Великому князю Новгородскому и Псковскому". Иван III повелел делегации возвращаться обратно и пообещал прислать в Псков специального посла со своим ответом. Этот посол, боярин Иван Хоботов, прибыл в Псков и объявил на вече, что великий князь будет соблюдать древнюю традицию относительно Пскова. Текст послания, привезенного Хоботовым, в Псковской летописи не приводится. По всей вероятности, Иван объяснил псковичам, что он остается их сюзереном, а титул Василия только номинальный. Следующая псковская делегация в Москву просила великих князей Ивана и Василия освободить из тюрьмы двух членов первой делегации (до тех пор удерживаемых в Москве). Это было сделано немедленно,[75] и конфликт между Псковом и Москвой, таким образом, разрешился. Василия, однако, глубоко оскорбило столь откровенное нежелание псковичей признать его своим великим князем; чувства Василия повлияли на его собственную политику в отношении Пскова, когда он стал единственным правителем Великой Руси.

6. Последние годы Ивана III

Ни Софья, ни Василий не собирались молча удовлетворяться частичным успехом, и борьба за власть в великокняжеском дворце не утихала. Обстоятельства теперь, несомненно, были против Дмитрия. Он еще был совсем молод (родился в 1483 г.). После падения Патрикеевых и казни Ряполовского его единственным потенциальным покровителем среди высших официальных лиц оставался Федор Курицын. Однако Курицын, будучи дьяком, полностью зависел от расположения к себе великого князя и не имел возможности возражать Ивану III. Если бы он осмелился защищать Дмитрия открыто, его могли бы тут же сместить с поста. В последний раз в доступных нам источниках имя Курицына упоминается в 1500 г. Вероятно он умер до 1503 г.

Вскоре после присвоения Василию титула Великого князя Новгородского и Псковского, Иван III начал игнорировать Дмитрия.[76] При дворе сложилась невозможная ситуация, которая не могла не смущать как бояр, так и весь народ. В конце концов 11 апреля 1502 г. Иван III лишил милости Дмитрия и его мать Елену Молдавскую: обоих посадили под домашний арест. Три дня спустя, получив благословение митрополита Симона, Иван III "посадил" Василия "*на великое княженье Володимерьское и Московское и Всея Руси самодержцем*".[77]

В Великой Руси известие, несомненно, встретили со смешанным чувством. Оно вызвало значительное беспокойство за границей и породило всяческие слухи. Опала Елены Московской и ее сына обострила отношения Москвы с Молдавией. Воевода Стефан, отец Елены, горько жаловался своему (и Ивана III) союзнику, хану Крыма Менгли-Гирею. Через посланника Иван III пытался объяснить хану свое отношение к Дмитрию следующими обстоятельствами: "Я, Иван, сначала благоволил своему внуку Дмитрию, но он стал груб со мной. Все благоволят тому, кто хорошо служит и старается угодить своему благодетелю; нет смысла в благоволенье человеку, который груб к тебе". Посол Ивана в Литве получил инструкции давать подробные объяснения всем, кто будет задавать вопросы о событиях в Москве. Кроме того, посол должен был подчеркивать, что Василий теперь вместе с Иваном

III, является сюзереном всех русских государств.[78]

После этого в некоторых документах к Ивану III обращались как к "великому государю". Возможно по этой причине Герберштейн называл его "Великим".[79] Действительно можно предположить, что Иван III, хотя и имея все внешние знаки власти, был вынужден передать значительную часть реальной власти Василию (Софья умерла 7 апреля 1503 г.). Очевидно, что Василий установил тесный контакт с лидерами консервативной группы русского духовенства. Они, в свою очередь, рассчитывали, что Василий поддержит борьбу против ереси, а также поможет им отразить будущие попытки провести секуляризацию церковных земель.

Под влиянием Василия Иван III согласился принять лидера консервативного духовенства, настоятеля Иосифа Санина Волоцкого.[80] Иван III трижды имел беседы с Иосифом на пасхальной неделе 1503 г.[81] Мы знаем об этих встречах из писем Иосифа архимандриту Митрофану, который являлся духовником Ивана III в последние годы его жизни. Иосиф написал Митрофану в апреле 1504 г. — то есть примерно через год после встречи с Иваном III. Иосиф, по всей вероятности, в это время еще прекрасно помнил основное содержание своих бесед, но мы не можем быть уверены, что все его утверждения правдивы в деталях.[82] Как пишет Иосиф, при первой встрече Иван признал, что беседовал с еретиками и просил Иосифа простить его. Иван III добавил, что митрополит и епископы отпустили ему этот грех. Иосиф ответил, что Бог простит Ивана III, если с этого момента он будет бороться с ересью. Во второй беседе Иван III объяснил Иосифу, какую ересь возглавлял протоиерей Алексий, а какую Федор Курицын. Иван также признал, что его невестку Елену обратил в ересь Иван Максимов. Затем Иван, как утверждается, пообещал принять против ереси жесткие меры. Однако при третьей встрече Иван III спросил Иосифа, не будет ли грехом наказывать еретиков. Когда Иосиф начал выступать в пользу наказания, Иван резко прервал беседу.

В августе и сентябре 1503 г. в Москве был созван собор (церковный совет). Иосиф и его последователи надеялись, по всей вероятности, что этот собор разрешит подавление ереси. Иван III, однако, не включил вопрос о ереси в повестку дня собора, который под председательством Ивана III рассмотрел некоторые мелкие реформы в церковной администрации. Одна из них касалась

сборов, которые требовали епископы от кандидатов в священнослужители при посвящении в сан. Это, кстати, было одним из объектов критики еретиков. Собор принял решение упразднить эти сборы. Когда сессия собора уже близилась к концу, представитель заволжских старцев, Нил Сорский, предложил вниманию собора новую проблему, говоря, что монастыри нужно лишить права владеть землей. Маловероятно, что Нил сделал этот шаг без согласования с Иваном III.

Предложение встретило яростное сопротивление. Митрополит Симон, три года назад благословивший захват церковных земель в Новгороде, теперь протестовал против возможности применения подобных мер ко всей Руси. Как мы знаем, до конца 1503 г. Симон никогда не осмеливался открыто противоречить Ивану III. Теперь, однако, он мог рассчитывать на защиту Василия. Противники Нила сделали все, чтобы отклонить его предложение. Иосифа Санина, уехавшего из Москвы за день до речи Нила, поспешно затребовали обратно. Большая часть собора оказалась в оппозиции к Нилу. Иван III трижды пытался переубедить совет, но в конце концов был вынужден отступить, после того как Иосиф и другие защитники существующего порядка засыпали его цитатами из отцов церкви и византийских церковных уложений, подтверждающих их позицию.[83]

Отказ собора позволить дальнейшую секуляризацию церковных земель был серьезным ударом по планам Ивана III увеличить фонд поместной земли, а через нее дворянское ополчение. Поскольку Василий поддерживал решение собора, Иван III не мог ничего поделать. Ему скоро представилась возможность нанести ответный удар одному из самых активных врагов еретиков, архиепископу Геннадию Новгородскому. Геннадий подписал решение собора, упраздняющее плату епископам за введение священников в сан; но по возвращении в Новгород он не смог убедить своего секретаря прекратить эти поборы. В Москву немедленно поступили жалобы. При других обстоятельствах Геннадий, скорее всего, сумел бы выпутаться или во всяком случае получить лишь небольшое наказание или выговор. Теперь Иван III потребовал от митрополита Симона немедленных действий, и Геннадия тут же убрали из епархии.[84]

После смещения Геннадия руководство борьбой против ереси

принял на себя Иосиф Санин. В вышеупомянутом письме от апреля 1504 г. к духовнику Ивана III Митрофану Иосиф побуждает Митрофана использовать все средства, чтобы убедить Ивана III в необходимости подавить ересь. Иосиф утверждает, что если Митрофан не сможет справиться с задачей, Бог накажет и его (Митрофана) и Ивана III.[85] Василий, в свою очередь, вне всяких сомнений, подталкивал отца созвать новый церковный собор, чтобы заклеймить ересь. Наконец Иван III сдался. Стоит отметить, что примерно в это время (не позже 16 июня 1504 г.) Иван III написал завещание, в котором "благословил" Василия "всеми русскими великими княжествами". Младшим братьям Василия давалось указание считать Василия "своим отцом" и во всем ему подчиняться. Дмитрий вообще не упоминается в завещании. Подпись засвидетельствовали четыре человека: духовник Ивана III, архимандрит Митрофан; председатель боярской думы, князь Иван Холмский; князь Данила Васильевич Щеня; и боярин Яков Захарьевич Кошкин.[86]

Собор против еретиков собрался в Москве в декабре 1505 г. На этот раз вместе с Иваном III номинально председательствовал Василий, но фактически был один председательствующий. Руководителей ереси приговорили к сожжению на костре. Троих, включая брата Федора Курицына и Ивана Максимова, сожгли в Москве 27 декабря. Вскоре после этого нескольких других еретиков казнили в Новгороде.[87] Елена Молдавская скончалась в тюрьме 18 января 1505 г.

Отказ собора 1503 г. одобрить секуляризацию церковных земель и жестокое наказание еретиков, назначенное собором 1504 г., больно задели чувства Ивана III. Его захлестнули отчаяние и тоска: он, по-видимому, каялся в своих последних ошибках. Однако теперь было слишком поздно что-либо менять. Автоматически он продолжал исполнять обязанности великого князя. Его вассал, хан Казани Мухаммед-Эмин, поднялся против Ивана III и зверски убил многих русских купцов, живших в Казани. В сентябре казанские татары напали на Нижний Новгород, но были отбиты. Что касается семейных дел, то 4 сентября 1505 г. Василий женился на Соломонии Сабуровой, дочери московского боярина. Обряд совершил митрополит Симон. Иван III присутствовал на свадьбе.

Думал ли Иван III о возвращении к власти Дмитрия? Слухи об

этом ходили по Москве еще в 1517 г., во время первого приезда Герберштейна в Москву. Герберштейн рассказывает, что когда Иван III умирал, "*он приказал привести к нему Дмитрия и сказал: "Дорогой внук, я согрешил против Бога и тебя тем, что заточил тебя в темницу и лишил наследства. Поэтому я молю тебя о прощении. Иди и владей тем, что принадлежит тебе по праву*". Дмитрия тронула эта речь, и он легко простил своему деду все зло. Однако, когда он вышел, его схватили по приказу дяди Гавриила (то есть Василия) и бросили в тюрьму.[88]

Иван скончался 27 октября 1505 г.

Глава V

ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III

1. Василий и его советники

Правление Василия III кажется, на первый взгляд, менее заметным и не столь значимым для истории, как период пребывания у власти его отца, Ивана III, завершившийся единением Великой Руси, и полное драматических событий царствование его сына, Ивана IV. В окружении двух Иванов Василий III выглядит не такой яркой личностью, и его царствование часто характеризуется как всего лишь продолжающее отцовское или предшествующее сыновнему. Некоторые исследователи склонны говорить о его времени как о переходном периоде — термин, к которому историки часто прибегают, не желая подробно анализировать ту или иную стадию исторического развития.

Деятели западной науки смогли по достоинству оценить Василия III, благодаря посланнику германского императора, барону Сигизмунду фон Герберштейну. Барон прибыл в Москву во время его правления и проявил себя тонким наблюдателем и компетентным аналитиком. Герберштейн владел славянским языком и сумел понять Русь, русских людей в значительно большей степени, нежели кто-либо еще из его коллег-дипломатов. В своей знаменитой книге о Руси, основанной на серьезном изучении русской истории и общества, а также на его личных впечатлениях, Герберштейн отмечает, что "*в том, как он управлял своим народом*", Васи-

лий "легко превзошел всех правителей целого мира". Согласно Герберштейну, русские "открыто заявляли, что воля князя — это воля Господа и что все, что делает князь, делается по воле Господа. ... Точно так же, если кто-то задает вопрос о чем-то неясном или сомнительном, русские привычно отвечают, что о том ведают Господь и великий князь".[1]

Уверенность в собственной исключительности была внушена Василию как его дальновидным отцом, так и хитрой византийской царевной, его матерью. Византийскую дипломатичность, действительно, можно почувствовать во всей политике Василия, особенно в международных делах. Подавляя сопротивление его власти в Руси, он использовал жесткую силу, или хитрость, или и то и другое. Следует отметить, что он редко прибегал к смертной казни, чтобы расправиться со своими противниками, хотя многие из них по его приказу были заключены в тюрьму или изгнаны. Это резко контрастирует с той волной террора, которая захлестнула Русь во время царствования его сына, царя Ивана IV.

Не только тщеславие побуждало Василия проводить жесткую политику объединения Русского государства. Так же, как и его отец, он, несомненно, преследовал и государственные интересы. Русь находилась в окружении враждебно настроенных государств, особенное беспокойство вызывали южные и юго-восточные границы, и это убеждало Василия в необходимости централизации управления страной. Такое убеждение разделяли многие из его советников и большинство великороссов.

Как и его отец, Василий III был вдохновенным строителем. Он субсидировал возведение многих новых церквей, включая собор архангела Михаила в Московском Кремле (фундамент которого был заложен в последние месяцы царствования его отца) и ряд новых фортификационных сооружений, например, каменные стены в Нижнем Новгороде и Туле. Новый великокняжеский дворец был завершен в 1508 г., и Василий переселился туда со своей супругой Соломонией в мае того же года.[2] В создании и украшении церквей Василий, который, несомненно, высоко ценил искусство, руководствовался как своими религиозными чувствами, так и эстетическим вкусом. Когда он вошел в Успенский собор в Кремле в 1515 г. сразу же после того, как там были завершены новые фрески, он воскликнул, что чувствует себя так, как будто бы ока-

зался на небесах.[3] Известно, что ему нравился древнерусский язык и он владел искусством изъяснения на нем. Согласно Псковской летописи, во время одной из его поездок по Северной Руси Василий, наконец, решил развестись со своей первой женой Соломонией (она была бесплодной). Он увидел птичье гнездо на дереве над дорогой и произнес: "*Люте (т.е. беда) мне, кому уподоблюся аз; не уподобихся ни ко птицам небесным, яко птицы небесныи плодовиты суть, ни зверем земным, яко звери земнии плодовити суть, не уподобихся аз никому же, ни водам, яко же воды сиа плодовити суть, волны бо их утешающа и рыбы их глумящеся*". Затем он посмотрел вниз на землю и воскликнул: "*Господи! Не уподобихся аз ни земли сеи, яко земля приносить плоды своя на всяко время, и тя благословлять, господи!*".[4] Сохранилось несколько писем Василия к его второй жене Елене, урожденной княжне Глинской. Он диктовал их своему секретарю, но стиль, несомненно, его собственный — непринужденный и живой. Эти письма показывают, как тепло он относился к жене и маленькому сыну Ивану (будущему царю Ивану IV) и как беспокоился об их здоровье.[5] Как и его отец, Василий был физически крепким и активным. Он много путешествовал, либо по делам, либо с целью паломничества, посещая различные монастыри. Его страстью была охота.

Соответственно своим политическим взглядам и характеру Василий III стремился единолично проводить в жизнь свою политику управления. Некоторые из его шагов, по-видимому, были подсказаны ему советниками, но по всем важным вопросам он принимал решение самостоятельно. Среди его советников, если начинать с представителей духовенства, был его бывший противник Вассиан (прежде — князь Василий Иванович Патрикеев), который был пострижен в монахи по приказу Ивана III в 1499 г. Около 1509 г. Василий III позволил ему возвратиться в Москву. На протяжении примерно двенадцати лет великий князь и монах были в дружеских отношениях, но около 1521 г. Вассиан утратил свое влияние, а в 1531 г. впал в немилость. Он поддерживал заволжских старцев и являлся стойким противником иосифлянства, как называли последователей Иосифа Санина.

Иосиф Санин умер в 1515 г., но его дело было продолжено его учеником Даниилом, который наследовал Иосифу в качестве настоятеля Волоцкого монастыря. В 1522 г. Даниил был посвящен в сан

митрополита, и с его восхождением на московский духовный престол иосифлянство прочно утвердилось в своем влиянии на церковь и русское государство. В 1531 г. монах Вассиан, главный оппонент Даниила, предстал перед судом церковного собора и был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Даниил оказывал полную и недвусмысленную поддержку великокняжеской власти. Он редко пользовался традиционным правом митрополита обращаться к великому князю с просьбой о смягчении суровых наказаний, наложенных Василием на его противников. Однажды (в случае с князем Василием Шемячичем в 1523 г.) он даже не воспротивился аресту человека, чью свободу он до этого клятвенно гарантировал. Поэтому боярин И.Н. Берсень-Беклемишев обвинил Даниила в клятвопреступлении (два года спустя Берсень был казнен).

Герберштейн описывает Даниила как мужчину "*с сильным и тучным телом, чье лицо всегда было румяно-красным. Казалось, что он больше посвятил себя служению желудку, нежели посту, добродетелям и молитвам, когда же он должен был проводить публичную службу, он обычно обкуривал свое лицо серным дымом, чтобы оно становилось бледным*".[6] По меркам того времени Даниил был образованным человеком, но, конечно же, не глубоким ученым. Его писания имели большое влияние на московских читателей. В своих трудах он рассуждал о церковных догматах, а также о моральных обязанностях мужчин и женщин. Он критиковал различные проявления моральной распущенности у своей паствы и яростно выступал против пьянства в народе и против роскошного образа жизни бояр. Он также упрекал власть имущих в притеснении низших классов. Во многих из своих выступлений Даниил рисовал живую картину русского образа жизни того периода. В отличие от изысканного византийского стиля его догматических трактатов эти проповеди написаны простым и образным русским языком, что способствовало развитию великорусского литературного языка. Вероятно, под их влиянием сформировался эпистолярный стиль царя Ивана IV. Одно из писем Даниила — о способе соединения пальцев для молитвы — сыграло значительную роль в будущем расколе русской церкви. Основывая свое учение на авторитете Феодорита Кирского, Даниил рекомендовал двоеперстие (соединение двух пальцев), что символизировало двойственную природу Христа. Между прочим, позднее было доказано, что ста-

рый греческий трактат, которым Даниил пользовался в славянском переводе, приписывался Феодориту ошибочно.

Основным советником Василия, конечно же, была боярская дума. Отношения между Василием и боярами требует пояснения. С моей точки зрения, как бы ни была велика власть Василия, он не был абсолютным монархом, поскольку вынужден был считаться с боярством. Представляется, что историки придавали слишком много веса обобщенным суждениям Герберштейна, а также гневным словам Берсень-Беклемишева, согласно которому Василий не выказывал уважения старым советникам, а решал все государственные дела в своей спальне с одним или двумя помощниками. Между прочим, Василий мог себе позволить сурово расправиться с таким яростным противником, как Берсень-Беклемишев (чья семья, кстати, не принадлежала к боярской верхушке), но был достаточно осторожен по отношению к боярству как классу. Во время царствования Василия III боярская дума заседала постоянно За исключением случаев государственной измены (lèse-majesté), никто из видных бояр не был отстранен Василием от должности; даже военачальники, которые по халатности проигрывали битвы, редко получали выговоры. Ведущие бояре получали наиболее выгодные должности, и правительство Василия не делало никаких попыток вмешаться в боярские права. В качестве меры предосторожности Василий III требовал, чтобы князья, находящиеся у него на службе, давали клятву верности, подобную той, что дал князь Данила Холмский Ивану III в 1474 г.

Ко времени, когда Василий взошел на трон, ключевую позицию главы боярской думы занимал его зять, князь Василий Холмский. Следует вспомнить, что князь Холмский был назначен на это место в 1499 г. Иваном III взамен князя Ивана Патрикеева, защитника прав заключенного под стражу несчастного внука Ивана III Дмитрия. В 1508 г. князь Холмский был внезапно схвачен и отправлен в Белоозеро, где умер в тюрьме в 1524 г. У Василия III, вероятно, были особые причины убрать Холмского. Скорее всего, это были соображения династического характера: возможно, князь Холмский пытался вступиться за Дмитрия. Даже если он только посоветовал освободить царевича из заключения, Василий, должно быть, усомнился в искренности его намерений. Спустя год Дмитрий умер в тюрьме.

Преемником Холмского в должности был князь Даниил В. Щеня, один из наиболее выдающихся русских военачальников того периода, одержавший победу при Ведроше в 1500 г. Как и Патрикеевы, Щеня был потомком Гедимина. Он был двоюродным братом Вассиана Патрикеева и, по всей видимости, именно по его просьбе Вассиан был возвращен в Москву. Щеня умер в 1515 г.; нет точных свидетельств о том, кто получил затем его должность. Около 1520 г. главой думы был назначен князь Дмитрий Федорович Бельский, который занимал этот государственный пост около тридцати лет до самой своей смерти. Бельский принадлежал к видной западнорусской княжеской фамилии. Его отец приехал из Литвы в Москву в 1482 г. и впоследствии женился на рязанской княжне, племяннице Ивана III. Таким образом, Дмитрий Бельский был вторым двоюродным братом Василия III. Среди других видных титулованных боярских фамилий этого периода были князья Пенковы из ярославской княжеской ветви, князья Шуйские из суздальской ветви и князья Оболенские из черниговской ветви. Из нетитулованных боярских фамилий здесь следует отметить Кошкиных, Челядниных, Воронцовых, Сабуровых и Головиных. Наиболее колоритной фигурой среди бояр был князь Михаил Львович Глинский.[7] Князья Глинские были западнорусским родом монгольского происхождения, и у них были уделы в Северской земле, в то время находившейся под властью великого князя литовского. Михаил Глинский получил блестящее образование и в молодости провел двенадцать лет за границей, в Германии, Италии (где он был обращен в католицизм) и Испании. В течение некоторого времени он служил в армии герцога Альбрехта Саксонского. После возвращения в Литву он стал влиятельным лицом в литовской политике. Он также проявил себя как удачливый полководец в войнах против крымских татар. Будучи человеком больших способностей и обладая еще большими амбициями, Глинский имел много сторонников среди русских в Литве, но приобрел и немало врагов среди литовских вельмож. Польский летописец Матвей Стрыйковский рассказывает, что последователи Глинского мечтали о восстановлении Киевского государства и провозглашении Глинского великим князем киевским и всей Литвы.[8] Король Александр высоко его ценил, но после смерти Александра (1506 г.) отношения между Глинским и короной стали натянутыми. Глинс-

кий был обвинен в заговоре против брата и наследника Александра — короля Сигизмунда I. В 1508 г. Глинский действительно восстал против короля и перешел под протекцию Василия III. Восстание потерпело неудачу, несмотря на поддержку Москвы, и в 1510 г. Глинский сбежал со всем своим семейством в Московию. Благодаря его знанию западных языков и западного образа жизни, а также его близкому знакомству с литовскими и польскими делами, он оказался бесценным помощником для Василия III. Глинский сознавал это и рассчитывал на хорошую награду за свои заслуги. Когда разразилась новая война между Литвой и Московским государством, и московитами был захвачен Смоленск, Глинский потребовал для себя пост наместника (*viceroy*) завоеванной области (1514 г.). Но назначение получил другой человек, и Глинский решил перейти на сторону Сигизмунда. Один из приближенных Глинского сообщил первому попавшемуся русскому командиру о намерениях своего господина, и князя схватили. В Москве Глинский под угрозой казни объявил о своем желании возвратиться в лоно греко-православной церкви. Смертный приговор заменили тюремным заключением. Лишь после того, как Василий III женился на племяннице Глинского Елене, князь был освобожден из под стражи (1526 г.). В последние годы царствования Василия Глинский стал одним из наиболее влиятельных людей при великокняжеском дворе.

Хотя Василию III поддержка со стороны бояр была политически необходима, он, как правило, выбирал советников, которым мог бы доверять, не из их числа, а из дьяков, хотя обычай и не позволял назначать кого-либо из последних на высшие должности в царстве. Василий использовал дьяков как на дипломатической службе, так и во внутреннем управлении. Видным среди них был Василий Третьяк Долматов, который начал свою карьеру при Иване III. Василий дал Долматову неприятное поручение — отменить свободы города Пскова в 1510 г. Долматов блестяще справился с этой задачей, умело предотвратив всякую попытку восстания в Пскове. Дальнейшая судьба Долматова — свидетельство тому, сколь непрочно было положение дьяков, занимавших государственные посты и как они были беззащитны перед волей великого князя. Согласно Герберштейну, через несколько лет после псковских событий, в которых так ярко проявил себя Долматов, Василий ре-

шил направить его в качестве посланника к императору Максимилиану. Долматов отказался от этой службы, аргументируя это тем, что у него недостаточно денег для такого путешествия. После этого Долматов по приказу Василия был сослан в Белоозеро и заключен там в тюрьму.[9] После его смерти вся его собственность была конфискована. После него управление Псковом было доверено еще одному выдающемуся дьяку, Михаилу Григорьевичу Мисюрь-Мунехину (под формальной властью боярина). Как и Долматов, Мунехин начал свою карьеру в качестве дипломата, будучи направленным посланником в Египет в 1493 г. Мунехин оставался в Пскове вплоть до смерти в 1528 г. Он принадлежал к образованной элите московского общества и был тесно связан с настоятелем Филофеем, основоположником теории Третьего Рима. Человек глубоко религиозный, Мунехин активно участвовал в церковных делах. Он основал Псковско-Печорский монастырь возле ливонской границы, в тридцати пяти верстах от Пскова. Предполагалось, что новый монастырь возродит и продолжит традиции старого Киевско-Печорского монастыря. Он действительно стал важным аванпостом русской духовности, находясь лицом к лицу с западным миром.[10]

Хотя Мисюрь-Мунехину не досаждали при его жизни, после смерти вся его собственность, как и в случае с Долматовым, согласно Псковской летописи, тоже досталась Василию.[11]

2. Присоединение Пскова

Важная историческая задача объединения Великой Руси была, в основном, решена в царствование Ивана III. Однако проблем оставалось еще немало. Нужно было распространить поместную систему, а для этого требовалось больше земли. Что касается религиозной жизни, то, несмотря на поражение Нила Сорского на соборе 1503 г., дебаты между защитниками монастырских прав на землю, известными теперь как иосифляне, и заволжскими отшельниками (которых часто называли нестяжателями), продолжались. Ересь жидовствующих, хотя и была вне закона, все еще имела многих последователей.

С точки зрения национальной политики удельное сопротив-

ление единодержавной власти во времена царствования Ивана III еще не было полностью сломлено. Когда Василий взошел на трон, город Псков все еще пользовался широкой автономией, а половина Рязанского княжества была номинально независимой. На западе еще не была окончательно решена судьба Северской земли и других приграничных регионов, срок пребывания которых под властью великого князя московского, определенный шестилетним перемирием между Литвой и Москвой, заключенным в 1503 г., истекал. Русские князья на этих спорных территориях дали клятву вассальной верности великому князю московскому, но не стали его боярами. Город Смоленск оставался под литовским контролем.

К концу царствования Ивана III в Великом княжестве Московском не осталось удельных князей, за исключением племянника Ивана III, князя Федора Волоцкого. Однако под влиянием семейной традиции Иван III в своем завещании определил по уделу для каждого из младших братьев Василия. Долей Василия были шестьдесят шесть городов против тридцати, предназначенных всем его четырем братьям, вместе взятым. Что касается последних, то Юрий стал князем Дмитрова, Дмитрий — князем Углича, Семен — князем Калуги и Андрей — князем Старицы (на прежней Тверской земле). Иван повелел, чтобы доля каждого из младших братьев, если кто-либо из них умрет, не оставив после себя сына, была возвращена Василию в качестве выморочного имущества. Никто из младших братьев не получил права чеканить монету. Все они были лишены возможности завязывать дипломатические отношения с иностранными державами. Представляется, что Иван III использовал любую возможность, чтобы предотвратить возрождение удельных традиций. Однако со временем между Василием III и его тремя младшими братьями возникли раздоры.

Следует вспомнить, что во время династического кризиса 1497-1499 гг. псковичи были на стороне внука Ивана III — Дмитрия. Когда Иван III назначил в 1499 г. Василия великим князем псковским, псковичи не пожелали признавать его власти. После смерти Ивана III Псков признал сюзеренитет Василия без какого-либо открытого протеста. Василий направил в Псков князя Петра Великого-Шестунова в качестве своего наместника. Однако надолго оставлять Псков вольным городом Василий III не собирался.

15 февраля 1509 г. внук Ивана III Дмитрий умер в своем поместье, куда он был водворен. Хотя у Дмитрия едва ли был шанс возвратиться к власти, его смерть сделала положение Василия в роли правителя Руси более прочным, нежели раньше. Согласно Герберштейну, *"пока Дмитрий был жив, Гавриил* [т.е. Василий] *действовал как регент"*.[12] Правомерность заявления Герберштейна сомнительна, но возможно, таковым было и отношение псковичей к правлению Василия. Во всяком случае, лишь после смерти Дмитрия Василий решился нанести удар.

Василий III был мстительным по природе и не простил псковичам их отказа признать его в качестве их князя в 1499 г. Тем не менее, причины, побуждавшие его подчинить Псков были скорее политического, нежели личного характера. Псковская автономия препятствовала централизации русской армии и судопроизводства.

Хотя псковичи нуждались в московской военной помощи, чтобы противостоять немцам, они не были связаны с Москвой каким-либо долгосрочным договором о совместных действиях против ее врагов. Единственными недругами Пскова в то время были ливонские немцы, и псковичи охотно пользовались, в случае необходимости, поддержкой Москвы. Но когда Иван III нуждался в помощи псковичей в столкновениях с Новгородом, Швецией или Литвой, он всякий раз вынужден был направлять в Псков особого посланника для ведения переговоров о заключении конкретного союза, имеющего силу только на время данной кампании. Псковское вече обычно одобряло такие договоры, но само определяло количество солдат, которых следовало навербовать, а также количество снаряжения и продовольствия. Псковское ополчение не было подготовлено и экипировано для долгих и далеких походов, и, за исключением войн против немцев, псковичи принимали участие в подобных кампаниях без особого энтузиазма. Их армия была отдельным воинским соединением, а не составной частью великорусской армии.

Что касается судопроизводства, то псковские суды наполовину состояли из судей, назначенных вечем, и наполовину — из судей, назначенных князем псковским (т.е. великим князем московским). Судебные гонорары делились поровну между городом и князем. При такой системе великий князь московский не мог реально контролировать рассмотрение дел псковскими судами. С финансовой

точки зрения доход от судопроизводства существенно пополнял казну русских князей и городов, и многие московские чиновники, так же как и сам великий князь, стремились прибрать к рукам псковские судебные гонорары, чтобы легким путем улучшить финансовое положение Москвы. Еще одним важным источником московского государственного дохода была *тамга* (таможенные пошлины). В Пскове брали налог с торговли и не собирали тамгу. Если бы Псков подчинился Москве, это правило можно было бы отменить.

Разрабатывая план присоединения Пскова, Василий III и его главный советник по этому вопросу, дьяк Василий Третьяк Долматов, опирались на опыт присоединения Новгорода Иваном III. Следует вспомнить, что Долматов был помощником Ивана III в новгородских делах в 1477-1478 гг. Как и в случае с Новгородом, Долматов рассчитывал полностью удалить из города семьи представителей высших классов. На том тайно и порешили. Добиться этого можно было, сыграв на разногласиях между высшим и низшим слоями населения, которые не были столь острыми, как в Новгороде, но тем не менее все же имели место.

Первым ходом Василия в этой игре было смещение его наместника в Пскове князя Петра Шуйского, с которым псковичи были в хороших отношениях, и замена его князем Репня-Оболенским (родоначальником князей Репниных). Следуя наставлениям Василия III, князь Репня не стал предварительно сообщать псковским властям о своем прибытии (он приехал в Псков летом 1509 г.); псковичи вынуждены были принять его без официальных церемоний, что позволило Репне не чувствовать себя обязанным придерживаться псковских традиций. Псковский летописец отмечает, что Репня с псковским народом был жесток. Он сурово расправлялся с горожанами из высших сословий и поощрял жалобы простых людей на бояр и городских чиновников.

26 октября 1509 г. Василий III прибыл в Новгород со своим братом Андреем (князем Старицким) и боярами.[13] Как только псковичи узнали о этом, они отправили в Новгород своих посланников, чтобы высказать Василию свои обиды на князя Репню. Посланники вручили Василию небольшую сумму денег (150 новгородских рублей) в качестве дара города своему сюзерену. Дар был милостиво принят, и посланникам сказали, что великий князь го-

тов позволить псковичам изложить ему их жалобы в присутствии Репни, и если окажется, что Репня виновен, великий князь готов наказать его.

В скором времени Репня был вызван в Новгород. Между тем, псковское вече посоветовало горожанам, имевшим какие-либо жалобы на жестокого градоначальника, идти в Новгород, чтобы просить у великого князя справедливости. Однако многие псковичи проявили готовность обвинять в различных притеснениях не Репню, а своих собственных чиновников. Один псковский городской голова даже решил пойти к Василию с жалобой на другого голову.

Таким образом, Василий III оказался в положении судьи не только между князем Репней и городом Псковом, но и между двумя псковскими конфликтующими группами. Единство псковского общественного мнения было разрушено. Василий объявил, что он будет рассматривать жалобы в день Крещения, 5 января 1510 г. К этому времени все высшие чиновники города Пскова, а также наиболее видные псковские бояре и купцы и многие простые псковские люди собрались в Новгороде. Все были приглашены посетить традиционную церемонию водосвятия утром крещенского дня. Вслед за этим псковичам было указано явиться во дворец великого князя. Простые люди должны были ждать во дворе; знать была приглашена в зал дворца. Когда вся знать собралась там, вошли бояре великого князя и объявили: "*Вы арестованы волей Божьей и великого князя Василия Ивановича Всея Руси*". Простые люди были переданы под охрану новгородских властей.

Об этом вскоре, благодаря одному псковскому купцу, узнали в Пскове. Купец ехал в Новгород, но по пути был предупрежден новгородцами и сразу повернул обратно. Ужас охватил людей. Сразу же собралось вече. Некоторые псковичи хотели поднять восстание против Василия. Другие возражали, говоря, что Псков связан клятвой верности великому князю. Третьи напоминали народу о том, что они остались без большинства должностных лиц, и что организовать новое правительство будет трудно. Наконец было решено направить особого посланника к Василию III, чтобы молить великого князя о милосердии. Отвечая на мольбу посланника, Василий отправил в Псков Третьяка Долматова, чтобы тот сообщил, что великий князь готов вернуть свое благорасположение

Пскову, но с двумя условиями. Во-первых, вече должно было быть упразднено и вечевой колокол снят; во-вторых, отныне Псковом будут править два великокняжеских наместника. Под этим подразумевалось, что Псков больше не будет отдельным государством с собственным управлением. Долматов предупредил псковичей, что если они отвергнут эти условия, то великий князь пойдет на Псков войной. Если же они их примут, великий князь проявит к ним свое расположение и нанесет визит, чтобы выразить свое почтение собору Святой Троицы.

Псковичи были ошеломлены. "*Не проливали слез только дети*", — отмечает летописец. И он патетически вопрошает: "*Почему сердце не вырвалось из груди?*". Все было напрасно. Псковичи попросили один день, чтобы обсудить условия Василия III. Им дали его. На следующий день псковичи приняли неизбежное. Они, однако, напомнили князю, что хранили свою клятву верности и упрекнули его в том, что он свою не сдержал. Псковичи сказали, что они принимают свою судьбу как Божье наказание, намекая, что и великого князя может когда-нибудь настигнуть кара Божья. 13 января 1510 г. вечевой колокол был снят с колокольни собора Святой Троицы. Народ плакал над утратой символа его свободы. В ту же ночь колокол был отправлен кораблем в Новгород, и сам Долматов сопровождал его.

Визит Василия III в Псков был назначен на четверг, 24 января. Утром этого дня московский епископ Вассиан Коломенский приехал в город и от имени великого князя запретил псковскому духовенству встречать Василия III перед стенами города, как они намеревались. Вероятно, великий князь опасался, что духовенство воспользуется своим традиционным правом просить за притесненных. Миряне встретили Василия в двух милях от города. Василий III, согласно обычному в таких случаях ритуалу, справился об их здоровье; они ответили: "*Не беспокойся о нашем здоровье, лишь бы ты, наш государь, был в добром здравии*". Когда Василий вошел в собор Святой Троицы, епископ Вассиан поздравил его с присоединением Пскова, что псковичи посчитали новым оскорблением. Затем было объявлено, что всех горожан ждут в следующее воскресение в княжеском дворце, где великий князь выкажет им свою благосклонность. В то роковое воскресение знать пригласили в палаты, а простолюдинов попросили остаться во дворе.

Первых взяли под стражу, последним оставили свободу и сказали, что великий князь выдаст им особую грамоту о правах.

Тех, кого захватили, той же ночью отправили вместе с семьями в Москву; им было позволено взять с собой совсем немного пожитков. Те, кто поплатился свободой еще в Новгороде, уже были высланы, и теперь их семьи должны были присоединиться к ним в их новом месте проживания. Всего из Пскова было выслано триста семей, и такое же количество московских семей прибыло им на замену.

Однако это было только началом переселения. После изгнания группы верхов псковского общества, семьи представителей среднего класса были выселены из своих домов в центральной части города, которые затем заняли московиты. Таким образом у псковичей среднего класса было отнято 6 500 усадеб. Неясно, все ли из них были отправлены в Московию, или кому-то разрешили строить новые дома за пределами города. Во всяком случае, замысел Василия III с помощью этих безжалостных мер был осуществлен, и ведущий слой псковского общества лишился своей власти. Остатки среднего сословия, как и низшие слои, стали, с точки зрения политической, аморфной массой, и от них уже можно было не ожидать какого-либо противостояния.

"*Так погибла слава Пскова*", — отмечает летописец. Чувства псковичей были выражены в поэтическом "Плаче о городе Пскове", написанном неизвестным автором в традиции "Слова о полку Игореве" XII века. Фрагменты этой повести были включены в Псковскую летопись:

"*— О, великий Псков, знаменитый среди городов, почему ты скорбишь, почему ты плачешь?*

— Как же мне не скорбеть, не плакать? Многокрылый орел со многими когтями налетел на меня. Бог позволил ему, в наказание за наши грехи, вырвать из меня мой Ливанский кедр [т.е. "мою силу"], оставить нашу землю опустошенной, разрушить наш город, взять в плен наших людей, разорить наши рынки и отправить наших отцов и нашу родню [в дальние земли], где никто из них никогда не был раньше".

В отчаянии некоторые из псковичей рассматривали происшедшую катастрофу как знак приближения прихода Антихриста. В одной из редакций Псковской летописи[14] мы обнаруживаем зна-

менательное толкование одного из положений Откровения Иоанна Богослова. Там читаем: "*И семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель*" ("Откровение", 17; 10-11). Псковский писатель объясняет, что "*на Руси шестое царство называется Скифией. Оно есть шестое, а затем приходит седьмое; а восьмое — это Антихрист. <...> Увы! Да избавит нас Господь наш Иисус Христос от зла и от вечной муки и дарует нам вечное блаженство*". Похоже, летописец считал представителем седьмого царства, то есть — предшественником Антихриста, Василия III.

Василий III провел в Пскове четыре недели и издал новую грамоту, как и обещал простым людям. Ее текст не сохранился, но из рассказа летописца мы можем вывести, что ее суть заключалась в отмене старых псковских законов и введении московских. Помимо того, грамота, вероятно, содержала определенные гарантии налогоплательщикам, поскольку в ней был установлен точный размер платежей. Должностные лица должны были придерживаться этой нормы и не имели права требовать денег сверх предписанного. Такого же типа была грамота Василия III, выданная крестьянам Переяславской земли (1506 г.).[15]

Наместники великого князя (оба — видные московские бояре) и двое дьяков (одним из них был Мисюрь-Мунехин) были поставлены править Псковом. В помощь им было назначено двенадцать московских и двенадцать псковских старост. В Псков были вызваны московские "*гости*" (финансисты), чтобы организовать сбор тамги. В городе был размещен гарнизон из 1 000 "*боярских сынов*" и 500 новгородских пищальников. Новым московским должностным лицам, видимо, были даны указания проводить в Пскове безжалостную политику, чтобы полностью подчинить псковичей. "*И эти наместники, и их чиновники выпили много псковской крови*", — отмечает летопись. Жителям бывшего вольного города сначала приходилось туго из-за незнания московских законов. Когда они жаловались на непосильные штрафы и аресты, московские чиновники насмешливо отвечали: "*Уймитесь! Это ваша новая грамота*". Согласно летописцу, большинство иностранцев, которые прежде жили в Пскове, вернулись в свои родные земли. "*Остались одни псковичи. [Куда они*

могли уйти?] Земля не разверзалась под ними, и улететь они не могли".

Единственный способ, которым псковичи могли облегчить свое положение — это, согласно традиции, попросить вступиться за них церковные власти. Вообще-то псковичи могли бы обратиться за помощью к архиепископу новгородскому (к чьей епархии принадлежал Псков), но новгородский епископский престол с 1509 г. пустовал.[16] Поэтому псковичи обратились к настоятелю Елеазарова монастыря в Пскове монаху Филофею, человеку образованному и высокоуважаемому.

Чтобы утешить псковичей, Филофей написал им и посоветовал сносить свои несчастья в духе христианской покорности Провидению. Он сказал, что и святые страдали, что это кара Божья за прошлые грехи людей, и что им следует молить Всевышнего о прощении.[17]

Одновременно Филофей направил письмо великому князю Василию III, в котором, прямо или косвенно, однако, без специального упоминания Пскова, поднял ряд вопросов, касающихся псковских дел.[18] Я думаю, что прежде чем написать это письмо, Филофей проконсультировался с дьяком Мисюрь-Мунехиным. Мунехин не мог одобрять беспричинную жестокость нового режима в Пскове и, возможно, нуждался в поддержке Филофея для осуществления своих планов улучшения положения несчастных псковичей. Скорее всего, Мунехин взялся сам доставить письмо Филофея великому князю вместе со своим собственным докладом.

В своем письме Василию III Филофей обсуждал, в первую очередь, три вопроса: (1) вакансия (*"вдовство"*) Новгородского епископского престола; (2) неправильный способ совершения некоторыми людьми крестного знамения; (3) содомию. Филофей объяснял Василию III, что медлить с назначением новгородского епископа — значит наносить серьезный удар по единству церкви; он убеждал великого князя как можно скорее исправить это положение. Филофей говорил об этом в общих чертах, но, несомненно, имел в виду интересы Пскова и псковской церкви, которая осталась без защиты архиепископа.

Остальные две темы письма Филофея (способ, которым совершается крестное знамение, и содомия), вероятно, также имели некоторое отношение к псковским делам. Я склоняюсь к мысли о

том, что некоторые московские должностные лица, притеснявшие псковичей, обвинялись в содомии, а также в том, что неправильно крестились. Мунехин, конечно, прекрасно знал как держатся в Пскове москвичи; рассуждения Филофея о серьезности грехов, совершаемых ими, могли помочь ему убедить великого князя в необходимости устранить этих людей.

В своем "трактате" о грехах Филофей, снова не упоминая конкретно псковичей, умолял великого князя проявить милосердие к угнетенным: "*Обрати скупость свою в щедрость и жестокость в милосердие; утешь плачущих, которые причитают и днем и ночью; избавь угнетенных от руки угнетателей*". И несомненно намекая на то, что псковичей лишили имущества, он предостерегает великого князя: "*Не полагайся на золото и славу, которые достаются здесь на земле и остаются на земле. Мудрый Соломон сказал: "Назначение богатств и золота не в том, чтобы хранить их в сундуках, но в применении их для помощи нуждающихся*".[19]

В заключение Филофей просил простить его за то, что осмелился писать, и указал, что после падения Константинополя великий князь московский — единственный оставшийся православный христианский правитель на земле, и поэтому у него особая ответственность и обязанности по отношению к православной христианской церкви. Именно в этом письме и в этой связи Филофей впервые сформулировал свою знаменитую теорию "Третьего Рима".

Василий проигнорировал мольбу Филофея о том, чтобы положить конец "вдовству" новгородской епархии. С другой стороны, Василий "проявил милосердие" к Пскову и удалил своих жестоких наместников, заменив их двумя благожелательными людьми — князем Петром Великим-Шестуновым[20] (прежним князем-наместником Пскова) и князем Семеном Курбским (1511 г.). Дьяки остались при своих должностях, и Мисюрь-Мунехин взял теперь управление Псковом в свои крепкие и опытные руки. Народ почувствовал себя легче и безопаснее. Многие псковичи вернулись в город, вновь появились иностранцы, и город снова стал процветающим. Но это был уже не прежний Псков. Как говорил Герберштейн, "*самые благородные и гуманные обычаи псковичей были заменены более бесчестными обычаями московитов. Честность, прямота и искренность псковичей в деловых отношениях была таковой, что все многословие, рассчитанное на то, чтобы обмануть покупа-*

теля, было исключено. Они были нацелены на саму торговлю без лишних слов".[21] Утверждение Герберштейна, несомненно, основано на сведениях, полученных им от немецких купцов. Последние, должно быть, нашли московитов более хитрыми дельцами, чем когда-либо были псковичи. Кроме того, псковичи были знакомы с немецкими обычаями и традициями в ведении дел, в то время как москвичи — нет.

Однако влияние псковских традиций и близость города к западу были таковы, что с течением времени манеры потомков москвичей, поселившихся в Пскове, постепенно "псковизировались". Псковский народ в конце XVI и на протяжении XVII века являл собой свидетельство несколько иного духа, чем обычный московский. Они были более независимы по отношению к властям.

3. Внутренняя и внешняя политика, 1505-1522 гг.

Религиозное брожение на Руси не окончилось после церковных соборов 1503 и 1504 гг., и конфессиональные проблемы продолжали играть важную роль в политике Василия III. Правда, голос еретиков был теперь почти не слышен, но заволжских отшельников нельзя было заставить замолчать так быстро. Их догматы не имели ничего общего с ересью, но они протестовали против казней еретиков, заявляя, что истинно христианский способ борьбы с инакомыслием — молитва и убеждение, а не огонь и тюрьма. Они с горечью упрекали Иосифа Санина в жестокости по отношению к еретикам.[22]

Со своей стороны, Иосиф адресовал несколько посланий Василию III, убеждая его не ослаблять усилий по подавлению остатков ереси с помощью самых суровых мер.[23] Хотя и нет свидетельств о каких-либо массовых преследованиях еретиков в первые годы царствования Василия III, представляется, что на Василия усердие Иосифа произвело должное впечатление, и младший брат Иосифа — Вассиан был посвящен в сан архиепископа Ростова и Ярославля.

Примерно в это же время Иосиф оказался в затруднительном положении из-за враждебного отношения к нему волоцкого князя Федора, на чьих землях был расположен монастырь Иосифа (основанный в 1479 г.). Церковное управление Волоком осуществлял

архиепископ новгородский. Пока новгородский престол занимал Геннадий, Иосиф всегда мог рассчитывать на его поддержку. Смещение Геннадия в 1503 г. серьезно повлияло на положение Иосифа в Волоке, поскольку новый архиепископ новгородский, Серапион, питал к нему неприязнь.

Князь Федор Волоцкий относился к монастырю Иосифа как к источнику потенциальных доходов. Он "занимал" деньги у монастыря, часто навещал его со своей свитой и злоупотреблял гостеприимством Иосифа. Однажды, сообщая Иосифу о его предстоящем визите, он попросил Иосифа угостить его и его свиту медом, а не квасом; мед был любимым алкогольным напитком в древней Руси и стоил значительно дороже, чем квас.[24] Федор рассчитывал также на богатые дары, такие, как лошади лучших пород, оружие и драгоценные камни. Вскоре он действительно стал угрожать Иосифу изгнанием с волоцкой земли.[25]

В отчаянии Иосиф обратился через своего друга, боярина Кутузова, к Василию III с просьбой освободить его монастырь из-под власти князя Федора и передать его в ведение великого князя. Одновременно Иосиф попросил санкции на это у митрополита Симона. Симон согласился поддержать прошение Иосифа, и Василий взял монастырь Иосифа под свою защиту. Однако здесь было препятствие. С точки зрения канонического права, никакое решение подобного характера не могло быть проведено в жизнь без одобрения архиепископа Серапиона Новгородского. Во всяком случае, последний должен был быть поставлен в известность. Согласно биографу Иосифа, монаху Савве Черному, Иосиф намеревался это сделать, но не смог из-за эпидемии чумы в Новгороде. Монах Савва добавляет, что сам великий князь обещал уладить дело.[26] Убедительность этих утверждений сомнительна.

Когда князь Федор получил известия о приказе Василия III, лишающем его богатейшего монастыря в его княжестве, он впал в ярость и после совещания с настоятелем еще одного Волоцкого монастыря направил жалобу архиепископу Серапиону. Последний ожидал, что Иосиф, по крайней мере, объяснится. Не получив извинений от Иосифа, Серапион направил ему суровое послание, запрещая отправлять священные обряды и принимать святое причастие. Иосиф немедленно пожаловался митрополиту Симону, который решил проконсультироваться с советом епископов. Было

решено отменить Серапионово отлучение Иосифа и вызвать своевольника в Москву для объяснений. Серапиона судили, признали виновным, сместили с новгородского престола и заключили в Андрониковом монастыре в Москве (1509 г.).[27] С тех пор новгородский епископский престол оставался вакантным на протяжении семнадцати лет. Вероятно, действия Серапиона были истолкованы как нечто вроде восстания Новгорода против Москвы.

Князь Федор Волоцкий умер в 1513 г., после чего его удел вошел в состав Великого княжества Московского.

Иосиф одержал верх в споре с Серапионом, но средства, с помощью которых он достиг своей победы, вызвали негодование многих священнослужителей и бояр и смутили даже некоторых последователей его учения. Кое-кто из учеников умолял Иосифа извиниться перед Серапионом, но он решительно отказался делать это.

Даже самого Василия III беспокоили методы Иосифа и суровость наказания Серапиона. Узнав о том, что митрополит Симон жестоко обращается с Серапионом в тюремной камере Андроникова монастыря, Василий III приказал перевести Серапиона в монастырь Святой Троицы (где он раньше был настоятелем). Он жил здесь скорее как гость, нежели как заключенный, вплоть до своей смерти в 1516 г.

Еще одним свидетельством ослабления влияния Иосифа на Василия III явилось изменение отношения великого князя к впавшему в немилость монаху Вассиану Патрикееву. Около 1509 г. Вассиану было позволено приехать в Москву, и он был помещен в Симонов монастырь. Вскоре Вассиан снискал доверие и благосклонность Василия. Однажды Василий назвал Вассиана *"опорой своего царства"* и своим *"наставником в человеколюбии"*.[28] Вероятно, Варлаам, к которому благожелательно относились заволжские старцы, был возведен в сан митрополита московского вместо Симона, который умер в 1511 г., под влиянием Вассиана.

Бурная полемика между Иосифом Саниным и его оппонентами, наиболее видным из которых был теперь Вассиан Патрикеев (Нил Сорский умер в 1508 г.), продолжалась. Помимо вопроса о наказании еретиков теперь возобновились споры по поводу права монастырей на земельные угодья. Василий III разделял в этом вопросе мнение своего отца. И конечно, увеличение великорус-

ской армии с помощью поместного плана теперь было еще более необходимо, чем даже во времена Ивана III, поскольку отношения Москвы с ее соседями стали еще более натянутыми.

Как мы знаем, краеугольным камнем евразийской политики Ивана III был его союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Главная ценность этого союза для последнего заключалась в возможности единым фронтом с Москвой противостоять Золотой Орде. Но к концу царствования Ивана III Золотая Орда распалась, и ее место частично было занято значительно более слабым Астраханским ханством, которое не представляло серьезной угрозы ни для Москвы, ни для Крыма. После этого Менгли-Гирей оказался в меньшей степени заинтересован в соглашении с Москвой. Москве же союз с Крымом был нужен не только для сдерживания Золотой Орды и Казани, но и для борьбы с Литвой. Однако распространение контроля Москвы на район Северской земли Менгли-Гирея в восторг не привело, поскольку московские войска теперь подошли слишком близко к его собственным владениям. Более того, теперь он уже не мог грабить Северскую землю; а именно это — возможность поживиться на украинских землях как к востоку, так и к западу от Днепра, чрезвычайно привлекала его в союзе с Москвой. Наконец, Василий III, будучи скупым по складу характера, с большой неохотой, в отличие от его предусмотрительного отца, тратился на "подарки" крымскому хану, его родне и вельможам. Крымская верхушка, естественно, обижалась.

Всё это в результате значительно охладило отношения между Москвой и Крымом в первые годы царствования Василия III, а в 1512 г. Менгли-Гирей расторг договор с Василием и перешел на литовскую сторону. Поскольку теперь крымские татары вынуждены были воздерживаться от набегов на украинские земли, принадлежащие великому князю литовскому, они направили свои алчные взоры в сторону Северской земли и приграничных областей Великого княжества Московского. Это стало началом затяжной войны между Русью и крымскими татарами, в которой на стороне последних позднее приняли участие оттоманские турки. Разорительные набеги крымских татар на южные приграничные земли России еще продолжались во время царствования Екатерины II.

Летом 1521 г. сыну и наследнику Менгли-Гирея, хану Мухаммед-Гирею удалось добраться до окраин самой Москвы. Он полу-

чил определенную поддержку от великого князя литовского. Наместник Черкасс, Евстафий Дашкевич, во главе войска украинских казаков, находившихся у него на службе, совершил набег на Северскую землю. Когда Василий III получил известия о вторжении татар, он, чтобы собрать побольше войск, отступил в Волок, оставив Москву на православного татарского князя Петра, мужа сестры Василия Евдокии (она умерла в 1513 г.). Москва была переполнена беженцами из близлежащих районов, из-за чего началась эпидемия. Петр отправил Мухаммед-Гирею богатые дары, и последний снял осаду. Герберштейн считает, что Петр согласился дать Мухаммед-Гирею от имени московского правительства письменную клятву платить ему ежегодную дань, и что позднее русский военачальник, командующий русским гарнизоном в Рязани, с помощью хитрости заполучил эту бумагу и уничтожил; но вся эта история не выглядит правдоподобной.[29]

Как крымский хан, так и великий князь литовский старались помешать Москве в ее столкновениях с Казанским ханством. Как мы знаем, казанский хан Мухаммед-Эмин выступил против Москвы вскоре после смерти Ивана III. Весной 1506 г. Василий III послал на Казань русские войска, но поход не удался — русские потерпели два серьезных поражения. Однако два года спустя Мухаммед-Эмин вернул Москве пленников и подписал с Василием дружественный договор. После смерти Мухаммед-Эмина Василий III направил в Казань касимовского царевича Шаха-Али (1519 г.).[30] Казанцы сначала приняли его как своего хана, но вскоре, под влиянием крымских агентов, восстали и пригласили на казанский трон Сахиб-Гирея, брата крымского хана (1521 г.). Шаху-Али было позволено со всеми его женами и имуществом возвратиться в Москву.[31] Как только Сахиб-Гирей воссел в Казани, он приказал часть русских, проживающих в Казани, уничтожить, других обратить в рабство.

Разрыв с Крымом и постоянные проблемы с Казанью заставили великороссов срочно укреплять оборонительную систему. Каждую весну на "*берег*", то есть, на главную оборонительную линию по течению реки Оки, посылались войска. Вдоль этой линии и к югу от нее были возведены крепости (Зарайск, Тула, Калуга). В приграничных районах (*украинах*) к югу от окской линии были расселены группы "*украинников*" (приграничных жителей или ка-

заков). На дипломатическом фронте правительство Василия III старалось поддерживать дружественные отношения с Ногайской ордой и с Астраханским ханством.

Ухудшение отношений Москвы с татарами осложнило для Василия и решение литовских проблем. Тем не менее он продолжал политику отца в отношении западнорусских земель. Великий князь литовский Александр умер в 1506 г.; после этого королем Польши и великим князем литовским стал его младший брат Сигизмунд. Великая княгиня Елена (вдова Александра и сестра Василия), ввиду натянутых отношений между Литвой и Москвой, вынуждена была остаться в Литве. После смерти мужа ее жизнь стала значительно печальней. "Жертва политических расчетов", по выражению Н. Бестужева-Рюмина, она умерла в 1513 г.[32]

Еще до истечения шестилетнего перемирия с Литвой (заключенного в 1503 г.) война вспыхнула снова в связи с переходом Михаила Глинского на русскую сторону. Было заключено новое перемирие, а затем военные действия возобновились. В 1514 г. русские войска под командованием князя Даниила Щени после яростного артиллерийского обстрела захватили Смоленск.[33] Именно тогда Василий III обидел Глинского, назначив своим наместником в Смоленске не его, а князя Василия Васильевича Шуйского.

Захват Смоленска был серьезным успехом великороссов, но примерно месяц спустя армия московитов потерпела суровое поражение под Оршей.[34] Князь Константин Иванович Острожский, тот самый, что четырнадцать лет назад потерпел поражение при Ведроше, теперь привел литовские войска к победе. Однако все попытки литовцев отвоевать Смоленск окончились неудачей. Положение было точно противоположным тому, что сложилось во время войны 1500-1503 гг. Тогда великороссы выиграли наиболее важное сражение, но оказались не в состоянии захватить Смоленск. Теперь, хотя битва и была проиграна, они прочно удерживали Смоленск. Стычки продолжались, будучи прерываемы дипломатическими переговорами. Император Максимилиан I попытался посредничать в этом конфликте, и именно с этой целью Герберштейн был первый раз отправлен в Москву (1517 г.). Из этой попытки ничего не вышло. В 1522 г. непосредственно между Москвой и Литвой было заключено новое перемирие сроком на пять лет. Москва удержала за собой Смоленск и сохранила все завоевания Ивана III.[35]

Братья Василия III попытались использовать конфликт с Литвой в своих властных интересах. В 1511 г. Василий получил донесение, что князь Семен Калужский намеревается присоединиться к великому князю литовскому Сигизмунду. Василий приказал Семену немедленно явиться в Москву. Семен испугался и попросил митрополита и епископов вымолить у Василия ему прощение. Василий снизошел к просьбам сановных священников, но Семену пришлось распустить своих бояр и слуг и принять новую свиту, посланную ему Василием.[36] Семен умер в 1518 г. Отношения между Василием и другим его братом, Дмитрием Углицким, тоже время от времени становились натянутыми. Василий упрекал своего брата в неподчинении власти великого князя. Однако открытого конфликта между ними не произошло.[37]

Около 1514 г. брат Василия III Юрий Дмитровский(следующий по старшинству после него) организовал вместе со своими боярами заговор. Слуга Юрия сообщил великому князю о планах его брата. Василий собирался было взять заговорщика под стражу, но Юрий обратился к Иосифу Санину, умоляя престарелого настоятеля вступиться за него. Следует вспомнить, что в 1513 г. князь Федор Волоцкий умер, и Волоцкий удел был присоединен к Москве. Теперь Василий часто ездил в Волок охотиться, и их отношения с Иосифом восстановились. Иосиф был болен, когда Юрий попросил его о помощи, и не мог самостоятельно отправиться в Москву. Он послал к Василию двух монахов из своего монастыря. После бурной беседы с преподобными Василий III согласился простить Юрия. Вскоре после этого Иосиф умер. Ему было семьдесят шесть лет (1515 г.).[38]

Незадолго до смерти Иосиф отправил Василию III послание, в котором просил великого князя проявить к Волоцкому монастырю особую заботу и оказывать обители покровительство. Затем Иосиф попросил братьев монастыря выбрать ему среди них подходящего преемника. Они выдвинули Даниила, уроженца Рязани. С согласия Иосифа митрополит Варлаам посвятил Даниила в настоятели. Василий III сдержал обещание, данное Иосифу, часто наезжал в Волоцкий монастырь, любил охотиться в его окрестностях. Вскоре он сдружился с новым настоятелем — Даниилом. В то же время отношения Василия III с митрополитом Варлаамом постепенно ухудшались. Последним важным делом Варлаама, одоб-

ренным Василием, было приглашение с горы Афона ученого греческого монаха для перевода на русский язык некоторых греческих религиозных рукописных книг, имевшихся в московских библиотеках, и для того, чтобы бороться на догматической почве с ересью жидовствующих (1515 г.). Тот монах, которого москвичи хотели заполучить, был стар и немощен и не отважился на путешествие в Москву. Вместо него старейшины горы Афон направили в Москву молодого греческого ученого, Михаила Триволиса, чье монашеское имя было Максим и который стал известен на Руси как Максим Грек. Он прибыл в Москву в 1518 г.[39] В последующие годы Василий III стал избегать Варлаама, частично из-за постоянного заступничества последнего за тех людей, которые попадали к Василию в немилость. 17 декабря 1521 г. Варлаам был смещен. Два месяца спустя (27 февраля 1522 г.) Василий назначил новым митрополитом настоятеля Даниила.

Примерно к этому же времени Рязанское княжество или, скорее, оставшаяся его половина была присоединена к Москве. Последний независимый рязанский князь Иван (VI) был обвинен в 1520 г. в сговоре с крымским ханом Мухаммед-Гиреем и арестован Василием III. Во время набега Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. Ивану Рязанскому удалось бежать в Литву, где он получил земельный надел. Он умер в 1534 г. Как и в случае с Новгородом и Псковом, тысячи рязанцев были высланы в Московию и заменены московитами.[40]

4. Победа иосифлян и второй брак Василия III

С возведением Даниила в сан митрополита московского можно было ожидать, что иосифлянство окончательно утвердится в Московии. И действительно, вскоре Даниил устранил своих основных противников. Когда появлялась вакансия на то или иное важное место в церковной администрации, Даниил назначал иосифлянина. Следует согласиться с тем, что он знал, как подбирать квалифицированных помощников, и некоторые из его назначений были вполне удачны. Именно Даниил возвел в 1526 г. Макария в сан архиепископа новгородского. Макарий проявил себя одним из просвещенных русских свя-

щеннослужителей, и ему предстояло сыграть важную роль в первой половине царствования Ивана Грозного. Даниил поддерживал самодержавие Василия разными способами и укрепил подчинение русской церкви власти великого князя. В свою очередь, Василий III вынужден был отказаться от своих претензий на церковные земли.

Поскольку церковные земли не подлежали конфискации в поместный фонд, у Василия III не было иного выбора, кроме как возвратить часть государственных (черных) земель поместьям, хотя он пользовался каждым случаем для расширения фонда государственной земли через аннексию, как это было с Псковом и Рязанью. К 1523 г. Василию удалось присоединить также и Северскую землю. Двое северских князей, потомки прежних врагов Василия II — Василий Шемячич Новгород-Северский и Василий Стародубский, внук Ивана Можайского — признали господство Ивана III в 1500 г. и были оставлены в Северской земле как удельные князья. Они ненавидели друг друга и плели друг против друга интриги. Василий Стародубский умер около 1518 г., и его удел отошел к Москве. В 1523 г. великий князь Василий III призвал князя Василия Шемячича в Москву для объяснений, поскольку тот подозревался в тайной связи с королем Сигизмундом. Шемячич боялся появляться в Москве, но митрополит Даниил поручился за его безопасность, дав клятву на иконе Богоматери.[41] Сначала Шемячич был хорошо принят в Москве, но вскоре арестован и заключен в тюрьму. Там он и умер шестью годами позже, а его удел был включен в состав московских земель.[42]

Даниил не встал на защиту Шемячича, что возмутило многих русских, особенно тех, кто следовал заповедям Нила Сорского. Великий князь Василий, однако, был доволен действиями Даниила или, скорее, отсутствием всяких действий. Вскоре Даниил помог Василию с решением его семейных дел. Как уже упоминалось, Василия огорчало бесплодие его жены Соломонии (урожденной Сабуровой). Соломония была доброй и добродетельной женщиной, и Василий был всем доволен, кроме отсутствия наследников. Для Василия III это было делом не только семейным делом, но и государственным. Если бы он умер бездетным, ему наследовал бы брат Юрий, а Василий Юрию не доверял; если быть точнее, он презирал его.

Ведущие московские бояре, руководствуясь государственными соображениями, поддержали решение Василия III развестись с Соломонией и жениться снова. Все дело теперь зависело от митрополита, без чьего позволения Василий III не мог начать бракоразводный процесс. Развод в подобном случае противоречил евангельским заповедям и обычаям греко-православной церкви. Сначала Даниил не решался дать разрешения на развод. Вероятно, под влиянием Максима Грека он посоветовал Василию III проконсультироваться с восточными патриархами и с монахами горы Афон. Так и было сделано, но положительного ответа Василий не получил.[43] Тогда Даниил все-таки дал санкцию на развод. 28 ноября 1525 г. Соломонию, несмотря на ее протесты, постригли в монашенку под именем София и отправили в Покровский монастырь в Суздале. Вскоре после этого Даниил благословил второй брак Василия с молодой княжной Еленой Глинской и сам совершил богослужение в день свадьбы 21 января 1526 г.

Пособничество Даниила разводу и повторному браку Василия III вызвало негодование многих выдающихся русских людей, особенно — противников Василия III и иосифлянства. В одной из редакций Псковской летописи второй брак Василия назван прелюбодеянием.[44] Таковым же было и мнение Вассиана Патрикеева. Максим Грек также полагал, что развод и новый брак с церковной точки зрения незаконны. Некоторые бояре, включая князя Семена Федоровича Курбского и Ивана Никитича Берсень-Беклемишева (долго находившегося в немилости у великого князя), резко критиковали как митрополита, так и великого князя.[45]

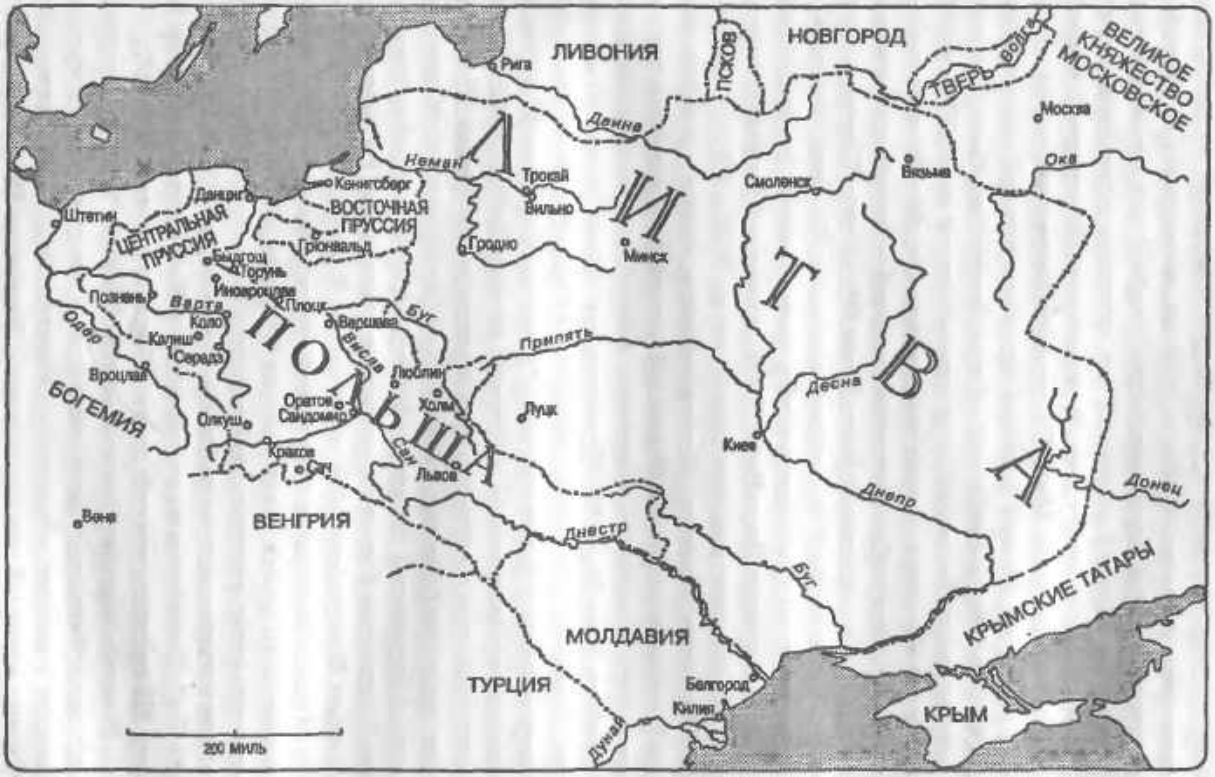
Большинство из тех, кто выступал против развода и повторного брака Василия, были наказаны тем или иным образом под разными предлогами. Князь Курбский попал в опалу и умер в немилости в 1527 г. Берсень-Беклемишев был обвинен в нанесении оскорблений великому князю и в феврале 1525 г. вместе со своим другом взят под стражу и подвергнут пытке. Берсеня приговорили к смерти, а его друга дьяка — к отрезанию языка.[46] Берсень был другом Максима Грека и часто навещал его. Это обстоятельство было раскрыто во время суда над Берсенем, и Максим был вызван для дачи показаний перед особым собором, на котором председательствовал сам великий князь, и который включал в себя не только епископов и монахов, но и бояр.

О религиозных и политических взглядах Максима Грека речь будет идти в другом томе. Здесь же будет нелишним сказать несколько слов о его положении на Руси до 1525 г. В свое время его пригласили в Москву с предложением переводить толкования псалмов и некоторых других греческих трудов, а также опровергать ересь жидовствующих. Максим считал, что его миссия только временная. Проблема заключалась в том, что когда он покидал гору Афон, он не знал ни славянского (использовавшегося русскими в их церковных книгах), ни русского. Он сразу же взялся за изучение обоих языков. Поскольку он был хорошим лингвистом (знавшим в совершенстве греческий и латынь), задача эта была не слишком трудной, но, естественно, выполнение ее требовало времени. Двум ученым русским, в том числе Дмитрию Герасимову, было поручено работать с Максимом. Они не знали греческого; таким образом, Максим вынужден был переводить оригинальный греческий текст на латынь, а Герасимов и его коллега уже переводили его на русский. Позднее Максим уже мог самостоятельно переводить непосредственно с греческого на русский. Конечно же, ошибки в переводе были неизбежны и в конце концов эти ошибки и стали причиной нападок на него иосифлян.

Максим был принят митрополитом Варлаамом с большим уважением. Под влиянием Варлаама Василий III также сначала благожелательно отнесся к нему; на Грека смотрели как на крупного реформатора, ученого и талантливого человека, который призван был давать государю и митрополиту советы, как построить идеальное государство и общество. Духовные и этические взгляды Максима на христианство были созвучны воззрениям заволжских старцев (не следует забывать, что корни духовности Нила Сорского также уходили в мудрость ученых-монахов горы Афон). Последователи нестяжателей, такие, как Варлаам и Вассиан Патрикеев, лучше могли понять и оценить Максима, нежели иосифляне. Поэтому вполне естественно, что Вассиан Патрикеев и его друзья близко сошлись с Максимом и стали часто навещать его. Большинство бесед Максима с гостями носило религиозный характер, но иногда, особенно в разговорах с опальным боярином Берсень-Беклемишевым, поднимались и политические вопросы. Сам Максим готов был всем сердцем поддерживать тех, кто выступал против права монастырей владеть земельными угодьями.

4. Россия около 1530 г.

5. Польша и Литва в 1466 г.



Как только Варлаам был смещен с московского престола и митрополитом стал Даниил, противники монастырской собственности утратили свое влияние при великокняжеском дворе. Сначала Даниил терпимо относился к Максиму, уважая его ученость, но вскоре его отношение изменилось, и после суда над Берсенем он решил взяться и за Максима.

На соборе 1525 г. Максима обвинили в резкой критике русских церковных книг, в восхвалении авторитета патриарха константинопольского и в допущении некоторых догматических ошибок.[47] Последнее обвинение возникло из-за того, что Максим, когда писал на славянском, иногда ошибался, и был неверно понят. Что касается авторитета патриарха константинопольского, то Максим никогда не скрывал своего мнения, что митрополиту московскому нужно благословение от патриарха. Максим считал себя членом греческой церкви, а не подчиненным властям русской церкви. Максиму вынесли суровое наказание. Он был заключен в Волоцкий монастырь "для покаяния и исправления"; ему запретили учить кого-либо, сочинять что-либо и вести с кем бы то ни было переписку.

В заключении Максим испытывал тяжелые физические и духовные страдания. Несмотря на жесткий режим, он сумел написать несколько писем, в которых защищал себя и резко нападал на недостатки русской церковной иерархии. Это стало известно Даниилу, и в 1531 г. Максим еще раз предстал перед судом. На сей раз часть обвинений против него носила политический характер. На основании дружбы с турецким посланником, греком Скиндером, который к тому времени уже умер (1530 г.), Максиму предъявили обвинения в симпатиях к туркам. Кроме того, Максим был признан виновным в богохульстве и искажении Писания, и ему на этой почве было запрещено принимать Святое причастие, что стало для него суровым ударом. Его перевели из Волока в Отроч монастырь в Твери. Тверской епископ прежде был монахом Волоцкого монастыря, и Даниил мог быть уверен, что Максиму не будет выказано никакого благоволения.[48]

Решив судьбу Максима, собор 1531 г. перешел к рассмотрению "так называемых" преступлений Вассиана Патрикеева. В частности, митрополит Даниил вменил ему в вину следование доктринам дохристианских греческих философов, таких, как Аристотель

и Платон. Гнев Даниила вызвала также острая полемика Вассиана с иосифлянами по вопросу о монастырской земле. Более того, Вассиан высказывал сомнения по поводу предполагающегося причисления к лику святых митрополита Ионы и Макария Калязинского, каждый из которых должен был быть официально канонизирован в 1547 г. В ряде своих писаний Вассиан выражал определенные неортодоксальные взгляды, особенно на божественную природу тела Христова. Это дало возможность Даниилу объявить Вассиана последователем ереси Евтихия и Диоскора, то есть, монофиситом и манихеистом.[49] Собор признал Вассиана еретиком и приговорил к заключению в Волоцкий монастырь. Там осужденный был брошен в ту же тюремную келью, что раньше занимал Максим Грек, который теперь находился в Твери. Вассиан был заточен в монастырь бессрочно, и дата его смерти нам неизвестна. Вероятно, это случилось около 1532 г. Знаменитый противник Ивана Грозного Андрей Михайлович Курбский говорит, что Вассиана по приказу Василия III "*вскоре уморили голодом*" волоцкие монахи.[50] Курбский мог ошибаться относительно причин смерти Вассиана, но то, что Вассиан умер «вскоре» после прибытия в Волок, представляется правдоподобным.

Повторная женитьба Василия III повлекла за собой немало религиозных, политических, династических и психологических изменений. С религиозной и политической точек зрения, Василий порвал со многими близкими ему людьми. Среди этих людей, как мы знаем, были духовное светило православного христианства Максим Грек и искатель религиозной правды Вассиан Патрикеев. Однако боярская дума, как и большинство бояр в целом, продолжала поддерживать общую политику Василия III. Положение боярского совета оставалось прежним. Дядя новой великой княгини Елены — князь Михаил Львович Глинский — вскоре был прощен Василием, вернулся и стал важной фигурой при великокняжеском дворе. В думе Глинский занимал третье место после князя Бельского и князя Шуйского.

В 1526 г. Запад снова попытался примирить Москву с Литвой. В Москву отправился посланник императора Карла V, которого в качестве представителя его брата, короля Фердинанда, сопровождал барон Герберштейн. Папа также послал своего легата. На сей раз западное посредничество в московско-литовском конфликте

отчасти удалось, и перемирие продлили еще на шесть лет, при условии, что Смоленск останется под властью Москвы.[51]

Крымские татары несколько раз совершали набеги на приграничные московские области, но всякий раз получали отпор. Однако им удалось доставить Москве немало неприятностей. Московские позиции по отношению к Казанскому ханству сильно укрепились благодаря строительству новой русской крепости — примерно на полпути между Нижним Новгородом и Казанью на правом берегу Волги в устье реки Суры, притока Волги (1522 г.). Эта крепость, известная как Васильсурск (в честь Василия),[52] служила аванпостом в дальнейших русских походах на Казань. В 1532 г. казанцы согласились на то, чтобы Василий III выбрал им нового хана, при условии, что им не будет Шах-Али. Василий отправил в Казань брата Шаха-Али, касимовского царевича Яна-Али (Эналея). Таким образом, московский сюзеренитет над Казанью был восстановлен.[53]

С династической точки зрения второй брак Василия III решил проблему престолонаследия. 25 августа 1530 г. великая княгиня Елена родила первого сына, крещеного под именем Иван; он станет будущим царем Руси — Иваном Грозным. Три года спустя на свет появился еще один царевич — Юрий. Рождение Ивана сильно укрепило дух Василия и придало ему уверенности в решении как семейных, так и политических вопросов. Теперь он согласился на брак своего младшего брата, князя Андрея Старицкого, с княжной Ефросиньей Хованской, которая оказалась очень честолюбивой женщиной. (Князья Хованские были потомками Гедимина). Свадьба Андрея и Ефросиньи состоялась 22 февраля 1533 г.

Для Василия рождение сына, вопреки мнению тех, кто критиковал его второй брак, было знаком милости Господней, и это делало его более смелым в общении с противниками. В 1531 г. он безжалостно уничтожил как Вассиана Патрикеева, так и Максима Грека.

К моменту повторной женитьбы Василию III было сорок семь лет, а его невеста Елена была молодой девушкой. По всей вероятности, Василий был страстно влюблен в нее; рядом с ней он чувствовал себя моложе и стремился соответствовать своей супруге. Елена провела юность в Литве и впитала многие понятия и обычаи западной цивилизации и западного образа жизни. Василий III

стал следовать некоторым западным обычаям. Он начал брить свою бороду, что шло вразрез с давней московской традицией.[54] Современному читателю это может показаться незначительным фактом, но ввиду крайнего консерватизма московского образа жизни в XVI веке это имело символическое значение. Нам не следует забывать, что Петр Великий начал эру своих коренных реформ с того, что в 1698 г. стал лично стал резать бороды русским дворянам.

Василию III нравилось общаться с западными людьми, особенно с врачами и инженерами. Образ жизни на Западе был тесно связан с религией. Для русских того времени — и не только для русских — религия являлась сердцевиной культуры. Вассиан, наученный горьким опытом Максима Грека, в значительной степени поддался западному влиянию. Как раз во времена Василия III власть римско-католической церкви в Европе перестала быть монолитной, и голову поднял протестантизм. Магистр Тевтонского ордена стал лютеранином и в 1525 г. основал новое светское государство — Пруссию. Новое протестантское государство стремилось влиять на отношения Москвы и Польши, таким образом, религиозные изменения в Пруссии определенным образом повлияли на международную политику[55]. Однако на протяжении некоторого времени протестантизм на Руси не имел особенного значения — символом Запада оставался римский католицизм. Все время, пока Василий III пребывал у власти, папа надеялся обратить Русь в "римскую веру".[56] Его постигло разочарование, но несомненно, что Василий и некоторые русские из его окружения благосклонно воспринимали западное учение, в том виде, в котором оно подавалось католиками, хотя и не были готовы к обращению в католицизм.

Любимым врачом Василия был немец из Любека, Николай Булев. В русских источниках его называют "Николай Немчин" или "Николай Латинец" (т.е. римский католик). Николай провел много лет на Руси и преуспел в русском языке.[57] Он был человеком живого ума и интересовался не только медициной, но и астрономией и астрологией. Что касается религии, то он выступал за унию между восточной и западной церквями. Он излагал свои взгляды в письмах многим влиятельным русским и беседах с боярами и священнослужителями. Среди его поклонников был владевший латынью боярин Федор Карпов, которого мы можем на-

зывать русским "западником" XVI века (в терминах истории русской интеллектуальной жизни XIX века).[58] Короче говоря, Николай Булев стал популярной фигурой среди русской интеллектуальной элиты времен Василия III. О мнениях Николая Булева мы можем судить практически только по высказываниям его противников — Максима Грека и Филофея из Пскова.

21 сентября 1533 г. Василий III вместе со своей супругой Еленой и двумя детьми отправился паломником в Сергиево-Троицкий монастырь. Оттуда Василий поехал в Волок на охоту, но вскоре заболел. Его болезнь началась с нарыва на левом бедре, который стал вскоре угрожающе расти и вызвал воспаление. Сначала Василий требовал, чтобы его болезнь и заражение крови держали в секрете. Он вызвал в Волок лишь своих врачей и нескольких бояр. Когда прибыл Николай Булев, Василий сказал ему: *"Брат Николай! Ты знаешь о моей большой милости к тебе. Не можешь ли ты сделать что-нибудь, применить какое-нибудь лекарство, чтобы облегчить мою болезнь?"* Врач ответил: *"Государь, я знаю о твоей милости ко мне. Если бы это было возможно, я бы искалечил свое собственное тело, чтобы помочь тебе, но я не знаю никаких лекарств для тебя, кроме Господней помощи"*.

Лицом к лицу с надвигающейся смертью, Василий III проявил великую силу духа. Он говорил тем, кто был вокруг него: *"Братья! Николай был прав, когда он назвал мою болезнь неизлечимой. Теперь мне нужно думать о том, как спасти свою душу"*. Перед смертью Василий III хотел закрепить трон за сыном Иваном и принять монашеский постриг. Он был перевезен в Москву, где в великокняжеском дверце собрались его жена с детьми, его братья, митрополит Даниил и многие бояре. Даниил и высшие бояре были единодушны в признании Ивана наследником трона и обязались провозгласить его новым великим князем, как только Василий III умрет. Однако желание Василия III стать перед смертью монахом вызвало у многих протест. Эту запутанную ситуацию разрешил митрополит Даниил, и находящийся в полубессознательном состоянии Василий был пострижен в монахи. Он умер 3 декабря 1533 г.[59]

Таким образом, трехлетний мальчик Иван стал государем Всея Руси. До его совершеннолетия управлять страной должно было регентство, состоявшее из великой княгини Елены, митрополита Даниила и ведущих бояр. Это правление могло бы быть успеш-

ным при условии согласия и сотрудничества регентов. Но согласие длилось недолго, затем начались раздоры, которым суждено было болезненно повлиять не только на мальчика Ивана, но и на стабильность Великой Руси.

5. Рост имперской идеологии

Объединение Великой Руси и подъем авторитета великого князя московского при Иване III и Василии III привели, как уже было сказано, к глубоким изменениям в русском правительстве и управлении, а также к утверждению дворянского класса, который стал краеугольным камнем русской армии. Новые отношения между великим князем и его подданными, а также изменившееся международное положение Москвы способствовали формированию новых представлений о природе власти великого князя — то есть, новой идеологии. Как мы знаем, Иван III во второй половине своего царствования официально утвердил за собой титул: "Государь Всея Руси". Василий III сохранил этот титул. Каждый из них время от времени использовал титул "царь", который в 1547 г. будет официально введен сыном Василия III, Иваном IV Грозным.

Три сочетающиеся друг с другом элемента составляли содержание понятия о власти великого князя. На первом месте мы имеем традиционную идею (требующую теперь нового смыслового наполнения) о передаче великокняжеской власти от отца к сыну, то есть — принцип *отчины* (престолонаследия). Во-вторых, Московия освободилась от сюзеренитета монгольских ханов; таким образом, великий князь стал независимым правителем, или, если воспользоваться славянским переводом византийского императорского титула, — *самодержцем*. Здесь мы имеем принцип национальной независимости. В-третьих, в 1453 г. Византийская империя была разрушена оттоманскими турками. Это повлекло существенные изменения в положении великорусской православной церкви, а также и в положении великого князя как православного христианского правителя. Эти перемены глубоко повлияли на религиозные аспекты власти московских государей.

Хотя Иван III отличался чрезвычайно развитым чувством соб-

ственного достоинства и великодержавными амбициями, он предпочитал, как мы знаем, во всех своих предприятиях действовать осторожно. Он не любил чрезмерной пышности или многословного прославления своей власти. Его главная мысль, которую он выразил в своем ответе немецкому посланнику в 1489 г., заключалась в том, что основной источник великокняжеской власти — "милость Божья". "*Нам не нужно наград ни от кого иного*". Женитьба на Софье Палеолог позволила Ивану III претендовать на константинопольский трон, но он никогда не придавал этому большого значения; он был заинтересован только в возвеличивании московского трона. Однако он сознавал, что падение византийской монархии накладывает на него определенную ответственность и обязанности, а также дает ему определенные права, особенно в отношении управления русской православной церковью. С этой точки зрения знаменательна его роль в посвящении в сан митрополита Симона в 1494 г. Не случайно в конце 1490-х гг. византийский двуглавый орел появился на московском государственном гербе. В последние годы царствования Ивана III двуглавым орлом, наряду с всадником с копьем, украшали великокняжеские печати. При Василии III двуглавый орел стал изображаться на одной стороне печати, а всадник — на другой.[60]

Новые представления о достоинстве государевой власти были более отчетливо выражены в церемонии коронации внука Ивана III — Дмитрия в 1498 г.. Очевидно влияние на эту церемонию византийских образцов. Однако ритуал венчания Дмитрия на великое княжение скорее был сходен с восхождением на престол византийского "*цезаря*" (*kaisar*; по-славянски — "*кесарь*"), нежели с коронацией императора.[61] Следует заметить, что Дмитрий был коронован как великий князь, а не царь, но слово "царство" употреблялось во время церемонии в значении "царствование".

Церемония возведения Дмитрия на престол состояла из следующих важных моментов: благословение митрополита; упоминание Иваном III принципов престолонаследия и старшинства; торжественное слово митрополита; передача митрополитом регалий Ивану III и возложение регалий Иваном на Дмитрия; наставление Дмитрия митрополитом; и наставление Ивана III. Заключительное слово Ивана так записано в летописи: "*Внук Дмитрей! Пожаловал есми тебя и благословил великим княжъством; и ты имей*

страх в сердци, люби правду, и милость, и суд праведен, и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве".[62] Здесь любовь к справедливости и забота о греко-православной церкви (и народе) выделены как основные характеристики идеального русского государя. В начале речи подчеркнут личностный момент: именно он, Иван III, жалует Дмитрия великим княжением. Вероятно, Иван III не мог провести четкого различия между своей властью и своей особой или, скорее, он был убежден, что государственная власть и он сам — единое целое. Эта путаница была чревата серьезными последствиями. Не было установлено разницы между обязанностью правителя и прихотью человека. Мы знаем, что вскоре после этого Иван III сместил Дмитрия и вместо него "благословил" на великое княжение Василия. Здесь со всей очевидностью проявилось слабое место в новых представлениях о власти государя Всея Руси. Последствия этой ошибки сказались во времена царствования сына и внука Ивана III.

Не делать различий между властью государя и властью человека (носителя государевой власти) психологически было естественным даже для такого великого и предусмотрительного правителя, каковым был Иван III. Вероятно, на Ивана повлияли отголоски византийских политических идей на Руси. Согласно дьякону Агапету, жившему в шестом веке, "*хотя телесно император подобен всем остальным людям, во власти он подобен Богу*". Можно предположить, что учение Агапета произвело на Ивана III впечатление, когда он (или тот, кто читал ему), обнаружил это высказывание либо в списке славянской "Пчелы", либо в списке Лаврентьевской летописи (цитата приводится там в связи со смертью князя Андрея Боголюбского).[63]

Идея о божественной природе государя получила значительное развитие во время царствования Василия III. Герберштейн отмечал, что когда русских спрашивали о каком-либо непонятном или сомнительном деле, они обычно отвечали, что "*Бог и великий князь знают*". Псковичам во время ареста в Новгороде по приказу Василия III сказали, что они взяты "*Богом и великим князем*".

Именно в период царствования Василия III были разработаны подробные теории о высоком происхождении государевой власти, главным образом — религиозными писателями. Иосиф Санин, который вел переписку с Василием III по поводу ереси

жидовствующих, возможно, привлек его внимание к точке зрения Агапета.[64] Не менее важными были сочинения бывшего митрополита киевского, Спиридона, а также писания настоятеля Филофея из Пскова.

Тверич Спиридон был возведен в сан митрополита Руси и направлен в Киев патриархом константинопольским около 1480 г. Великий князь Казимир не признал его и взял под стражу. Распространились слухи, что Спиридон подкупил турецкие власти, чтобы те позволили возвести его в сан. Позднее Спиридону удалось бежать в Москву, но и там он не был признан. Под именем Савва он обосновался в Ферапонтовом монастыре в районе Белоозера на севере Руси. Спиридон был образованным человеком и автором нескольких посланий и религиозных трактатов.[65] В одном из своих сочинений он пытался рассмотреть Русское государство в контексте мировой истории. В нем (написанном в начале царствования Василия III) он отстаивал мысль о том, что Рюрик, предок великих русских князей, жил в Пруссии и был потомком римского императора Августа, брат которого Прусс якобы воцарился в стране, которая в честь него стала называться Пруссией. Спиридон говорил также, что корона (обычно называемая "шапкой") и остальные регалии великих князей были присланы князю Владимиру Мономаху Киевскому греческим императором Константином Мономахом.[66] Вероятно, Спиридон был знаком с легендами о Рюрике, которые, скорее всего, возникли в Новгороде, а также с легендами об истоках русских регалий, которые, по всей видимости, ходили в Киеве во времена Олельковичей. Во всяком случае, предположения Спиридона — это историческая фантастика, а не прагматическая история. В определенном смысле, однако, они делали историю, поскольку оказали влияние на московские политические теории.

Представляется, что Герберштейн был знаком с сутью утверждений Спиридона. Он говорил, что шапку, относившуюся к русским регалиям, первоначально носил Владимир Мономах.[67] Он также утверждал, что, согласно русским, Рюрик и его братья происходят от римлян.[68] В 1540-е гг. послание Спиридона было переписано и популяризировано под названием "Сказание о князьях Владимирских".[69] Это "Сказание" играло важную роль в идеологии Московского царства при Иване Грозном.

Теория о Третьем Риме, как мы знаем, была сформулирована Филофеем, настоятелем Елеазаровского монастыря в Пскове, в его письме Василию III (1510 г.). Филофей говорил: *"Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать"*.[70] Филофей объяснял, что после падения первого Рима центр истинного христианства переместился во второй Рим (Константинополь); а после взятия Константинополя турками — в третий Рим — Москву.

В новое время теория Филофея подверглась грубой и неверной трактовке. Суть ее свели к имперским притязаниям Москвы, ее стремлению владычествовать над всем миром. Филофей имел в виду совершенно иное. Он вкладывал в свою теорию эсхатологический смысл. Поскольку первые два Рима были разрушены, Москва оставалась единственным прибежищем православного христианства, и великий князь московский оставался единственным православным правителем в мире. Таким образом, на него ложились новые обязанности и ответственность. Он должен был охранять последнее пристанище православной христианской церкви и сделать Русь истинно христианской державой.[71] Именно в таком состоянии духа Василий III и митрополит Варлаам принимали в 1518 г. Максима Грека. Но Максим верил во второй Рим, а не в Москву, и вскоре попал в опалу. Новый эксперимент по созданию православного христианского царства был предпринят Иваном IV Грозным и митрополитом Макарием в конце 1540-х — 1550-е гг. Формула Филофея отчетливо прозвучала на церемонии коронации Ивана IV.

Во всяком случае, во время правления Василия III Русь идеологически готовилась к тому, чтобы стать царством.

Глава VI

ЗАПАДНАЯ РУСЬ В XVI ВЕКЕ

1. Введение

I

В Западной Руси монгольское иго длилось около одного столетия и пало около 1350 г. — то есть, на сто лет раньше, чем ему пришел конец в Восточной Руси. На смену монгольскому владычеству в Западной Руси пришло господство Польши и Великого княжества Литовского.

Польша сначала установила контроль только над самой западной частью Украины, захватив в 1349 г. Восточную Галицию. Оставшаяся часть Украины и вся Белоруссия признали сюзеренитет великого князя литовского, который стал называться великим князем литовским, русским и жемайтским.[1]

Хотя таким образом Западная Русь получила новый властный институт, русский народ в границах Великого княжества Литовского продолжал в течение некоторого времени жить в соответствии с представлениями и установлениями киевского периода. Лишь постепенно новые образцы изменили политический, религиозный, социальный и экономический уклады жизни как в Белоруссии, так и на Украине.

Взаимодействие старых русских традиций и новых установлений, ориентированных на польские образцы, заставляет историков и социологов всерьез заняться историей Западной Руси XIV,

XV и XVI веков. Долгое время исследователям не удавалось получить целостных представлений об исторической картине происходившего на этих землях Восточной Европы — которые веками служили границей между римско-католическим западом и греко-православным востоком, и между западными славянами и восточными славянами — из-за запутанного национального и религиозного фона.

Изучение этой проблемы с исторической точки зрения осложнено и тем, что власть на этой территории беспрестанно менялась, начиная со средних веков и заканчивая новым временем, вплоть до наших дней. В киевский период западнорусские земли и княжества являлись частью русской федерации, центром которой был Киев.[2] Затем пришли монголы, а после них — литовцы и поляки.[3] Мы знаем, что на западнорусские земли на основании того, что это наследство его предков, киевских Рюриковичей, претендовал Иван III. В начале XVII века, пользуясь "смутным временем", положение бесспорного правителя всей Западной Руси, казалось бы, обеспечила себе Польша. Украинское восстание 1648 г. значительно подорвало силу польского государства и закончилось объединением значительной части Украины с Москвой. В результате разделов Польши в 1772-1795 гг. Российская империя получила всю Белоруссию и остаток Украины, за исключением Восточной Галиции, которая отошла к Австрии. После русской революции 1917 г. и нового "смутного времени" в России возрожденной Польше удалось вернуть половину Белоруссии и Западную Украину. После Второй Мировой войны как Белоруссия, так и Украина воссоединились с Великой Россией в Советском государстве. Литва в своих этнических границах тоже стала советской республикой.

Из этой краткой ретроспективы политических судеб Западной Руси ясно, что ее история тесно переплетена с развитием трех государств: Руси, Польши и Литвы. На самой западнорусской территории сформировались две современные восточнославянские нации — белорусы и украинцы.

Вполне естественно, что исследователи всех вышеназванных народов и государств рассматривали Западную Русь в литовский период, исходя из национального исторического интереса каждого из них. С точки зрения русского историка, главным объектом изучения Великого княжества Литовского является не столько соб-

ственно история Литвы, сколько положение русских в великом княжестве, их участие в политике государства и влияние на них литовского управления и польских установлений.

Русские были законно признаны в качестве одного из двух основных народов великого княжества, другим, естественно, были литовцы. В Кревской декларации об унии Великого княжества Литовского с Польшей в 1385 г. король Ягайло (по-польски — Ягелло) объявил о своем намерении навсегда "присоединить" (applicare) к польской короне "его литовские и русские земли" (terras suas Lituaniae et Russiae).[4]

Во Втором Литовском Статуте 1566 г. (Раздел III, статья 9) постановлено, что великий князь должен назначать на административные должности только коренных литовцев и русских (собирательно называемых "Литва и Русь"; индивидуально — "*литвин и русин*"), и не имеет права доверять высокие посты иностранцам.

До объединения Польши с Литвой русское влияние в Великом княжестве Литовском быстро росло. Многие литовские князья и вельможи отказались от язычества и были обращены в русскую веру (греко-православие). Русские методы управления, а также русские юридические понятия были признаны обязательными для всего великого княжества. Русские ремесла и способы ведения сельского хозяйства развивались в рамках старых традиций. Русский стал языком великокняжеской канцелярии, а также и многих ведущих литовских князей и дворян, у многих из которых были русские жены. Он был также языком администрации и судопроизводства во всем великом княжестве.

Следует заметить, что в XIII и XIV веках литовский язык реже, нежели русский, использовался в сфере интеллектуальной жизни, правительстве, администрации и законотворчестве. Только в 1387 г. христианство (в форме римского католицизма) стало государственной религией Литвы. До этого в Литве, фактически до XVI века, не существовало письменности. Вполне естественно, что литовцы были вынуждены пользоваться русскими речью и письмом (как позднее они пользовались латинским и польским языками).

После объединения Литвы и Польши и обращения литовцев в римское католичество некоторые литовские дворяне и образованные люди стали возмущаться по поводу распространения в Литве русского языка. Литовский автор XVI века, Михалон Литвин, ко-

торый писал по-латыни, заметил с раздражением, что "*мы (литовцы) изучаем русский язык, который не побуждает нас к доблести, поскольку русский говор — иностранный для нас, литовцев, происходящих от итальянских кровей*". Михалон Литвин считал, что литовский народ образовался в Римский период и происходит от группы римлян. Эта легенда возникла в XV веке. Существует несколько ее версий. Согласно одной, несколько кораблей с легионерами Юлия Цезаря было отнесено бурей из Северного моря к южным берегам Балтийского моря; они причалили в районе устья реки Неман, где расселились и стали предками литовцев. Согласно другой версии, римское поселение в устье Немана основал "римский князь Полемон", который со своей семьей и свитой бежал от гнева императора Нерона.[5]

С другой стороны, польский писатель Матвей Стрыйковский, современник Михалона Литвина, советовал литовцам не пренебрегать русскими. Он подчеркивал, что русские исконно жили на той земле, что сейчас занята Великим княжеством Литовским, и сомневался, что литовцы смогут вести судопроизводство без помощи русских и их языка.[6]

Вслед за объединением Литвы и Польши (1385 г.) римский католицизм был провозглашен государственной религией Литвы, и после этого началась постепенная полонизация литовской аристократии. Сначала греко-православным был запрещен доступ в великокняжеское правительство и администрацию, и даже когда были признаны персональные права греко-православных князей и бояр, ущемление их в политических правах продолжалось, правда в несколько видоизмененной форме. Однако русские традиции искоренить было непросто. Хотя латинский язык и заменил русский в отношениях великого княжества с западом, государственные бумаги и официальные документы, такие, как указы, составлялись на русском языке. На русском языке велось и судопроизводство.

Когда законы великого княжества были приведены в систему, литовские статуты (первый из которых был выпущен в 1529 г.) были написаны по-русски. Многие их положения основывались на традициях русского права киевского периода. Примечательно, что первый русский печатный двор был организован в Вильно в 1525 г., то есть, почти за три десятилетия до того, как книгопечатание началось в Москве.

Переговоры между Литвой и Москвой всегда велись на русском языке. Западнорусский язык XV и XVI веков лег в основу белорусского и украинского языков. Однако, несмотря на определенные различия между западнорусским и восточнорусским (великорусским) языками, например, в словарном составе, обе стороны не испытывали трудностей в понимании друг друга.

II

Важным моментом является численный состав русского населения и его пропорциональное отношение ко всему населению Великого княжества Литовского. К сожалению, статистические данные, находящиеся в нашем распоряжении, неполны. Большинство из них относятся к концу XVI века и XVII веку и не дают адекватной картины. Но в качестве основы для определения приблизительного состава населения в русских областях Великого княжества Литовского и Польши в XIV веке и начале XV века у нас есть список обложения районов Западной Руси, так называемых *тем* (от *«тьма»*) монгольскими налогами. Большинство этих районов первоначально было определено в XIII веке, затем к ним была добавлена еще небольшая часть в конце XIV и начале XV века. Они не охватывают западной части Белоруссии.[7] Еще один возможный угол зрения — это анализ численного состава литовской армии и оценка ее размеров пропорционально количеству населения великого княжества.

Обсуждая проблему населения, мы должны взять в расчет территориальные изменения начала XVI века. По договору 1503 г. Великое княжество Литовское уступило Московии Черниговско-Северские земли, а по договору 1522 г. — Смоленск. В последующих расчетах, мы будем исходить из состава населения в период после 1522 г.

Давайте теперь проанализируем три указанных выше основания для подсчетов.

(1) Численность населения, основанная на переписях и кадастрах конца XVI века (они относятся к Галиции и к русским землям, включенным в состав Польши в 1569 г.[8]):

Галиция	573 000
Волынь и Подолия	392 000
Киев и Браслав	545 000
	1 510 000

Согласно украинскому историку О. Барановичу, подсчеты, касающиеся Волыни и Подолии, неточны, поскольку в 1629 г. население одной только Волыни составляло около 655 000.[9]

(2) Численность населения, основанная на количестве монгольских тем (200 000 человек на одну тьму[10]):

Галиция: 3 тьмы	600 000
Волынь: 3 тьмы	600 000
Подолия: 2 тьмы	400 000
Киев: 1 тьма	200 000
	1 800 000

Что касается Белоруссии, то в списке тем мы обнаруживаем одну тьму на Полоцк (и Витебск) — 200 000 человек.

(3) Цифры, которые могут быть получены на основании литовского кавалерийского армейского реестра 1528 г.[11] Этот реестр относится к литовским и большей части русских земель великого княжества; он не включает Галицию. В реестре не упомянуты Киев и Браслав. Общий состав мобилизованной кавалерии великого княжества составлял примерно 20 000 всадников. В то время одного всадника вербовали с десяти *"служб"*. Таким образом, можно подсчитать, что тогда в Великом княжестве Литовском существовало около 200 000 служб.

К сожалению, мы не знаем, сколько домов в среднем включала в себя одна служба. Фактически размеры служб в разных регионах варьировались. Если мы допустим, что в одной службе в среднем было три дома (хозяйства) и что один дом (хозяйство) насчитывал в среднем шесть человек, тогда 200 000 служб будут равны 600 000 домов (хозяйств), что дает цифру населения в 3 600 000. К этому нам следует добавить население киевского и браславского регионов (не включенное в реестр). Таким образом, общая численность населения великого княжества составляла приблизительно 4 000 000 человек.

Распределение цифр по областям и районам показывает, что литовские земли великого княжества поставляли в 1528 г. около половины общего числа всадников. Однако на этом основании нельзя делать вывод, что в самой Литве проживало столько же людей, сколько и в русских областях великого княжества. Во-первых, как уже отмечалось, киевский и браславский регионы не обязаны были посылать всадников в регулярную литовскую армию. Вероятно, рекруты из этих регионов защищали южную границу от нападений татар. Возможно, что лишь часть русского контингента в Волыни направлялась в регулярную армию, а большая часть его также использовалась для защиты южных территорий.

Во вторых, Литва и Жемайтия обычно вербовали большее число всадников, чем русские области великого княжества. В XIV веке Литва была краеугольным камнем военной организации великого княжества и продолжала оставаться таковою в XV и XVI веках. Великие князья считали литовский контингент наиболее лояльной частью их армии и мобилизовывали его в первую очередь.

После всего сказанного мы можем считать, что пропорциональное отношение русского населения Великого княжества Литовского к общему количеству людей, проживающих в нем, было значительно выше, чем это может быть вычислено на основании армейского реестра 1528 г. Допустив, что общая численность населения составляла около 4 000 000, мы можем считать, что в русских областях (не включая Галицию — она была частью Польши) проживало около 3 000 000 человек, а в Литве — около 1 000 000. Это указывает на пропорцию 3:1. В период между 1450 и 1500 гг. русские в Великом княжестве Литовском, по всей вероятности, были еще более многочисленны.

III

Что касается политического и административного деления русских земель в Великом княжестве Литовском, то старая структура русских княжеств постепенно была разрушена в результате последствий монгольского вторжения и экспансии Литвы и Польши в конце XIII и XIV веках. Хотя каждая из русских земель понача-

лу сохраняла свою самостоятельность, князья, принадлежавшие к дому Рюрика, постепенно утратили свои суверенные права и были замещены потомками Гедимина — вассалами великого князя литовского. Потомки Рюрика — те, что не утратили полностью своих прав, — оставались местными сановниками в отдельных районах страны. Следует заметить, однако, что многие из новых князей литовского происхождения (Гедиминовичи) приняли русскую культуру и исповедовали русскую веру. Некоторые из них, такие, как Олельковичи из Киева, стали видными поборниками русского национального движения .

К концу XV века великому князю удалось ликвидировать власть удельных князей в крупных владениях (древнерусских "*землях*") и заменить местных правителей своими наместниками, назначавшимися им в согласии с «*паны радой*» (советом вельмож). Это был один из аспектов постепенного преобразования первоначальной свободной федерации "земель" под сюзеренитетом великого князя литовского в аристократическую монархию, основанную на жестком разделении общества на три сословия (stany, "*слоя*") — дворянство, горожан и крестьян.

Формирование класса дворянства с равными правами и привилегиями по всей стране, подобно польским законам, вело к постепенному переустройству местного правительства. Внутри самого класса дворянства существовало разделение интересов между высшей аристократической группой и мелкопоместными дворянами. Первую группу составляли некоторые старые княжеские фамилии, а также не имеющие титула "*паны*" (вельможи) Некоторые были русского происхождения. Члены этой группы владели большими земельными угодьями, занимали наиболее важные должности в правительстве и входили в совет вельмож. Те, кто относился к мелкопоместному дворянству (*шляхта*), постепенно объединялись на местном уровне через местные ассамблеи и в конце концов обеспечили себе национальное представительство в сейме.

В конце XIV и на протяжении XV века многие русские или пророссски настроенные литовские князья и дворяне уезжали из Литвы в Москву и поступали на службу к великому князю московскому. Мотивы отъезда были различны. Одних возмущало ущемление политических прав греко-православных. Другие были недовольны тем, что правительство и администрация в основном

состоят из литовских вельмож и тем, что власть в Литовском государстве постепенно сосредотачивается в руках великого князя, для чего он отдает предпочтение интересам мелкого дворянства на русских землях и сдерживает власть местных князей. Третьи покидали Литву из-за наследственной вражды или по каким-то другим личным мотивам.[12]

2. Правительство и администрация

Ко времени своего образования, в конце XIII века и XIV веке, Великое княжество Литовское представляло собой конфедерацию литовских и русских земель и княжеств, объединенных под сюзеренитетом великого князя. Каждая из земель составляла самостоятельную социополитическую единицу. На протяжении XV века великие князья пытались усилить власть центрального правительства над всеми территориями великого княжества.

Тем не менее на протяжении долгого времени было трудно преодолеть сопротивление местных властей, пытающихся сохранить свои прежние права. Каждая область пользовалась широкой автономией, которую обеспечивал особый *привилей* (грамота) великого князя. В привилее, выданном в 1561 г. Витебской земле, великий князь давал клятву не принуждать жителей этой области к переселению в какой-либо другой регион великого княжества (в отличие от московской политики); не направлять солдат из коренного населения на гарнизонную службу в какую-либо другую землю; и не вызывать витеблянина (жителя витебской земли) в Литву на суд. Подобные же грамоты были выданы Полоцкой, Смоленской (за девять лет до захвата ее Московией), Киевской и Волынской землям.[13] Во многих случаях дела каждой из этих земель обсуждались и велись местными жителями — дворянами-землевладельцами и теми, кто проживал в крупных городах. В Волыни постоянно собирались местные дворянские ассамблеи.

Процесс усиления власти центрального правительства над автономными землями был мотивирован, как и в Московии, военными и финансовыми соображениями великого князя и совета вельмож. В XIV и начале XV века для Великого княжества Литовского представлял опасность Тевтонский орден. В конце XV века

на западнорусские земли претендовал, считая их своим полноправным наследством, великий князь московский. На протяжении XV и XVI веков на Великое княжество Литовское, как и на Московию, постоянно нападали татары, а в XVI и XVII веках как Западная Русь, так и Польша вынуждены были отражать наступление оттоманских турок. Требовалась лучшая организация экономических ресурсов страны и более эффективная система управления, чтобы Литовское государство могло справиться с постоянно возникающими трудностями.

Одной из первых задач великого князя было привести в порядок те части территории, над которыми он имел прямую власть, то есть, господарские земли. Основное население в этих владениях составляли государевы крестьяне, но часть господарских земель была передана "*господарскому дворянству*", тем, кто владел участками господарских земель, будучи на положении слуг великого князя. Их положение было подобно владельцам поместий в Московии, а сам термин "*поместье*" часто использовался в западнорусских документах. Жители малых городов, расположенных на господаревых землях, тоже находились под непосредственной властью великого князя.

Для того, чтобы сделать управление владениями короны более эффективным, они были разделены на ряд районов, во главе каждого из которых стоял великокняжеский наместник, называвшийся также "*державцем*". Державец был главным управляющим и собирателем налогов с господарских земель в своем районе. Он был также военным главой района, ответственным за мобилизацию в случае войны, и местным судьей в господарских землях. Этим наместникам было дано право оставлять себе часть собираемых налогов и судебных пошлин — способ вознаграждения, который соответствовал системе "*кормления*" в Московии.

Вне округа державцев лежали земли знати — обширные владения князей и панов и меньшие угодья шляхты. Вельможи пользовались теми же юридическими правами по отношению к населению их владений, что и державец во вверенных ему господарских землях. Шляхта требовала для себя подобной же власти над своими слугами и фермерами — арендаторами их земель.

Следует заметить, что во второй половине XV века польской шляхте удалось добиться права на местное самоуправление, а так-

же целого ряда других привилегий.[14] Расширение прав мелкопоместного дворянства в Польше не могло не ускорить подобного процесса и в Великом княжестве Литовском. Во время войны каждый вельможа присоединялся к армии со своей свитой, а шляхта каждого района образовывала отдельный полк. За участие в военных действиях мелкие дворяне требовали удовлетворения их политических притязаний, и великий князь и совет вельмож постепенно вынуждены были уступить этим требованиям. В то же время, однако, они пытались установить над провинциями политический и военный контроль.

В середине XVI века была установлена сбалансированная система управления областями и районами. Сеть районов (*поветы*) составляла низовой слой системы. К 1566 г. общее число районов было тридцать один. Правитель района, староста, являлся в то же время "*державцем*" (наместником) господаревых земель и главой общего управления районом.

Для ведения тяжб по поводу земельных угодий шляхты в каждом повете был организован специальный дворянский "*суд земский*". Дворянство каждого повета при мобилизации составляло отдельную военную единицу со своим собственным знаменем. Во главе стоял особый офицер, который назывался *хорунжий полка.*[15]

Области, составлявшие более высокий уровень местного управления, назывались *воеводствами.* Каждое воеводство включало в себя от одного до пяти поветов. Во главе каждого стоял наместник или воевода. В конце концов последний титул оказался предпочтительнее. Воевода был "державцем" центрального района воеводства, главой администрации воеводства, главнокомандующим всеми вооруженными силами, мобилизованными в пределах его воеводства в случае войны, и главным судьей. Его власть распространялась на население господаревых земель и на мелкопоместное дворянство, но не на вельмож.

Помимо воеводы во многих воеводствах была должность "командующего замком (крепостью)", называвшаяся "*каштелян*".

Должности воеводы и каштеляна были учреждены в 1413 г., сначала только собственно в Литве (не включая Жемайтию), которая была разделена по этому случаю на два воеводства, Вильно и Трокай. Во время правления Свидригайло[16] была установлена должность "*маршала*" Волыни. Маршал осуществлял военное ру-

ководство.[17] В XVI веке Волынь стала обычным воеводством. В 1471 г., когда Киев утратил статус княжества, была создана должность воеводы Киева. В 1504 г. воеводство образовала Полоцкая земля, а в 1508 г. — Смоленская (захваченная московитами в 1514 г.). К 1565 г. было образовано тринадцать воеводств (не считая Смоленска, который в то время относился к Москве).

Этнический состав трех воеводств был по преимуществу литовским: Вильно (пять поветов), Трокай (четыре повета) и Жемайтия. Последнее состояло всего из одного повета, и главу его называли старостой, а не воеводой; однако, его власть приравнивалась к власти воеводы. Во всех остальных воеводствах русские составляли основную массу населения. Это следующие области:[18]

1. Воеводство Новогрудское (Новгород-Литовское). Оно включало в себя три повета: Новогрудок (Новогородок), Слоним и Волковыск.

2. Воеводство Берестие (Брест), состоявшее из двух поветов: Брест и Пинск.

3. Воеводство Подляшское, три повета: Бельск, Дорогичин и Мельник.

4. Воеводство Минское, два повета: Минск и Речица.

5. Воеводство Мстиславльское, один повет.

6. Воеводство Полоцкое, один повет.

7. Воеводство Витебское, два повета: Витебск и Орша.

8. Воеводство Киевское, два повета: Киев и Мозырь.

9. Воеводство Волынское, три повета: Луцк, Владимир и Кременец.

10. Воеводство Браславское, два повета: Браслав и Винница.

Границы Полоцкого и Витебского воеводств почти полностью совпадали с границами бывших русских княжеств с теми же названиями. Три других воеводства в русской части великого княжества (Киевское, Волынское, Минское) тоже почти соответствовали древнерусским княжествам.

Вследствие как древнерусских традиций, все еще существовавших в большей части западнорусских земель, так и создания мощного административного центра в каждом воеводстве, местное правительство играло значительно более важную роль в Великом княжестве Литовском, нежели в Московии. С другой стороны, центральные службы администрации были развиты в меньшей степени, чем в Москве.

Основную связь между центральным и местным правительством великого княжества обеспечивала аристократия — паны. Именно они занимали наиболее важные должности как на центральном, так и на провинциальном уровне и составляли *паны раду* (правительствующий совет), который не только давал советы великому князю, но фактически руководил страной.

Юридически во главе литовско-русского государства находился великий князь. По традиции его выбирали из потомков Гедимина, но конкретного закона о престолонаследии не было. После объединения Литвы и Польши в 1385 г. Витовт, сын Кейстута, возглавил литовскую оппозицию своему двоюродному брату, королю Ягайло (сыну Ольгерда), и ему удалось утвердиться в качестве великого князя литовского.[19] После смерти Витовта (1430 г.) на корону стали претендовать сразу несколько князей из дома Гедимина. Лишь после того, как младший сын Ягайло Казимир был провозглашен великим князем литовским в 1440 г., был восстановлен династический мир.[20] В 1447 г. Казимир был избран королем Польши, оставаясь в то же время великим князем литовским. Таким образом, потомкам Ягайло (Ягеллонам) удалось основать общую польско-литовскую династию. Об объединении Польши и Литвы сначала свидетельствовала только личность правителя. Лишь во время Люблинской унии 1569 г. связь между двумя государствами стала реальной.

Великий князь не был самодержцем даже до того, как Первый Литовский Статут конституционно ограничил его власть в пользу совета вельмож. Он мог действовать независимо, только когда дело касалось владений короны, но даже в управлении господаревыми землями он, фактически, находился в зависимости от должностных лиц, которые, по обычаю, выбирались из числа аристократии. Господаревы земли не находились в персональном владении великого князя, а принадлежали государству в его лице. Но великие князья и члены их семей имели и личные, достаточно обширные земельные угодья.

Великий князь имел также право собирать налоги и платы самого разного характера. Однако налоги, предназначавшиеся на нужды армии и собиравшиеся со всей территории великого княжества, устанавливались советом вельмож, а позднее сеймом. Налоги на пользование владениями короны могли определяться са-

мим великим князем. Фактически же, их обычно тоже утверждали отдельные члены совета вельмож, хотя и вовсе не обязательно, чтобы весь совет.

Великий князь также обладал определенными королевскими прерогативами (*"регалиями"*), такими, как чеканка монеты и торговля солью и алкоголем. Исключительное право на торговлю алкогольными напитками было известно как *"право пропинации"*. Великий князь мог распоряжаться своим правом на содержание трактиров и часто продавал его за подходящую плату частным лицам или дарил тем, кому хотел оказать милость. Таким образом, многие представители знати могли приобрести это право. В Польше шляхта получила исключительное право пропинации (*propinacja*) на основании Статута Петркова (Piotrków) 1496 г.[21]

Можно добавить к этому, что очищенный алкогольный напиток, известный теперь во всем мире под русским названием "водка", впервые упоминался в документах Великого княжества Литовского в самом начале XVI века.[22] Он назывался *"горелое вино"*, отсюда — украинское слово *"горелка"* (*горилка*).

Великому князю помогал целый ряд государственных сановников, чьи должности были установлены в соответствии с польским образцом и чьи титулы имели, главным образом, польское происхождение. Польские должности подобного рода первоначально были связаны с домашним хозяйством князя (придворные должности, *urzędy dworskie*). В течение XIII и XIV веков они стали должностями королевской администрации.[23]

Ближайшим помощником великого князя был *землеуправитель* (*marshalor zemsky*). Это должностное лицо отвечало за порядок и соблюдение этикета при дворе великого князя, а также на собраниях сейма. В случае отсутствия великого князя на собраниях совета вельмож землеуправитель являлся его полномочным представителем. Его заместитель назывался управителем двора. Он стоял во главе придворных служителей (дворян). Остальные придворные должности были следующими: виночерпий, мясник, конюший и так далее.

Более важными были должности канцлера, земельного казначея, его заместителя — придворного казначея, который отвечал за казну великого князя,[24] главнокомандующего и его заместителя — полевого командира. В военное время главнокомандующий обладал полным контролем над армией, особенно во время дальних походов.[25]

Никто из этих должностных лиц не обладал политической властью; ход делам давал совет вельмож, а влияние кого-либо из высших сановников основывалось, главным образом, на их членстве в совете. В ином случае они всего лишь исполняли решения совета.

Совет вельмож окончательно утвердился при Казимире и его сыновьях. К этому времени его состав столь разросся, что "*пленарные*" заседания совета созывались только в экстренных случаях или когда сейм был на "*сессии*".

На "пленарных" заседаниях совета места в переднем ряду занимали римско-католический епископ Вильно, воевода Вильно, воевода и каштелян Трокая и староста Жемайтии. На местах второго ряда сидели римско-католические епископы Луцка, Бреста, Жемайтии и Киева; сзади них сидели воевода Киева, староста Луцка, воеводы Смоленска и Полоцка, староста Гродно[26] и воеводы Новогрудка, Витебска и Подляшья. Высшие сановники — такие, как управители (*marshals*) и гетманы — не имели специально предназначенных им мест, поскольку обычно управитель или гетман сочетал свою должность с должностью воеводы или старосты. Места младших придворных чинов находились за вторым рядом.[27]

В перерывах между "пленарными" заседаниями совета его внутренний круг, известный как *наивысшая*, или *тайная* рада, продолжал действовать на постоянной основе. Внутренний круг состоял из римско-католического епископа Вильно (и любого другого католического епископа, если тот присутствовал на собрании совета), всех воевод, которые являлись членами рады, старост Жемайтии и Луцка, двух управителей и секретаря казначейства.

Совет вельмож, особенно его внутренний круг, был главной движущей силой правительства. Конституционные полномочия совета были сформулированы в грамотах 1492 и 1506 гг. и окончательно оформлены Первым Литовским Статутом 1529 г. Согласно последнему, суверен (господарь) обязывался сохранять в неприкосновенности все прежние законы и не издавать новых законов без ведома совета (Раздел III, статья 6).

Вельможи играли видную роль в иностранных делах Великого княжества Литовского. Они представляли княжество в переговорах его с Польшей, а также с Московским государством.

В 1492 и 1493 гг. в предварительных переговорах по поводу предполагаемого брака дочери Ивана III Елены и великого князя

Александра Литовского приняли активное участие три литовских вельможи: Ян Заберезинский, Станислав Глебович и Ян Хребтович. Каждый из них по очереди посещал Москву. Заберезинский и Глебович установили дружеские отношения со старшим московским боярином князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым (который, кстати, был потомком Гедимина) и некоторыми другими московскими боярами.[28] Когда княжна Елена приехала в Литву, у Вильно ее встречали князь Константин Иванович Острожский и князья Иван и Василий Глинские.

В ноябре 1493 г. было послано литовское "*великое посольство*" для заключения мирного договора между Литвой и Москвой. Посольство состояло из трех вельмож: Петра Ивановича (который был воеводой и землеуправителем Трокая), Станислава Кезгайла (старосты Жемайтии) и Войтеха Яновича. Одновременно литовский совет вельмож направил послание князю Патрикееву, прося его поспособствовать установлению дружественных отношений между двумя государствами. Послание было подписано римско-католическим епископом Луцка и Бреста Яном, Петром Яновичем (членом посольства), князем Александром Юрьевичем Гольшанским (наместником Гродно) и Станиславом Кезгайлом (членом посольства).[29]

Попытки литовского совета вельмож установить тесные отношения между ним и московской боярской думой расстроились из-за опалы князя Патрикеева в 1499 г.; но даже после этого обмен посланниками между Литвой и Москвой способствовал установлению личных контактов между подданными двух стран. Среди литовских посланников, посетивших Москву в первой половине XVI века, был Сапега (в 1508 г.) Кишка (1533 и 1549 гг.), Глебович (1537 и 1541 гг.), Тышкевич (1555 г.) и Волович (1557 г.). Во время своего пребывания в Москве в 1555 г. Юрий Тышкевич, будучи греко-православным, нанес визит митрополиту Макарию и попросил у него благословения.[30]

Совет вельмож Великого княжества Литовского можно сравнить с польским сенатом — высшей палатой польского сейма. Низшей палатой этого сейма была палата представителей поместного дворянства — *izba poselska* (*посольская палата*).

Местные ассамблеи польской шляхты приняли иную форму во второй половине XVI века. Именно на этих ассамблеях мелкопо-

местное дворянство избирало своих депутатов в национальный сейм.[31]

Под польским влиянием местное дворянство Великого княжества Литовского тоже начало добиваться как местного самоуправления, так и национального представительства. Чтобы добиться этого, мелкопоместные дворяне пользовались политическими или военными обстоятельствами, при которых великий князь и совет вельмож особо нуждались в их активной помощи. Сначала за помощью в мобилизации армии для большой войны или поддержкой интересов великого княжества в конфликтах и переговорах с Польшей обращались только к представителям литовского дворянства. Первый национальный сейм[32] великого княжества — в котором приняли участие не только представители собственно Литвы, но и русских областей — состоялся в 1492 г. после смерти Казимира для избрания нового великого князя.[33]

После этого представители мелкопоместного дворянства принимали участие в собраниях сейма, когда бы он ни созывался. Воеводам были даны указания обеспечить присутствие на заседания сейма двоих депутатов от шляхты с каждого повета. Местные избирательные сеймы шляхты (*сеймики*) в то время регулярно не действовали. Депутатов от шляхты сперва не избирали, а назначали местные или областные чиновники. Только во время царствования Сигизмунда II Августа (1548-78 гг.) сеймики мелкопоместного дворянства были официально признаны и получили право избирать "посланников" на национальный сейм. Это право было даровано Виленской Грамотой от 1565 г. и подтверждено Вторым Литовским Статутом (Раздел III, статьи 5 и 6).

Каково было участие русских в правительстве и администрации литовско-русского государства? Ввиду того, что большая часть населения великого княжества была русской и что преимущественно русским языком пользовались как в администрации, так и в судах, можно было бы ожидать, что русские будут составлять большинство в правительстве. На самом деле это было не так.

Среди факторов, которые препятствовали русскому участию в управлении страной, была сильная позиция, которую занимала римско-католическая церковь. Следует вспомнить, что она была провозглашена государственной церковью Литвы по условиям первой унии с Польшей. После этого литовский народ был обращен в рим-

ское католичество. Первым католическим епископством, организованным в Литве, было Виленское. В 1417 г. еще одно было образовано в Жемайтии. Двенадцать лет спустя двух католических епископов назначили на украинские земли — в Луцк и Киев. Еще одно католическое епископство было организовано в Бресте. Так как украинский народ в это время принадлежал к греко-православной церкви, утверждение римско-католических епископств на этих землях фактически имело значение лишь для небольших групп населения, главным образом — для литовцев и поляков, проживающих на Украине. Однако эта акция положила начало амбициозной программе римского прозелитизма на Украине.

По условиям Грамоты 1434 г. существование греко-православной церкви в великом княжестве было признано, и православным верующим было обещано равенство в правах с католиками. Это же обещание было повторено Казимиром в 1447 г. Несмотря на это, ни один православный священнослужитель никогда не был допущен на совет вельмож. С другой стороны, как уже было отмечено выше, всем католическим епископам были обеспечены постоянные места в совете.

Что касается светских членов совета, среди них были как русские, так и литовцы. В середине XVI века наибольшим влиянием при решении государственных дел пользовались Радзивиллы (литовский род). Однако некоторые из русских, такие, как князья Острожские, Ходкевичи и Воловичи, играли видную роль в совете. Положение тех, кто занимал должности в центральной и местной администрации, было похожим.[34]

В грамоте, выпущенной в 1564 г. в Бельске, упоминаются следующие русские (или придерживающиеся русских традиций) сановники:[35] Ян Иеронимович Ходкевич, староста Жемайтии; князь Константин Константинович Острожский (сын Константина Ивановича), воевода Киева и управитель Волыни; Павел Иванович Сапега, воевода Новогрудка; князь Степан Андреевич Збаражский, воевода Витебска; и Остафий Волович, управитель двора и секретарь казначейства. Эти люди засвидетельствовали скрепление грамоты (привилея) печатью. Среди других русских свидетелей были Григорий Александрович Ходкевич, Василий Тышкевич, князь Александр Федорович Чарторыйский и князь Андрей Иванович Вишневецкий.

Несмотря на высокое положение, которое занимали некоторые русские сановники, они не представляли собой организованную группу. В совете вельмож не было никакой "русской партии". Большинство русских вельмож были преданными подданными Великого княжества Литовского, вполне удовлетворенными своим положением в правительстве.

Представляется, что национальное самосознание в большей мере проявляли русские в таких регионах, как Смоленск, Полоцк, Витебск, Киев и Волынь. Во многих случаях, однако, здесь, как и в других районах Литвы, сказывалось различие социальных и экономических интересов аристократии и мелкопоместного дворянства, что подрывало чувство этнической общности. На Люблинском сейме (1569 г.) стало очевидно, что переходу украинских областей от Литвы к Польше в значительной мере способствовала неудовлетворенность украинского мелкопоместного дворянства своим положением.

В русских областях великого княжества знать составляла меньшинство населения; большинством были крестьяне. Однако они не имели голоса в правительстве. Политическим влиянием пользовалась только знать.

3. Армия

В Великом княжестве Литовском не было постоянной армии. Вооруженные силы собирались, когда на рубежи великого княжества нападал враг, или ожидалось его нападение, или планировалось наступление на врага.[36] Первый Литовский Статут 1529 г. в Разделе II устанавливал, что *"каждый землевладелец обязан служить во время войны"*.

Главным родом войск в армии была кавалерия. Она была необходима в степных операциях во время войн с татарами, а также в дальних походах на тевтонских рыцарей, а позднее — на Московию. Искусство наездников, так же как и разведение коней, могло процветать на земельных угодьях, особенно на больших. Это было одной из причин того, что ведущую роль в мобилизации литовских вооруженных сил играли аристократия и дворянство. Кроме того, каждый знатный человек, естественно, считался военным

предводителем своей свиты. Литовская армия, следовательно, состояла из двух категорий всадников: (1) вельможи и их свита и (2) полки местного дворянства. Именно вельможи составляли основную часть армии великого княжества.

На основании армейского реестра 1528 г. можно лпределить, что сановники вербовали порядка 8 000 всадников, то есть, около двух пятых литовской кавалерии. Не будет лишним назвать имена князей и вельмож, которые обеспечивали наибольшие контингенты. Род Кезгайла набирал 768 всадников; Радзивиллы — 621; Гаштольды — 426; князья Острожские — 424; Остиковичи — 337; Глебовичи — 279; Заберезинские — 258; Кишки — 244; князья Сангушка — 170; Ильиничи — 160; Зеновевичи -155; князья Гольшанские — 154; Сапеги — 153; князь Мстиславский — 152.[37] Степень участия знати в мобилизации армии объясняет, почему влияние аристократии и дворянства в правительстве и администрации было столь велико.

Пешие солдаты (*draby*) редко использовались в регулярной армии за исключением опасных ситуаций в местных или национальных масштабах.

Предполагалось, что горожане, также как и дворянство, должны были предоставлять всадников для армии великого княжества и платить за содержание своего контингента на протяжении всей войны. Когда армия вторгалась в иностранное государство, она существовала за счет ресурсов завоеванной земли. В первой четверти XVI века население было обязано поставлять в армию одного полностью экипированного всадника на каждые десять служб. В 1529 г. это отношение изменилось: один всадник на каждые восемь служб. Дворянин, под контролем которого находилось только восемь служб или меньше, обязан был лично явиться на сбор. Согласно решению сейма от 1507 г., был установлен штраф в размере ста рублей для каждого, кто не явился на военный сбор в назначенный срок. Каждому, кто не появлялся вовсе или дезертировал из армии во время военных действий, грозила смертная казнь. Сейм 1514 г. принял решение применять высшую меру наказания с конфискацией имущества даже к тем, кто не явился вовремя.

Несмотря на суровость законов, мобилизационная квота обычно была неполной, а если война затягивалась, многие дворяне нередко возвращались домой, из опасений что их уделы будут разорены. По этой и иным причинам великие князья пытались уси-

лить свои вооруженные силы наемниками, по примеру Польши и Германии. Таких солдат называли *жолнеры* (*zholners*). Их, как правило, набирали в Чехии, Моравии и Силезии на определенный срок или на время проведения кампании. При Сигизмунде I было завербовано пять тысяч наемников. Частично ими укомплектовывали личный состав крепостей, воздвигнутых вдоль южной границы Украины для защиты страны от татарских набегов. Наемникам платили четыре раза в год. Лучшими среди наемных войск считались чешские солдаты и артиллеристы, которые пользовались хорошей репутацией как в Польше, так и в Литве.[38]

Содержание наемных войск требовало больших затрат. Иной раз, когда на условиях оплаты служили несколько тысяч солдат и офицеров, годовые затраты на наемные войска составляли от 3 до 6 миллионов грошей (от 25 000 до 50 000 рублей). Это было тяжелым бременем для великого князя, которому, чтобы покрыть расходы, зачастую приходилось закладывать часть владений короны. Чтобы улучшить финансовое положение великого княжества, сейм 1507 г. проголосовал за особый серебряный налог — *серебщину* — который должны были платить все владельцы или арендаторы земельных угодий.

Великие князья пытались укрепить свою военную машину также людьми, специально подготовленными к военной службе. В конце XIV века великий князь Витовт расселил в районах Трокая и Новогрудка несколько тысяч татар. Некоторые из них были военнопленными, а иные перешли на литовскую сторону из-за того, что в междоусобных войнах между двумя татарскими ханами оказались на стороне побежденного.[39]

В XV веке в Литву переехало еще больше татар, ногайцев и чувашей. В конце концов, их всех стали называть татарами. В XVI веке их было около четырех тысяч человек. Татары несли воинскую повинность в крепостях к западу от Вильно и Трокая, предназначенных для защиты Литвы от нападений тевтонских рыцарей. На условиях несения военной службы им были дарованы земельные угодья. Многие имели слуг и управляли крестьянами-арендаторами, из которых частично формировали воинские соединения во время мобилизации. На литовской территории проживали также казаки, которые могли для военной службы предложить только самих себя. Татары имели такой же статус, что и

мелкопоместное дворянство. Их полком командовал татарский офицер, имевший звание хорунжего, так же, как и командиры полков мелкопоместного дворянства. Казаки были организованы в роты, каждую из которых возглавлял *атаман*.[40]

Некоторые из татар поселились в городах и занялись торговлей лошадьми и скотом. В пограничных областях между Московией и Польшей, с одной стороны, и татарскими степями, с другой, русские казаки со временем создали свою организацию. Более подробно о казаках в Литве будет сказано ниже.

Еще одна социальная группа, небольшая по размерам, нашла свое место в системе обороны Великого княжества Литовского. Это — караимы.

4. Социальные классы

Роль дворянства — знати и шляхты — в формировании и деятельности правительства и администрации Великого княжества Литовского была очерчена в двух предыдущих разделах. Дворянство, однако, несмотря на его политическое лидерство, было не более чем частью нации. Основная масса населения как собственно в Литве, так и в русских землях великого княжества принадлежала к крестьянству. Третий социальный слой составляло городское население. Оно не было ни особо многочисленным, ни влиятельным в политическом отношении, но играло значительную роль в развитии торговли и ремесел. С городами были тесно связаны евреи и караимы, которые были организованы в свои собственные общины.

Следует отметить, что вне этой системы общественных классов находилась группа, лишенная личной свободы и личных прав — рабы. С исторической точки зрения рабы в Великом княжестве Литовском, как и в Московии, являлись пережитком русской социальной структуры киевского периода.

За исключением рабов, эволюция каждого из трех основных общественных классов — дворянства, крестьян и горожан — имеет определенные схожие черты. Общей тенденцией внутри каждого класса было достижение единообразия в правах и обязанностях. В ранний период, когда объединение западнорусских земель под

сюзеренитетом великого князя уже было завершено, положение и права различных групп дворян, крестьян и горожан в различных частях нового государства было неодинаковым. Позднее правительство, ориентируясь на Польшу, пыталось привести права разных территориальных и отдельных социальных групп к общему юридическому стандарту. Само дворянство требовало равных прав и привилегий. Политически нацией становилось именно дворянство. Единственной обязанностью, признаваемой дворянством, являлась военная служба.

Что касается крестьян, новая тенденция сказалась в ущемлении их прав и более жестком определении их обязанностей. Это в конце концов привело к ограничению их свободы. Крестьяне стали угнетенным общественным классом, который был обязан трудиться на благо великого князя и дворян и обеспечивать их продуктами своего труда (в вещественном или денежном эквиваленте). Таким образом, крестьяне стали *"людьми тяглыми"*.

На судьбу горожан в Великом княжестве Литовском сильно повлияло желание литовского правительства уничтожить остатки древнерусской городской общины, в основе которой, как известно, было вече. Введение, согласно Магдебургскому праву, муниципальных корпораций значительно изменило жизнь городов и положение городского населения.

Помимо общественных классов, упомянутых выше, будут рассмотрены еще две группы, одна — давно сформировавшаяся, другая — образовавшаяся недавно: духовенство и казаки. Речь о них пойдет ниже.

5. Аристократия

Следует вспомнить, что аристократия Великого княжества Литовского состояла из князей и нетитулованной знати.[41]

Большинство князей было потомками либо Рюрика, либо Гедимина, но некоторые из них происходили от "меньших" литовских князей, которые правили частями литовской территории до царствования Гедимина, или при Гедимине в качестве их сюзерена. Князья Глинские были монгольского происхождения.

Корни нетитулованной знати шли от литовских или русских

бояр, которые были советниками при Гедимине или при русских князьях из дома Рюрика (Смоленских, Полоцких, Витебских и Киевских, например).

Князья обладали правами наследственной единоличной власти в своих владениях, а также властью над людьми, живущими на их землях. Власть и престиж вельмож опирались на огромные земельные угодья и богатство. Некоторые из вельмож были более могущественными, нежели князья. Юридически статус нетитулованных вельмож сначала основывался на старых обычаях и традициях. Он принял более четкие очертания после унии с Польшей в 1385 г. и последующих соглашений с Польшей, а также принятия великокняжеских привилеев в Литве.

В Польше "*рыцарские права*" (*prawo rycerskie*; по-латыни — *jus militare*) освобождали вельможу от власти королевских должностных лиц, закрепляли наследственное владение земельными угодьями и устанавливали его юридическую власть в этих угодьях. Каждый благородный род получал, по западноевропейской модели, свой собственный герб.[42] Рыцарские права вскоре распространились в Польше и на всю шляхту. Сначала в Литве только вельможи обладали всей полнотой этих прав (*plenum jus militare*) и полной юрисдикцией (*judicia maiora*) в пределах своих владений.

Согласно великокняжеской грамоте 1387 г., литовским боярам были дарованы права и привилегии польской шляхты, но права мелкопоместного дворянства в Литве в то время еще не были четко определены. Грамота 1413 г. даровала литовским боярам право иметь герб. Каждая из сорока семи благородных польских семей "усыновила" по литовской боярской семье, разделив с ней свой польский герб.

Древнерусское "*боярин*" было заменено словом "*пан*", что на старославянском языке означало — вельможа. Определение "боярин" все еще продолжало использоваться, но изменило свое значение — боярами почти во всех землях стали называть только некоторых представителей низшего дворянства, за исключением Смоленска, Полоцка и Витебска, где под боярами по-прежнему подразумевались вельможи.

Одной из важных привилегий вельмож было формирование во время мобилизации своих собственных полков (состоявших, главным образом, из членов их свиты) под личным командованием и

со своими знаменами. В соответствии с этим их называли "*паны хоругвные*". Кроме того, вельможи должны были подчиняться только самому великому князю и были свободны от власти великокняжеских советников и старост.

Что касается территориального распределения основных земельных угодий князей и нетитулованных вельмож, главный "куст" княжеских семей находился в Волыни. Огромные угодья нетитулованных вельмож располагались, главным образом, в самой Литве и в Подляшье.[43]

Среди князей русского происхождения, населявших Волынь, были Острожские, Чарторыйские, Вишневецкие, Збаражские и некоторые другие. Мстиславское княжество в Восточной Белоруссии имело большое политическое значение, поскольку находилось на пограничной территории между Литвой и Московией. Первые князья Мстиславские ("*из Мстиславля*") вели свое происхождение от Ольгерда. В конце XV века князь Михаил Иванович Заславский (Жеславский), потомок Явнута — брата Ольгерда, женился на княжне Мстиславской и присвоил себе титул. В 1526 г. сын Михаила Мстиславского, князь Федор Мстиславский, перешел на сторону Москвы и занял видное положение среди московских бояр. Обе эти княжеские фамилии — Заславские и Мстиславские — принадлежали к греко-православной церкви и вели русский образ жизни.

Русские князья из другого приграничного региона — Верхней Оки (так называемых "*верховских городов*") признали сюзеренитет великого князя московского в конце XV и начале XVI веков. С другой стороны, во время царствования Казимира некоторые восточнорусские князья бежали из Москвы в Литву. Князья Шемячичи и князья Можайские, например, поселились на Северских землях. Их завлекли в Москву, а их владения были конфискованы в царствование Василия III.

Многие из наиболее могущественных нетитулованных вельмож были литовцами. Те их них, кто был русским по происхождению, являлись потомками древнерусских бояр. Так, Ходкевичи, Воловичи и, вероятно, Хребтовичи вели происхождение от киевских бояр, а Сапеги, по-видимому, — от смоленских бояр. Согласно Любавскому, Ильиничи и Глебовичи были потомками полоцких бояр, но Грушевский сомневается в этом. Вполне вероятно, что

Кишки из Подляшья тоже имели русское происхождение, но точных и определенных свидетельств тому не имеется.[44]

Многие вельможи не только занимались управлением и ведением хозяйства на их обширных земельных угодьях, но и интересовались образованием и искусствами. Они впитали европейскую культуру и на них оказал воздействие дух Возрождения и Реформации. Они собирали в своих дворцах книги, картины и скульптуры, основывали школы и печатные дворы.

6. Дворянство

Как уже говорилось, во время образования Великого княжества Литовского в нем не было единого дворянского класса. В землях, которыми управлял великий князь, проживали средние и мелкие землевладельцы, которые готовы были нести военную службу, когда это необходимо, и которые были либо членами местных оборонительных организаций, либо служили у великого князя, князей или бояр.

Следует вспомнить, что после унии Литвы с Польшей права и привилегии знати определялись польским «рыцарским правом», но сначала распространялись только на вельмож и на высший слой литовского дворянства. Лишь постепенно подобные права получили дворяне в русских землях великого княжества.

В течение долгого времени местные группы малых землевладельцев и нанимателей земли жили в соответствии со своими традициями. Одних называли дворянами, других — слугами, третьих — боярами-шляхтой. Значительная группа была известна как "*земяне*" (рожденные на землях люди). Чтобы обозначить небольшие местные объединения землевладельцев и тех, кто находился на военной службе, использовались также и другие названия.

Наиболее важными были "земяне" и бояре-шляхта. Название "земяне" широко употреблялось в Киевской земле, в Волыни, в Подляшье, но были "земяне" также и в других русских землях великого княжества. Точно так же, бояре-шляхта упоминаются в Смоленске, Полоцке, Витебске и в Киеве, но они существовали и в других регионах. Обозначение "*бояре-шляхта*" соответствовало названию "*дети боярские*", использовавшемуся в Московской Руси.

В Первом Литовском Статуте "земяне" и бояре-шляхта упоминаются как принадлежащие к классу шляхты (Первый Статут, Раздел II, статья 10, Раздел III, статья 11). Слово "шляхта" используется в статуте как общее понятие, определяющее дворянство. Третий Раздел Статута озаглавлен: "О свободах шляхты".

С точки зрения государственного интереса главной функцией дворянства была военная служба. Исходя из этого, дворянство великого княжества можно разделить на две группы по принципу различного порядка мобилизации. Таким образом, мы можем различить (1) тех, кто служил в местных полках (*хоругвях*), каждый под командованием местного командира (*хорунжего*); и (2) тех, кто служил "под знаменами" вельмож; в этом случае вельможа назывался "*паном хоругвным*".

Основная масса шляхты служила под местными знаменами, и это означало, что они находились в подчинении великому князю, а не вельможам. Некоторые из представителей шляхты имели право "*вечного*" владения наследственными угодьями. Этот тип владения можно сравнить с вотчиной в Восточной Руси. Другим дворянам предоставлялись лишь ограниченные права на землю — до конца жизни ("*до живота*"); на "две жизни" ("*до двух животов*"), то есть, на владение дворянину и его сыну; или "на три жизни" ("*до трех животов*"), то есть, на владение дворянину, его сыну и его внуку. Такие угодья иногда назывались поместьями — так же, как и в Московии. Принцип "*дарения*" земли позволял дворянину достойно проходить военную службу, которую он обязан нести для государства. Обладатель "вечных" прав на угодье мог хозяйствовать на своей земле, только если нес воинскую повинность; если же он отказывался служить, его земля подлежала конфискации. Еще одно ограничение для владельца вечного угодья заключалось в том, что великий князь мог по своему соизволению передать свою власть над угодьем и его владельцем князю или нетитулованному вельможе. Только в 1529 г. великий князь торжественно пообещал, что ни он, ни его потомки никогда не будут передавать угодья дворянства князьям и вельможам.

На основании сказанного становится очевидным, что права дворянства на землю в Великом княжестве Литовском не были так незыблемы, как права вельмож и польской шляхты.

Положение круто изменилось после принятия в 1566 г. Второ-

го Литовского Статута, который постановлял (раздел II, статья 2), что отныне войско будет набираться только с одобрения сейма, за исключением случаев внезапного нападения врага. Даже в состоянии войны никакие налоги не будут собираться до постановления сейма. Великий князь заверил дворян, что их земельные угодья отбираться не будут (Раздел III, статья 4). Второй Статут также разрешал шляхте местное самоуправление и избрание местными ассамблеями депутатов на сейм (Раздел III, статья 5). Таким образом, дворянство получило не только гарантию своих прав на землю, но и возможность контролировать формирование войска и финансирование армии.

Еще до 1566 г. дворянство стало привилегированным классом, и его "свободы" охранялись законом. Дворянин был независимым человеком, не обязанным, если ему не хотелось, проживать в своем владении и вольным распоряжаться им как ему заблагорассудиться.[45] Он мог посещать любую иностранную страну, за исключением тех, с которыми великое княжество находилось в состоянии войны, пребывать за границей сколько угодно и *"изучать обычаи рыцарства"* (Первый Статут, Раздел III, статья 8).

Без соответствующего разбирательства в суде дворянина не имели права ни казнить, ни подвергнуть телесным наказаниям или тюремному заключению, ни конфисковать его имущество. За оскорбление дворянина виновная сторона должна была платить больше, чем за оскорбление простого человека. На суде дворянин считался более надежным свидетелем, нежели простолюдин, и во многих случаях его клятва расценивалась как решающее доказательство.[46]

Второй Литовский Статут сделал права и привилегии шляхты еще более широкими, а защиту их — более эффективной.[47] К примеру, было установлено, что простолюдин, оклеветавший дворянина, должен быть подвергнут отрезанию языка (Второй Статут, Раздел III, статья 18). Если дворянина убивала группа дворян, то к казни приговаривался только тот, кто фактически совершил это убийство, но если дворянина убивала банда простолюдинов, то казнили их всех (Второй Статут, Раздел XI, статья 12).

Хотя права и привилегии шляхты росли, дворяне пытались добиться статуса исключительной, высшей группы общества, с одной стороны, через подрыв позиций вельмож, а с другой сторо-

ны — через установление преграды против проникновения простолюдинов в шляхетскую корпорацию. Первая цель была достигнута в 1564-1566 гг., вторая — в 1520-е гг.

Как мы знаем, одной из основных обязанностей шляхты была военная служба. Часто трудно было провести четкую границу между воинами благородного и простого происхождения: во время войны они становились равными. Служба на южной границе ввиду опасности татарских набегов требовала бдительности. Многие защитники южных рубежей были мелкими землевладельцами или арендаторами. Они всегда были начеку и могли в случае татарского нападения удерживать оборону до появления регулярных войск. Такое же положение существовало и в Восточной Руси. Поэтому там организовывались казацкие общины, которые также обязаны были служить правительству Польши или Москвы.

Предводители этих малых социальных групп со временем стали требовать для себя тех же прав, какими обладало дворянство, но дворяне не желали принимать чужаков. Правительство великого князя вынуждено было уступить давлению со стороны дворянства и утвердить четкие правила, предотвращающие вхождение неблагородных в дворянское сословие. Согласно решению совета вельмож (в 1522 г.), каждый, кто претендовал на дворянское звание, должен был предоставить двух поручителей, бесспорных наследственных дворян из его рода, которые могли бы клятвенно подтвердить, что у них с претендентом общий предок.[48] Эта процедура была санкционирована Вторым Литовским Статутом (Раздел III, статья 11). Статут добавляет, что если претендующий на дворянство не может предоставить двух свидетелей из собственного рода, он может обратиться за поручительством к представителям других знатных родов, способным подтвердить его дворянское происхождение.

Армейский реестр 1528 г. содержал имена большинства благородных семей, соответственно ему шляхта в Великом княжестве Литовском представляла собой достаточно однородный слой. Все названные в реестре семьи считались благородными, и от членов этих семей не требовали никаких иных доказательств.

Дворянские поместья можно было встретить на всей территории великого княжества. В каждом из регионов дворянские земельные угодья сильно различались по размерам. Некоторые из

бояр-шляхты занимали промежуточное положение между вельможами и низшим слоем дворянства. Большинство же дворян шляхетского класса, особенно в южной части Киевской земли и Подляшья, имели небольшие земельные владения. Некоторые дворяне могли предоставить для несения военной службы только одного всадника, и это означало, что в их подчинении было всего восемь или десять служб — то есть, от двадцати четырех до тридцати крестьянских хозяйств. Бывали случаи, когда двое или трое дворян объединялись, чтобы выполнить мобилизационную норму и послать в армию хотя бы одного рекрута.

7. Рабы (холопы)

Рабство, которое существовало на Руси в киевский период, сохранилось и в Великом княжестве Литовском и в Московии. Рабов было немного, но их труд широко использовался, особенно на больших земельных угодьях. Обычно рабы выполняли в домашнем хозяйстве господина обязанности слуг. Кроме того, у владельцев больших поместий, как и на угодьях московских бояр, множество рабов гнули спину на полевых работах. Рабы жили либо в постройках прямо на поле, либо в отдельных домах, бок о бок с крестьянскими жилищами. Имеющие семью рабы ежемесячно получали от своего хозяина норму продовольствия (*месячину*) для поддержания себя и своих семей. Сельскохозяйственные рабы, жившие по отдельности в домах, имели небольшие участки земли для ведения своего небольшого хозяйства, хотя работа на господских полях почти не оставляла на это времени. Их доходы были мизерными, и они тоже получали месячину, хотя и меньшую, чем домашние рабы.[49] Всех рабов называли *челядью*.[50]

Согласно первым двум литовским статутам, человек превращался в раба, если родился в семье рабов, был захвачен в плен или сочетался с рабом браком (Первый Статут, Раздел XI, статья 13; Второй Статут, Раздел XII, статья 13). Первый Статут устанавливал также, что казнь преступника могла быть заменена рабством у того, перед кем этот человек был виновен. Его дети тогда тоже становились рабами (раздел XI, статья 13).

Юридически раб не считался человеком, а был имуществом

своего хозяина. Единственным долгом хозяина по отношению к его рабам закон признавал обязанность кормить их во время голода. Если вельможа изгонял в голодные времена рабов из своих угодий, и они самостоятельно выживали где-то в другом месте, они становились свободными (Первый Статут, Раздел XI, статья 12; Третий Статут, Раздел XII, статья 12).

Только христианам было позволено владеть рабами-христианами; евреям и татарам было запрещено покупать таких рабов. Однако Первый Литовский Статут разрешал татарским дворянам держать тех рабов-христиан, которые ранее были дарованы им или их предкам великим князем или его предшественниками (Первый Статут, Раздел XI, статья 6). Эта привилегия была аннулирована Вторым Статутом (Раздел XII, статья 5).

Большим количеством рабов владели только вельможи, которым рабочая сила была необходима для обработки земель. Дворяне могли иметь лишь немного рабов и использовали их, главным образом, как домашних слуг. Землю дворян обрабатывали крестьяне-арендаторы. Таким образом, дворянство как класс не было экономически так заинтересовано в сохранении института рабства, как вельможи.

Вельможи, в свою очередь, не рассчитывали только на рабский труд. Рабы трудились лишь во владениях вельможи. Большую же часть его дохода составляли поборы (продуктом или деньгами) с подчиненных ему крестьян — арендаторов. Вельможи и дворянство стремились поставить крестьян в еще более зависимое положение по отношению к своим господам. Они добились этого во второй половине XV и XVI веках, когда, чтобы предотвратить уход крестьян с угодий дворянина по своей воле значительную их часть прикрепили к земле. Таким образом, был введен институт крепостного права.

Институт рабства в Великом княжестве Литовском, как и ранее в Западной Европе, несколько утерял свое значение с введением крепостного права, так как землевладельцы были более заинтересованы в получении доходов со своих земель, чем в использовании рабского труда. Следует отметить, что рабство исчезает в Польше значительно раньше, чем в Литве. В XIV веке большинство бывших рабов в Польше стало крестьянами, тем или иным способом прикрепленными к владениям дворян.

В Великом княжестве Литовском процесс замены рабства крепостничеством начался в XV веке и продолжался вплоть до середины XVI века. Это подготавливало почву для полной отмены рабовладения.

Тесный союз между Литвой и Польшей, который был провозглашен на Люблинском сейме 1569 г., в значительной мере способствовал ограничению рабства в Литве.

Третий Статут (1588 г.) постановил, что отныне обратить в рабство можно только военнопленных. Однако дети пленников рабами не считались и должны были быть расселены на земле в качестве крепостных, как и все остальные рабы «по наследству» (Раздел XII, статья 21). Рабы, расселенные на земле и привязанные к ней, получили статус *отчичей* — то есть, наследственных крепостных.[51] В результате этих законодательных мер число рабов в Великом княжестве Литовском резко сократилось. Рабство, однако, не было полностью искоренено. О рабах в Великом княжестве Литовском иногда упоминается вплоть до 1710 г.[52]

Оценивая законодательные попытки отменить рабство в Великом княжестве Литовском с точки зрения возрастания личной свободы людей из низших классов, нам следует принять в расчет одновременное прикрепление значительной части крестьян к земельным угодьям, находившимся во владениях вельмож и шляхты. Стараясь изменить к лучшему положение рабов, правительство великого княжества в то же самое время лишало свободы крестьян, о положении которых речь пойдет в следующем разделе.

8. Крестьяне

Так же, как и формирование дворянства, становление крестьянского класса в Великом княжестве Литовском было сложным и длительным процессом. Исторически, в его основе лежало многообразие различных групп сельского населения, занимающегося не только обработкой земли, но и пчеловодством, охотой и рыбной ловлей. В земельных правах отдельных групп была значительная разница.

В киевский период землей могли владеть как отдельные лица, так и объединенная группа простых людей. Кроме того, человек мог обрабатывать участок земли, который юридически принадле-

жал не ему, а князю, церкви или боярам. Арендатор такого участка мог пользоваться им либо по соглашению с владельцем, либо на основании обычного сельскохозяйственного права расчищать, занимать и обрабатывать пустующий и никем не занятый земельный участок. Это право занимать участок стало известно как *заимка*, или трудовое право.

Свободные люди, обрабатывающие землю, принадлежавшую им или общине, членами которой они являлись, назывались *люди*.[53] В Новгороде человек, лично владевший землей, назывался *своеземцем* (т.е. "имеющим свою землю"). Широко распространенной формой землепользования было коллективное владение угодьем, совладельцев называли *сябры*. Совладельцами земли становились либо родственники, либо соседи.

Помимо людей и сябров в киевский период на Руси была отдельная группа земледельцев, известная как *смерды*. В монгольский и ранний постмонгольский периоды в Центральной Руси такого понятия уже не было, но оно сохранилось в Новгороде, Пскове, а также в Великом княжестве Литовском. Смерды проживали на землях, принадлежащих государству — то есть, на землях князя, который являлся главой государства или города (если это был город-государство, вроде Новгорода и Пскова).

Наряду с этими четко определяемыми группами существовал некий "текучий" класс земледельцев, которые не владели достаточными площадями земли для того, чтобы обеспечить себе существование, или вовсе не владели землей и в связи с этим вынуждены были предлагать землевладельцу свои услуги либо в качестве наемных работников, либо *издольщиков*. В Пскове последняя группа была известна как *изорники* (т.е. пахари). Люди этого класса имели также право на более или менее постоянное жительство на княжеских или боярских землях в положении крестьян-арендаторов.

Определений групп населения, имеющих отношение к сельскому хозяйству, в Великом княжестве Литовском было больше, и эта классификация отличалась своеобразной пестротой. В документах литовского периода мы обнаруживаем знакомые термины: *люди*, *сябры* и *смерды*. Людей иногда называли *"черными людьми"*, что подчеркивает их низкое положение. Следует вспомнить, что это название использовалось в отношении низших классов в Мос-

ковии и Новгороде. Другие определения, не упоминающиеся в документах киевского периода, но имевшие хождение в Великом княжестве Литовском — *мужики* (*"малые люди"*), *кмети* и *хлопы*. Название *"мужик"* ("муж") обозначало человека низшего класса (в Московии после XVI века это понятие стало общеупотребительным). Определение *"кметь"* использовалось в большинстве славянских языков, сначала оно обозначало благородного землевладельца или рыцаря, позднее (в Польше и Литве) — крестьянина.[54] Слово *"хлоп"* и в киевский период, и в Московской Руси обозначало раба. В Великом княжестве Литовском для людей, занимавшиеся другими промыслами, были свои обозначения, например, *бортники* (пчеловоды), *рыболовы*, *бобровники* и так далее.

Основной тенденцией исторической эволюции крестьянского класса была постепенная утрата крестьянами их земельных прав. Вся та земля, которой первоначально владели либо лично, либо на условиях найма некоторые группы земледельцев, со временем была присвоена великим князем или дворянами. К концу XI века большая часть земледельцев стала крестьянами — арендаторами государственных или принадлежавших знати земель.[55]

Крестьянин должен был либо работать на своего господина, либо платить ему за аренду (продукцией или деньгами), либо и то и другое. Было два основных налога, которые крестьяне отдавали продукцией: *дякло* и *mezleva*. Дякло выплачивалось зерном (рожью, пшеницей или овсом), сеном, пенькой, льном и дровами. Налог *mezleva* был животноводческим — крестьяне отдавали телок, свиней, овец, цыплят и яйца.

Значительное число крестьян обязано было исполнять барщину во владениях вельможи. Их называли *тяглыми людьми* (от слова *"тягло"*, т.е. бремя). В разгар земледельческого сезона все остальные крестьяне обязаны были определенное время работать вместе с тяглыми: косить траву, заготавливать сено, убирать зерновые и пахать землю. Такая помощь называлась *толока*. Обычной нормой пахотной толоки было шесть дней в году (три дня весенней и три дня осенней пахоты). Для уборки зерновых обязательными были еще шесть рабочих дней (три дня на уборку ржи или пшеницы и три дня на уборку овса или ячменя). Во время заготовки сена помощники должны были работать до завершения уборки сена. Вдобавок, все крестьяне должны были принимать

участие в работах, необходимость в которых возникала из-за непредвиденных обстоятельств, например, восстанавливать разрушенную наводнением мельничную плотину. От крестьян также требовалась помощь в охоте и рыбной ловле (они должны были участвовать в облавах, закидывать и тащить сети и т.д.).

Для лучшей организации работы крестьян и контроля за уплатой ими налогов, они были распределены по группам. Каждая группа называлась "*службой*". В XV и первой половине XVI века размеры службы не были конкретно определены ни по количеству людей, ни по земельным площадям, и варьировались в разных землях и даже внутри одной и той же земли. Были службы, каждая из которых включала в себя от двух до десяти крестьянских хозяйств и от двух до десяти земельных *волок*.[56] Одна литовская волока равнялась примерно 21 гектару. Служба, в среднем, составляла приблизительно три крестьянских хозяйства.

Две основные категории крестьян составляли те, что проживали на господаревых землях, и те, что были арендаторами во владениях дворян. Крестьяне первой категории номинально находились под властью великого князя, но фактически — под властью местных должностных лиц великого князя, таких, как *державцы* и их помощники. В больших владениях вельмож крестьянами руководили судебные приставы и управляющие имением. В мелких владениях наблюдение за работой крестьян часто осуществлял сам дворянин.

Разграничение между крестьянами господарских земель и крестьянами дворянских владений было определено грамотой великого князя Казимира 1447 г., которая запрещала переход крестьян из государственных земель в дворянские владения и наоборот.[57]

Крестьяне, независимо от того, на чьей земле они проживали, были разделены на две группы: *похожие*, имеющие свободу передвижения, и *непохожие*, прикрепленные к земле.

К похожим относились люди самого разного рода: свободные, тем или иным путем лишившиеся земли, которой они прежде владели или которую арендовали; безземельные сельскохозяйственные работники; бывшие рабы, которым их владельцы даровали свободу. Переселенцы из Восточной Руси, Молдавии или Польши также входили в эту группу.

Как мы знаем, в киевский период все земледельцы (за исклю-

чением рабов) были свободными. Процесс прикрепления части свободных крестьян к господаревым землям или к дворянским угодьям начался в Литве в XV веке. Прикрепление крестьянина к угодью расширяло привилегии дворян, особенно в отношении их власти над своими подчиненными.

Крестьянин, который жил на том же участке земли, что его отец и дед, считался *отчичем* — то есть, наследственным жителем в этом владении, фактически — наследственным крепостным крестьянином.

Согласно Первому Литовскому Статуту, предъявить претензии на землю можно было в течение десяти лет (*давность земская*). Если за это время человек не заявлял о своих правах на владение конкретным участком, он их утрачивал (Раздел I, статья 27). Этот принцип применялся по отношению к крестьянским наделам как на господарских землях, так и во владениях дворян. По закону вся земля принадлежала либо "короне", либо дворянству. Поэтому если крестьянин не мог предоставить официальных доказательств того, что участок земли, который он обрабатывает, является его собственным, его лишали всяких прав на эту землю, даже если он проживал на ней более десяти лет. Кроме того, его прочно прикрепляли к *службе*. Он мог уйти с позволения вельможи, если найдет кого-либо, кто согласится выполнять требуемый для службы объем работ вместо него.

Такую замену можно было найти в своей или другой службе, или среди *похожих*. *Непохожий* крестьянин мог также поменяться своей *службой* с непохожим в другой службе. Однако обе эти *службы* должны были принадлежать одному хозяину.

Такие обмены были не частыми и имели место, главным образом, среди крестьян, проживавших на господарских землях. Что касается тех, что проживали в дворянских владениях, то замещение крестьян, принадлежавших разным хозяевам, могло произойти только в случае взаимного соглашения между этими хозяевами. Предложение об обмене такого характера могло исходить только от хозяина. Крестьян вообще могли поставить перед фактом, не спрашивая их согласия.[58]

После всего сказанного становится ясно, что к середине XVI века большинство крестьян в Великом княжестве Литовском стало либо государевыми крепостными, либо дворянскими. Число

похожих крестьян быстро уменьшалось. Третий Литовский Статут постановлял, что если свободный крестьянин проработал на дворянских угодьях более десяти лет, он не имел права уйти, разве что заплатив за себя выкуп (Раздел XII, статья 13).

Условия жизни крестьян в разных землях были неодинаковы. Как показывает И.П. Новицкий, бремя, которое несли крестьяне, было тяжелым в густо населенных местностях и легче там, где население было редким, а земля плодородна, особенно в "дикой степи" на левом берегу Днепра.[59]

Следует отметить, что несмотря на утрату законных прав на участки земли, которые они обрабатывали, крестьяне, будучи крепостными, продолжали считать землю своей собственной и на протяжении долгого времени вступали по ее поводу в разнообразные сделки, такие, как обмен участками земли, сдача в аренду, закладывание или продажа земли.

Поступая таким образом, крестьяне действовали в духе древнерусских юридических установлений, а также в традициях обычного русского права. С точки зрения новой системы в Великом княжестве Литовском, такие сделки были незаконными. Однако великокняжеские должностные лица допускали подобную практику, когда сделки касались крестьян, относившихся к господарским землям, и если эти сделки не были в ущерб службам. От имени великого князя его чиновники всегда могли аннулировать любую сделку как незаконную, если она была во вред интересам великого князя.

Во владениях вельможи, как и в угодьях дворянина, существовали схожие тенденции в отношении к крестьянской земле. Однако крестьяне, подчинявшиеся вельможе, находились в более зависимом положении, и можно было ожидать, что дворяне, особенно мелкие землевладельцы, будут контролировать сделки своих крестьян более жестко, чем чиновники великого князя.

Крестьяне часто объединялись для совместной обработки земли. Когда семья разрасталась и состояла уже из нескольких поколений, живущих в одном хозяйстве по типу *задруги*,[60] она образовывала общину *сябров*. Таким же образом могли объединиться и соседи, не находящиеся в кровном родстве друг с другом. Чаще всего такие общины складывались в лесной зоне, что было обусловлено экономической необходимостью. Расчистка леса под па-

хотные земли была не под силу средней семье, требовались усилия большего количества людей.

Семья могла также пригласить работников со стороны, но не в качестве полноправных членов хозяйства, а на условиях определенной доли в доходе.

Малые группы могли быть признаны должностными лицами великого князя отдельной "*службой*", а большие считались за две "*службы*" и более.

Власти терпимо относились к пережиткам традиционных русских представлений о правах земледельцев на их земли вплоть до аграрной реформы 1550-х гг. и прикрепления крепостных крестьян к постоянным крестьянским хозяйствам, устроенным по польскому образцу.

9. Горожане

В киевский период город был составной частью управления землей (*government of a land*). Одной из форм управления было вече.[61] В Новгороде и Пскове народное собрание пользовалось бóльшим влиянием, чем князь и бояре, и город становился городом-государством.

В монгольский период политическое значение города в Восточной Руси было подорвано стараниями как монгольских ханов, так и русских князей, а вече было отменено.[62] Только Новгород и Псков не были затронуты этой переменой. Но, как мы знаем, в свое время оба этих города, соответственно в конце XV и начале XVI века, были присоединены к Москве.

В Западной Руси упадок городов также начался в монгольский период. Многие из них, такие как Киев, были разрушены монголами, а позднее разграблены крымскими татарами. Некоторые старые русские города, такие как Смоленск, Полоцк и Витебск, избежали разрушения и смогли сохранить на некоторое время свое старое устройство. Постепенно, однако, вече в этих городах утратило характер демократического института. Делами от имени всего населения заправляли бояре и купцы.

Как мы знаем, правительство Великого княжества Литовского в основе своей было связано с правами и привилегиями дворянства. Политический климат в великом княжестве не способство-

вал сохранению конституционных прав городов. Никто из горожан не допускался на совет вельмож, и в сейме не было представителей городского населения.

Большие города в Великом княжестве Литовском располагались на государственных землях. Малые города относились либо к владениям короны, либо к землям знати. Город был лишен всякого участия в политической жизни, хотя и сохранял свое муниципальное самоуправление. Постепенно старые русские институты были упразднены, и в большинстве городов, в соответствии с германским правом, стало действовать муниципальное правительство.[63]

Население городов в Польше и Литве было этнически разнородным. В средневековой Польше короли поддерживали образование немецких колоний в городах и сельских районах для того, чтобы способствовать развитию коммерции, ремесла и сельского хозяйства. По тем же причинам русские князья в Галиции и Волыни приглашали немецких поселенцев в свои города в XIII и начале XIV века. Великие князья литовские продолжали ту же самую политику.

Следует отметить, что армяне[64] и евреи обосновывались на протяжении XI, XII и XIII веков в Киеве и Львове.

В соответствии с политикой великих князей, а также с естественным процессом миграции, многие немцы, армяне и евреи — купцы и ремесленники — жили в XV и XVI веках в русских городах Галиции (которая в то время относилась к Польше) и Великого княжества Литовского. Однако в большинстве старых русских городов русские все еще составляли большинство населения.

Поселившиеся в Польше немцы следовали германскому праву. Таким образом, первая инфильтрация германского права в Польше была связана с немецкой колонизацией. Позднее в польских и русских городах Польши стали действовать германские муниципальные законы, положения которых по причинам финансового характера вполне устраивали королей. Существовало несколько вариантов германских муниципальных уложений, наиболее популярным в Польше были Магдебургское право и так называемый суд в Хелмно. Эти законодательства применялись в Польше в несколько видоизмененной форме. Из Польши германское право проникло в Великое княжество Литовское, где обычно оно называлось Магдебургским правом.[65]

В Литве Магдебургское право впервые было даровано Вильно (1387 г.). На протяжении XV века оно распространилось на Трокай, Брест, Луцк, Кременец, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Киев, Минск и Новогрудок. В XVI веке его получили многие другие города, а последним из русских городов — Витебск (1593 г.).

По мнению Грушевского, польское правительство сознательно применяло Магдебургское право, чтобы ослабить русское влияние в Галиции и подготовить почву для денационализации русского населения.[66] Позиции русских в Великом княжестве Литовском были намного сильнее, чем в Польше, и литовскому правительству не удалось вывести русских из муниципальных администраций, за исключением некоторых городов. Однако оно пыталось хотя бы сократить представительство русских в муниципалитетах.

Магдебургское право предназначалось только для горожан христианского вероисповедания. Единственное исключение из этого правила было сделано для караимов. Евреи были исключены из муниципального самоуправления.

Что касается христиан, то предпочтение отдавалось римским католикам. В русских городах в Польше православие всячески ущемлялось. Во Львове на православных распространялось Магдебургское право, но им было запрещено иметь должность в муниципальном правительстве и разрешено жить только в особой части города, называвшейся "Русской улицей".[67]

Когда в начале XV века великий князь Витовт даровал Магдебургское право ряду городов в западной части русских земель великого княжества (район Берестья и Подляшья), он специально исключил православных русских из муниципалитетов.[68]

В большинстве других городов великого княжества, которым Магдебургское право было даровано в течение XV и XVI веков, русским были предоставлены избирательные права, но было установлено правило, что одна половина членов городского совета должна быть римско-католической, а другая — греко-православной. Поскольку во многих городах большинство населения составляли православные русские, это правило давало преимущества польскому и немецкому меньшинству.

При германском праве муниципалитет являлся тесной корпорацией. Горожанами признавались лишь те, кто в нее входили.

Западнорусское определение горожан — *мещане*. Статус горожанина приобретался с рождением и был наследственным. Горожанином можно было стать, будучи принятым в корпорацию городским советом или ремесленной гильдией.

Среди горожан можно выделить купцов и ремесленников. Каждый купец должен был принадлежать к одной из гильдий, называемых *цехами*.[69] Многие горожане владели землей за пределами города и получали доход с сельского хозяйства.

Города, которые получили Магдебургское право, были свободны от вмешательства должностных лиц великого князя в их дела и подчинялись своему собственному муниципальному правительству. Во главе его первоначально стоял *войт*,[70] назначавшийся великим князем (часто выбранный им из числа дворян), как только Магдебургское право даровалось городу. Войт мог передать должность по наследству или же продать ее другому лицу. Со временем многие города покупали должность войта, после чего права войта передавались городскому совету (раде).

Первоначально именно войт выбирал раду (состоявшую из шести или двенадцати человек, в зависимости от величины города) из кандидатов, выдвинутых горожанами. Председатель рады назывался *бурмистром*. Он занимал свой пост в течение одного года и выбирался войтом и радой из *радцев*. Когда рада приобретала права войта, бурмистр избирался самой радой. Вскоре выборы были заменены ежегодным назначением на должность бурмистра членов рады. В полномочия рады также входила замена тех ее членов, которые либо уходили в отставку, либо умирали.[71]

В ряде западнорусских городов рада несла ответственность лишь за муниципальное управление городом и его благосостояние. Для ведения судебных разбирательств был организован особый комитет, известный как *лава* (*"скамья"*). *Лавников* (членов лавы) назначала рада. Они рассматривали уголовные дела в качестве присяжных, а войт или бурмистр исполняли роль судьи.

Горожане были освобождены от многих обязанностей, которые были на них возложены, также как и на крестьян, до получения Магдебургского права. Например, *толоки*. Однако они обязаны были поставлять свой отряд всадников во время сбора войска. В воинском реестре 1528 г. мы обнаруживаем длинный перечень имен полоцких горожан, которые должны были вербовать рекрутов, и

более короткий список витебских горожан, составленный с той же целью.[72] Помимо того, горожане должны были платить военный налог (*серебщину*) и поставлять работников для строительства и обслуживания крепостей.

За право пользования Магдебургским правом город должен был вносить в казну великого князя ежегодную плату, размеры которой варьировались от тридцати до ста золотых монет.

В свою очередь городу предоставлялись некоторые источники собственных доходов. Муниципалитету позволялось устраивать в муниципальном здании (*ратуше*) разнообразные лавки и магазины, плата за аренду которых шла в городскую казну. Более того, муниципалитет мог устанавливать свою муниципальную меру для жидких и сыпучих продуктов. За это тоже бралась небольшая плата. Большой доход приносили общественные бани, лавки по продаже ароматического воска для свечей, мельницы и винные лавки. Исключительным правом на торговлю спиртными напитками обладал великий князь, но он мог дать эту торговлю на откуп городу или отдельным горожанам.

Муниципалитет пользовался также правом на внешнюю торговлю. Иностранные купцы обязаны были сдавать все ввозимые товары на хранение в муниципальный склад. Им была позволена только оптовая торговля; розничную торговлю вели горожане.

Мнения историков по поводу роли Магдебургского права в жизни западнорусских городов расходятся. Некоторые исследователи, например В.Б. Антонович, считают введение немецкого муниципального права важной попыткой укрепления позиции городов и горожан. Другие, в частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, подчеркивают отрицательные аспекты германского права.[73]

Нет сомнений в том, что при Магдебургском праве статус горожан стал более устойчивым и они освободились от многих обременительных обязанностей. Кроме того, некоторые немцы, поселившиеся в западнорусских городах, были талантливыми ремесленниками, что заметно сказалось на развитии ремесел.

С другой стороны, горожане должны были выдерживать конкуренцию с дворянами. Последние не имели права лично принимать участие в торговле или ремесленном производстве, но часто занимались этим через своих доверенных лиц. Многие ремесленники работали и на господарских землях, и в больших угодьях

знати, и они не были ограничены цеховыми предписаниями. Дворянам была дана привилегия продавать продукцию с их земель за границу и ввозить товары для личного пользования из-за границы, причем этот товар не облагался таможенной пошлиной. На ввозимые таким образом товары не распространялись муниципальные рыночные ограничения.[74]

Как уже было отмечено, германское право, касающееся муниципальной организации, не распространялось на евреев. Со временем они составили отдельную группу, влиявшую на развитие торговли и ремесел в Великом княжестве Литовском, и в этом качестве проявили себя значительно более активными и удачливыми, чем муниципальные купцы и ремесленники. Это не могло не подрывать экономическую деятельность горожан.

Хотя право самоуправления, данное городам, хорошо выглядело на бумаге, фактически муниципальное правительство контролировалось войтом и его приближенными; а в тех городах, где должность войта была куплена, реально правили нескольких богатых семей, приближенных к раде. Члены рады извлекали значительную прибыль из управления муниципальными производственными и торговыми учреждениями. Как замечает М.Ф. Владимирский-Буданов, рада подчинила себе общественный дух горожан и обуздала их инициативу. Она сконцентрировала в своих руках муниципальную власть и богатство. Помимо того, во многих городах рада проявила себя как орудие подавления русского населения и православной веры.[75]

10. Евреи

Евреи составляли существенную часть населения Польши и Юго-западной Руси в период раннего средневековья. В то время их число было невелико. Когда великие князья литовские заняли Волынь и Киев, евреи не стали покидать нажитых мест. В конце XIV века часть их поселилось в Вильно.

В конце XV и начале XVI веков тысячи евреев приезжали в Польшу из Германии, Богемии и Моравии, чтобы укрыться от притеснений и преследований, которым они там подвергались. Некоторые из них перебрались из Польши в Литву, но переселе-

ние евреев в Литву стало массовым только после Люблинской Унии 1569 г.[76]

Юридический статус евреев в Польше был определен Великой хартией короля Казимира 1367 г. и последующими указами. Евреям были предоставлены обширные личные, религиозные и экономические права. Позднее, на основании Великой хартии Казимира великий князь Витовт даровал подобные же привилегии литовским евреям.

Благожелательная политика литовских великих князей по отношению к евреям резко переменилась в 1495 г., когда великий князь Александр изгнал всех евреев из Великого княжества Литовского и конфисковал всю их собственность. Истинный мотив этой жестокой меры неизвестен. Большинство евреев перебралось в Польшу. Восемь лет спустя всем им позволено было вернуться, и в 1507 г. великий князь Сигизмунд I выдал им новую грамоту, подтверждающую грамоту Витовта. Евреям вернули все дома, лавки, сады и луга, которыми они владели до конфискации. У тех, кого они кредитовали до высылки, евреи могли потребовать уплаты долгов.

На основе грамот, выданных им в разное время великими князьями, евреям позволялось проводить все коммерческие сделки, владеть лавками и ростовщическими конторами и вести торговлю спиртными напитками. Они платили те же налоги, что и горожане.

Великий князь литовский предпочитал давать на откуп евреям сбор таможенных пошлин и налогов на торговлю спиртным, поскольку они всегда были умелыми и аккуратными в своих выплатах в казну. Кроме того, евреи могли дать великому князю в долг большие суммы денег, когда тот нуждался в деньгах, а он нуждался в них почти всегда. Не многие евреи в то время имели достаточно личных капиталов, но они могли объединить свои ресурсы. Даже бедные евреи подчас имели свою небольшую долю от каждой сделки.

Евреи были организованы в самоуправляющиеся общины, каждая из которых концентрировалась вокруг синагоги или кладбища. Члены общины избирали старейшин, которые составляли общинный совет во главе с раввином. Этот совет имел полномочия суда при тяжбах между евреями. Споры между евреем и христианином разбирались должностными лицами великого князя. Со-

гласно Третьему Литовскому статуту, еврея, убившего другого еврея, должен был судить еврейский суд согласно еврейскому закону. Если же убийца не был евреем, то его передавали чиновникам великого князя, чтобы они его казнили.

Говоря о положении евреев в Великом княжестве Литовском, нам следует проводить различие между ранним периодом, предшествовавшим наплыву массы евреев из Польши (например, до Люблинской Унии 1569 г.), и более поздним временем. В ранний период евреи еще не сформировали особую изолированную группу. В русских городах великого княжества многие их них были знакомы с русским языком и часто носили русские имена.[77]

Изгнание евреев из Великого княжества Литовского в 1495 г., несмотря на мероприятия 1503 г., явилось для них тяжелым экономическим и психологическим ударом. В Польше, куда из Литвы переехало большинство изгнанников, они могли рассчитывать только на помощь своих единоверцев, переселившихся из Германии, и те оказали на них многостороннее влияние. Они выучили идиш, на котором говорили германские евреи.[78] В целом, изгнание 1495-1503 гг. стало для евреев психологической травмой и озлобило их по отношению к литовской системе правления. Это изгнание убедило их в неотложной необходимости объединения усилий для того, чтобы выжить с помощью всех возможных средств. Несмотря на это, они возобновили свои прежние занятия и восстановили отношения со своими прежними соседями.

Только после Люблинской Унии 1569 г., благодаря интенсивному переселению тысяч немецких евреев из Польши в Литву, положение их в Великом княжестве Литовском изменилось, и идиш стал языком всех иудеев как в литовских, так и в русских областях великого княжества.

11. Караимы

Караимизм — это иудейское вероисповедание, во многих отношениях отличающееся от раввинского иудаизма. Караимы не признают авторитет Талмуда. В наши дни караимов очень мало, и их вероисповедание умирает. Однако в более отдаленные вре-

мена караимизм представлял собой мощное религиозное течение, и период с VIII по XII века был временем широкого идеологического и территориального распространения караимизма. Это учение было достаточно жизнеспособным еще в XV и XVI веках,[79] но подробнее об этом будет сказано в следующем томе. Теперь нас интересует положение караимов в Великом княжестве Литовском.

Литовская ветвь караимов с исторической точки зрения представляет собой осколок более ранней экспансии караимского прозелитизма среди тюркских народов в Центральной Азии и Южной Руси, особенно среди хазар и, позднее, половцев.[80] Новообращенные в караимизм принимали в качестве их основного религиозного языка древнееврейский, но в быту говорили на своем родном тюркском. Хотя иногда в религиозных ритуалах тюркский использовался наряду с древнееврейским. Разговорный язык литовских караимов близок к половецкому (куманскому) диалекту.[81]

Обычно предполагается, что караимы пришли в Литву из Южной Руси в конце XIV века — то есть, в тот же период, что и татары. Однако существуют свидетельства, что некоторые караимские переселенцы обосновались в русских областях великого княжества значительно раньше, до литовской экспансии. Вероятно, они пришли из Крыма и с Северного Кавказа.[82]

Поскольку караимизм — разновидность иудаизма, и религиозным языком караимов был древнееврейский, в документах Великого княжества Литовского не проводилось различия между раввинскими евреями и караимами. Это делает изучение истории караимов того периода особенно трудным, поскольку во многих случаях неясно, кого в каждом конкретном случае подразумевают под "евреями". Довольно большое количество исследователей вследствие этого вообще упустили караимов из поля своего зрения. Мы не обнаруживаем упоминаний о них в работах о великом княжестве таких выдающихся историков, как М.К. Любарский, М. Грушевский и С. Кутжеба.

Литовское правительство, однако, имело ясное представление о некоторых отличительных чертах караимов, в том числе об их воинской доблести, и старалось использовать этих тюрков по крови и речи в качестве ратников.

В конце XIV века многих караимов поселили в крепостях, рас-

положенных цепочкой вдоль северной и северо-западной границы между Литвой и рыцарями Ливонского ордена для защиты литовской границы от немцев.[83] Караимам была доверена и защита въезда на мост, соединявший крепость Трокай (расположенную на острове посреди озера) с берегом.[84]

Следует заметить, что караимы единственные из нехристиан в великом княжестве пользовались всеми выгодами Магдебургского права. Однако они не смешивались с христианской общиной Трокая, а были организованы в отдельную общину. Трокайским караимам было дано право избирать войта, должность которого подтверждалась великим князем и который был подчинен великому князю. Войт действовал как судья в тяжбах между караимами живущими в Трокае и теми, кто жил в других городах великого княжества, например, близ Львова. В тяжбе между караимом и христианином вопрос рассматривался объединенным судом войта и трокайского воеводы. Караимы получали половину дохода, поступавшего от муниципальных учреждений. Как и христианские горожане в муниципалитетах, подчиненных Магдебургскому праву, караимы были освобождены от целого ряда налогов и обязанностей.[85]

Помимо Трокая, караимские поселения существовали в Гродно, Луцке, Смоленске, Стародубе, Житомире, Киеве и ряде других городов великого княжества.[86] В XVI и XVII веках караимы оказали литовскому и польскому правительству неоценимую помощь в войнах с крымскими татарами и оттоманскими турками. Тяжелые потери, которые они несли в боевых сражениях, должно быть, серьезно воспрепятствовали увеличению числа литовских караимов. Шведский историк Густав Перингер, который изучал караимов в 1690 г., отмечал, что их численность мала, потому что у них заведено уходить на войну в очень раннем возрасте.[87]

В своем "Трактате о двух сарматиях" (1517 г.) польский писатель Мацей из Мехова (Матвей Меховский) говорит, что на Руси (т.е. в Западной Руси) евреи (он имеет в виду караимов) "*не являются ростовщиками, как евреи в христианских (т.е. римско-католических) землях, но ремесленниками, земледельцами и оптовыми купцами, которым часто дается откуп на собирание таможенных пошлин и государственных налогов*".[88] Некоторые караимы служили в администрации великого княжества. Они принимали актив-

ное участие в восточной торговле, а некоторые из них имели деловые отношения с Варшавой, Данцигом (Гданьском), Ригой и Смоленском.[89]

Несмотря на военную службу караимов и их большую пользу для литовского государства, указ о выселении 1495 г. касался их в той же степени, что и раввинских евреев. Обычно предполагается, что большинство караимов отправились в Крым и возвратились в Литву в 1503 г. Однако в финансовом докладе о положении дел в великокняжеском замке в Трокае за 1498-1502 гг. упоминается ряд чиновников, привратников, мушкетеров и "казаков" с типично караимскими именами. Это говорит о том, что на многих караимов указ о выселении не распространился.[90]

Глава VII

УПАДОК ЛИТВЫ И РОСТ ВЛИЯНИЯ УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ

1. Между Москвой и Польшей, 1526-1566 гг.

I

Перемирие между Великим княжеством Литовским и Москвой, подписанное в 1526 г., на время ослабило напряженность, вызванную войной 1512-1522 гг.

В этой войне московиты потерпели сокрушительное поражение под Оршей, но им удалось занять Смоленск. Согласно условиям перемирия 1526 г. московиты сохраняли за собой Смоленск, города на Верхней Оке и Северскую землю, которую они завоевали при Иване III. После заключения перемирия Василий III сместил местных князей в Северской земле и присоединил этот регион к своим владениям.

Условия перемирия, благодаря которым русские оставили за собой все территории, захваченные во время предыдущих войн, несомненно, были более выгодными для Москвы, чем для Литвы. Если Литва хотела предотвратить какое-либо дальнейшее продвижение московитов на запад, не говоря уже о том, чтобы возвратить потерянные территории, она должна была предпринять решительные усилия для того, чтобы укрепить свою армию и политическую власть.

Помимо анализа военных и административных аспектов, борьбу между Литвой и Москвой в XVI веке следует рассматривать и

с точки зрения русских национальных проблем. Следует вспомнить, что в середине XV века сознание русского культурного единства было сильно среди населения как в Восточной, так и в Западной Руси. С политической точки зрения русскоязычные земли были разделены на большее число княжеств и городов-государств. Идея политического объединения в форме либо свободной федерации, либо монархии выражалась многими образованными русскими людьми. Главным центром федеративной идеи, как мы знаем, был Новгород. Федерации, по всей видимости, также отдавали предпочтение некоторые князья и горожане в Западной Руси, особенно в Киеве.

Во время кризиса 1470-1471 гг. планы новгородских федералистов были нарушены военным вмешательством Москвы и отсутствием своевременных и решительных действий со стороны великого князя Казимира Литовского. Более того, Казимир после неудачных попыток оказать поддержку Новгороду подавил национальные устремления части западнорусских князей. Во время войны между Москвой и Литвой 1500-1503 гг. многие русские князья вдоль литовско-русской границы от Вязьмы на севере до Чернигова на юге перешли на сторону московитов.

Политическая картина на территории древнерусской федерации киевского периода круто изменилась после падения Новгорода. Вместо множества русских государств теперь за верховенство соперничали две сильные державы — Великие княжества Московское и Литовское. Последнее в отношениях с русскими было поставлено в невыгодное положение из-за союза с Польшей и влияния римско-католической церкви, которое вызвало оппозицию большинства русских. С другой стороны, русское дворянство дорожило теми правами и привилегиями, которыми оно пользовалось в Великом княжестве Литовском и опасалось централизованной системы правления в Москве. Москва могла рассчитывать, в основном, на поддержку низших классов Новгорода и других областей.

Когда в 1508 г. князь Михаил Глинский выступил против великого князя Сигизмунда, его первоначальный план, по всей видимости, заключался в создании русского княжества в границах Великого княжества Литовского. Он даже мечтал возглавить литовскую раду. Лишь после того, как этот план провалился, Глинский перешел на сторону Василия III.

Неудача Глинского положила конец каким-либо последовательным попыткам со стороны русских установить контроль над правительством Великого княжества Литовского. После этого русские в Западной Руси вынуждены были сосредоточить свое внимание на защите греко-православной церкви и образования. С политической точки зрения обладатели больших земельных поместий, состоятельные люди и представители небогатых дворянских семейств как литовского, так и русского происхождения в великом княжестве сплотились для поддержки своего правительства против угрозы со стороны Москвы.

Следует заметить, однако, что даже во время четкого политического разделения русских земель между Литвой и Москвой многие русские как в Восточной, так и в Западной Руси в своем сознании исходили из культурного единства обеих частей. В действительности, культурное взаимодействие между двумя странами не прекращалось. Как уже упоминалось "ересь жидовствующих" первоначально поддерживалась западнорусскими "евреями" (по всей видимости, караимами), которые прибыли в Новгород под покровительством князя Михаила Олельковича Киевского в 1470 г. Протестантизм проник в Московию в 1450-е гг. из Литвы. Вскоре после этого некоторые восточнорусские религиозные лидеры, которые вынуждены были бежать из Московии, стали оказывать помощь как православному, так и протестантскому движениям в Западной Руси.

Во второй половине XVI века уроженцы как Западной, так и Восточной Руси принимали участие в печатании русских книг. Из двух печатников, которые держали в своих руках издание книг в Москве в 1563-1565 гг., один был уроженцем Москвы, а другой - из Мстиславля в Западной Руси. Оба они эмигрировали в Западную Русью и продолжали там свою работу.

В области экономики между Восточной и Западной Русью установились оживленные торговые отношения. Московские купцы регулярно посещали западнорусские города, такие, как Смоленск (еще до того, как он был захвачен Москвой), Полоцк, Киев и другие. В свою очередь, купцы из Западной Руси торговали с Москвой. Как уже упоминалось, купцы-караимы обосновались в Смоленске. Они оставались там и после 1514 г.

В течение XV и XVI веков многие западнорусские князья пере-

селялись в Москву, а многие московские князья и бояре, особенно с введением Иваном IV опричнины, бежали в Литву. Причем Литва воспринималась не как зарубежная страна, а как русская вотчина.

В 1528 и 1529 гг. литовским сеймом был принят целый ряд указов, касающихся укрепления военной организации. В предшествующем году сейм повелел должностным лицам, находящимся во главе каждого повета, назначить двоих достойных доверия представителей для проведения переписи во всех дворянских земельных владениях. Перепись решено было провести с тем, чтобы определить какое количество людей и средств можно будет, в случае необходимости, мобилизовать для нужд армии. В государственные владения с той же целью были направлены особые чиновники. Крупные собственники должны были провести учет населения в своих владениях. На основе этой переписи был составлен список всех землевладельцев с указанием количества рекрутов, которых каждый из них обязан был набрать.

В то время предполагалось, что одного всадника представляют десять "служб". В 1529 г. сеймом был принят новый закон, согласно которому один всадник представлялся от восьми "служб". Поначалу предполагалось, что это временная мера сроком на десять лет, но закон оставался в силе вплоть до 1544 г., вопреки протестам мелкопоместного дворянства, которое жаловалось на непосильную тяжесть этого бремени. Закон 1529 г. обеспечивал существенное увеличение численности армии. В 1544 г. было введено новое соотношение: один воин к девяти "службам". В 1563 и 1567 гг. от дворян требовалось поставлять помимо каждых двух всадников одного пешего солдата.[1]

Следует заметить, что литовское правительство пыталось взять на себя заботу не только о военных проблемах, но и о финансовых. Поскольку сельское хозяйство составляло основу национальной экономики великого княжества, следовало предпринять серьезные усилия для увеличения дохода с крестьянских хозяйств. Великий князь, понимая это, провел целый ряд реформ по управлению великокняжескими землями. Этому примеру последовало дворянство.

В 1514 и 1529 гг. великий князь Сигизмунд издал указ, обязывающий "державцев" принять ряд мер для увеличения великокняжеской казны. Некоторые крестьяне, прежде исполнявшие барщи-

6. Россия около 1580 г.

ну, за пользование теми участками земли, которые им были выделены, теперь должны были платить оброк деньгами.

В 1548 г. великий князь Сигизмунд Август ввел новое требование: более равномерно распределять по "службам" крестьянские платежи и задолженности. Кроме того, крестьянам запретили продавать или сдавать в аренду свои участки. Таким образом, одной из целей великокняжеских предписаний было подавление сопротивление крестьян законному режиму, лишавшему их прав на землю.

Последующая аграрная политика Сигизмунда Августа основывалась на принципах германского права и германских представлениях о рациональной сельскохозяйственной экономике, уже давно популярных в Польше. Сигизмунд Август также прислушивался к советам иностранных специалистов, находившихся у него на службе. Среди них были и итальянцы, которые появились в Вильно вслед за королевой Боной, матерью Сигизмунда Августа. Бона Сфорца была дочерью герцога миланского и испанской принцессы. Знаменитая своей красотой и надменностью, проникнутая духом Ренессанса, она любила искусство и роскошь, но не была лишена и практичности, и деловой хватки. Она ввела новые принципы экономики в обширных владениях, которые ее муж (отец Сигизмунда Августа) даровал ей в честь их свадьбы.[2]

Те аграрные реформы, которые предпринял Сигизмунд Август, отразили дух времени. На его счастье, ему удалось набрать на службу в свою канцелярию ряд выдающихся специалистов в области управления финансами, в том числе нескольких итальянцев, приглашенных ранее королевой Боной. Именно они взяли на себя задачу проведения реформ.[3]

Германское законодательство относительно сельскохозяйственных поселений в Польше в основном опиралось на нормы, установленные при расселении немцев на территории западных славян. Королевские чиновники не имели права вмешиваться в дела немецких колонистов, которые также были освобождены от разнообразных повинностей, обременяющих местных крестьян. Новые поселения были организованы колонистами, владевшими достаточным капиталом и разбиравшимися в сельском хозяйстве. Такой поселенец назывался "*locator*".[4] Он получал от короля грамоту, на основании которой признавался наследственным хозяином нового поселения, свободным от власти местных вельмож.

Германское право предоставляло ему возможность быть судьей и старостой поселения (*schulze*).

Что касается сельскохозяйственных реформ на землях Великого княжества Литовского, принадлежащих короне (т.е. великому князю), то наиболее важной чертой немецких методов ведения хозяйства была *фольварочная* система. В современную эпоху (до Второй мировой войны) понятие *vorwerk* применялось в Восточной Германии по отношению к второстепенному хозяйству (*хутору*) на определенной части земельного владения. В период позднего средневековья он обозначал основное поместье. Размеры подобных хозяйств варьировались от двухсот до тысячи акров и более.

Фольварочная система стала основой аграрной реформы, введенной Сигизмундом Августом 1 апреля 1557 г. Новое земельное установление называлось "Устава на волоки". Размер волоки — земельной меры — был стандартизирован и равнялся 33 *моргам* (1 *морг* = 21 га).[5]

В тех частях государственных владений, где была введена реформа, на всех пахотных землях были проведены землемерные работы, и эти земли были разбиты на квадратные участки, каждый из которых был равен одной волоке. В каждой группе участков лучшие из них оставались для фольварка (т.е. барской запашки). Некоторые из участков были дарованы несущим воинскую службу (каждый получил по две волоки), а большинство — крестьянам. Предполагалось, что большая крестьянская семья имеет право на одну волоку. Если исходить из трехпольной системы сбора урожая, то земля в каждой волоке, или в каждой половине волоки, в том случае, когда на одной волоке было две семьи, делилась на три части. Крестьянский дом и гумна должны были строиться на центральном поле. Небольшие семьи наделялись половиной волоки.

Одной из целей реформы было упразднить путаницу в крестьянской чересполосице, так чтобы каждая семья пользовалась единым земельным наделом.

Реформа, начатая на великокняжеских землях, позднее была продолжена многими дворянами в своих владениях. С географической точки зрения новая земельная реформа распространялась на собственно Литву, Жемайтию, Подляшье, Полесье и Волынь. В меньшей степени реформа коснулась регионов Днепра.

Крестьяне, расселенные на волоках, должны были платить на-

лог, называвшийся *"чинш"*. Сумма чинша и сопутствующих платежей варьировалась, в зависимости от качества почвы, от 66 до 106 грошей с одной волоки. Тяглые крестьяне — те, что обязаны были отрабатывать барщину на фольварке — платили меньшие налоги, но должны были работать два дня в неделю, а вдобавок еще и помогать косить луга и заготавливать сено в сезон сенокоса.

Волочная помера имела далеко идущие последствия. Михаил Грушевский говорит, что ее воистину можно приравнять к экономической революции.[6] Благодаря новой сельскохозяйственной политике великий князь и дворяне существенно увеличили свои доходы с крестьянских хозяйств.

Что же касается крестьян, то для них реформа означала разрушение традиционных форм ведения хозяйства и основных представлений о правах на землю. Она в корне изменила их образ жизни. Создание нового типа поселений имело целью ликвидацию всех прежних форм совладельческих крестьянских объединений. В большинстве случаев крестьяне должны были переезжать из своих деревень на новые участки — волоки, полностью порывая со старыми обычаями и привычным соседским окружением.

Теперь каждый крестьянин был непосредственно подчинен должностному лицу великого князя или вельможи (*войту*), управляющему фольварком. Он, чтобы выжать больше дохода с хозяйств крестьян, мог налагать на них больше обязательств. В конце XVI и начале XVII веков стало обычным требовать с малой крестьянской семьи, поселенной на половине волоки, три дня барщины в неделю. Семьи, владеющие полной волокой, должны были отработать четыре (если имели собственных лошадей) или пять (если лошадей не было) дней в неделю.[7] Крестьянские повинности на землях, не затронутых реформой, особенно в приграничных районах вдоль Днепра к югу от Киева и к востоку от Днепра, на краю Дикого поля, были полегче.[8]

Волочную земельную реформу (*волочную померу*) планировалось проводить поэтапно в течение нескольких лет. Первоначальные цены на землемерные работы и переселение были высоки, и требовалось время для приспособления крестьян к новым условиям. Однако вскоре затраты на реформу себя оправдали. К 1566 г. в великокняжеских владениях в поветах Вильно, Трокая и в земле Жемайтии было нарезано 57 636 волоки (более 1 000 000 гектаров).[9]

Следует заметить, что волочная помера проводилась во время важных изменений в национальной экономике Великого княжества Литовского. Сельское хозяйство было сориентировано на постоянно растущие потребности западных рынков, что стимулировало производство. Основные поставки государственных земель на Запад составляли зерно и древесина. Из Жемайтии эта продукция перевозилась в Ригу и продавалась немецким, голландским, датским и другим западным купцам. Из района Вильно и прилегающих территорий товар переправлялся в Полоцк и другие порты на Западной Двине, а оттуда сплавлялся на кораблях в Ригу.[10] Еще в 1547 г. экспорт древесины стал государственной монополией.[11] Волочные земельные поселения являлись краеугольным камнем аграрной системы в Литве и в значительной части Западной Руси на протяжении следующих трех веков.

II

Вскоре после начала волочной померы начал разрастаться серьезный международный кризис, который сильно ударил по казне и армии великого княжества. Кризис явился результатом столкновения интересов Литвы и Московии в Прибалтике.

В первую половину своего царствования царь Иван IV (1533-1584 гг.) направлял основные усилия на борьбу с татарами. В 1552 г. штурмом была взята Казань и присоединено к Московии Казанское ханство. Два года спустя московскими войсками было захвачено Астраханское ханство, а в 1556 г. территория ханства вошла в состав Московского царства. Можно было ожидать, что следующие действия Москвы будут направлены против Крымского ханства.

В мае 1555 г. крымский хан Давлет-Гирей направил к Ивану IV посланника, выражая свое желание заключить договор о дружбе. На самом деле это был просто дипломатический маневр для того, чтобы скрыть готовящуюся кампанию против Москвы. К июню хан со своей армией приблизился к Туле. Он одержал верх в схватке с русским авангардом, но, узнав, что русским скоро подоспеет сильное подкрепление из Москвы, отступил и поспешил вернуться в Крым.[12]

Разведав подходы к Крыму по реке Днепр, московское правительство решило нанести ответный удар. В марте 1556 г. дьяк Ржевский во главе отряда путивльских казаков подошел к Днепру ниже Черкасс. Староста Канева и Черкасс, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, не дожидаясь разрешения своего сюзерена, великого князя Сигизмунда Августа Литовского, решил поддержать действия москвичей и направил группу черкасских казаков для подкрепления отряда Ржевского. Ржевский спустился вниз по Днепру к Черному морю и напал на Очаков, после чего возвратился в Путивль. Казаки Вишневецкого вернулись в Черкассы.[13]

Воодушевленный успешным нападением на Очаков, Вишневецкий решил построить на одном из островов ниже днепровских порогов (Запорожье) казацкий форт. Такая цитадель была бы превосходной базой для действий против татар и турок. Вишневецкий выбрал для этого остров Хортицу, и там летом 1556 г. была выстроена казацкая крепость. Этим годом датируется первое известное упоминание о Запорожской Сечи (по-украински, Сичь) - так днепровские казаки называли свою крепость.[14] После этого Вишневецкий попросил у Сигизмунда Августа денег и продовольствия, чтобы обеспечить защиту Хортицы от татар, но, не получив помощи, покинул остров и возвратился в Черкассы. Вскоре после этого (в сентябре 1557 г.) он направился в Москву и предложил свои услуги царю. За поддержку Иван IV даровал Вишневецкому город Белев на Верхней Оке. Стратегическое расположение Белева являлось удобной базой для ведения степной кампании в направлении как днепровских, так и донских земель. В январе 1558 г. Вишневецкий с отрядом русских казаков и московских стрельцов был послан к Перекопскому перешейку. Экспедиция ни к чему не привела, и Вишневецкий отправился на Хортицу, где к нему присоединились войска под предводительством дьяка Ржевского. Вдвоем они совершили еще один поход на Перекоп, но их сил для штурма оказалось недостаточно, и они возвратились в район Среднего Днепра. Царь приказал Вишневецкому прибыть в Москву, оставив Ржевского в районе Днепра. По-видимому, лагерь Ржевского находился на Монастырском острове выше порогов.[15]

Должно быть, к этому времени царю стало ясно, что любое нападение на Крым по Днепру требует более тщательной подготовки и хорошо организованной базы в Запорожье. Чтобы избе-

жать каких-либо разногласий с Литвой, ему, прежде чем предпринимать какие-либо действия в днепровских землях, нужно было с ней договориться.

В феврале 1558 г. царь Иван IV послал в Вильно к Сигизмунду Августу "сына боярского" Романа Олферьева с предложением объединиться против крымских татар.[16] Олферьев прибыл в Вильно в мае и был хорошо принят. Однако крупные литовские собственники, несомненно с подозрением относившиеся к связи царя с Вишневецким и к вмешательству Москвы в ливонские дела, не дали никакого определенного ответа. Олферьеву сказали, что вопрос о союзе не может быть сейчас решен, и что король (и великий князь) хотел бы направить своего посланника к царю для дальнейших переговоров.

Литовцы особенно были озабочены ливонской ситуацией, поскольку сами были в нее вовлечены. В 1557 г. Сигизмунд Август вмешался в столкновение между магистром ливонских рыцарей, престарелым Вильгельмом Фюрстенбергом, и архиепископом Риги Вильгельмом. Брат последнего, Альбрехт, герцог Пруссии, был вассалом Польши. И архиепископ и Альбрехт состояли в родстве с Сигизмундом Августом по линии их матери, сестры короля. Сигизмунд повел объединенную польско-литовскую армию в Ливонию. Фюрстенберг запросил мира и согласился заключить военный союз с Польшей и Литвой.[17]

Сближение между Ливонией и Литвой, по всей вероятности, обеспокоило царя, поскольку он имел свои собственные планы на Ливонию. В 1554 г. был заключен договор между Иваном IV, с одной стороны, и магистром ливонских рыцарей, архиепископом Риги и архиепископом Дерпта — с другой. По договору магистр обещал не вступать в союз с королем Польши, а город Дерпт обязывался платить небольшую ежегодную дань Москве на основании более раннего соглашения, заключенного в 1503 г. Договор о союзе между Ливонией и Польшей, подписанный в 1557 г., нарушил условия русско-ливонского соглашения 1554 г. Более того, Дерпт не стал выплачивать Москве оговоренную сумму. Как бы то ни было, в январе 1558 г. московские войска вторглись в Ливонию.

Ливонские дела никак не повлияли на нежелание Сигизмунда Августа заключать союз с Московией против татар, поскольку он

боялся, что крымского хана поддержит оттоманский султан. Однако переговоры с царем продолжались. В июне 1558 г. Сигизмунд Август направил в Москву дипломатическую миссию, которую возглавляли конюший Ян Волчок и секретарь канцелярии Лукаш Харабурда. Встреча результатов не дала, и в декабре того же года к царю было отправлено еще одно литовское посольство, которое прибыло в Москву 3 марта 1559 г. Одним из литовских посланников был Василий Тышкевич, воевода Подляшья; его сопровождали церемониймейстер Николай Пошушенский и секретарь Ян Хайко.

Переговоры зашли в тупик, поскольку литовские послы в качестве необходимого условия договора требовали вывода московских войск из Ливонии, а царь отказывался сделать это.[18] Тем не менее 1 апреля 1559 г. Иван IV через посредничество короля Дании согласился на шестимесячное перемирие с Ливонией, на протяжении которого все военные операции должны были быть прекращены, а каждая из сторон оставалась на позициях, которые занимала ко дню перемирия.

Магистр ливонских рыцарей Кетлер (преемник Фюрстенберга, который ушел со своего поста летом 1558 г.) решил использовать эту передышку для того, чтобы обеспечить себе поддержку Сигизмунда Августа в действиях против Москвы. Первым его шагом было заключение с королем соглашения, согласно которому последний признал Ливонию протекторатом и сохранял традиционный сюзеренитет германского императора над Ливонским орденом.[19] Этот договор был подписан 31 июля.

Вслед за этим Кетлер, согласно русским источникам, немедленно мобилизовал свою армию, готовясь к продолжению войны с Москвой. В конце сентября или начале октября 1559 г. подразделение ливонских войск вторглось на территорию, занятую московскими войсками в районе Юрьева (Дерпта). Это произошло, когда срок истечения шестимесячного перемирия, установленного царем Иваном IV в апреле, еще не окончился (перемирие должно было длиться до 1 ноября).[20] После этого москвичи возобновили военные операции и несколько раз совершали нападения на Ливонию. Сигизмунд Август не посылал никаких войск в помощь Кетлеру, но дважды (в декабре 1559 г. и январе 1560 г.) направлял посланников в Москву, чтобы убе-

дить Ивана IV прекратить войну и заключить мир с Ливонией и Литвой.[21]

Случилось так, что в ноябре 1559 г. супруга Ивана IV, царица Анастасия, очень сильно заболела.[22] Ее здоровье было явно подорвано, и надежд на выздоровление не было. В случае смерти Анастасии Иван IV мог бы жениться вторично, и царь и его советники, вероятно, подумывали о том, чтобы использовать новый брак в дипломатических целях. Действительно, женитьба царя на одной из сестер Сигизмунда Августа могла бы, на что надеялись московские руководители, укрепить московско-литовский союз и обеспечить Москве владычество над Ливонией.

В середине июля 1560 г. в Москве произошел большой пожар. Смертельно больная Анастасия с большими трудностями была вывезена из Москвы в ее деревню Коломенское, около семи верст к югу от города, где она умерла 7 августа. Анастасию очень любили, и множество людей провожали ее в последний путь и оплакивали ее кончину. В летописях записано, что Иван IV глубоко скорбел из-за этой утраты.[23]

Иван IV не позволил своим личным переживаниям отвлечь его от царских обязанностей. Напряженная международная обстановка требовала немедленных действий. К этому времени план царского дипломатического брака, приняв отчетливые очертания в конфиденциальных беседах между царем и его советниками, начал реализовываться.

Первый шаг был предпринят через неделю после смерти Анастасии. 14 августа бояре и митрополит Макарий в сопровождении других русских священнослужителей обратились к царю и стали его убеждать жениться вторично. Царь, как и ожидалось, ответил, что ему хотелось бы обдумать этот вопрос. Два дня спустя он призвал священнослужителей и бояр во дворец и объявил о своем желании взять вторую жену, добавив, что он намеревается выбрать себе в невесты иностранную княжну. Митрополит дал Ивану IV свое благословение, и царь объявил, что ему хотелось бы направить послов для выбора подходящей невесты в три страны: Литву, Швецию и Черкесию.[24]

Представляется, что по политическим мотивам царь оказывал предпочтение литовскому браку. Только в том случае, если бы не удалось жениться на литовской княжне, Иван был готов взять

шведскую или черкесскую невесту. С дипломатической точки зрения объединение со шведским королевским домом могло быть полезным для оказания давления на Литву, а супружеские узы с черкесской княжной помогли бы получить черкесскую поддержку в войнах с крымскими татарами.

В качестве посланника в Литву царь выбрал окольничего Федора Ивановича Сукина. 18 августа Сукин получил соответствующие верительные грамоты и инструкции. Он должен был вести по поводу предполагаемой женитьбы как официальные переговоры, так и конфиденциальные беседы.[25] У Сигизмунда Августа было две незамужних сестры, Анна и Катерина. Согласно царским наставлениям, первым заданием Сукина было осторожно выяснить, которая из двух сестер обладает лучшим характером и большей красотой. Если Анне было больше двадцати пяти лет, то Сукину надлежало пренебречь ею и требовать для царя руки младшей сестры, Катерины. Ему также было велено привезти царю портреты сестер.

Сукин прибыл в Вильно 28 сентября, где он и его спутники были тепло приняты при дворе Сигизмунда Августа. Они передали королю приветствие от Ивана IV, после чего Сигизмунд приказал четырем членам его тайного совета вступить в переговоры. Этими людьми были Валериан, архиепископ Вильно; Николай Янович Радзивилл, по прозвищу "Черный" (по-польски *Czarny*), воевода Вильно; судебный исполнитель Остафий Волович и секретарь Ян Шимков. Переговоры начались с обсуждения вопроса о московско-литовском союзе и, как и в предыдущем случае, литовцы настаивали на выводе московских войск из Ливонии.

Вслед за этим внимание было уделено матримониальным делам. К тому времени Сукин собрал достаточное количество конфиденциальной информации, что позволило ему выбрать в качестве предполагаемой невесты Ивана IV Катерину, и он объявил об этом членам тайного совета. Сначала литовцы ответили, что королю не пристало выдавать замуж младшую сестру прежде старшей, но затем согласились вести переговоры по поводу Катерины. Они настаивали на том, чтобы в случае брака с Иваном IV она оставалась в лоне римско-католической церкви. Кроме того, они подчеркивали необходимость заключения политического союза до бракосочетания.

Сукин просил личной встречи с Катериной, чтобы персональ-

но передать ей приветствие царя. В этом ему отказали, но позволили взглянуть на царственную княжну издалека, когда она будет выходить из собора после воскресной мессы. В то воскресенье после мессы король со своими двумя сестрами стоял некоторое время перед собором. Король беседовал с виленским воеводой. Катерина бросила взгляд на окно того здания, из которого московские послы подсматривали за ней. В своем докладе Сукин отметил: *"И мы не знали, была ли королевна осведомлена о нашем пребывании там, или нет"*.[26]

Сукин вернулся в Москву 10 ноября и привез Ивану IV письмо короля Сигизмунда Августа. Король вновь говорил о том, что препятствием к соглашению является присутствие московских войск в Ливонии. 6 февраля 1561 г. королевские послы Ян Шимков и Ян Хайка прибыли в Москву для продолжения переговоров.[27] Чтобы парировать московские притязания на Ливонию, послы заявили, что король, со своей стороны, мог бы потребовать возвращения Новгорода, Пскова, Смоленска и Северской земли.

Из-за этих взаимных притязаний никакого соглашения не могло быть достигнуто. Царь осознал тщетность дальнейших переговоров с королем и в августе 1561 г. женился на княжне Марии из Черкесии.

В свою очередь, Сигизмунд Август предпринял решительные шаги для того, чтобы обеспечить польско-литовский контроль над Ливонией. В июне 1561 г. его войска вошли в эту страну.[28] В конце того же года ливонский магистр Кетлер, архиепископ Риги и некоторые другие представители Ливонии прибыли в Вильно и выразили свое согласие на то, чтобы Ливония вошла в состав Польши и Литвы. Литва возложила на себя ответственность за оборону Ливонии (по-польски, *Inflanty*). 28 ноября 1561 г. Курляндия стала вассальным герцогством с герцогом Кетлером во главе.[29]

Полномасштабная война Польши и Литвы с Московией стала почти неотвратимой. Под ее угрозой литовское правительство спешно начало укреплять вооруженные силы и финансы великого княжества. В течении 1560-1561 гг. Сигизмунд Август роздал ряд королевских владений князьям и вельможам. Города должны были к 29 июня 1561 г. предоставить великому князю по его требованию большие суммы денег. Тогда же дворянам было приказано немед-

ленно уплатить задолженности по "серебщине" за 1559-1560 гг. Новый сбор "серебщины" был назначен на конец 1561 г. (20 грошей с каждой волоки). Таможенные пошлины сильно возросли.[30] В 1561-1562 гг. литовское правительство, изыскивая новые источники государственного дохода, ввело монополию на соль. Как население королевских владений, так и шляхта со всеми, находящимися у нее в зависимости, должны были платить акциз и налоги на соль.[31] Установление монополий и повышение таможенных пошлин привели к быстрому росту государственного дохода. Цифры, отражающие годовой доход государства в эти годы, определяются лишь частично, но они обнаруживают, что сборы возрастали на протяжении десятилетия с 1558 г. по 1568 г. от 26 % до более чем 500 %.[32]

В расчете на ведение войны в 1563 г. был издан указ, в соответствии с которым землевладельцы должны были вместе с каждыми двумя конниками поставлять одного пехотинца.

III

Даже если бы Великое княжество Литовское мобилизовало все свои военные и финансовые ресурсы, оно вряд ли смогло бы в одиночку противостоять Москве. Поэтому Литва, в этом принимающем угрожающие очертания конфликте, старалась заручиться активной поддержкой Польши.

Хотя у Польши и Литвы был единый монарх в лице Сигизмунда Августа — короля Польши и великого князя Литвы — у каждого из двух государств было свое правительство и администрация, и поляки не были склонны к тому, чтобы поддерживать Литву в войнах, которые она вела, без крайней необходимости.

Более того, эти слабые узы между двумя государствами могли стать в будущем еще более ненадежными, поскольку Сигизмунд Август (родившийся в 1520 г.) не имел детей. В 1543 г. он женился на Елизавете Австрийской, но она внезапно умерла два года спустя. Существовало подозрение, что она была отравлена своей свекровью (матерью Сигизмунда Августа) королевой Боной, которая ревностно относилась к влиянию Елизаветы на сына. Вскоре после этого, несмотря на оппозицию со стороны польского сейма,

Сигизмунд Август тайно женился на красивой литовской вдове Барбаре Гаштовт (Гаштольд) из рода Радзивиллов. Она была сестрой Николая Юрьевича Радзивилла, по прозвищу "Рудый" ("Рыжий"), который был двоюродным братом Николая Черного. Бона ненавидела свою вторую невестку не меньше, чем первую, поссорилась со своим сыном и вернулась обратно в Италию, забрав с собой все свои драгоценности и деньги.

В 1550 г. Сигизмунду Августу удалось устроить коронацию Барбары. Это событие, состоявшееся 9 декабря, вызвало негодование польских сенаторов. По-видимому, королева Бона тоже была возмущена, когда узнала об этом. Однако Барбаре не суждено было долго пользоваться своим новым положением. Она заболела перед коронацией и умерла 8 мая 1551 г. Придворные считали, что у нее была "французская болезнь" (сифилис).[33] Однако ходили слухи, что она была отравлена на пиру агентом Боны. Сама Бона умерла в 1557 г., предположительно будучи отравлена своим собственным врачом.[34]

В 1553 г. Сигизмунд Август женился в третий раз, взяв в качестве невесты Катерину Австрийскую, сестру своей первой жены. Когда он разошелся с ней, больше не оставалось надежды на то, что у него когда-либо будет наследник. В связи с этим как польские, так и литовские государственные деятели были обеспокоены возможным распадом союза между Литвой и Польшей после его смерти. В 1562 г., накануне войны с Москвой, Сигизмунду Августу было всего сорок два года, но из-за распутного образа жизни его здоровье было серьезно подорвано.

Чтобы обеспечить прочность связей между Польшей и Литвой, требовались совместные действия сеймов обеих стран. Необходимость более прочного союза прекрасно осознавалась как поляками, так и литовцами, но подходы у тех и у других к этой проблеме были различными. Польская шляхта настаивала на полном вхождении Великого княжества Литовского в состав Польши. Некоторые польские сенаторы были сторонниками того, чтобы оставить за Литвой определенную автономию; но они вряд ли смогли бы провести в жизнь свои умеренные взгляды.

Литовские вельможи хотели сохранить автономию великого княжества в неприкосновенности и были готовы только к тому, чтобы принять новый закон о престолонаследии, согласно которо-

му каждый новый король должен был бы избираться объединенным сеймом Польши и Литвы. Кроме того, они стремились к постоянному военному союзу с Польшей. Это дало бы шляхте великого княжества политические преимущества перед вельможами.

Таким образом, военный аспект предполагаемого союза между двумя государствами был осложнен политическим соперничеством между аристократией и дворянством.

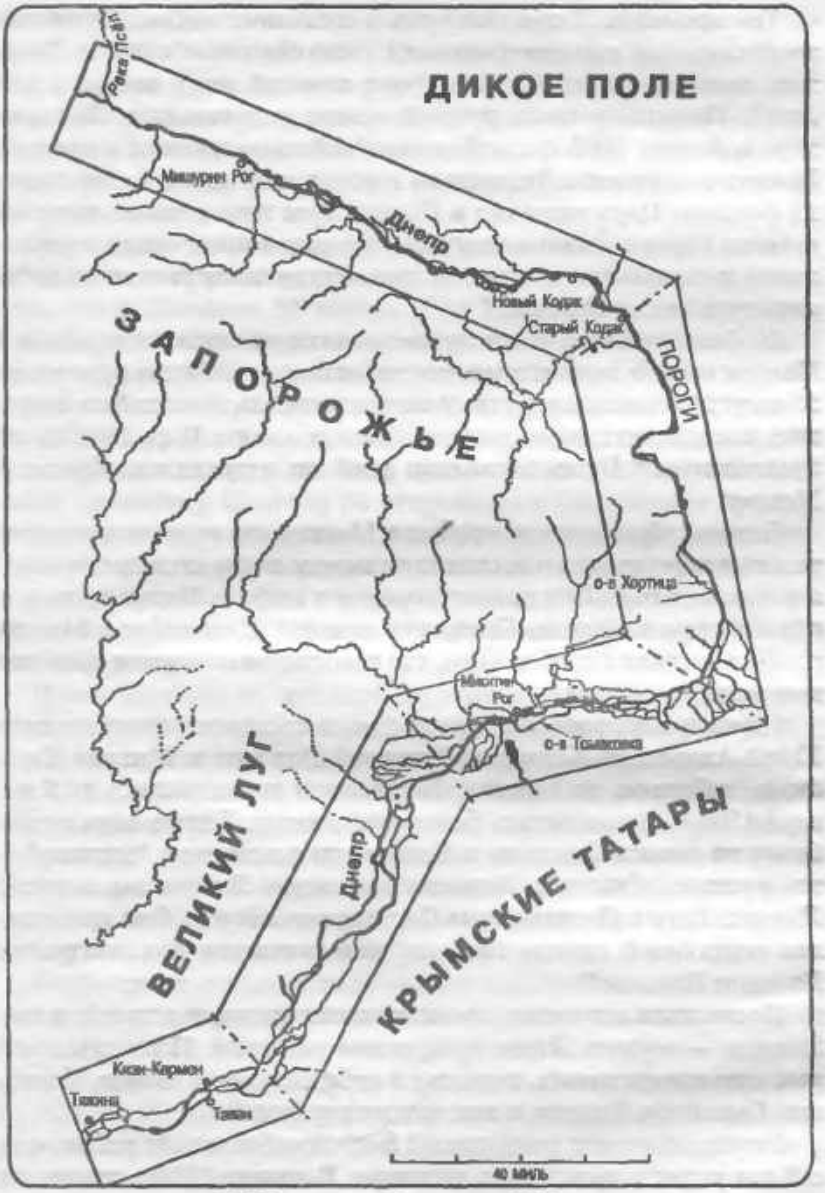
В 1562 г. шляхта Великого княжества Литовского, мобилизованная на войну с Московией и стоявшая лагерем возле Витебска, образовала "конфедерацию" и потребовала немедленного созыва объединенного польско-литовского сейма. Право формировать конфедерацию всей шляхты или ее части практиковалось в Польше в конце XIV и начале XV веков для достижения определенных политических целей. В XVI веке эта практика стала бесполезной, поскольку к тому времени шляхта приобрела контроль над сеймом.[35] Теперь же литовско-русская шляхта возродила этот обычай.

Ее начинание было поддержано польской шляхтой, которая на Петрковском сейме (1562-1563 гг.) добилась решения о созыве польско-литовского сейма в Варшаве 11 ноября 1563 г., чтобы начать переговоры о прочном союзе между Польшей и Литвой. Король согласился с этим требованием и созвал сейм.[36]

К этому времени война с Москвой уже началась. Из-за этого оказалось невозможным полное представительство литовского дворянства на сейме, и на собрании смогла присутствовать только делегация от совета вельмож и посланники шляхты. Поскольку городу Кракову было поручено послать делегата на польский сейм, представитель города Вильно был включен в литовскую делегацию. Фактически, она находилась под контролем вельмож, которые выдвигали свой план союза, согласно которому Литва должна была сохранить свою автономию. Николай Радзивилл Черный был главным представителем литовцев на варшавском сейме.

В польской делегации на сейме, напротив, доминировала шляхта. Поляки требовали полного слияния Литвы с Польшей в единое содружество - *rzeczpospolita*.

Ввиду большого расхождения между польскими и литовскими планами объединения, Варшавский сейм 1563-1564 гг. не смог прийти к какому-либо решению.[37]



7. Излучина Днепра в XVI веке.

Тем временем Литва оказалась в состоянии войны. Литовские военачальники сконцентрировали свои основные силы в Ливонии, ожидая, что именно там будет главный театр военных действий. Поскольку часть русской армии уже стояла в Ливонии, царь в январе 1563 г. с отборными войсками вторгся в пределы Великого княжества Литовского и напал на Полоцк. Город сдался 15 февраля. Царь назначил в Полоцк трех наместников, которым повелел изучить старые полоцкие традиции правосудия и управления и позволить полоцкому дворянству самостоятельно избирать судей в своей земле.[38]

20 февраля посланники литовского совета вельмож прибыли в Полоцк и были приняты московскими боярами. Литва просила до 15 августа перемирия: к этому времени король должен был отправить посольство к царю для переговоров о мире. Царь принял это предложение.[39] Через несколько дней он отправился обратно в Москву.

Литовский посланник прибыл в Москву для ведения предварительных переговоров о соглашении между двумя странами в мае[40], а посланник царя был принят королем в августе. Царь жаловался, что литовцы напали на Северскую землю.[41] В сентябре в Москву прибыл вестник с сообщением, что посольство от короля прибудет в октябре.[42]

5 декабря королевское посольство, в состав которого входили Юрий Андреевич Ходкевич, Григорий Волович и Михаил Харабурда, добралось до Москвы. Переговоры продолжались до 9 января 1564 г., но оказались безрезультатными. Теперь царь потребовал не только Ливонию и Полоцк, но и всю свою "вотчину" — все русские области в Великом княжестве Литовском, а также Львов и Галич. Посланникам Сигизмунда Августа был представлен подробный список городов, находившихся под контролем Литвы и Польши.[43]

После этого литовские послы представили царю встречные требования — вернуть Литве ее прежние владения. Перечень, который они предоставили, включал в себя Новгород, Псков, Чернигов, Смоленск, Полоцк и ряд других городов.[44]

Результатом этих разногласий было возобновление войны, и на сей раз успех сопутствовал литовцам. В январе 1564 г. литовская армия во главе с Николаем Радзивиллом Рудым полностью раз-

громила московские войска, которыми командовал князь Петр Иванович Шуйский, убитый в схватке. Битва состоялась у Чашников на реке Удла, к юго-востоку от Полоцка.[45] Согласно письму кардинала Коммендоне варшавскому кардиналу Борромео, тело Шуйского было привезено в Вильно и похоронено там с большой торжественностью, что вызвало негодование поляков при дворе Сигизмунда Августа.[46]

Еще одним ударом для Москвы стало бегство князя Андрея Михайловича Курбского, перешедшего на сторону польско-литовских сил в Ливонии 30 апреля 1564 г. Курбский (из династии Рюриковичей) был одним из самых талантливых московских полководцев и до 1560 г. одним из советников царя. Из-за разрыва царя с избранной радой, к которой он принадлежал, Курбский, около 1562 г., опасаясь царской немилости, решил использовать традиционное для русских бояр право свободно служить любому князю по выбору. Поэтому он отправился к Сигизмунду Августу.

Измена Курбского усилила подозрительность царя по отношению к боярам. Царь после этого решил обеспечить контроль над страной, учредив особый корпус личной охраны, получившей название *опричнины*. Он объявил о ее образовании 5 января 1565 г. в Александровской слободе.

Примечательно то, что царь не открыл зарубежным державам подлинного назначения нового учреждения. Когда в апреле 1566 г. ожидался приезд литовского посланника, московские должностные лица, назначенные его встречать, получили от царя следующее указание: *"А если он (посланник) спросит вас: "Что такое опричнина?" — вы должны ответить, что такого заведения нет. Царь живет в своем дворце; те дворяне, что верно служат своему государю, живут рядом с ним... Разве не волен царь строить свой дворец там, где он пожелает?"*.[47]

Несмотря на попытки царя скрыть действительное положение дел в Московии, литовские вельможи вскоре оказались в курсе его конфликта с боярами — по той простой причине, что царские приближенные потянулись из Москвы в Литву еще до бегства Курбского. Андрею Клобукову, царскому посланнику, направленному к королю в июле 1563 г., были даны указания навести в Вильно конфиденциальные справки о двух князьях Черкасских — Алексее и Гавриле — которые недавно перешли на сторону коро-

ля.[48] В 1561 г. князь Дмитрий Вишневецкий письменно попросил у Сигизмунда Августа разрешения вернуться в великое княжество. Разрешение было даровано, и Вишневецкий вернулся на следующий год.[49] Вышеупомянутый Андрей Клобуков получил четкие указания о том, что отвечать в том случае, если литовцы спросят его, почему Вишневецкий покинул царя. Если такой вопрос будет задан, Клобуков должен сказать: *"Вишневецкий пришел к нашему государю, как собака, и сбежал от него, как собака"*.[50] Однако ему такого вопроса не задали.

Литовское правительство незамедлительно попыталось воспользоваться раздорами в Московии и привлечь в Литву по возможности больше недовольных бояр. Таким образом, говоря на современном языке, литовские вельможи прибегли к созданию в Московии так называемой "пятой колонны", подразумевающей ведение наряду с военными действиями прикрытой пропагандистской войны.

В 1562 г. старший московский боярин князь Иван Дмитриевич Бельский получил от Сигизмунда Августа тайное послание, в котором король подбивал его на измену. Об этой переписке стало известно Ивану IV, и Бельского схватили, но позднее, после того, как он подписал особую клятву верности, простили.[51]

Курбский перед своим бегством тоже получил тайное послание от Сигизмунда Августа и Николая Радзивилла Рудого, приглашавших его приехать в Литву и обещавших ему там приличное содержание.[52] Такая политика вельмож показала себя плодотворной и продолжалась после истории с Курбским. В 1567 г. тайные послания от Сигизмунда Августа и Григория Александровича Ходкевича с приглашением в Литву получили четверо видных московских бояр — вышеупомянутый князь Бельский, князь Иван Федорович Мстиславский, князь Михаил Иванович Воротынский и Иван Петрович Федоров-Челяднин. Каждый из этих бояр немедленно доложил об этом царю. Иван IV приказал им направить обратно саркастические и оскорбительные ответы и лично сам набросал черновики их писем.[53] Поступая таким образом, царь добивался двух целей: нанести оскорбление Сигизмунду Августу и Григорию Ходкевичу и отбить у литовских лидеров охоту писать московским боярам.

Пытаясь переманить московских бояр в Литву, литовские вель-

можи готовы были должным образом вознаграждать перебежчиков и относиться к ним с почетом. Князю Бельскому были обещаны должности и земельные владения в 1562 г. и снова в 1567 г., как и трем остальным боярам. Возможно, пышное и официальное погребение князя П.И. Шуйского в Вильно в 1564 г. было частью все той же политики. Конечно, такая честь могла явиться и просто проявлением благородства вельмож и выражения ими признания московских бояр равными себе.

Возвращаясь к Курбскому, отметим, что он бежал в Литву не один, а во главе нескольких сотен подданных. Он был хорошо принят Сигизмундом Августом, поскольку мог дать ценные советы о том, как лучше воевать с Москвой.[54] Курбский выразил желание лично принять участие в этой войне и набрать 200 всадников из своих последователей. За это Сигизмунд Август заплатил ему 200 000 грошей. После этого Курбский был назначен одним из трех командиров авангарда литовской армии в осенней полоцкой кампании 1564 г. Главнокомандующим армии был Николай Радзивилл Рудый.[55]

Полоцк успешно отстаивал прежний соратник Курбского, князь Петр Михайлович Щенятев, литовец по происхождению. Такова была ирония судьбы: Гедиминович защищал Московию, а Рюрикович служил Литве. Литовская армия подошла к Полоцку 16 сентября, но не смогла штурмовать его и 4 октября отступила. Крымский хан, которого Сигизмунд Август убедил подкрепить литовский натиск на западе своим одновременным нападением на Москву с юга, некоторое время спустя после отступления литовцев от Полоцка дошел до Рязани. Татары разорили земли вокруг Рязани, но когда хан получил известия, что Иван IV собирается послать против него войска, то тоже отступил.[56] Совместная литовско-татарская кампания провалилась.

Во время следующей зимы Курбский был одним из командиров литовских войск, посланных в 1565 г. на Великие Луки, прежде относившиеся к Новгородской земле. Этот рейд оказался бесполезным со стратегической точки зрения, его единственным результатом было разорение этого региона. Многие русские деревни и по меньшей мере один монастырь были разграблены и сожжены. В письме Курбскому из Вольмара в Ливонии, написанном значительно позже (около 1577 г.), царь Иван IV обвинял

Курбского в сожжении и осквернении многих церквей и святых мест.[57] В своем ответе царю Курбский заявлял, что во время набега на Великие Луки он особенно заботился о том, чтобы предотвратить сожжение монастырей воинами литовской армии, что единственная церковь с монастырем была сожжена воинами-мусульманами (литовскими татарами), и что это произошло в его отсутствие.[58]

Характерно, что ни царь, ни Курбский не упоминают о сожжении деревень: каждая воюющая сторона считала это нормальным. В случае с Курбским следует только указать, что крестьяне, чьи деревни сжигали его воины, были его соотечественниками.

Король Сигизмунд Август, удовлетворенный военной доблестью Курбского, наградил его должностью "старосты" Крево и даровал ему в полное владение земельные угодья в Литве и на Волыни, в том числе богатый город Ковель. Хорошо обосновавшись, Курбский начал в Западной Руси новую жизнь.

Война, по существу, зашла в тупик. Дипломатические переговоры между Москвой и Литвой продолжались, но не приносили мира, поскольку ни одна из сторон не хотела отказаться от своих притязаний. В 1566 г. царь созвал в Москве земский собор, чтобы решить дилемму: либо оставить Ливонию, либо возобновить войну. Собор проголосовал за продолжение войны.

Одновременно в Вильно собрался литовский сейм (1565-1566 гг.). На этом сейме привилегии и политические права шляхты Великого княжества Литовского были наконец полностью признаны. Затем эти права были утверждены Вторым Литовским Статутом 1566 г.

В то же время снова стал обсуждаться вопрос о союзе между Польшей и Литвой. Шляхта из русских областей великого княжества (из Подляшья и Волыни) всецело поддерживала союз. Необходимость этого союза они объясняли тем, что, поскольку их земли находятся на границе с Польшей, они постоянно страдают от вторжений польских землевладельцев, а правительство великого княжества не в состоянии им помочь. Они верили, что если союз станет реальностью, польское правительство защитит их лучше.

В результате совещаний на сейме Сигизмунд Август согласился как можно скорее созвать совместный польско-литовский сейм,

чтобы вынести решение о союзе с Польшей. Этот судьбоносный сейм собрался в Люблине.

2. Люблинская уния 1569 г.

21 декабря 1568 г. Сигизмунд Август выдал литовским представителям указание касательно плана работы совместного польско-литовского сейма. Заседания сейма начались в январе 1569 г.[59]

В начале первого совместного заседания посланники польской шляхты потребовали, чтобы во всех дискуссиях участвовали обе стороны, и никто не проводил отдельных совещаний. Поляки на опыте прежних сеймов опасались, что литовские вельможи, собираясь отдельно, смогут подавить оппозицию со стороны своей шляхты. Литовцы отказались принять польское требование, и на первом своем самостоятельном собрании попытались сформулировать свой план унии. Как того и опасались посланники польской шляхты, окончательным вариантом литовской программы стала программа вельмож. В итоге каждая из двух сторон — поляки и литовцы — представляла на рассмотрение совместных заседаний свой собственный проект унии, и существенные расхождения обеих сторон в отношении характера унии приводили в тупик.

Поляки настаивали на полном включении Великого княжества Литовского в состав Польши. Даже само название Литва должно было быть исключено, и у монарха должен был быть единственный титул — "король Польши".

Литовцы, наоборот, предлагали тесную федерацию Польши и Литвы. Общего правителя должен выбирать совместный сейм, который следует проводить на границе между двумя странами, и в Кракове монарха будут короновать королем Польши, а в Вильно — великим князем литовским. Для решения вопросов внешней политики, войны, и других важных дел, касающихся интересов обеих стран, должен будет собираться по очереди то в Польше, то в Литве совместный польско-литовский сейм. Местные дела каждого из государств должны будут обсуждаться отдельно на польских и литовских сеймах. Литва сохранит свои собственные законы и систему правосудия. Только коренные жители великого княжества смогут быть назначены на официальные должности в вели-

кокняжеском правительстве и администрации. Однако полякам и литовцам будет позволено покупать земельные угодья в другой стране-участнице договора.

Литовский план вызвал у польских депутатов негодование. Поляки доказывали, что во времена первой унии между двумя государствами, принятой в 1385 г., Литва входила в состав Польши, и что последующие изменения статуса унии и уступки Литве не отменили основного принципа этой унии. Польский подход к проблеме, таким образом, был скорее юридическим, нежели практическим. Польский делегат Иероним Оссолинский заявил, что "*уния Великого княжества Литовского (с Польшей) была установлена и скреплена клятвой давным-давно. Польские короли на этом основании правили Литвой и даровали ей различные свободы. Нам остается только внести такие коррективы (в детали договора об унии), которые представляются необходимыми, а затем провести в жизнь все положения прежней унии*".[60]

Двумя главными ораторами от литовской делегации были воевода Вильно Николай Радзивилл Рудый[61] и судебный исполнитель Ян Иеронимович Ходкевич. Во время совещания между польскими сенаторами и литовскими членами совета вельмож Ходкевич сказал, что "*наши народы (т.е. литовцы и русские) и мы (т.е. члены совета вельмож) — честные и достойные люди, а что касается наших свобод, то мы равны любому другому народу, включая и вас, господа поляки. Нам бы не хотелось заключать унию, прежде чем мы установим добрый порядок в нашем содружестве и покажем вам, что вы заключаете союз с друзьями, равными вам по достоинствам и внутреннему устройству. В первую очередь, мы должны решить этот вопрос с нашим собственным государем (т.е. Сигизмундом Августом, как великим князем литовским). Только после этого мы будем рады обсудить унию с вами. Король (т.е. Сигизмунд Август, как король Польши) ничего в вопросе об унии не решает. Это исключительно наше дело, поскольку мы свободные люди и христиане. Никто не может вести наших дел, кроме нас самих, как это делали наши предки*".

Николай Радзивилл, отвечая Оссолинскому, прибавил и замечание исторического характера: "*Ваша честь, вы сказали, что польские короли долгое время правили Литвой. Я не думаю, что уже отпет реквием по усопшему великому князю литовскому*[62] *или*

что Литва получила свободы только тогда, когда король Польши начал править ею".[63]

Защита литовской автономии Ходкевичем и Радзивиллом сильно разгневала поляков. Как отмечает автор "Дневника" сейма, *"такие беседы приносили больше взаимного раздражения, чем результатов".*

Положение литовцев действительно было серьезным, поскольку большинство поляков не желало идти на какие-либо уступки, а сложная военная и дипломатическая ситуация диктовала необходимость немедленного соглашения с ними. 29 января Николай Радзивилл сказал с горечью: *"Когда мы уезжали на сейм, враг (т.е. московиты) был у нас за спиной. Мы мечтали о том, что уния с вами будет скреплена взаимной любовью. Мы почти бежали сюда, чтобы заключить ее, в то время как наши праотцы в таких же случаях обычно ходили медленно".*[64]

В феврале, чтобы выйти из тупика, король приказал литовцам прекратить их сепаратные совещания и провести общее заседание с поляками. Вместо того, чтобы подчиниться приказу, литовские вельможи решили бойкотировать дальнейшие собрания. Один за другим они начали уезжать домой. Большинство делегатов от литовской шляхты последовало за ними. К 1 марта на сейме остались одни поляки.

Вскоре выяснилось, что литовцы недооценили возникшую ситуацию. Поляки были полны решимости и так просто дела оставлять не собирались. Кроме того, что было более существенно, готовность отделиться от великого княжества выразила русская (украинская) шляхта Волыни и Подляшья.

Возможно, что в то время как все еще шли заседания сейма, между поляками и посланниками от украинской шляхты из этих двух областей велись тайные дружеские переговоры.[65] Во всяком случае, поляки были хорошо осведомлены о теплом отношении к унии делегатов Волыни и Подляшья и решили воспользоваться этим.

5 марта Сигизмунд Август выпустил Эдикт о "возвращении" Польше Волыни и Подляшья и немедленном включении этих двух областей в состав Польши.[66] Через три дня он отдал приказ вельможам и посланникам шляхты Волыни и Подляшья 27 марта явиться на сейм и присягнуть на верность польской короне.[67]

Первой реакцией литовцев было желание оказать королю вооруженное сопротивление. В Подляшье и Волынь советом вельмож были разосланы приказы о мобилизации на войну с Польшей.[68] Поляки также собрались объявить военный сбор. Однако вскоре литовцы поняли, что их сил недостаточно, особенно после того, как шляхта тех двух областей, которые у них были отняты, отказалась сотрудничать с ними.

Утрата Волыни и Подляшья стала для Литвы суровым ударом, лишившим великое княжество значительной части его военных и финансовых ресурсов. Более того, многие литовские вельможи владели в тех областях земельными угодьями и занимали там административные должности. От них незамедлительно потребовали принести клятву верности Польше на основании указа Сигизмунда Августа от 8 марта.

Наиболее показательным примером противоречия указа Сигизмунда желаниям литовских вельмож был случай с Остафием Воловичем, помощником канцлера великого княжества. Когда литовцы в феврале покинули сейм, они оставили Воловича и помощника казначея великого княжества Николая Нарушевича в Вильно в качестве наблюдателей. Волович не владел наследственными поместьями в Подляшье, но ему было даровано там три бенефиция в качестве награды за его заслуги перед великим княжеством. Сразу же после указа от 8 марта король приказал Воловичу принести присягу верности Польше. Волович умолял короля "*открыть свое второе ухо*" (т.е. выступить в качестве великого князя литовского) и позволить ему (Воловичу) посоветоваться с другими литовскими вельможами. Сигизмунд остался глух к его просьбам, и Волович отказался принести присягу, за что был наказан конфискацией его бенефициев в Подляшье.[69]

Литовские вельможи решили сделать последнюю попытку защитить права великого княжества. 5 апреля польский сенат принял особую литовскую делегацию, состоявшую из Яна Ходкевича, Остафия Воловича и еще трех вельмож. Они выступили с протестом против решения короля присоединить к Польше Подляшье и Волынь и потребовали нового избрания депутатов и всестороннего обсуждения этой проблемы другим сеймом. Поляков не устраивали срочные выборы и возобновление заседаний сейма к 29 мая, но, хотя и неохотно, они согласились, потребовав "возвращения"

Польше еще двух областей - Киева и Браслава. 6 июня Сигизмунд Август издал указ о возвращении Киевской земли и включении ее в состав Польши.[70] Что касается Браслава, король решил, что специально предпринимать что-либо не имеет смысла, поскольку раньше Браслав был частью Волыни и его включение в состав Польши являлось всего лишь делом административного порядка. 16 июня шляхта из Браславской и Винницкой земель дали присягу верности польской короне.[71]

К 6 июня, когда литовские вельможи и посланники шляхты вернулись на сейм, Великое княжество Литовское уже лишилось всех своих украинских владений — то есть, примерно трети своего населения. Дальнейшее сопротивление Польше было невозможно. Представ перед сеймом, Ходкевич слезно просил о возвращении Литве незаконно отобранных областей и настаивал на некоторых изменениях в пользу Литвы в польском проекте договора; но дело великого княжества было проиграно. Отчаяние литовских вельмож в полной мере проявляется в письме Николая Радзивилла Нарушевичу, в котором автор горько сожалеет о *"похоронах и уничтожении навсегда ранее свободного и независимого государства, известного как Великое княжество Литовское"*.[72]

1 июля 1569 г. договор об унии был подписан как поляками, так и литовцами. 4 июля Сигизмунд Август утвердил его.[73]

В своей основе договор представлял собой польский план унии. Пожелания литовцев были приняты в расчет только в некоторых деталях. Основные принципы были следующими:

1. Польша и Литва должны были составить единое содружество (*res publica*), единое государство (*unum regnum*), единый народ (*unus populus*).

2. Они должны иметь единого суверена, с титулом "король Польский, Великий князь Литовский".

3. Суверен должен избираться сенатом и шляхтой объединенного народа.

4. Избирательный сейм должен будет собираться в Польше, а не в Литве.

5. Вновь избранный король, после того как примет корону, должен дать клятву защищать свободы обоих народов.

6. Король должен быть коронован в Кракове. Отдельной церемонии посажения на великое княжение литовское не будет.

7. Будет существовать лишь один сенат и один сейм; и тот и другой будут установлениями польской короны (*"коронными"*).

8. Внешняя политика будет одной и той же для обоих народов.

9. Земельные угодья могут приобретаться поляками в Литве и литовцами в Польше.[74]

Легче было провозгласить эти принципы, чем воплотить их в реальную действительность. Полностью Литва в состав Польши так и не вошла и сохранила свою автономию даже после Люблинской унии.

Показательно, что противоречия в этом отношении были в самом тексте договора. Хотя слияние двух народов — поляков и литовцев и было провозглашено, в договоре все-таки упоминались "два народа", пусть и объединенные. Все еще продолжал использоваться титул "Великий князь Литовский". Все должности в правительстве и высшей администрации великого княжества остались нетронутыми. Великое княжество все еще сохраняло свой государственный герб. Литве было позволено пользоваться ее собственным сводом законов (статутом), хотя ей и были даны указания пересмотреть его для координации с польским законодательством.[75]

Примечательно также, что на сейме было решено определить статус Ливонии, как включенной и в Польшу и в Литву. Такое решение тоже подразумевало существование двух разных государств, хотя и объединенных.

В дальнейшем развитии взаимоотношений между Польшей и Литвой автономия последней подтверждалась часто и во многих аспектах.[76] Договор об унии, как уже было сказано, запрещал дальнейшую деятельность литовского сейма. Фактически же, это учреждение было возрождено в качестве предварительного совещания литовских депутатов перед поездкой на совместный сейм в Польше. Это совещание называлось *"Головной Сейм"* великого княжества. Сейм принял характер конгресса польской и литовской делегаций, на котором должны были улаживаться их разногласия. Во многих случаях литовцы выражали свои "протесты" сейму. Автономный статус Великого княжества Литовского явно ощущался во время междуцарствия, когда литовский Головной Сейм фактически управлял страной.

Хотя, согласно Люблинской Унии, литовский свод законов должен был быть пересмотрен для того, чтобы приспособить литовс-

кие законы к польским, эта ревизия была проведена в Литве литовско-русскими юристами и продолжала традиции первых двух статутов. Новый статут — третий — был одобрен королем Сигизмундом III в 1588 г. Характерно, что существование унии даже не было упомянуто в Третьем Статуте. Как и первые два, Третий Статут был написан по-русски (по-западнорусски). Впервые его напечатали в Вильно сразу же после принятия.[77]

В своем предисловии к первому изданию Третьего Статута его издатель, Лев Сапега, писал: "*Из всех народов нам было бы особенно стыдно не знать своих законов, поскольку они написаны нами на нашем собственном, а не на иностранном языке*".[78]

Русский язык оставался официальным языком правительства, администрации и законотворчества Великого княжества Литовского на протяжении более чем столетия после Люблинской унии. Только в 1697 г. литовское правительство повелело заменить в официальных документах русский язык на польский.[79]

Даже после совершенной полонизации в конце XVII века Литва сохраняла свою автономию еще на протяжении почти столетия. Лишь в соответствии с положениями польской конституции от 3 мая 1791 г. остатки литовской конституции были аннулированы, и полное вхождение Литвы в состав Польши состоялось окончательно.[80] Однако это произошло накануне падения самой Польши. Оба народа пережили свое возрождение после первой мировой войны в качестве двух отдельных государств.

Хотя Литва и оставалась автономной после Люблинской унии, ее мощь значительно ослабла из-за присоединения к Польше украинских областей великого княжества. Последнее сохранило за собой только белорусские земли.

Что касается взаимоотношений между социальными группами в Литве, то привилегированное положение вельмож в значительной степени поколебалось. Теперь в политическом отношении на передний план выдвинулась шляхта, и совет вельмож вынужден был с этим смириться.

Но, как это ни странно, главный удар был нанесен унией по русским. До нее только Галиция и часть Подолии находились под непосредственным господством Польши. Теперь вся Западная Русь была разделена на две части, одна из которых оставалась присоединенной к Литве, а другая находилась под властью Польши. Бе-

лоруссия и Украина в политическом отношении были отделены друг от друга.

Постепенно полякам удалось распространить свое влияние на основную часть украинского дворянства, но они не смогли добиться того же с украинскими казаками и крестьянами. Вскоре стало очевидным, что в Люблине Польша "проглотила" больше, чем она могла "переварить".

3. Рост влияния украинских казаков

Казачество как социальное явление возникло в ситуации сложной пограничной жизни между лесами и степями, между славянскими государствами на севере и татарскими ханствами на юге.[81] Казачество было порождением *"украины"* в первоначальном значении слова, т.е. "окраины", "пограничной земли". Именно от этого слова произошло название Украины со всеми этническими и политическими оттенками.

По южной границе Московского государства тянулась полоса, состоявшая из цепи "украин". Можно говорить о Рязанской украине, Тульской украине, Путивльской и Северской украине (Северская земля в этническом отношении была украинской землей). Западнее название "украина" применялось по отношению к южным пограничным землям Великого княжества Литовского, присоединенных к Польше в 1569 г. Украиной также назывались земли к югу от Киева и Подолия, и эта область стала ядром собственно Украины в национальном и политическом смысле.

Жители пограничных земель назывались казаками. Название *"казак"* (возможно написание *"козак"*) использовалось как русскими, так и татарами. В тюркских диалектах XV и XVI веков "казак" обозначало "свободный человек", "вольнонаемный воин", "искатель приключений".

Это слово происходит от этнического названия *Каз*, древнего северокавказского народа, известного сейчас как адыгейцы или черкесы. Последнее название в первоначальной форме звучало как Чахар-Каз, что значит "четыре клана Каз". В русском языке, начиная с XV века, это название употреблялось в форме "черкасы".[82] Это название появляется в Codex Cumanicus в форме *cosac*[83] (на-

писан около 1294 г.). Сугдейский Synaxarion XII века содержит дополнительную запись, датированную 17 мая 1308 г., о молодом христианине, убитом казацким мечом.[84] По моему мнению, здесь опять имеются в виду *касоги* (черкесы).

В московских документах XVI и XVII веков черкасами назывались как черкесы, так и украинские казаки. Что касается последних, то это название шло, по-видимому, от города Черкассы на реке Днепр к югу от Киева, а тот, в свою очередь, был одним из центров днепровско-казацкого региона. Вероятно, город Черкассы был первоначально черкесским поселением.[85] Следует принять во внимание образование подобным же способом названия города Яссы (по-румынски, *Jasi*), старой столицы Молдавии, который был первоначально основан *аланами*. По-древнерусски "*ясы*" значило "*аланы*".[86]

Черкесское поселение в районе Черкасс, вероятно, было основано в XI веке, если не раньше. В то время у князя Мстислава Черниговского и Тмутараканского была личная охрана из черкесов.[87] Вероятно, новые черкесские поселенцы были приведены в этот район монгольским ханом Ногаем в конце XIII века.[88] Именно в район Черкасс бежал от гнева своего брата Махмудека в конце 1445 г. царевич Касим (позднее, первый хан Касимова), и именно из Черкасс он пришел на помощь великому князю Василию II в конце 1446 г.[89]

В источниках, относящихся к концу XV века, упоминаются как русские, так и татарские казаки. Во многих случаях татарские казаки воевали с русскими или грабили русские торговые караваны. Однако как московское, так и литовское правительства понимали выгоды использования этих татарских казаков для укрепления их армий. Следует вспомнить, что татарские вспомогательные войска были расселены в Литве в конце XIV века и XV веке, и что одна из их групп называлась "татарскими казаками". Московское правительство также использовало татарские вспомогательные войска. Такая практика получила развитие в период правления Василия II и продолжалась в дальнейшем.[90]

Одновременно с выдвижением татарских казаков появилось несколько групп русских казаков. Первое упоминание о них в летописях относится к 1444 г. и касается Рязанской украины.[91]

Помимо приграничных — "*внешних казаков*" — как в Восточ-

р. Псёл
Ворскла
Днепр
Новый Кайдак
Старый Кайдак

Старо-кайдакский порог
Лоханский порог
Звонецкий порог
порог Ненасытец
Будиловский порог
Вильный порог
Днепр
Хортица о-в

8. Днепр: острова, укрепления и пороги, XVI век.

ной, так и в Западной Руси были казаки иного типа, которых мы можем обозначить как "*внутренние казаки*". Применительно к ним название "казак" использовалось не в военном смысле, а для обозначения социальной категории. Таким образом, казак (или козак) был свободным человеком, не обремененным налогами и другими обязательствами по отношению к государству. Казак не был тяглым. Он мог быть земледельцем, погонщиком, матросом на торговом речном корабле или членом *ватаги* - объединенной компании для рыбной ловли или охоты.[92] На севере России еще в XIX веке казаком называли круглогодично работающего мастерового или земледельца.[93]

Когда община "внешних казаков" в Южной Руси и Южной Украине начала расти, многие "внутренние казаки" присоединились к ним. Таким образом, увеличение численности "внешних казаков" в приграничных регионах некоторым образом зависело от притока "внутренних казаков".

Как в Московии, так и в Польше подъем приграничных казаков был тесно связан с сельскохозяйственной славянской колонизацией зоны степей. Несмотря на постоянную опасность татарских набегов, новые земли на юге привлекали население природными богатствами — черноземом, обилием рыбы и зверя — и климатом, который был мягче, чем на севере. Кроме того, крестьяне в приграничных регионах не были так сильно отягощены налогами и обязательствами, как на севере.

В 1590 г. польский автор с восхищением описывал Украину: "*Богатейшая часть Польского государства. Ее поля столь же блаженны, что и Елисейские... Здесь так много скота, дикого зверя и различных птиц, что можно подумать: она - место рождения Дианы и Цереры. На украинских пасеках делается так много меда, что забываешь сицилийскую Гелу и аттический Гиметт... Трудно сосчитать украинские озера, изобилующие рыбой. Короче говоря, Украина подобна той земле, которую Господь обетовал евреям, земле, по которой текут молоко и мед*".[94]

Казаки в Западной и Восточной Руси были первыми славянами, переселявшимися в степные земли. Обычно они передвигались по рекам, и их первые поселения располагались на речных берегах и островах. В Киевской Украине наиболее удобным путем был Днепр. В Подолии - Южный Буг и Днестр. Казацкие перво-

проходцы вначале вели натуральное хозяйство и занимались рыбной ловлей, охотой, пчеловодством. Они образовывали ватаги, обычно в апреле отправлялись вниз по реке и в октябре возвращались с добычей. Каждая ватага метила свою территорию на речном берегу, и каждая группа должна была быть хорошо оснащенной для выполнения своей работы. Ватаге нужно было подготовить лодки, рыболовные неводы и сети, снасти, разнообразные емкости для засолки и копчения большого количества рыбы. Соль нужно было покупать заранее. Во многих случаях ватага, перед тем как вернуться домой, строила там, где промышляла, амбар, в котором зимой хранилось снаряжение. Несколько человек оставляли охранять имущество. Такие зимние жилища (*зимовники*) со временем стали типичным явлением.

Снаряжение большой ватаги требовало затраты значительных средств. Те члены ватаги, которые и трудились и вкладывали в общее дело свои деньги, становились руководителями и получали большую долю дохода. Таким образом возникало разделение на "владельцев" и работников;[95] которое со временем определило и неравенство между двумя слоями казацких военных общин — офицерами (старшинами) и рядовыми.

Одним из самых ранних документов, в котором упоминается рыболовный промысел днепровских казаков, является Киевский городской статут 1499 г., в котором устанавливается сумма таможенной пошлины на рыбу, продаваемую казаками в Киеве.[96]

В глухих степных поселениях к рыбной ловле вскоре добавилось скотоводство, а затем и земледелие. Колонизацию Южной Украины в XVI веке можно охарактеризовать следующими тремя этапами: хаотическим движением на юг казаков и крестьян, привлеченных сказочными богатствами этой страны; размещением на этих землях дворянских угодий и переселением туда крестьян с арендаторами; и учреждением в приграничных областях новых пунктов государственной администрации, берущей на себя заботу о защите южных границ от татар.

Казаки принимали активное участие в этой колонизации; более того, к концу XVI века им удалось организовать собственную военную общину еще южнее, за пределами территории оседлой сельскохозяйственной жизни.[97]

Вельможи и мелкопоместное дворянство охотно приобретали

земельные угодья в новом регионе. Когда это было необходимо, они подкрепляли свои права, заручившись особой грамотой великого князя. После Люблинской Унии польские дворяне расширили свои владения до Украины. Но еще до 1569 г. некоторые из польских дворян, связанных с польской Подолией, например Ланцкоронские, принимали участие в казацких делах.

Приобретая земли на Украине, дворяне стремились занять должности в местной администрации, что возлагало на них ответственность за защиту Украины от татар. Великий князь не помогал им финансами, лишь направлял в эти районы небольшие отряды военных. Дворяне, входившие в администрацию, должны были для строительства крепостей и содержания вооруженного ополчения использовать доходы от местных налогов и поместий. Казаки вполне подходили для такого ополчения, и "*старосты*" (*наместники*) украинских земель стали формировать из них вооруженные отряды.

Одним из наиболее выдающихся деятелей Южной Украины был князь Богдан Федорович Глинский, староста Черкасс. В 1493 г. он с отрядом казаков совершил набег на турецкую крепость Очаков.[98] Позднее предводителем приграничных казаков был Остафий Дашкевич, потомок киевских бояр. В 1503 г. он бежал в Москву от опалы великого князя Александра и поступил на службу к Ивану III. В 1508 г. сын и наследник Ивана III, Василий III, послал Дашкевича в Литву на помощь князю Михаилу Львовичу Глинскому, выступившему против великого князя литовского. После поражения Глинского Дашкевич перешел на сторону литовцев. В 1514 г. он был назначен наместником Черкасс и занимал эту должность вплоть до своей смерти в 1535 г. Чтобы отражать набеги татар, Дашкевич собрал казачье войско, которое иногда участвовало и в военных действиях против Московии. В 1515 г. он присоединился к походу крымского хана на Москву, взяв на себя взятие Чернигова и Новгорода-Северского. Однако это ему не удалось.[99] Дашкевич поддерживал хана и в 1521 г. Среди наместников польской Подолии, которые в тот период организовывали казаков для защиты Украины, были Предслав Ланцкоронский, наместник Хмельника, и Бернат Претвич, наместник Бара. И литовское и польское правительства, желая использовать казаков как пограничные вооруженные силы, не позволяли создавать им соб-

ственную независимую организацию. Но отказывая казакам в этом, трудно было сделать из них постоянную военную силу.

Первым западнорусским вельможей, который не только расценивал казаков в качестве потенциальной военной машины на службе у литовского правительства, но и увидел в них независимую социальную группу, был наместник Черкасс князь Дмитрий Иванович Вишневецкий. Более того, он сам считал себя казаком и хотел стать их предводителем. Это дает нам ключ к пониманию характера его авантюрных и трудно поддающихся объяснению поступков. Вишневецкий был назначен наместником Черкасс в 1551 г. Через два года он направился в Константинополь и предложил свои услуги султану. О мотивах этого шага можно только догадываться. Грушевский думает, что Вишневецкий пытался найти у султана защиту от крымских татар.[100] Если это так, то он, должно быть, вскоре разочаровался, потому что в 1554 г. вернулся в Черкассы. Как уже было сказано, Вишневецкий сотрудничал с Москвой на протяжении пяти лет (1556-1561 гг.), а затем вновь вернулся в Черкассы. Но ненадолго: в 1562 г. он отправился в Молдавию и вмешался в борьбу между двумя соперничающими претендентами на молдавский трон. Группа молдаван предложила стать господарем самому Вишневецкому, но те, кто его поддерживал, вскоре потерпели поражение. Вишневецкий был взят в плен и отправлен в Константинополь, где в 1563 г. был казнен.

Из этого краткого очерка его карьеры может показаться, что он был политическим авантюристом, свободно менявшим господ. Однако во всех его действиях ясно различим один мотив: организовать казаков для борьбы против татар и турок (он понимал, что их следует рассматривать как единое целое).[101] Он сотрудничал с Москвой, планируя уничтожить Крымское ханство. Увидев, что внимание царя переключилось с Крыма на Ливонию, он покинул Москву и вернулся в Литву. Здесь он столкнулся с той же политикой: литовцы также ориентировались на Ливонию. Затем он отправился в Молдавию, которая находилась под протекторатом султана. Посадив подходящего человека на трон господаря или обеспечив этот трон для себя, Вишневецкий мог надеяться, что удастся отделить Молдавию от Турции.

Личность Вишневецкого поразила воображение украинского народа, и он стал любимым героем казацкого эпоса под именем

Байда.[102] Несмотря на провал его плана создания казацкой твердыни в районе Днепровских порогов, он вдохновил на это дело новых казаков. Мы располагаем точными свидетельствами, что через двадцать пять лет после попытки Вишневецкого казацкая сечь прочно утвердилась *"за порогами"* (Запорожье). Время от времени сечь перемещалась с одного днепровского острова на другой, но она существовала как постоянное образование. Название происходит от соответствующего глагола, обозначающего "сечь", "рубить": место, защищенное срубленными деревьями, *"деревянная крепость"*, как объясняет это название Д.И. Дорошенко.[103]

В 1581 г. сечь располагалась на днепровском острове Томаковка, ниже Хортицы. К 1594 г. ее переместили на остров Базавлук, еще ниже по течению. Именно здесь обнаружил казаков посланник императора Рудольфа II Эрих Ласота (Ляссота) и заключил с ними договор.

Согласно Ласоте, в Запорожье было 3 000 казаков, и еще несколько тысяч на Украине. Запорожские власти считали, что у них в распоряжении 6 000 казаков, готовых для дальнего военного похода. Ласота провел в сечи почти месяц (с 9 июня по 2 июля 1594 г.) и ознакомился с казацкой организацией.[104]

На основании сообщения Ласоты и других современных ему свидетельств мы можем заключить, что сечь в этот период представляла собой военный лагерь и являлась главным центром независимых казаков (хотя они номинально признавали суверенитет короля Польши). Запорожская община называлась *"кош"*, это слово в древнерусском языке обозначало "лагерь" и происходило, по всей видимости, из тюркского.[105]

Кош делился на несколько частей, каждая из которых называлась *"курень"* (по-украински — *куринь*). Это название происходит из монгольского языка, в котором слово *kuriyen* обозначает палаточный лагерь, разбитый в форме большого круга.[106] Люди каждого казацкого куреня жили в специальных помещениях. Во времена Ласоты такая казарма делалась из плетня и покрывалась лошадиными шкурами; в каждой казарме проживало 150 человек. Пищу составляли рыба и хлеб из просяной или пшеничной муки. Хотя из некоторых своих военных набегов казаки привозили много золота, серебра и прочей добычи, настоящей ценностью для них были только дорогое оружие и скакуны.

Главу казацкой армии часто называли *"гетманом"* — титул, который носили командиры польской и литовской армий. Более точно, предводитель казаков назывался атаманом коша — *кошевым* (по-украински — *кошовый*). Командир каждого куреня был известен как *куренной атаман*. Во время военных кампаний казацкая армия подразделялась на полки. Во главе каждого полка стоял полковник. Полк состоял из пяти сотен, каждая — под командованием сотника. Сотня подразделялась на десятки. К высшим должностным лицам в казацкой армии относились также писарь, обозный и есаулы .[107]

Высшие должностные лица избирались на общем собрании, известном как *коло*, или *рада*. Рада же могла в любое время и отстранить кого бы то ни было от занимаемой должности. Во время войны неограниченной властью обладал кошевой атаман.

Запорожская армия была хорошо организована. У нее были собственные знамена, военный оркестр, своя казна, артиллерия, речная флотилия и лошади. Флотилия состояла из легких кораблей, построенных самими казаками, и галер, захваченных у турок. Ко времени визита Ласоты у казаков было пятьдесят легких кораблей, на каждом из которых помещалось около тридцати человек. Ремонтные лошади содержались на острове Хортица. Казаки рассказали Ласоте, что в прошлом году татары захватили более 2 000 лошадей, а у них в то время оставалось всего около 400.

В современной исследовательской литературе поднимается вопрос о влиянии на военную тактику казаков методов ведения боевых действий, которые использовали чехи, служившие в Польше и Литве.[108] Возможно, некоторые казаки были знакомы с этими методами, но нет подтверждений тому, что они переняли чешскую практику.

Наиболее важные дела казацкой общины, особенно договоры с иностранными державами, предварительно обсуждались на совете высших должностных лиц, известных как старшины. Таким образом, когда Ласота привез запорожским казакам предложение императора о союзе, они разделились на два *кола* - старшин и черни. Сначала между двумя радами было много разногласий, но в конце концов возобладала точка зрения старшин. Противоречие между старшинами и рядовыми казаками проходит через всю последующую историю казачества. Несмотря на это, правление в Запоро-

жье можно назвать демократическим, поскольку у старшины пока еще не было порочных конституционных или наследственных прав. Право вступать в должность имел каждый член казацкого братства.

Казаки сечи называли себя "свободной запорожской армией" или "товариществом рыцарей". Сечь представляла собой воинское братство; женщинам не позволялось там появляться. Женатые казаки должны были приезжать в сечь без жен. Доступ в братство был свободен, и к нему мог присоединиться любой. Единственными условиями были преданность братству и соблюдение его правил. Исходя из тех неполных статистических данных, что мы имеем, можно предположить, что в конце XVI века около 80% запорожских казаков были западнорусскими (украинцами и белорусами); остальную часть составляли московиты, поляки, молдаване и черкесы. Кроме того, иногда к казакам присоединялись татары, сербы и немцы, но их число в запорожской общине было, по всей видимости, незначительным.[109]

По сравнению с неорганизованным казачеством на Украине, к которому можно причислить и симпатизирующих казакам крестьян, запорожских казаков было немного. Однако нам следует принять в расчет, что число запорожских казаков, данное в сообщении Ласоты (6 000), не является точно определенным. Во время крупных военных мероприятий численность казачества стремительно росла за счет наплыва неорганизованных казаков и крестьян. Мы не должны также забывать, что менялся и контингент самой запорожской общины. Казаки несли немалые потери в схватках с татарами и турками. Кроме того, многие женатые казаки проводили в сечи год или два, возвращаясь затем к своим семьям, а на смену им быстро прибывали другие. Таким образом, если мы возьмем период в десять лет, то общее количество людей, состоявших в общине в то или иное время в течение этого периода, будет значительно больше шести тысяч.

Образование сечи, как независимого центра казачества, не могло не тревожить польское правительство. Казаки предпринимали частые набеги на крымских татар и на турецкие прибрежные крепости на Черном море, такие, как Очаков и Аккерман. Начиная со времен предводительства Дмитрия Вишневецкого, казаки вмешивались в молдавские дела и, таким образом, вступали в конфликт

с Турцией. Султан считал казаков польскими подданными и расценивал их действия как польскую политику. Это угрожало миру между Польшей и Турцией. А этот мир Польша в то время стремилась всячески сохранить.

Польское правительство, которое после Люблинской унии установило контроль над Украиной, попыталось обуздать казаков и сформировать из них регулярное пограничное ополчение, которое было бы преданным королю и которое стали бы возглавлять офицеры, назначенные королем. Первая попытка сделать это была предпринята в 1572 г., в последний год правления Сигизмунда Августа. Создание пограничного войска было поручено полабскому гетману Ежи Язловецкому. Он организовал небольшой отряд казаков (300 человек) и назначил их командиром польского дворянина. Казакам было обещано жалование.[110] Отряд просуществовал около трех лет, а затем был расформирован — нечем стало платить жалование.

В 1578 г. король Стефан Баторий организовал под командованием наместника Черкасс, князя Михаила Вишневецкого (родственника князя Дмитрия Вишневецкого), казацкий полк из 500 человек.[111] Это были первые казаки, "зарегистрированные" на польской службе.

Во время войны Батория с Москвой (1579-1581 гг.) Михаил Вишневецкий и другие украинские вельможи предприняли несколько набегов на Северскую землю. Под началом Вишневецкого служили как "зарегистрированные", так и остальные казаки. Другие дворяне рекрутировали отряды казаков под своим командованием. Такими группами казаков командовал их собственный атаман — *ватажок*. Эти отряды состояли из конников и большей частью из пеших воинов.[112] Вероятно, они насчитывали около двух тысяч человек. Они полностью разорили район вокруг Стародуба и другие части Северской земли. Баторий призывал запорожских казаков присоединиться к его основной армии, которая в то время осаждала Псков, но они отказались. Следует также учесть, что около пятисот донских казаков в то время находилось в Пскове, помогая псковским и московским войскам оборонять город. Их атаманом был днепровский казак из Черкасс, которого поляки называли Мишко.[113]

После окончания войны казачий отряд Вишневецкого был рас-

формирован. Оставшиеся без дела казаки пустились на поиски новых приключений. Тем временем запорожские казаки, которые не участвовали в войне Батория против русского царя, вынашивали свои собственные планы борьбы с татарами и турками. Случилось так, что как раз в этот момент они получили поддержку с запада. Папа и император искали союзников для войны с турками. Слухи о подвигах казаков распространяли, в основном, римско-католические священники. Но были и другие источники. В 1584 г. казацкий предводитель бежал из турецкого плена и направился в Италию. Там итальянец Гамберини имел с ним беседу и записал сведения о казаках. Он отметил, что их кавалеристы и пехотинцы — хорошие воины, и что среди казаков можно в случае опасности навербовать 15 000 человек для военных действий.[114]

Однако среди казаков война с Турцией занимала далеко не всех. Осознавая свою теперешнюю силу, казаки решили уладить свои внутренние дела. Признавая короля Польши (по крайней мере, формально) своим сюзереном, они тем не менее не хотели мириться с произволом дворян и местных королевских чиновников. Украинские крестьяне выражали готовность поддерживать казаков в борьбе с феодалами. Кроме того, нападения на дворянские поместья сулили казакам большую и легкую добычу. Награбленное в набегах на Северскую землю вселило в них желание получить еще больше.

В 1591 г. на Киевской земле произошло казацкое восстание под предводительством мелкопоместного дворянина из Подляшья Криштофа Косинского. Известно, что в 1586 г. Косинский был в Запорожье.[115] Зимой 1592-1593 гг. казаки появились на Волыни. В январе 1593 г. под Житомиром их встретило войско мобилизованного волынского дворянства, во главе которого стоял престарелый князь Константин Константинович Острожский. В этой схватке казаки потерпели поражение. Говорилось, что они потеряли две тысячи человек и двадцать шесть пушек.

Косинский сдался и был прощен Острожским. Казаки обещали вернуться в Запорожье и сидеть там тихо. Они ушли, но немедленно стали готовиться к еще одной кампании против Польши, очевидно, рассчитывая на помощь Москвы. Наместник Черкасс князь Александр Вишневецкий докладывал польскому правительству, что Косинский и вся запорожская армия направили царю

Федору послание с просьбой принять казаков под свою защиту. Царь им отказал, но, согласно А. Вишневецкому, тем не менее послал в Запорожье деньги и продовольствие. Летом 1593 г. две тысячи запорожских казаков во главе с Косинским поднялись вверх по Днепру и осадили Черкассы. Вишневецкий докладывал канцлеру Яну Замойскому, что он осуществил удачную вылазку и разбил казаков. Косинский был убит в бою. Согласно другим источникам, приближенные Вишневецкого убили Косинского в Черкассах, куда его с группой казаков пригласили для переговоров.[116] Казаки, оставшись без предводителя, возвратились в Запорожье.

При таком положении дел западная дипломатия попыталась использовать казаков в войне с турками. В 1592 г. по инициативе папы Климента VIII и императора Рудольфа возродился план коалиции христианских государств против Турции. Этот план поддерживали католический епископ Киева Юзеф Верещинский и князь Януш Острожский (старший сын Константина Константиновича). В 1593 г. папа направил к казакам хорватского священника Александра Комуловича с 12 000 дукатов в качестве предварительной платы для подготовки к турецкой войне. Комулович отправился в Подолию, где он встретился с двумя казацкими предводителями, которым, по всей видимости, и вручил деньги. Одного из этих казаков звали Северин Наливайко.[117]

Следует вспомнить, что на следующий год в Сечь, чтобы заключить с казаками договор о союзничестве, приехал посланник императора Ласота. Казаки, не долго думая, сразу же согласились поступить на службу к "Его Цесарскому Величеству". Следует вспомнить, что как южные, так и западные славяне называли австрийского императора цезарем. Эта форма западного императорского титула использовалась также в дипломатическом языке Московии (византийского императора называли царем[118]).

Совет казацких старейшин, однако, отказался принять предложение императора без обсуждения точных условий соглашения. Они ссылались на трудности войны с турками, говорили о необходимости значительных субсидий на покупку пушек, лошадей и другого снаряжения. Ласота вручил казакам подарки императора: два императорских знамени, трубы и 8 000 дукатов наличными, но они не были удовлетворены и потребовали больше денег. Ласота от имени императора пообещал им дальнейшую финансовую по-

мощь. Казаки решили направить к императору своих собственных посланников, чтобы составить определенный договор о размерах субсидий и получить аванс. Двое посланников отправились к императору вместе с Ласотой и его свитой.

Тем временем Северину Наливайко, возможно, при помощи денег, полученных от Комуловича, удалось собрать сильную казацкую армию в Подолии. Наливайко был волынским горожанином (согласно некоторым источникам — мелкопоместным дворянином). Его старший брат, Дамиан Наливайко, был настоятелем церкви в уделе Константина Острожского. Сам Северин служил в течение некоторого времени в дружине князя Острожского и участвовал в январе 1593 г. в разгроме армии Косинского. Как мы помним, Януш Острожский поддерживал создание антитурецкого союза, поэтому можно предположить, что Наливайко было рекомендовано сблизиться с Комуловичем и набрать казаков для похода против турок.

В 1594 г. Наливайко установил связь с гетманом запорожских казаков Григорием Лободой. Лобода владел землями в северной части Киевской земли, известной нам как Киевское Полесье. Его жена была из украинских дворян. Перед тем, как направиться в сечь, Лобода некоторое время командовал резервным подразделением "регистрированных" казаков. Запорожские казаки должны были воевать против турок по условиям их договора с императором. Лобода и Наливайко решили объединить свои отряды для похода против Молдавии, находившейся под турецким владычеством. Их общее войско насчитывало 12 000 человек. Эти казацкие отряды тесно взаимодействовали, но сохраняли свои отличительные черты.[119]

В конце 1594 г. казаки вторглись в Молдавию, нанесли поражение войскам молдавского господаря Арона, захватили город Яссы и разорили всю страну. Под давлением казаков Арон отрекся от турецкого сюзеренитета и дал клятву верности императору Рудольфу. Затем, в качестве союзников Арона казаки совершили набег на турецкие крепости Белгород (Аккерман) и Килию. Им не удалось захватить эти крепости, но они полностью разорили окрестные земли. После этого они отступили в Подолию, в район Браслава.

Поляки не были склонны уступать императору протекторат над

Молдавией. Поэтому гетман Ян Замойский ввел польские войска в Молдавию, изгнал Арона и посадил в качестве нового господаря молдавского боярина Иеремию Могилу (по-румынски, Movila), как вассала короля Польши. Будучи проницательным политиком, Могила заключил соглашение с Турцией и признал также протекторат султана над Молдавией.

Но вернемся к Лободе и Наливайко. Замойский приказал им оставить Молдавию в покое и вернуться в Запорожье. Но они его не послушались, расквартировались в Браславской земле и начали требовать контрибуции с ближних дворянских земель. Получив отказ, они взяли то, что им было нужно, силой. Город Браслав признал власть казаков. В конце концов король был вынужден направить против них польскую армию под командованием гетмана Станислава Жолкевского, одного из наиболее выдающихся польских военачальников того времени. Лишь осенью 1595 г. Жолкевский достиг Браслава. Город сдался, а казацкие силы разделились. Наливайко совершил набег на несколько городов в Белоруссии, включая Могилев, а Лобода направился в Киевское Полесье. Вскоре Наливайко вернулся в Волынь. Весной 1596 г. оба они под напором армии Жолкевского вынуждены были спешно отступить в приднепровские земли и вызвать резервные войска из Запорожья. Несколько отрядов казаков сделали попытку противостоять полякам у Белой Церкви, но вскоре пришли сведения, что для подкрепления армии Жолкевского посланы новые войска из Польши и Литвы. Положение казаков было безнадежным, и некоторые из их предводителей, включая Лободу, по всей вероятности, понимали это. В мае 1596 г. Жолкевский направил к Лободе посланника, чтобы убедить того прекратить мятеж. Ответил ли ему Лобода — неизвестно.[120]

Казаки переправились через Днепр и двинулись на восток, за ними последовало много крестьян со своими семьями. Среди казаков, потерпевших поражение, начались раздоры. На шумной раде в Переяславле Наливайко был отстранен от власти, а Лобода был провозглашен единовластным командующим казацкими войсками. 16 мая 1596 г. армия Жолкевского окружила казацкий лагерь в урочище Солоница недалеко от города Лубны. Вступить в бой могли не более 3 000 казаков. Кроме них в лагере были только раненые, больные, женщины и дети. У казаков оставалось всего

двадцать пушек, и среди их предводителей начались новые разногласия. Лобода, которого подозревали в тайных переговорах с Жолкевским, был убит сторонниками Наливайко, и новым гетманом был избран полковник Кремпский.

Жолкевский подверг казацкий лагерь артиллерийскому обстрелу. В течение двух недель казаки удерживали натиск поляков, но в конце концов некоторые из них решили сдаться. Согласно условиям сдачи, казаки должны были выдать полякам Наливайко и остальных зачинщиков, а также сдать свои знамена и орудия. Кремпский отказался принять эти условия, и ему удалось бежать в Запорожье с 1500 всадников. Оставшимся казакам и их семьям было обещано прощение, но польские солдаты, разъяренные упорным сопротивлением, перебили большую часть безоружной толпы. Зачинщики были привезены во Львов и казнены там — за исключением Наливайко, которого взяли с собой в Варшаву, подвергли в тюрьме пыткам, после чего публично обезглавили.

Поляки пытались закрепить свою победу с помощью чрезвычайных указов, направленных на полное подавление возможного сопротивления казаков. Весной 1597 г. сейм провозгласил казаков врагами и противниками отечества. Польскому гетману было поручено уничтожить их раз и навсегда и конфисковать их собственность. Эту программу нельзя было провести в жизнь; и четырьмя годами позже сейм был вынужден отменить это решение.

Проникнуть в Запорожье, чтобы уничтожить сечь, сила которой была не в укреплениях, а в людях, было не так то просто. Даже если бы ее разрушили, она бы быстро возродилась, так как людей, заинтересованных в этом, было достаточно. В этом смысле сечь была неуничтожимой. За спиной небольшой группы вооруженных запорожских воинов стояло быстро растущее население Южной Украины. Не только крестьяне, но и мелкопоместные дворяне и многие горожане питали симпатии к казакам. Фактически все, кто страдал от правительства и вельмож, начали смотреть на казаков как на защитников прав народа.

Для поляков единственным путем подорвать силу казаков было улучшение положения украинских крестьян, поддерживающих казацкое движение. Но этого поляки сделать не могли, поскольку их власть на Украине базировалась на привилегиях шляхты и закрепощении крестьян.

За этим социальным конфликтом вырисовывались религиозная и национальная проблемы. Значительную часть украинской шляхты постепенно все больше и больше привлекал польский образ жизни и римский католицизм. С другой стороны, многие мелкопоместные дворяне, горожане и практически все крестьяне придерживались своей православной веры. Поляки понимали, что наиболее надежный путь — психологически приспособить западнорусских крестьян к польскому порядку с помощью подрыва традиционной религиозной независимости их церкви и подчинения ее владычеству папы.

Глава VIII

БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ

1. Введение

Объединение римско-католической и греко-православной церквей представлялось естественным и величественным каждому верующему в единство Вселенской Христианской Церкви. В Восточной Европе XVI века этот идеал был извращен политическими страстями и принял форму подчинения отдельной части Славянской церкви Риму.

С римско-католической точки зрения, объединение, о котором было провозглашено на Соборе во Флоренции в 1439 г.[1], все еще имело силу, несмотря на нежелание русского населения Польши и Литвы признать это. Новые попытки объединения в конце XVI века были результатом взаимодействия разнообразных факторов — политических, социальных, экономических и духовных.

Для того, чтобы лучше понять исторические предпосылки Брестской унии 1596 г., мы должны кратко рассмотреть хотя бы некоторые из сторон той сложной ситуации, такие, как положение западнорусской православной церкви в Литве и Польше; внутренние противоречия в этой церкви; подъем протестантского движения в Польше и Литве; католическая контрреформация.

2. Положение православной церкви в Западной Руси

После отделения западнорусской церкви от восточнорусской, первая все же осталась зоной влияния патриарха константинопольского. Вслед за разрушением Византийской империи оттоманскими турками патриарх константинопольский оказался в трудном и унизительном положении. Ему нелегко было руководить западнорусской православной церковью и защищать ее, хотя он и пытался делать для этого все возможное. Православная церковь в Польше и Литве нуждалась в подобной защите, поскольку она существовала в рамках двух государств, в которых римско-католическая церковь занимала господствующее и привилегированное положение. Ситуация стала значительно менее благоприятной для русского населения, когда после Люблинской унии украинские области Великого княжества Литовского были переданы под владычество польской короны.

Король Польши был готов вмешаться в жизнь западнорусской церкви во многих отношениях. В первую очередь, он мог (а иногда так и делал) выдвигать кандидата на должность и назначать православного митрополита Западной Руси. Следует заметить, что в отношении римско-католической церкви в Польше назначение нового епископа становилось, как правило, результатом взаимопонимания между королем и папой. В 1589 г. папа официально признал право короля назначать епископов.[2] В случае с православной церковью в Польше и Литве руки короля были практически развязаны, поскольку у патриарха константинопольского не было возможности помешать королю назначить митрополита.

Король обладал обширными полномочиями в церковной администрации, благодаря своему праву патронажа. Это право существовало в практике всех римско-католических государств в Европе, включая Польшу.[3] Что касается православной церкви в Западной Руси, необычность ситуации заключалась в том, что право патронажа принадлежало суверену иной религиозной ориентации. Это могло вести и приводило к разнообразным злоупотреблениям.

Королевское право патронажа включало в себя не только его заботу о приходских церквях и монастырях, но также и о еписко-

пах. Первоначально западнорусский православный епископ избирался собранием священнослужителей и мирян. Со временем эта практика прекратилась, и король стал распоряжаться епархиями по своей воле. Некоторые епархии были богатыми и давали хороший доход. В таких случаях получение епархии являлось столь же хорошей наградой, как и владение мирской "державой". Король одаривал тех, кто заслужил его милость, не считаясь с духовной чистотой потенциального церковного лидера. Назначенные королем обычно были дворянами, которые не имели непосредственного отношения к церкви. Такого мирянина спешно делали монахом, а затем посвящали в сан епископа. В некоторых случаях назначаемый не испытывал желания принимать монашеский постриг, оставался мирянином и управлял епархией на протяжении нескольких лет в качестве ее администратора, прежде чем дать согласие на посвящение в сан. Большинство этих дворян, даже после того, как они становились священнослужителями, не хотели отказываться от мирских утех и продолжали бурную жизнь шляхты. Как мирские владыки, они держали в своих замках большую свиту, вооруженную охрану и даже пушки.

Патронаж над приходскими церквями и монастырями осуществлялся не только королем, но и дворянами, и городами. Первоначально право патронажа над церковью или монастырем принадлежало тому феодалу или городу, который выстроил эту церковь (или монастырь). Чтобы обеспечить церковь или монастырь, патрон часто даровал им земельные угодья. Со своей стороны, он сохранял за собой право выбирать настоятеля (или *аббата*). Частные основатели православных монастырей и церквей, как правило, сами были православными. Чтобы поддержать колонизацию малонаселенных земель Галиции, короли основали там ряд православных монастырей.[4] Однако, пользование земельными угодьями, которыми наделялись монастырь или церковь, было подчинено общим законам страны. Угодье, включая расположенный на нем храм, могло быть заложено, продано, или обменяно на другое, и новый владелец такого угодья приобретал вместе с землей право патронажа над церковью. Таким путем неправославный человек мог становиться патроном православного монастыря или церкви.[5]

Для русского православия характерен термин *ктитор* (основатель).[6] Хороший и добросовестный ктитор, принадлежавший к той

же религиозной конфессии, что и прихожане, мог быть очень полезен для церкви или монастыря, находящегося под его опекой. Неправославный или безответственный православный ктитор мог нанести немало вреда.

Из-за безрассудного отношения короля к делам в православных приходах православие в Западной Руси серьезно пострадало. Рассмотрим, к примеру, случай с епископом Холма, Феодосием Лозовским, дворянином по происхождению. Он добивался прибыльной епархии во Владимире-Волынском, хотя еще был жив старый епископ. Ранее король назначил преемником этого епископа дворянина Иону Красенского и выдал ему соответствующую грамоту. Однако после смерти в 1563 г. владимирского епископа король переменил свое мнение и назначил во Владимир-Волынский епископа Феодосия (видимо, за вознаграждение). Иона Красенский не мог допустить, чтобы владимирская епархия выскользнула у него из рук. Взяв с собой прежнюю королевскую грамоту, он поспешил во Владимир и поселился там в епископском замке. Затем, оставив своего сына Василия защищать его интересы, он отправился искать справедливости к королю. Тем временем епископ Феодосий направился с армией (примерно 2500 солдат и девять пушек) во Владимир. Василий Красенский бежал из епископского замка и сдался Феодосию. Король приказал Феодосию явиться к нему на суд по этому делу, но Феодосий проигнорировал приказ и оставался епископом владимирским вплоть до своей смерти в 1589 г.[7]

Иона Красенский вынужден был довольствоваться епархией в Луцке, которую он получил в 1567 г.; он обложил большими налогами приходских священников, находящихся под его властью, а те церкви, где священники отказывались платить, закрывал. Сын Ионы Василий и двое его сыновей тоже наживались за счет угодий, принадлежавших епархии, забирая из церквей колокола, иконы и книги. Помимо Луцкой епархии король даровал Ионе монастырь в Жидачеве, сокровищами и угодьями которого Иона распоряжался как собственными, чем постепенно довел монастырь до нищеты. В 1580 г. король Стефан Баторий приказал князю Константину Острожскому, воеводе Киева и судебному исполнителю в Волыни, отобрать монастырь у Ионы и сделать настоятелем епископа Феофана из Меглина. Иона отказался подчиниться Острожскому: тот

захватил монастырь силой и водворил туда Феофана. Затем король назначил настоятелем монастыря луцкого старосту, князя Александра Пронского. В 1583 г. Иона вновь завладел монастырем. Первая попытка Пронского изгнать Иону потерпела неудачу. Но на следующий год Пронский с отрядом в 300 солдат и пушками отвоевал монастырь. Феофан возвратился в Жидачев, но ненадолго, поскольку в 1585 г. епископ львовский Гедеон Балабан отправил на монастырь своего брата во главе отряда солдат. Они изгнали Феофана и объявили, что монастырь находится под властью Гедеона. Феофан пожаловался королю, но тот в конце концов решил вопрос в пользу Гедеона[8].

Назначения королем высших должностных лиц западнорусской православной церкви — митрополитов — вряд ли оказались более благотворными. Из пяти митрополитов в период между 1534 и 1585 гг. один был обязан королеве Боне и получил свою епархию, благодаря ее вмешательству; другой был почти неграмотным; еще один был двоеженцем. Во многих случаях митрополиты ссорились с епископами, и обе стороны, жалуясь королю, давали ему повод вмешиваться в дела церкви. Из всех митрополитов этого периода лишь один был хорошим администратором и достаточно умело обеспечивал материальные потребности церкви. Никому из них не удалось стать духовным лидером верующих.[9]

Однако загнивание западнорусской православной иерархии не означало, что умирала сама западнорусская церковь. Среди приходских священников, монахов и прихожан были добросовестные христиане и честные люди. Количество членов общины постоянно росло, а процентное отношение приходов к количеству верующих, особенно в сельских районах, было выше, чем в Восточной Руси в этот период. Михаил Грушевский составил длинный список монастырей, основанных в Галиции, Волыни и в районе Киева в XV и XVI веках.[10] Количество приходских церквей в 1560-х гг., сосчитанное на основании списков налогообложения, в сельских районах Галиции составляло 1270, и они обслуживали 2491 деревню, и 190 — в 125 городах.[11] Данные по Волыни и району Киева неполные.

Поскольку в церковной иерархии царила полная неразбериха, православие в Западной Руси поддерживалось преимущественно мирянами, стремившимися защитить свою веру и просвещение.

Активными поборниками православия были некоторые вельможи, такие, например, как князья Острожские и Ходкевичи, а также объединения горожан, известные как братства.

3. Протестантский период

Вполне вероятно, что усилия католиков подчинить западнорусскую церковь папе привели бы к навязыванию церковной унии гораздо раньше, чем это случилось на самом деле, если бы не произошло так, что в середине XVI века власть католической церкви над Польшей и Литвой из-за быстрого распространения протестантизма на некоторое время была ослаблена.

Еще до Реформации, начатой Лютером в Германии, предреформационные протестантские течения проникли в Польшу и Литву из Богемии через гуситское и постгуситское движения, особенно через евангелическую общину, известную как "*чешские братья*" (или "*богемские братья*"), основанную Петром Хелчицким в 1467 г. Первое время их влияние было слабым, но к 1560 г. эти братсва стали очень сильны.[12]

Вскоре после возникновения этого движения в Германии идеи немецкой Реформации проникли в Польшу и Литву. Многие польские и литовские дворяне посылали своих сыновей в немецкие школы и университеты для получения образования, и некоторые студиозусы жадно внимали новым веяниям. Важным политическим фактом, который помог распространению протестантизма в Польше и Литве, явилась секуляризация Тевтонского ордена в Пруссии (1525 г.), а затем и его "филиала" в Ливонии. Когда прежний великий магистр Альбрехт отказался подчиняться папе и стал светским герцогом Пруссии, он также стал вассалом польского короля. После 1550 г. литовские вельможи увлеклись кальвинизмом, и *арианство* (*антитринитарии, унитарии*) нашло много последователей.[13]

Среди литовских и русских вельмож, которые активно участвовали в кальвинистском движении, был могущественный государственный деятель Николай Радзивилл Черный, отрекшийся от католицизма и принявший кальвинизм в 1553 г. Его обращение, за которым последовали многие другие, придало кальвинизму значи-

тельный вес в совете вельмож. В 1558 г. русский вельможа Остафий Волович (православный) отправил конфиденциальное послание московскому думному дьяку Ивану Михайловичу Висковатому. В нем он докладывал, что *"лютеранство"* (так в Москве называли все протестантские конфессии) прочно укрепились в правительстве Сигизмунда Августа. Из послания Воловича ясно, что он был достаточно осторожен, чтобы открыто противостоять лютеранству, хотя и ненавидел его. Волович просил Висковатого объяснить царю Ивану IV ситуацию и заверить в том, что он не лютеранин.[14] Однако около 1574 г. Волович помогал собирать деньги на покупку для кальвинистской часовни дома в Вильно.[15] Этот факт свидетельствует о том, что Волович относился к кальвинизму благожелательно. Когда князь Курбский получил известия об этой новой позиции Воловича, он написал ему письмо (в 1574 или 1575 гг.), в котором убеждал сохранить веру предков.[16]

В 1564 г. Николай Радзивилл Рудый (первоначально — католик) был обращен в кальвинизм. Примерно в то же самое время Ян Иеронимович Ходкевич отрекся от православия и тоже принял кальвинизм. Из князей русского происхождения князь Семен Пронский (выходец из рязанской ветви Рюриковичей) был обращен в кальвинизм в 1564 г. и изменил свое имя на Фредерик.

Основным проводником *социнианства* (*антитринитарианства*) в Литве был Ян Кишка. В последние годы своей жизни Николай Радзивилл Черный перешел из кальвинизма в антитринитарианство.

Под патронажем вельмож протестанты Великого княжества Литовского могли открывать много церквей и молельных домов, основывать школы, издавать книги. Примечательно, что первой книгой, выпущенной на литовском языке, был перевод "Катехизиса" Лютера (изданный в Кенигсберге в 1547 г.). Николай Черный способствовал переводу на русский язык кальвинистского катехизиса Симона Будного, который был издан в 1562 г. в Несвиже под названием "Катехизис для простых людей языка русского". Радзивилл также субсидировал издание польского перевода Библии, подготовленного социнианами (Брест, 1563 г.). Девять лет спустя перевод Библии на польский язык, выполненный Симоном Будным, вышел в Несвиже.[17] Протестанты открыли несколько средних и начальных школ, к примеру, в Ново-

грудке, Несвиже, Ковно и Витебске. Среди социнианских учебных заведений была средняя школа, открытая братьями Гойскими в Гоще (Волынь). Именно в этой школе позднее (1602-1603 гг.) Лже-Дмитрий изучал латынь.

В 1500 г. в Великом княжестве Литовском было 700 римско-католических приходов. В 1566 г, согласно иезуиту Циховиусу, лишь одна тысячная прежних прихожан оставалась в лоне католической церкви. (Вероятно, это риторическое преувеличение.) Во всей Жемайтии в 1566 г. было всего шесть католических священников.[18] Когда происходило полное обращение римско-католических прихожан в протестанство, те часто превращали католические церкви в свои молельные дома, выкидывая прочь статуи святых, а иногда и разрушая церковные здания.

Протестанство распространялось среди православных так же, как и среди католиков. Считается, что только в Новогрудском повете было приспособлено к нуждам протестантов или разрушено 650 православных церквей.[19]

В этом районе из 600 православных дворянских семей лишь 16 остались верными православию.[20] Князь Андрей Курбский писал Константину Острожскому, что *"почти вся Волынь заражена язвой (протестантизма)"*.[21]

Территория распространения протестантизма в Великом княжестве Литовском включала в себя собственно Литву и Жемайтию, Новгородско-Литовскую область, Волынь, а также города Брест, Заславль (в районе Минска), Полоцк и Витебск.

Случилось так, что арианские идеи нашли поддержку не только у западных проповедников, но и у немногих религиозных радикалов, которые переехали в Литву из Восточной Руси. В 1555 г. русский монах Феодосий Косой, отошедший от православия, после того как его идеи были признаны еретическими на церковном соборе, бежал с некоторыми сотоварищами из Москвы. В Литве он сначала заехал в Витебск, а затем направился в Полоцк, и в обоих этих городах организовал протестантские общины. После этого он вместе со своим компаньоном Игнатием последовал дальше на запад в район Новогрудка, оставив еще одного из своих соратников, Фому, священником протестантской общины в Полоцке. Сам Феодосий хотел встретиться с лидерами социнианского движения в Литве.

Как мы знаем, московиты заняли Полоцк в 1563 г., после чего русская протестантская община там была распущена. В своих толкованиях славянской религиозной истории, составленных в 1650 г., Андреас Венгерский рассказывает, что царь Иван IV повелел казнить священника Фому, и что Фому утопили в реке.[22] Предполагается, что в своем рассмотрении протестантского движения в Литве в XVI веке, А. Венгерский использовал в качестве источника устные предания польских протестантов и, возможно, какие-то письменные памятники. Однако его рассказ содержит некоторые хронологические и иные ошибки, и мы не можем быть уверены в том, что казнь Фомы действительно имела место. Если Фома был убит по царскому приказу, официальная русская летопись отметила бы это событие, но казнь Фомы там не упомянута.[23]

Феодосий и Игнатий поселились в Волыни и продолжали там свою религиозную деятельность, по всей видимости, достаточно успешно. Новгородский монах Зиновий Отенский в своем полемическом трактате против протестантизма называл Феодосия предшественником Антихриста. Зиновий писал, что *"дьявол совратил Восток через Мухаммеда, Запад — через Мартина Немца (Лютера), а Литву — через Косого (Феодосия)"*.[24]

Нет статистических данных о западных русских, обращенных в разные протестантские конфессии. Несомненно, что наибольший процент обращения приходил на высшее русское дворянство, и молодое поколение Ходкевичей, Воловичей, Сапегов, князей Вишневецких и многих других выдающихся родов отрекались от православия. В таких городах как Полоцк и Витебск, протестанты составляли, по-видимому, меньшинство населения.

Об отношении к протестантизму крестьян мы можем только догадываться. В таких областях, как Новогрудок, — где, согласно П. Скарге, сотни православных церквей прекратили действовать, — крестьяне, вероятно, были лишены общения с православными священниками. Выражали ли они свое негодование по этому поводу, мы не знаем. Когда Курбский говорил, что Волынь стала протестантской, он, вероятно, имел в виду только дворянство. Судя по последующим событиям, — к примеру, противостоянию крестьян Брестской унии, — мы можем думать, что крестьяне были менее расположены менять свою религиозную принадлежность, нежели дворянство. Нет также свидетельств о том, что православ-

ные приходские священники были сколько-нибудь глубоко затронуты протестантизмом. Большинство из них, во всяком случае, осталось православными.

Укоренение протестантизма в Польше, Литве и Западной Руси можно в какой-то степени приписать высокому интеллектуальному уровню и честности как его иностранных лидеров, так и выходцев из коренного населения. Следует заметить, что сам Фауст Социнни приехал в Польшу в 1579 г. и поселился вблизи Кракова. Главной слабостью протестантского движения было отсутствие единства среди его последователей. Каждое из его основных направлений — лютеранство, кальвинизм и антитринитаринизм — распадалось на большое количество малых общин, или сект. В одном только Вильно в 1592 г. было 72 различных протестантских общины.

4. Католическая контрреформация

На первых порах ни католики, ни православные в Великом княжестве Литовском не оказались способными противостоять протестантскому движению на достаточно высоком интеллектуальном уровне.

Римская церковь, озабоченная распространением протестанства, настаивала на его искоренении. В 1557 г. король Сигизмунд Август издал указ, запрещающий превращение католических церквей в протестантские молельные дома. Семью годами позже король обнародовал еще два указа. В первом объявлялось об изгнании из страны всех иностранцев, проповедующих отказ от католицизма; второй убеждал поляков поддерживать католическую веру. Все эти меры оказались тщетными. Сам же Сигизмунд Август не заботился о религиозных проблемах и не был склонен к тому, чтобы проводить в жизнь свои указы против еретиков. Кроме этого, двое Радзивиллов — Черный и Рудый — имели на него огромное влияние, а сестра Радзивилла Рудого Барбара, как мы знаем, была второй женой Сигизмунда Августа.

Римский католицизм в Польше можно было спасти не путем подавления еретиков (по крайней мере не только подобными мерами), а с помощью энергичных духовных усилий и интеллекту-

ального лидерства. Такое лидерство обеспечивали иезуиты. Они впервые появились в Польше в 1564 г., а в Литве — в 1569 г. Основной упор они делали на образовании. В течение 20 лет они создали целый ряд превосходных школ и университетов, куда даже некатолики стремились отправить своих детей. Первое иезуитское училище в Литве было основано в 1570 г.; восемью годами позже оно разрослось до университета (называвшегося *"академией"*). Таким образом католическая контрреформация началась в Польше и Литве.[25]

Выдающуюся роль в католическом движении этого периода играл талантливый польский писатель и оратор Петр Скарга, который стал иезуитом в Риме в 1569 г., а четырьмя годами позже возвратился в Польшу. Помимо создания школ иезуиты организовывали католические общины и братства, устраивали публичные религиозные церемонии, которые привлекали тысячи участников и зрителей, и проводили открытые религиозные дискуссии, ведя спор как с православными, так и с протестантами. В результате их умелой пропаганды прозелитства, дворянство, особенно молодое поколение, начало склоняться к католическому вероисповеданию. В 1574 г. П. Скарге удалось обратить в католицизм старшего сына Радзивилла Черного — Николая Криштофа (тогда ему было 25 лет). Другой сын Черного, Юрий (тогда — 18 лет) вскоре последовал примеру старшего брата. На следующий год папа назначил Юрия заместителем епископа, а в 1579 г. — епископом Вильно. Епископ Юрий организовал в Вильно аутодафе, подвергнув публичному сожжению антикатолические книги, многие из которых были изданы его покойным отцом. Что же касается наиболее видных православных семей, то старший сын князя Константина Острожского Януш и единственный сын князя Андрея Курбского Дмитрий тоже были обращены в католицизм.

Сигизмунд Август умер в 1572 г. Через четыре года междуцарствия благородный венгерский воевода из Трансильвании Стефан Баторий (по-венгерски Bathory) был избран королем, при условии, что женится на сестре Сигизмунда Августа Анне. Баторий, талантливый военачальник и сильный правитель, оказывал полную поддержку контрреформации. В 1576 г. Польша и Литва стали оформившимися иезуитскими "областями". Когда Баторий занял Полоцк в 1579 г., он немедленно основал там иезуитский кол-

ледж, отдав иезуитам все, кроме одной, православные церкви и все полоцкие православные монастыри с принадлежащими им земельными угодьями. Варшавский сейм 1585 г. одобрил действия короля.[26]

В своей антиправославной пропаганде иезуиты уделяли значительное внимание проведению в жизнь идеи церковной унии. В 1577 г. в католической типографии, основанной в Вильно Николаем Криштофом Радзивиллом, была издана на польском языке книга Петра Скарги "О единстве церкви божьей" (O jednosci Kosciola Bozego). В этом же году иезуит Антонио Поссевино основал в Риме Русскую семинарию, чтобы воспитывать молодых русских в католическом духе.[27] В 1583 г. в Риме был опубликован русский перевод католического христианского устава Петра Канизиуса, а в Вильно в 1585 г. был опубликован католический катехизис, тоже в переводе на русский язык.[28]

В октябре 1582 г. папа Григорий XIII ввел новый (так называемый григорианский) календарь. Это было сделано без предварительного согласования с восточной церковью, и православные в Западной Руси отказались признать его. Эта, на первый взгляд, небольшая техническая проблема вызвала раздражение и беспорядок в западнорусских церковных делах; по мнению Оскара Халецкого, "*вероятно, тактической ошибкой было настаивать на немедленном принятии той перемены, которая затронула обыденную жизнь консервативного православного народа*".[29]

Иезуиты, проповедовавшие в Молдавии, убеждали Святой Престол в том, что целесообразнее будет не делать принятие григорианского календаря условием унии с Римом. Однако Поссевино, который в период между 1581 и 1587 гг. был главным римским поверенным в русских делах, делал многое для того, чтобы ввести новый календарь, и глубоко возмущался сопротивлением этому в Западной Руси.[30] Нельзя забывать о том, что главной целью Поссевино было обращение Московии в католицизм, и он считал, что обращение Западной Руси должно было стать первым шагом в этом направлении.

После смерти Батория в 1586 г. в Польше наступил новый период междуцарствия. На пустующий трон по выбору нового короля были выдвинуты три потенциальных кандидата: Сигизмунд Шведский, Максимилиан Австрийский и царь Федор (сын

царя Ивана Грозного) Московский.[31] У последнего было много сторонников среди шляхты. К тому времени Поссевино потерял всякую надежду на обращение в католицизм как Западной Руси, так и Московии, и в своем письме к Станиславу Гомолинскому от 5 мая 1587 г.[32] он предупреждал об опасности избрания в Польше некатолического короля и особенно возражал против избрания царя. Возобладали сторонники Сигизмунда Шведского, и он стал королем Польши под именем Сигизмунда III. Сын шведского короля Юхана III и польской принцессы Катерины, к которой царь Иван IV неудачно сватался в 1560 г., Сигизмунд III правил в Польше с 1587 по 1632 гг. и проявил себя еще более верным сторонником иезуитов, чем даже до него Стефан Баторий.

5. Православие в Западной Руси

Оказавшись между протестантизмом и католицизмом, православие в Западной Руси боролось за свое выживание. Как уже было сказано, православные иерархи противостояли здесь другим конфессиям. Среди приходских священников лишь немногие имели достаточно образования и способностей, чтобы проявить заботу о повышении интеллектуального уровня паствы. Что касается западнорусских монахов, то они занимались в Дерманьском монастыре на Волыни переводом (с греческого и латыни) религиозной литературы, но им не хватало ни денег, ни инициативы.

В таких условиях именно православные миряне должны были взять на себя защиту своей веры и поддержку образования и обучения. В этом движении приняли участие как православные вельможи, так и горожане. В городах основали целый ряд православных братств с целью поддержания церкви.[33] Следует заметить, что, как и в случае с развитием протестантизма в Западной Руси, значительную роль в этом движении сыграли переселенцы из Восточной Руси.

Выдающимися западнорусскими православными вельможами, активно поддерживающих православное образование и письменность, были князь Острожский и Григорий Александрович Ходкевич. Из православных горожан наиболее хорошо известны Кузьма

и Лукаш Мамоничи из Вильно. Константин Острожский основал школу высшей ступени в Остроге, где изучались как церковнославянский, так и греческий языки, а также две типографии — одну в Остроге, а другую в Дерманьском монастыре. Именно в острожской типографии в 1581 г. был издан полный текст Библии на кириллице. Григорий Ходкевич также поддерживал издание различных религиозных книг в Заблудове. Другие православные религиозные книги были изданы в Вильно в типографии братьев Мамоничей. Мамоничи являлись печатниками литовского правительства, и именно в их типографии был опубликован Третий Литовский Статут 1588 г.[34]

Теперь вернемся к деятельности городских братств. Небольшие объединения такого типа существовали в русских городах как в Восточной, так и в Западной Руси, начиная со средних веков. В связи с религиозным кризисом в Западной Руси теперь были организованы братства нового типа, главной задачей которых стало религиозное просвещение.[35] Первое подобное братство появилось во Львове в 1586 г. Два года спустя в Вильно было организовано второе. Эти два объединения стали ведущими центрами православия. Позднее братства такого же характера возникли в Киеве, Луцке, Минске, Витебске, Полоцке и других западнорусских городах. Православные братства основывали школы, типографии и больницы; издавали религиозные книги и поддерживали православие во многих других отношениях. В большинстве школ в дополнение к церковнославянскому преподавались латинский и польский языки.

Среди выходцев из Восточной Руси наиболее стойко поддерживал православие в Западной Руси князь Андрей Михайлович Курбский, который установил близкие отношения с князем Острожским и братьями Мамоничами и вдохновлял православный народ на стойкое сопротивление и протестантизму и католицизму. Он взялся за пополнение собраний православных библиотек новыми переводами основных работ отцов церкви. Хотя в дни своей юности он был знаком с Максимом Греком и восхищался им, он в то время не знал ни греческого, ни латинского языков. Последний из них он изучал после приезда в Западную Русь и преуспел в нем достаточно, чтобы взяться за перевод с латыни на русский трудов Иоанна Дамаскина, Иоанна Хризостома и других византийских

религиозных авторитетов. Курбский убедил своего племянника, князя Михаила Оболенского, поступить студентом в Краковский университет, а после этого завершить свое образование в Италии. Оболенский помог своему дяде с некоторыми переводами. Курбский умер в 1583 г.[36]

Замечательным духовным лидером из Восточной Руси был монах Артемий.[37] Артемий (родился позже 1500 г.) был псковичом и в молодости хорошо знал Покровско-Печорский монастырь. Как и Курбский, он был поклонником Максима Грека. Он принадлежал к мистической ветви православия и следовал традициям Нила Сорского. Московский церковный собор 1554-1555 гг., осудивший Феодосия Косого (он действительно порвал с православием), обвинил Артемия в ереси. Артемий, как и Феодосий, бежал в Литву. В Западной Руси православие Артемия не ставилось под сомнение, и он принял активное участие в православном движении, общаясь с разными людьми и составляя много посланий. Как и Нил Сорский, он ценил молитву и размышления выше, чем церковный ритуал, но с точки зрения догматики он был православным и не мог принять ни лютеранства, ни кальвинизма, написав несколько посланий против протестантизма. Он умер незадолго до 1575 г. Курбский высоко ценил его, а выдающийся западнорусский православный писатель XVII века, Захария Копыстенский, в своей книге "Палинодия" (написанной около 1622 г.) говорит, что *"Артемий отвратил многих людей в Литве от арианской и лютеранской ереси, и именно через него Господь не позволил русским людям в Литве принять ересь"*[38].

Нам также не следует забывать москвича Ивана Федорова, который организовал московскую типографию и возглавлял ее с 1563 по 1565 гг., а во времена опричнины бежал в Литву и работал печатником русских книг — сначала в Заблудове под патронажем Григория Ходкевича, после этого — во Львове, и наконец, в Остроге под защитой князя Константина Острожского.[39] Хотя Иван Федоров не был религиозным писателем, как печатник он внес огромный вклад в православное просветительское движение. Когда он работал в московской типографии, ему помогал уроженец Западной Руси, Петр Мстиславец (т.е. — из Мстиславля). Петр бежал из Москвы вместе с Иваном, и они продолжали вместе печатать книги в Западной Руси.

6. Причины конфликта между епископами и мирянами

Хотя на подъеме протестантского движения в Литве православные одинаково спорили и с протестантами, и с католиками, отношение православных к протестантизму значительно переменилось, когда в Литве началась католическая контрреформация. И православные и протестанты вынуждены были теперь защищаться от нападок со стороны иезуитов. Именно протестанты приняли на себя главный удар на Варшавском сейме 1573 г. в борьбе за право некатолических церквей на существование. Была сформирована особая комиссия шляхты, в которой также приняли участие католики, и было провозглашено религиозное перемирие.[40]

И протестантам, и православным было ясно, что главное наступление католиков на обе инакомыслящие конфессии еще впереди, и вполне естественными были определенные попытки скоординировать действия обеих конфессий для противостояния иезуитам. Среди православных, которые намеревались вступить в сотрудничество с протестантами, был сам князь Константин Острожский. Он пригласил нескольких протестантских писателей к своему двору в Остроге и поручил одному из них, арианину Мотовиле, написать по-русски опровержение трактатов иезуита Петра Скарги. Острожский попросил также еще одного протестанта перевести на польский язык сделанный Курбским русский перевод рассуждения Иоанна Хризостома о вере, надежде и любви. Когда Курбский узнал об этом сотрудничестве с протестантами, он сурово раскритиковал действия Острожского. Другие друзья Острожского тоже были обеспокоены его дружескими отношениями с протестантами. Острожский отвечал, что в схватках с иезуитами поддержка протестанов может оказаться полезной.

Хотя догматически православные оставались верны своей традиционной вере, в православном движении этого периода в Западной Руси были свои особенности, возмущавшие иерархов западнорусской церкви, как имевшие примесь протестантизма. Будучи не в состоянии обеспечить себе духовное лидерство среди верующих, многие православные иерархи возражали против все возрастающего активного вмешательства мирян в церковные дела. Особенно они были возмущены деятельностью братств.

Помимо принципиальных вопросов, отношения между иерархами и членами братств усугубляли неизбежные личные конфликты. Западнорусские православные иерархи оказались в трудном положении между возрастающим давлением католического правительства и усугубляющейся враждебностью православной паствы. Это психологически готовило почву для того, чтобы некоторые иерархи стали склоняться к принятию унии с Римом.

При таком положении дел патриарх константинопольский нашел необходимым лично проинспектировать западнорусскую церковь (которая, о чем следует вспомнить, была митрополией константинопольского патриаршества) и исправить наиболее явные дефекты в ее организации.

В 1588 г. патриарх Иеремия II решил посетить Западную Русь и Москву. Московская церковь, как мы знаем, стала автокефальной в 1448 г. и канонически более не была подчинена патриарху константинопольскому. Однако патриарх константинопольский и три других восточных патриарха почитались в Москве, как высшие прелаты православной церкви. Мотивов, побудивших Иеремию посетить Москву, были много. Наряду со всем прочим, он ожидал получить в Москве большие пожертвования от царя и русской церкви на нужды константинопольского престола, который находился в то время в плачевном состоянии.[41]

Иеремия достиг польской границы в мае 1588 г. Он был принят в Польше с почтением, соответствующим его должности. По совету канцлера Яна Замойского король Сигизмунд III выдал Иеремии грамоту, позволяющую ему путешествовать по Польше и Литве (следует заметить, что Замойский, как и многие поляки в то время, выступал против иезуитов, чью деятельность он считал вредоносной для католицизма и Польши). 3 июня патриарх Иеремия прибыл в Вильно, где был торжественно встречен православной паствой. Иеремия благословил недавно созданное православное братство в Вильно, а затем проследовал в Смоленск, откуда направился в Москву.[42]

Иеремия возвратился в Литву в июле 1589 г. К этому времени многие священники и все западнорусские прелаты во главе с митрополитом Онисифором собрались в Вильно. Патриарх обсуждал с духовенством беспорядки в западнорусской церкви. Узнав, что некоторые священнослужители являются двоеженцами, он издал

приказ лишить всех виновных духовного сана. По этой причине он отлучил от церкви самого митрополита Онисифора (21 июля 1589 г.).

Шесть дней спустя король Сигизмунд назначил новым митрополитом Михаила Рогозу, монаха дворянского происхождения. Патриарх посвятил его в духовный сан, хотя у него были сомнения по поводу соответствия его этой должности.[43] Из Вильно Иеремия направился в Брест, где назначил своим экзархом в Западной Руси епископа Кирилла Терлецкого из Луцка.[44] Этим патриарх, по всей видимости, показал, что он хочет следить за митрополитом Михаилом. Последний, что вполне понятно, возмутился поступком Иеремии. На обратном пути домой патриарх остановился в Тернополе, куда, чтобы проститься с ним и получить его благословение, прибыли митрополит и пятеро епископов. В Тернополе патриарх утвердил привилегии львовского братства и провозгласил, что оно освобождается от власти львовского епископа Гедеона Балабана и получает право назначать и освобождать от должности священников Успенской церкви во Львове, над которой у братства было право патронажа (13 ноября 1589 г.).[45] Поскольку отношения между епископом Гедеоном и львовским братством были натянутыми еще до патриаршей грамоты, епископ был очень сильно оскорблен этим постановлением патриарха.

7. Западнорусские епископы и Рим

Меры, принятые патриархом Иеремией в его попытке реорганизовать администрацию западнорусской церкви, оказались неэффективными. Особо возмущало епископов то, что патриарх поддерживал братства.

В 1591 г. четыре западнорусских епископа, включая назначенного патриархом экзарха Кирилла Терлецкого и епископа Львова Гедеона Балабана, направили конфиденциальное письмо королю Сигизмунду III, сообщая ему, что они готовы принять унию с Римом на том условии, что славянский ритуал западнорусской церкви не будет изменен.[46] Таким образом, патриарх напрасно доверял Кириллу, поскольку тот предпочел иметь дело с митрополитом Михаилом и епископом Гедеоном и искать протекции у

папы. Теперь католики начали систематично готовить почву для организации тех, кто будет поддерживать идею унии среди православных лидеров до публичного объявления об унии. В 1593 г. король назначил одного из русских вельмож, кастеляна Бреста Адама Поцея (по-польски — Pociej), епископом Владимира-Волынского. Он стал монахом и получил новое имя Ипатий.[47]

Поцей родился в 1541 г. в православной семье и получил хорошее образование в кальвинистской школе, а затем в Краковском университете. В юности он был обращен в кальвинизм, но в 1574 г. возвратился в православную веру. Однако к 1590 г. его разочаровали беспорядки в администрации западнорусской церкви, и он стал склоняться к унии с Римом. Как только его посвятили в сан епископа, он занялся распространением идеи унии. Находясь по образованию и личным качествам значительно выше других западнорусских иерархов, Поцей стал главным лидером униатского движения. Он, по всей видимости, был единственным западнорусским иерархом того периода, который присоединился к этому движению не только по личным соображениям, но и потому, что верил в его религиозную ценность.

Князь Константин Острожский, который знал Поцея задолго до назначения последнего епископом, проявил готовность обсудить с ним проблему унии. 21 июня 1593 г. Острожский написал Поцею длинное послание, в котором излагал свое отношение к церковной унии.[48] В этом письме Острожский выразил желание принять унию в принципе, но заявил, что уния с Римом должна быть заключена не одной западнорусской епархией, а всей греко-православной церковью, а для достижения этого необходимо, чтобы уния была поддержана восточными патриархами, московитами и молдаванами.[13а]

Точка зрения Острожского была неприемлема для Поцея и других западнорусских епископов, которые уже известили короля Сигизмунда III, что они одобряют унию. Теперь они решили действовать безотлагательно. В мае 1594 г. Кирилл Терлецкий объявил, что король посылает его и Ипатия Поцея в Рим. В декабре того же года Поцей и Кирилл составили и подписали декларацию западнорусских епископов об их приверженности унии. Им удалось, после долгих отсрочек, получить подписи митрополита Михаила и епископов Полоцка, Пинска и Холма.[49] В январе 1595 г.

львовский епископ Гедеон созвал собрание духовенства своей епархии, которое решило принять унию. 1 июня митрополит Михаил, епископ Ипатий Поцей и епископ Луцка подписали проект "Статей Унии", который они отправили королю и папе.[50]

В "Статьях" подписавшиеся настаивали на автономном статусе западнорусской церкви под верховной властью папы и на неприкосновенности традиционного славянского ритуала. Они настаивали на том, что церковные владения должны остаться нетронутыми, а униатским митрополиту и епископам должны быть предоставлены места в сенате.

Как только князь Острожский получил известия о действиях епископов-униатов, он выступил 24 июня с заявлением, адресованным всем православным людям Польши и Литвы, протестуя против подобного рода церковной унии и убеждая православных стойко сопротивляться ей.[51]

Заявление Острожского произвело глубокое впечатление на православных мирян и на большую часть духовенства. 1 июля епископ Львова Гедеон заявил, что он никогда официально не соглашался на унию и что епископ Кирилл дважды злоупотребил (в 1591 и 1594 гг.) бумагами с его подписями, которые тот давал Кириллу с другой целью — просить короля воспрепятствовать нападкам католиков на православных. Гедеон зарегистрировал на этот счет в официальных документах города Львова официальное заявление.[52] Трудно сказать, верно ли это заявление, поскольку есть достаточно свидетельств, показывающих, что он склонялся к унии в 1591-1594 гг. Но что бы там ни было раньше, Гедеон теперь решительно порвал с униатским движением.

13 июля православные горожане Вильно выразили протест против унии. Главный наставник школы виленского братства Стефан Зизаний написал на русском языке памфлет против унии под названием "Защита православия от папизма". Митрополит Михаил, уже будучи униатом, отлучил Зизания от церкви. Последний заявил, что, поскольку Михаил оставил православную церковь, у него больше нет власти над православными. Зизаний был арестован и заключен в тюрьму, но ему удалось бежать.[53]

Не принимая во внимание недовольство со стороны православных, король Сигизмунд III провозгласил 24 сентября 1595 г. унию западнорусской церкви с Римом. 23 декабря папа Климент VIII

дал аудиенцию епископам Кириллу Терлецкому и Ипатию Поцею и благословил их. "Статьи", представленные папе, были пересмотрены для того, чтобы привести западнорусскую униатскую церковь в большее соответствие с римско-католической церковью.[54]

В мае или июне 1596 г. король выпустил указ, в котором он уполномочил митрополита Михаила созвать в Бресте собор западнорусской церкви с целью принятия унии. Король выразил надежду, что православные чистосердечно примут унию. В августе митрополит объявил западнорусскому духовенству и мирянам, что церковный собор должен будет собраться в Бресте 8 октября.[55]

8. Брестский собор и провозглашение унии

Как униаты, так и православные собрались в Бресте 5 октября 1596 г. [56]

Униатов возглавлял митрополит Михаил Рогоза в сопровождении пяти епископов — Ипатия Поцея из Владимира-Волынского, Кирилла Терлецкого из Луцка, Германа из Полоцка, Ионы Гоголя из Пинска и Дионисия Збируйского из Холма. На их стороне было, по крайней мере, три архимандрита и несколько других представителей духовенства. Папа назначил на собор семерых представителей: Яна Димитра Соликовского, католического епископа Львова, католических епископов Луцка и Холма, и четырех иезуитов, включая Петра Скаргу. Король направил на собор в качестве своих посланников трех католических вельмож: Николая Криштофа Радзивилла, Льва Сапегу и Димитра Халецкого[57]. Их сопровождало большое количество знати и слуг.

Во главе православной делегации были экзархи патриарха константинопольского Никифор и патриарха александрийского Кирилл Лукарис, а также два настоятеля монастыря с горы Афон. Со стороны православных прибыли только два западнорусских епископа: Гедеон Балабан из Львова и Михаил Капыстинский из Перемышля. Их поддерживало девять западнорусских архимандритов, два настоятеля и не менее ста священников.

Православными мирянами руководил князь Константин Острожский. С ним был его сын Александр (воевода из Волыни) и несколько вельмож, главным образом, — волынская знать. Кроме

того, было много мирян, представляющих области и районы Вильно, Киева, Галиции, Волыни, Браслава, Перемышля и Пинска; города Вильно, Львов, Пинск, Бельск, Брест, Каменец-Подольский, Киев, Владимир-Волынский, Минск, Слуцк и ряд других; и, наконец, представителей от православных братств Вильно и Львова. Несколько протестантов, по всей видимости,— брестские горожане,— посещали собрания православных, хотя и не голосовали. Ради предосторожности князь Острожский и другие православные вельможи прибыли каждый с толпой вооруженных слуг, казаков и татар, даже прихватив пушки.

Накануне открытия собора экзархи восточных патриархов и князь Острожский послали свои приветствия митрополиту Михаилу Рогозе с просьбой о совместной встрече для определения вопросов, которые будут обсуждаться. Митрополит не дал определенного ответа, но 6 октября созвал всех униатских делегатов в брестский кафедральный собор на молитву, зарегистрировав этот акт через государственного нотариуса Бреста, как официальное открытие собора.

Православные не были приглашены в собор, более того, по приказу епископа Ипатия Поцея все русские церкви в Бресте на время собора были закрыты. Православные собрались в частном доме, принадлежавшем боярину Райскому, где был большой зал, который служил протестантской молитвенной часовней. Здесь православные провели весь день в неизвестности, ожидая ответа от митрополита Михаила. Поскольку никто не пришел, православные решили провести свой собственный собор, разделившись на два *"кола"* — один из священников и другой из мирян.

Таким образом вместо единого церковного собора в Бресте было организовано два — униатский и православный,— каждый из которых собирался порознь. 8 октября православный собор заявил о том, что вопрос об унии с Римом не может быть решен одной только западнорусской церковью, а лишь по соглашению с восточными патриархами и со всеми православными церквями. При таком положении дел Петр Скарга прислал православным требование королевских представителей направить на униатский собор депутатов, чтобы выслушать королевские приказы, и добился приватной беседы с князем Константином Острожским. Хотя последнего и не убедили доводы Скарги, православный собор согласил-

ся послать своих делегатов к представителям короля. Князь Острожский был членом этой делегации. Королевские посланники пытались убедить делегатов принять унию, но они согласились лишь передать дело на рассмотрение православного собора. Острожский вновь повторил королевским посланникам, что вопрос об унии может быть решен только всей православной церковью.

9 октября униатский собор торжественно провозгласил унию западнорусской церкви с Римом и отлучил от церкви епископа Гедеона Балабана и всех православных монахов и священников, которые отказались принять ее. В тот же день на заседании православного собора экзарх патриарха Никифор лишил униатского митрополита и епископов их сана и права проводить церковные службы. Затем православный собор объявил о своем отказе принять унию.

Оба собора обратились с петициями к королю, и каждый просил его утвердить соответствующие решения. Конечно же, король определил свою позицию уже давно: он утвердил права и привилегии униатской церкви, как единственно законной церкви русского населения Польши и Литвы.

Униаты обвинили Никифора в том, что тот является турецким шпионом. Он предстал перед судом, но был оправдан. Несмотря на это, он по приказу короля был заключен в Мариенбургский замок, где, как об этом было доложено, в скором времени умер от голода.

Как единственно законная утвержденная западнорусская церковь, униатская церковь теперь стала требовать все церковные здания и земельные угодья православной церкви. Униатам удалось завладеть многими православными монастырями. Натиск униатов усилился в 1599 г., когда первый униатский митрополит Михаил Рогоза умер, и на его место пришел Ипатий Поцей. Православные были хоть как-то защищены только в тех городах и районах, которые находились под властью князя Константина Острожского и других — теперь уже немногочисленных — православных вельмож. В 1599 г. православные заключили соглашение с протестантами о совместной защите прав религиозных инакомыслящих.[58]

После принятия Брестской унии многие западнорусские дворяне либо присоединились к униатской церкви, либо раз и навсегда были обращены в католицизм. Однако среди городского насе-

ления, особенно среди крестьян, долгое время продолжалось упорное сопротивление унии.

На протяжении всего XVII века большинство украинских крестьян сохраняло свою традиционную веру, и давление униатов вызывало их сильное возмущение. Таким образом, организация униатской церкви не привела к принятию украинскими крестьянами польского режима. Введение унии фактически разделило западнорусскую церковь на две части: на униатскую церковь и православную церковь. Уния сеяла раздор и этим порождала раздражение. Она придала религиозный характер социальным разногласиям крестьян и казаков. Казаки вскоре стали поборниками православия.

ЗАМЕЧАНИЕ О РУССКИХ ОТЧЕСТВАХ И ФАМИЛИЯХ

Фамилии в современном смысле этого слова редко употреблялись на Руси в XV и XVI веках. А когда употреблялись, то они, главным образом, происходили от личного имени (или прозвища) отца или деда того или иного человека. Человека боярского рода опознавали скорее по отчеству, нежели по фамилии.

Посмотрите, например, Генеалогическую таблицу IV, ниже. Предка Романовых звали Федор Кошка. Его сын был известен как Иван Федорович Кошкин. Фамилия "Кошкин" (если мы можем так сказать) использовалась только двумя или тремя поколениями, а затем была заменена на "Кошкин-Захарин" (сына Ивана Федоровича Кошкина звали Захарий). Впоследствии фамилия изменилась на "Захарин", затем на "Юрьев-Захарин", и, наконец, на "Романов".

Княжеские фамилии часто происходили от названия удельного города основателя рода определенной ветви той или иной семьи. Так, в Генеалогической таблице V фамилия князей Шуйских происходит от названия Шуя — удельного города родоначальника семейства. Отдельные ветви княжеских семей опознаются по прозвищу родоначальника той или иной ветви. Так, в Таблице V, князя Ивана Васильевича Шуйского называли Скопа. Его потомки стали известны как Скопины-Шуйские.

Примечания

Библиография
и сокращения

Генеалогические
таблицы

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I. ВИЗАНТИЙСКИЙ БРАК ИВАНА III

[1] См. Монголы и Русь.
[2] Там же.
[3] Об их происхождении см.: Монголы и Русь.
[4] Об истоках терминов черкес и казак см.: Монголы и Русь.
[5] О древнеславянской религии и ее выживании в устной традиции, народной музыке и искусствах см.: Vernadsky. The Origins of Russia, pp. 108-173, 305-316.
[6] См. Монголы и Русь.
[7] Ibid, pp. 307-309.
[8] Ibid, pp. 296-297.
[9] Ibid, pp. 307-309, 311-312.
[10] ПДС, 1, 11-12; Базилевич, с. 263-264.
[11] См. генеалогическую таблицу I.
[12] Contarini, p. 163.
[13] Pierling, 1, 159.
[14] Приведено в "Очерках", т. 3, с. 103.
[15] Приведено в "Очерках", т. 3, после с. 206.
[16] Contarini, p. 159.
[17] Среди недавних работ относительно личности и наследственности см.: L. Szondi. Schicksalanalyse (Basel, 1944); M. de Ferdinandy. Ahnen and Schicksal (Munich, 1955).
[18] Монголы и Русь.
[19] Ibid, pp. 322-323.
[20] Базилевич, с. 76.
[21] Относительно Вольпе см.: Шмурло. "Вольпе", БЭ, 13 (1892), 147; Pierling, 1, 130-134.
[22] "Документы говорят это непрямо", Pierling, 1, 150.
[23] Ibid, p. 162.
[24] Псковские летописи, с. 74.
[25] Об эпизоде с Вольпе и Тревизано см.: Базилевич, с. 105-106.
[26] О титуле "деспот" см.: Монголы и Русь.
[27] См.: Савва, с. 43-45.
[28] Contarini, p. 164.
[29] Pierling, 1, 159.
[30] Ibid, pp.150-152; Савва, с. 42.
[31] Contarini, p. 163.
[32] ПСРЛ, 4, 154; 6, 21 и 232. Ср. Савва, с. 30.
[33] Herberstein-Backus, p. 10.
[34] См.: Савва, с. 36-37.
[35] Там же, с. 1-57; Базилевич, с. 83-88.

Глава II. НОВГОРОД

[1] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под редакцией Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц (Москва и Ленинград, 1948).
[2] Псковские летописи, с. 98.
[3] См. Монголы и Русь.
[4] Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде, с. 44-45.
[5] См.: Макарий. История русской церкви, 7, 123-125.
[6] Hamilton, plate 54B.
[7] Гудзий, с. 456.
[8] См.: Лихачев. Русские летописи, с. 312-316.
[9] Первая новгородская летопись, с. 475-477.
[10] Лихачев. Русские летописи, с. 341, Изображения новгородской архитектуры XII в. смотри у Гамильтона, илл. 8 и 9; XV в. представлен у Грабаря, I, 212-214. См. также Грабаря (2-е изд., 30-40, 63-71, текст и иллюстрации).
[11] См. Монголы и Русь.
[12] Грушевский. История Украины-Руси, 4, 225-226.
[13] Там же, с. 200.
[14] Новгородские договора с великими князьями Владимира и Москвы опубликованы в ГНП. Смотри также: Соловьев. Об отношении Новгорода к великим князьям. О Новгороде в целом см.: Н.И. Костомаров. Северорусские народоправства, 1, 2; Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, ЖМНП, 145 (1869), 294-309 и ЖМНП, 150 (1870), 201-234; Ключевский. Курс русской истории, 2; Порфиридов. Древний Новгород; Очерки, 2.
[15] Смотри: Никитский. "Очерки из жизни Великого Новгорода". Что касается новгородских глав города (посадников), то в научной литературе обычно подразумевается существование одного главы (степенного посадника); другие главы упоминаются как "старые", не находящиеся официально у власти. По моему мнению, в Новгороде было несколько городских голов в каждый момент времени. Старший именовался "степенным посадником"; другие известны как просто "посадники". "Степенный" производно от "степень", "помост", с которого делались официальные объявления.
[16] Соловьев. История России с древнейших времен, 5, 19.
[17] Vernadsky. Medieval Russian Laws, p. 84 (art. 6).
[18] ПСРЛ, 12, 111.
[19] Текст договора 1456 г. см. в ГНП, с. 39-43.
[20] ПСРЛ, 12, 126.
[21] Четвертая новгородская летопись, с. 503; ПСРЛ, 6, 5.
[22] ГНП, с. 113.
[23] ГНП, с. 242-243, 300.
[24] М. Пришвин. Избранное (Москва, 1946), с. 23.
[25] ПСРЛ, 4, 236.
[26] ПСРЛ, 4, 235.
[27] ПСРЛ, 12, 126. Базилевич (с. 91) говорит, что псковская летопись также рассматривает Михаила как агента Казимира, цитируя фразу "от королевской руки". Это недоразумение. Фраза относится не к прибытию Михаила в Новгород, а к утверждению Казимира Олелько и его рода на киевском троне (ПСРЛ, 4, 235).
[28] Четвертая новгородская летопись, с.446.
[29] В Великом княжестве Литовском этого периода как евреи талмудистской тра-

диции, так и караимы именовались "евреями". Вопрос о том, были ли Захария и его спутники последователями талмудизма или караимами, станет предметом обсуждения в 5 т.

[30] См. ее воспроизведение у Грабаря, 6, 261.

[31] Текст новгородского договора с Казимиром (1470 г.) см. в ГНП, с. 130-132.

[32] Грушевский. История Украины-Руси, 4, 224-225.

[33] ПСРЛ, 4, 237.

[34] ПСРЛ, 12, 129.

[35] Dlugosz, 14, 698. См.: Базилевич, с. 98-99.

[36] О Нешавском статуте см.: Wojciechowski. État **Polonais, pp. 254-256, 290.**

[37] См.: Базилевич, с. 99.

[38] ПСРЛ, 12, 133-135.

[39] Четвертая новгородская летопись, с. 446-447.

[40] Там же, с. 447.

[41] Текст договора 1471 г. см.: ГНП, с. 45-51.

[42] Фрагмент уточненного текста Новгородской судной грамоты см.: Владимирский-Буданов. Хрестоматия, 1, 172-185; ПРП, 2, 212-218; английский перевод см.: Vernadsky. Medieval Russian Laws, pp. 83-92.

[43] ПСРЛ, 12, 163.

[44] Соловьев. История, 5, 23.

[45] Об этом см.: ПСРЛ, 6, 200-205 и 12, 158-168; Четвертая новгородская летопись, с. 449.

[46] ПСРЛ, 12, 169.

[47] ПСРЛ, 12, 169-170.

[48] Карамзин. Примечания, № 147 к т. 6.

[49] Об этом см.: ПСРЛ, 6, 207-221; 12, 171-179.

[50] Dlugosz, 14, 697-698; Карамзин. История, 6, 131 и Примечания, 6, № 182.

[51] Карамзин. История, 6, 131 и Примечания, 6, № 182, содержащие ссылки на Arnt, Liefland Chronicle.

[52] Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде, с. 128.

[53] ПСРЛ, 4, 152-154; 6, 19-20; 12, 197-200; Четвертая новгородская летопись, с. 516.

[54] Соловьев. История, 5, 37-39.

[55] Карамзин. Примечания, № 196 к т. 6; Никитский. Очерк...Новгороде, с. 127; ААЭ, 1, 476.

[56] ПСРЛ, 12, 214-215.

[57] Четвертая новгородская летопись, с. 467; Никитский. Очерк...Новгороде, с. 132-134.

[58] Соловьев. История, 5, 39-40.

[59] Согласно В.Н. Лазарцеву, та форма фрески, что известна в XIX веке, сложилась в XVI в. Она погибла во время немецкой оккупации Новгорода в 1941-1944 гг. (Грабарь, 2-е изд., 2, 73-74).

[60] Кондаков. Иконография Спаса, с. 50-51 и The Russian Icon, p. 94. О фреске см.: Кондаков. Иконография Спаса, с. 50; Грабарь, 6, 130.

[61] Кондаков. Иконография Спаса, с. 50; ПСРЛ, 3, с. 211.

[62] ПСРЛ, 6, 182.

[63] Ключевский. Курс русской истории, 2, 109.

[64] Памятники СРЛ, 1, 283-284; Гудзий, с. 261-262.

[65] Гудзий, с. 261.

[66] ПСРЛ, 12, 137-138.

[67] ПСРЛ, 4, 127.

[68] Гудзий, с. 260.

[69] Ключевский. Жития, с. 151-152; Гудзий, с. 259-260.

Глава III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III

[1] Напомним, что тогда в Великом княжестве Литовском не делалось различий между раввинизмом и караизмом. Это также справедливо и в отношении Восточной Руси.
[2] Следует отметить, что некоторые ученые придерживаются мнения, что этот Захария был итальянцем, а не евреем. Так или иначе, Иван III трижды обращался к нему как к "Захарию иудею"; см. Сборник, 41, 41, 71.
[3] Kurat, p.49, line 17. Базилевич (с. 112, № 2) дает неправильную страницу при ссылке на публикацию Курата.
[4] См. Монголы и Русь. Генеалогическая таблица VI.
[5] ДДГ, с. 197.
[6] ДДГ, с. 209.
[7] Казанская история, с. 55. См. также Г.Н. Моисеева. Автор Казанской Истории. ТОДРЛ, 9 (1953), 266-288.
[8] См. Монголы и Русь.
[9] ПСРЛ, 12, 113.
[10] ПСРЛ, 12, 116-117.
[11] Базилевич, сс. 99-101.
[12] Сборник, 41, 16-20.
[13] См. Базилевич, с. 133.
[14] Базилевич, сс. 134-147.
[15] Текст послания Вассиана (в известной нам форме) см. в ПСРЛ, 6, 225-230; 12, 203-212. См. также И.М. Кудрявцев, «Послание на Угру Вассиана Рыло», ТОДРЛ, 8 (1951), 158-186.
[16] Базилевич, с. 147.
[17] Грушевский, История Украины и Руси, 4, 228-229; Базилевич, сс. 150-153; Яблоновский, сс. 118-123.
[18] Базилевич, с. 154.
[19] Базилевич, с. 159, № 3.
[20] Казанская история, с. 56.
[21] См. текст в Базилевич, сс. 164-165. См. также Золотая Орда, с. 427. Статья К.В. Базилевича «Ярлык Ахмат-хана Ивану III», Вестник Московского Университета (1948), № 1, недоступна для меня (цитируется в Золотой Орде, с. 426.
[22] См. Монголы и Русь.
[23] Устюжская летопись, сс. 93-94.
[24] О термине выход см. Монголы и Русь.
[25] N. Machiavelli, The Prince and the Discources (Modern Library ed., C.E. Detmold's translations), pp. 172-173.
[26] См. Крымский, с. 108.
[27] Базилевич, с. 239.
[28] См. R. Loewe, Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (Halle, 1896), pp. 38-40.
[29] Базилевич, с. 239, сноска на MXX, VI, No. 33.
[30] См. Сборник, 41, сс. 72-73, 77.
[31] Базилевич, с. 410.
[32] См. Н.Л. Эрнст, «Конфликт Ивана III с генуэзской Каффой», ТОИАЕ, 1 (1927), 167-180.
[33] См. Монголы и Русь, Генеалогическая таблица VII; Вельяминов-Зернов, 1, 3-4, 13-14, 58-59.

[34] О Нур Салтан см. Базилевич, с.с. 177-178; Б.С. Ижболдин, «Царица Татарская Нурсултана,» Новик (1951), сс. 11-15.
[35] Базилевич, с. 206.
[36] Карамзин, История, 6, 227, и Примечания, №№ 360, 361 к т. 6.
[37] Карамзин, История, 6, 228-229, и № 362 к т. 6.
[38] J.H. Gleason, The Genesis of Russophobia in Great Britain (Cambridge, Harvard University Press, 1950), pp. 9, 11, 15, 19.
[39] Wojciechowski, pp. 238-140; Любавский, Очерк, сс. 117-118.
[40] См.: Szyszman, Die Karäer in Ost-Mitteleuropa, pp. 37-38.
[41] AFED, p. 377.
[42] См. Монголы и Русь.
[43] ДДГ, с. 11.
[44] ДДГ, с. 39.
[45] ДДГ, сс. 290, 295, 301, 315, 332.
[46] Текст договора см. в ДДГ, сс. 329-332. Ср.: Базилевич, сс. 326-329.
[47] Сборник, 35, 182-187. Ср.: Базилевич, сс. 332-334.
[48] Слово тапкана, судя по всему, — осетинское заимствование. По-осетински тапка значит "навес, полог".
Тапкана, по всей видимости, представляла собой крытую подводу или сани (Елена ехала в январе).
[49] Кика — древнерусский головной убор. Его вариант известен как кокошник.
[50] Базилевич, сс. 206-208.
[51] ПСРЛ, 8, 220; Базилевич, с. 413.
[52] ПСРЛ, 12, 232.
[53] См. выше; и Базилевич, сс. 409-411.
[54] Текст письма царя Александра см. Карамзин, Примечания, № 370 к т. 6; Белокуров, 1, сс. xxi-xxii.
[55] Во времена Ивана мамлюкский султанат был еще независимым государством. Его захватил оттоманский султан Селим Ужасный в 1517 г.
[56] Сборник, 41, 107.
[57] Андреев, с. 318.
[58] Сборник, 41, 312-313; Базилевич, сс. 417-418.
[59] Крымский, с. 113.
[60] О посольстве Плещеева к султану см. Сборник, 41,231-236, 241-249.
[61] О посольстве Голохвастова см. Сборник, 41, 280-282.
[62] Базилевич, с. 399.
[63] Forsten, pp. 597-598; Базилевич, с. 379.
[64] Базилевич, сс. 387-393.
[65] Макарий, 9, 100-102.
[66] Сборник, 41, 288; Базилевич, с. 446.
[67] Базилевич, с. 451.
[68] ПСРЛ, 12, 252.
[69] ПСРЛ, 12, 2577; Базилевич, сс. 494-495.
[70] Сборник, 35, 398-402; Базилевич, сс. 518-521.
[71] Карамзин, Примечания, № 551 к т. 6.

Глава IV. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III

[1] Договор от 1450 г.; см.: ДДГ, с. 164.
[2] ДДГ, с. 207.

[3] ДДГ, с. 277.
[4] ДДГ, с. 293.
[5] ДДГ, с. 301.
[6] ДДГ, сс. 193-198.
[7] ПСРЛ, 6, 222.
[8] ПСРЛ. 6, 222.
[9] ПСРЛ, 6, 222.
[10] ДДГ, сс. 295-301.
[11] См. Костомаров, Народоправства, 1, 241-242.
[12] См. Монголы и Русь.
[13] Костомаров, Народоправства, 1, 248-249.
[14] Устюжская летопись, сс. 97-98.
[15] Владимирский-Буданов, Обзор, с. 192.
[16] См. Монголы и Русь.
[17] Там же.
[18] С.В. Веселовский, сс. 270-271.
[19] Самой ранней региональной грамотой, выданной московским великим князем, является "Грамота Двинской Земли", изданная Василием I в 1397 году. Англ. перевод текста см. Vernadsky, Medieval Russian Laws, pp. 57-60.
[20] См. Черепнин, Русские феодальные архивы, 2, 33-34.
[21] Новое исследование белозерской грамоты и англ. перевод текста см. H.W. Dewey, "The White Lake Charter: A Mediaeval Russian Administrative Statute", Speculum, 32 (1957), 74-83. Русский текст белозерской грамоты см. ПРП, 3, 170-174.
[22] ПСРЛ, 24, 213.
[23] Лихачев, Разрядные дьяки, с. 133.
[24] С.В. Веселовский в ИЗ, 5 (1939). 31-47.
[25] И.С. Лурье, "Из истории политической борьбы при Иване III", Ученые записки, Ленинградский университет, Исторические науки, 10 (1940).
[26] Черепнин, Русские феодальные архивы, 2, 273, 289-303.
[27] Там же, 306-310.
[28] Общую характеристику судебника см. H.W. Dewey, "The 1497 Sudebnik", ASEER, 15 (1956), 325-338; M. Szeftel, "Le Justicier (Sudebnik) du Grand Duc Ivan III", RHDFE (1956), pp. 531-568 (with French translation). Русский текст судебника см. Судебники, ред. Б.Д. Греков, сс. 17-29; ПРП, 3, 346-357.
[29] Англ. перевод "Русской правды" и Псковской судной грамоты см. Vernadsky, Medieval Russian Laws, pp. 26-56, 61-82.
[30] Государский убойца и коромольник. Следует заметить, что словосочетание государский убойца в статье 9 понимается современными учеными по разному. Термин государь (производным от которого является прилагательное государский) означает "суверен", но также имеет значение "господин" (господин рабов; господин крестьян, живущих в поместье). Термин убойца тоже многозначен. Он может означать "убийца, политический убийца". Герберштейн, который в XVI веке перевел часть судебника на латинский язык, интерпретировал слова государский убойца как "убийство своего господина" (Herberstein-Backus, p. 60). Некоторые современные историки, включая Черепнина, Dewey и Szeftel, приняли интерпретацию Герберштейна и утверждали, что эти слова относятся к восставшим рабам. С моей точки зрения, интерпретация неверна. Прежде всего, статья 9 в целом имеет дело с преступлениями против государства и церкви (она базировалась на статье 7 Псковской судной грамоты). Кроме того, прилагательное государский в статье 9 судебника совершенно очевидно относится не только к существительному убойца, но также и к следующему за ним существительному коро-

мольник. В ней говорится о вооруженном восстании и заговоре против суверена (государя).
[31] См. Монголы и Русь
[32] Ильяшевич, 1, 139. Другую интерпретацию статьи 57 см. в комментариях к статье Л.В. Черепнина в "Судебники", ред. Б.Д. Греков. По Черепнину, этот судебник "создал юридические предпосылки для закрепления крепостного права и усиления феодальной эксплуатации".
[33] См. Vernadsky, "Feudalism"; и Vernadsky, "Serfdom".
[34] Ильяшевич, 1, 232-233.
[35] Монголы и Русь.
[36] См. Киевская Русь.
[37] См. Монголы и Русь.
[38] Там же.
[39] Ильяшевич, 1, 259-263.
[40] Монголы и Русь.
[41] О дворе как военном институте см. Монголы и Русь.
[42] См. Монголы и Русь.
[43] ДДГ, с. 10.
[44] Монголы и Русь.
[45] ПСРЛ, 12, XII, 121-123.
[46] Очерки, 3, 36.
[47] См. Никитский, Очерк...Новгороде, сс. 125-126.
[48] Там же, сс. 193-194.
[49] Веселовский, с. 289.
[50] ПСРЛ, 12, 220.
[51] См. Веселовский, сс. 288-299; Базилевич, сс. 340-345.
[52] Веселовский, сс. 287 и 296. Ср. Очерки, 3, 39.
[53] Базилевич, с. 454.
[54] См. Максимович, с. 141.
[55] ПСРЛ, 6, 39-40; Карамзин, История, 6, 203-204.
[56] "Ересь жидовствующих" будет обсуждаться в т. 5 настоящего издания.
[57] ПСРЛ, 4, 72.
[58] АФЕД, с. 109.
[59] ПСРЛ, 6, 335.
[60] ПСРЛ, 6, 279; 12, 263.
[61] ПСРЛ, 6, 279.
[62] ПСРЛ, 22, 513; Черепнин, 2, с. 302.
[63] Черепнин, Русские феодальные архивы, 2, 293-303. См. также Базилевич, сс. 360-364.
[64] Герберштейн описывает бармы как высокий воротник из черного шелка, украшенный золотом и драгоценными камнями (Herberstein-Backus, p. 386).
[65] Так называемую "шапку Мономаха". См. также Монголы и Русь.
[66] ПСРЛ, 6, 241-243; 12, 246-248. См. также Herberstein-Backus, pp. 22-24.
[67] Herberstein-Backus, p. 13.
[68] Contarini, pp. 163-165.
[69] Сборник, 35, 250-253.
[70] ПСРЛ, 6, 43; 12, 246.
[71] Базилевич, сс. 371-375.
[72] Устюжская летопись, с. 100.
[73] ПСРЛ, 6, 43; 12, 248-249; Устюжская летопись, с.100; Карамзин, Примечания, примечание 451 к т. 6.

[74] Сборник, 35, 275; Базилевич, с. 375.
[75] Псковская летопись, сс. 83-84.
[76] Соловьев, История, 5, 180.
[77] ПСРЛ, 6, 48; 5, 255.
[78] Соловьев, История, 5, 81.
[79] Herberstein-Backus, p. 81.
[80] Хрущев, сс. 178-179.
[81] О дате бесед см. АФЕД, с. 205.
[82] Текст письма Иосифа Митрофану см. АФЕД, сс. 436-438.
[83] См. Павлов, Очерк, сс. 39 и следующие; Vernadsky, "Heresy", p. 146.
[84] ПСРЛ, 6, 49; 12, 258; Никитский, Очерк...Новгороде, с. 187.
[85] АФЕД, с. 439.
[86] ДДГ, сс. 353-364.
[87] ПСРЛ, 6, 495; 12, 258; АФЕД, сс. 216-217.
[88] Herberstein-Backus, p. 11. Следует отметить, что "Гавриил" было христианским именем Василия, а "Василий" его "княжеским именем". В киевский период княжеские имена обычно были славянского и норвежского происхождения (см. Киевская Русь). В монгольский и постмонгольский периоды оба имени были именами христианских святых.

Глава V. ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III

[1] Герберштейн — Бакус, сс. 15 и 18.
[2] Карамзин, История, 7, 190.
[3] Там же, 190; ПСРЛ, 6, 280.
[4] Псковская летопись, с. 103.
[5] Письма, 1, 3-5.
[6] Герберштейн-Бакус, сс. 31-32.
[7] О князе Михаиле Львовиче Глинском и роде Глинских см.: А.Э. [А.В. Экземплярский], "Глинский, кн. М.Л.", ЭС, 16 (1893), 866-867; Р.В. Зотов, О Черниговских князьях по Любечскому Синодику (С.-Петербург, 1892), с. 131; Временник, 10, сс. 157-158.
[8] Лаппо, Западная Россия, с. 123.
[9] О монастыре в Печерах см.: Andreyev, "Pskov-Pechery Monastery". См. также: Л. Зуров, Отчина (Рига, 1929).
[10] Герберштейн-Бакус, с. 17.
[11] Псковская летопись, с. 105.
[12] Герберштейн-Бакус, с. 11.
[13] О дальнейшем см.: Псковская летопись, сс. 92-97; ПСРЛ, 4, 282-288.
[14] ПСРЛ, 4, 282.
[15] ААЭ, 1, 116-117. Она пересказана в: Соловьев, История, 5, 443-444.
[16] О причинах этого см. ниже.
[17] Текст письма Филофея псковичам см. в: Малинин, приложение, сс. 7-24.
[18] Текст этого письма см. в: Малинин, приложение, сс. 49-56.
[19] Малинин, с. 372.
[20] Псковская летопись, с. 97.
[21] Герберштейн-Бакус, с. 88.
[22] АФЕД, сс. 511-513, 522-523.
[23] АФЕД, сс. 488-489, 518-520.
[24] См.: Киевская Русь.

[25] Хрущев, с. 206.
[26] Там же, сс. 208-209.
[27] Там же, сс. 209-215.
[28] Жмакин, с. 71.
[29] Об этом татарском набеге см.: ПСРЛ, 6, 263; 13, 38-43; Соловьев, История, 5, 365-369; Герберштейн-Бакус, сс. 107-109.
[30] Вельяминов-Зернов, 1, 250-252.
[31] Там же, 256-260.
[32] ЭС, 22, 600.
[33] ПСРЛ, 6, 255; 13, 19.
[34] ПСРЛ, 13, 21-22; Псковская летопись, с. 98. Примечательно, что сообщение о битве при Орше в Псковской летописи написано в стиле "Слова о полку Игореве".
[35] Сборник, 35, 629-642.
[36] Соловьев, История, 5, 390.
[37] Там же, 390-391.
[38] Хрущев, сс. 249-251; Соловьев, История, 5, 391-392.
[39] О Максиме Греке см.: Иконников, Максим Грек; Denissoff, Maxime le Grec et l'Occident.
[40] Соловьев, История, 5, 386-387.
[41] Жмакин, с. 135.
[42] Соловьев, История, 5, 387-389.
[43] Жмакин, с. 137.
[44] ПСРЛ, 4, 295.
[45] Жмакин, с. 140.
[46] Следственное дело, касающееся Берсеня, известно лишь частично. Оно опубликовано в ААЭ, 1, 141-145; см.: Жмакин, сс. 172-173.
[47] Жмакин, сс. 173-181.
[48] Там же, сс. 185-196.
[49] Там же, сс. 196-232.
[50] Курбский (изд. Устрялова) с. 5.
[51] Сборник, 35, 727-731.
[52] ПСРЛ, 13, 43-44.
[53] Вельяминов-Зернов, 1, 268-271.
[54] Карамзин, История, 7, 141.
[55] См.: Forstreuter, pp. 101-115.
[56] Pierling, 1, Livre III, chaps. 1-2.
[57] См.: Малинин, сс. 256-266.
[58] В.Ф. Ржига, "Боярин-западник XVI века (Ф.И. Карпов)", РАНИОН, 4 (1929), 39-50.
[59] ПСРЛ, 6, 267-276; Соловьев, История, 5, 395-404.
[60] Базилевич, сс. 87-88. Первое известное нам упоминание о двуглавом орле на великокняжеской печати датируется 1497 г. См. также: Очерки, 2, с. 331. Об археологических основах этой эмблемы см.: Кондаков, Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Прага, 1929), сс. 115-119. Ср.: A.V. Soloviev, "Les Emblèmes hèraldiques de Byzance et les Slaves", SK, 7 (1935), 119-164.
[61] Савва, сс. 118-128. В Византийской империи термин "цезарь" прилагался ко второму по важности официальному рангу. Византийский император был известен как Basileus Autocrator. Русские обычно переводили Basileus как "царь", а Autocrator — как "самодержец", этот последний термин является буквальным переводом слова Autocrator на славянский язык.
[62] ПСРЛ, 6, 242.

[63] ПСРЛ, 1, табл.2 (2-е изд., 1927), кол.370. Цитата здесь анонимна, но может быть атрибутирована читателями, как относящаяся к Св. Павлу (цитата из которого предшествует цитате из Агапета). О "Пчеле" см.: Киевская Русь. Ср.: Шевченко, сс. 142-144.
[64] Просветитель, с. 547; Письма Иосифа к Василию III см.: АФЕД, сс. 513-520; Вальденберг, Древнерусские учения, сс.197-220, и "Наставление"; Шевченко, сс. 156-159.
[65] Макарий, 9, 63-68.
[66] Текст послания Спиридона см.: Дмитриева, сс. 159-170.
[67] Герберштейн-Малеин, с. 32.
[68] Герберштейн-Бакус, с. 4.
[69] Сказание о князьях Владимирских: Дмитриева, сс. 171-178.
[70] Малинин, приложение, с. 55.
[71] О Третьем Риме см.: H. Schaeder, Moskau das Dritte Rom (Hamburg, 1929); Medlin, Moscow and East Rome; О. Охлоблин, Московска теория III Рима в XVI-XVII стол (Мюнхен, 1951); Архимандрит Константин [К. Зайцев], "Чудо русской истории, 1. Возникновение православного царства", Православный путь (1951), сс. 108-126; А.В. Соловьев, "Святая Русь", СРАОКС, 1, (1927), 77-113; idem, "Helles Russland-Heiliges Russland", Festschrift fur D. Čyževskyj (Berlin, 1954), pp. 282-289; Ульянов, "Комплекс Филофея"; Cherniavsky, "Holy Russia".

Глава VI. ЗАПАДНАЯ РУСЬ В XVI ВЕКЕ

[1] Жемайтия (по-русски; по-польски Zmudź) - название северо-западной части литовской территории, спор за которую на протяжении долгого времени велся между Тевтонским орденом и Литвой. Окончательно присоединилась к Великому княжеству Литовскому в 1411 г.
[2] О русской федерации киевского периода см.: Киевская Русь.
[3] См.: Монголы и Русь.
[4] Akta Unji, p. 2.
[5] Лаппо, Западная Россия, сс. 122,126.
[6] Там же, с. 122.
[7] См.: Монголы и Русь, карта 5.
[8] Rutkowski, p. 20; Дорошенко, Нарыс истории Украины, 1, 139.
[9] Дорошенко (сн 8, выше).
[10] См.: Монголы и Русь.
[11] РИБ, 33, кол.2-231; Korzon, 1, 340-341.
[12] См.: Backus, Motives of West Russian Nobles, pp. 107-110.
[13] Любавский, Очерк, сс. 86-87.
[14] Kutrzeba, I, 124-127; 168-172; Wojciechowski, pp. 178-183, 252-258.
[15] Представляется, что славянское слово "хоругвь" происходит от монгольского orunga, "знак", "знамя". См.: asmer, REW, 3, 206.
[16] О Свидригайло см.: Монголы и Русь.
[17] Kutrzeba, 2, 120.
[18] Лаппо, Западная Россия, с. 118.
[19] Монголы и Русь.
[20] Там же.
[21] Грабеньский, с. 94.
[22] Довнар-Запольский, с. 426.
[23] Kutrzeba, 1, 77 и 154-162; Wojciechowski, pp. 66-69, 241-244, 267-279.

[24] Существование двух видов казны отражает основное разделение дохода великого княжества на две категории: налоги с земли и платы, взимавшиеся великим князем. В XV и XVI веках оба эти источника дохода использовались, главным образом, на государственные нужды. Личный доход великого князя отделялся от его дохода как суверена. См.: Довнар-Запольский, сс. 2-6.
[25] Главнокомандующий, так же, как и его заместитель, назывался гетманом. Само слово "гетман" происходит от немецкого "Hauptmann", см.: Vasmer, REW, 1, 266.
[26] Гродненский повет относился к воеводству Трокай.
[27] Любавский, Очерк, сс. 184-185.
[28] Базилевич, сс. 306-312, 372.
[29] Там же, с. 318.
[30] Макарий, 9, 286-287; ПСРЛ, 13, 248-249.
[31] Kutrzeba, 1, 169-176; Wojciechowski, pp. 252-263.
[32] Обычная форма этого термина в западнорусских документах - сойм. Я использую здесь форму "сейм", поскольку она вошла в современный русский язык и привычна в русской исторической литературе.
[33] Kutrzeba, 2, 140.
[34] Имена членов совета вельмож, а также сановников центральной и местной администрации см.: Любавский, Сейм; его же, Областное деление; Леонтович, "Рада"; Лаппо, Великое Княжество Литовское, 1; Грушевский, История Украины-Руси, 5. Во всех этих работах, кроме Леонтовича, есть перечни имен. Очень полезные списки областных и районных должностных лиц есть в кн.: Backus, Motives, pp. 61-78, 153-154.
[35] Бельские привилеи 1564 г. появились перед II Литовским Статутом: Временник, 23 (1855). Об именах, названных выше, см. сс. 6-7 и 10 названного издания.
[36] Любавский, Очерк, сс. 207-211; Kutrzeba, 2, 172-177; Korzon, 1, 331-343.
[37] РИБ, 33 (1915), 2-231. см. также: Любавский, Сейм, сс. 355-360; его же, Очерк, с. 135; Грушевский (выше, см. 34), 5, 31; Korzon, 1, 340-341.
[38] А. Флоровский, Чехи, 2, 302-322.
[39] См.: Монголы и Русь.
[40] Список татарских князей и казаков в литовской армии см. в армейском реестре 1528 г., РИБ, 3, кол.109-120. См. также реестр литовской армии 1565 г., РИБ, 33, кол.425-430. О татарах на литовской службе см.: Stökl, pp. 123-135. Я в долгу у г-на Шишмана за нижеследующую библиографию о литовских татарах: S. Kryczyński, Tatarzy Litewscy (Warsaw, 1938); M. Tuhan Baranowski, O muślimach Litewskich (Warsaw, 1895); А. Мухлинский, Исследование о происхождении и состоянии литовских татар (С.-Петербург, 1858); Л. Кричинский [Kryczyński], Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины (С.-Петербург, 1917); Д. Александрович, "Литовские татары", Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, 2 (1926), 77-95; Michalon Lituanus, De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum (Basileae, 1615).
[41] О дворянстве Великого княжества Литовского см.: Kutrzeba. 2, 45-62; Backus, "Die Rechtsstellung der litauischen Bojaren"; Любавский, Сейм, сс. 311-427; Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 254-266; Грушевский (выше, см. 34), 5, 27-40; J. Wolff, Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku (Warsaw, 1895).
[42] Kutrzeba, 1, 40-47, 121-127; Wojciechowski, pp. 171-183.
[43] Грушевский (выше, см. 34), 5, 32-33.
[44] Там же, с. 31.
[45] Любавский, Очерк, с. 126.
[46] Там же, с. 126; Грушевский (выше, см. 34), 5, 54-56.
[47] Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 515-522; Грушевский, История, 5, 56-57.

[48] Любавский, Сейм, с. 440; Грушевский (выше, сн. 34), 5, 60.
[49] О рабах в Великом княжестве Литовском см.: Любавский, Очерк, сс. 96-97; Грушевский, (выше, сн.34), 5, 109-115; Kutrzeba, 2, 73-74.
[50] О происхождении этого термина см.: Киевская Русь. Другие использовавшиеся термины: *невольник, парубок* и *жонка*
[51] Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 443; Kutrzeba, 2, 74-75.
[52] Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 443.
[53] Киевская Русь.
[54] Vasmer, REW, 1, 578. В "Слове о полку Игореве" (конец XII века) словом "*кметь*" обозначался воин-всадник: см.: G. Vernadsky, "The Origins of Russia", pp. 91, 283.
[55] О крестьянах в Великом княжестве Литовском см.: Ф.И. Леонтович, Крестьяне Юго-западной России по Литовскому праву XV и XVI веков (Киев, 1863); его же, "Крестьянский двор в литовско-русском государстве", ЖМНП (1896), 2-4, 7, 12 (1897), 4-5; И.П. Новицкий, "Очерк истории крестьянского сословия Юго-западной России в XV-XVIII веках", *АИЗР, 6, Ч.1* (Киев, *1876*); *Любавский, Очерк*, сс. 102-115, 137-143; Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого княжества Литовского; Грушевский (выше, сн. 34), 5, 107-121; Kutrzeba, 2, 72-85; Греков, Крестьяне на Руси, сс. 250-390.
[56] Довнар-Запольский, сс. 202, 203, 212-216.
[57] Владимирский-Буданов, Хрестоматия, 2, (8-е изд., Киев, 1915), 27-28. В этом издании грамота ошибочно отнесена к 1457 г. См.: Любавский, очерк, сс. 77.
[58] *Любавский, Очерк*, с. 138.
[59] Новицкий, "Очерк истории крестьянского сословия", с. 159.
[60] О задруге см.: Киевская Русь.
[61] О вече см.: Киевская Русь.
[62] См.: Монголы и Русь.
[63] О западнорусских городах и горожанах см.: Грушевский (выше, сн. 34), 5, 223-251; Любавский, Очерк, сс. 115-117; Kutrzeba, 2, 96-101.
[64] Армяне появились в городах Киевского региона, Галиции и Волыни в XI веке. Переселенцы из Армении продолжали приезжать в Великое княжество Литовское и Польшу даже в XVI веке. Большинство из этих армян прибывали не из Закавказья, а из Крыма, где они жили некоторое время и познакомились с половецким языком. Их общее число в Великом княжестве Литовском было невелико, но они играли важную роль в коммерции, благодаря их деловым способностям и солидариости. Они торговали, главным образом, восточным товаром. Я в долгу у г-на Шишмана за следующие библиографические отсылки: "Ormijane w Polsce", Encyklopedyja powszechna, 20 (Warsaw, 1865), 55-60; S. Baracz, Zywoty slawnych Ormian w Polsce (Lvov, 1856); T. Kowalski, "Wyrazy kypczackie w jezyku Ormian polskich", Myśl Karaimska, 12 (Wilno, 1938), 27-40; B. Baranowski, "Ormianie w sluzbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej", Myśl Karaimska, new series, I (Wroclaw, 1946), 119-132.
[65] О Магдебургском праве в западнорусских городах см.: М.Ф. Владимирский-Буданов, "Немецкое право в Польше и Литве", ЖМНП, 8-12 (1866); Ф.В. Тарановский, Обзор памятников Магдебургского права (Варшава, 1897); Н.П .Василенко, "Право Магдебургское", ЭС, 48 (1898), 890-896; Грушевский (выше, си. 34) 5, 342-355; *Любавский*, Очерк, сс. 148-153; Kutrzeba, 2, 97-99.
[66] Грушевский (выше, сн. 34), 5, 288.
[67] Там же, сс. 241-242.
[68] Там же, с. 229.
[69] О цехах см.: Vasmer, REW, 3, 291. О цехах в западнорусских городах см.: Грушевский (выше, сн. 34), 6, 109-138.
[70] Западнорусский термин "*войт*" обычно считается производным от немецкого

"Vogt" (параллельно существовала старая форма "Voit"). Однако, представляется, что как славянский, так и немецкий термины (*войт*) происходят от греческого "boethos (*βοηθος*)" -"помощник, защитник" (произносится "войтос" - в средневековом и современном греческом). В старом списке греческих слов, заимствованных "галло-греками", т.е. галатами (каждое слово в этом списке сопровождается его немецким и латинским эквивалентами) мы обнаруживаем: "*βοηθος*; Voit, vogt; praeses"; см.: W. Lazius, De aliquot gentium migrationibus (Basileae, 1572) p. 30. Лазиус также опубликовал (сс. 748-751) список слов, принадлежащих народу, который "пришел из Азии и греческих рубежей". Большинство этих слов - славянские. Среди них - foyt, эквивалент которого - греческое *βοηθος* (с. 748).

[71] Василенко, "Право Магдебургское", с. 892.

[72] РИБ, 33, кол. 195-198.

[73] См.: Грушевский (выше, сн. 34), 5, 649-650.

[74] Там же, с. 236.

[75] Владимирский-Буданов, цитировано по: Василенко, "Право Магдебургское", с. 892.

[76] О евреях в Польше и Литве см.: Бершадский, Литовские евреи; Грушевский (выше, сн. 34), 5, 254-261; Любавский, Очерк, сс. 117-121; Kutrzeba, 1, 152-154 и 2, 101-105; Wojciechowski, pp.237-240; Еврейская энциклопедия, 10, кол. 267-271 (Евреи в Литве) и 12, кол 703-733 (Евреи в Польше); Dubnow, History of the Jews in Russia and Poland, 1, 39-102; S.W. Baron, The Jewish Community (2 vols., Philadelphia, 1942), 1, 267-273.

[77] Грушевский (выше, си. 34), 5, 254. Следует отметить, что часть сведений Грушевского о евреях, фактически, по-видимому, относится к караимам, о которых см. ниже, с. 217.

[78] Там же, с. 255.

[79] О караимизме и караимах см.: J.Fürst, Geschichte der Karäerthums von 900 bis 1575 (Leipzig, 1865); А. Гаркави, "Караимы", ЭС, 27 (1895), 427-431; С.А. Бершадский, Документы и регесты к истории евреев в Литве (2 тт., С.-Петербург, 1882); Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов (С.-Петербург, 1890); Еврейская Энциклопедия, 9, кол.268-298; Nemoy, Karaite Antology, pp.XIII-XXIV; Szyszman, "Die Karäer in Ost-Mitteleuropa, pp. 24-54. Г-н Шишман любезно сообщил мне следующие дополнительные упоминания о караимизме и караимах: И.О. Сипани, История возникновения и развития караимизма, 2 тт. (Симферополь, 1888 и С.-Петербург, 1889); "Караимы", Большая Энциклопедия, 10 (С.-Петербург, 1902), 517; "Караимы", БСЭ, 20, 110; T. Czacki, Rozprawa o Karaitach (Vilna, 1807); T. Kovalski, "Karaimi", Świat i życie, 4 (Warsaw and Lvov, 1936), cols. 1036-1038; N.L. Cieszyński, "Najmniejsza mniejszość w Polsce", Roczniki Katolickie 1930 (Pòsnań), pp.323-331; H. Namik, Türk Dünyasi (Istanbul, 1932), pp. 179-180; S. Šapšal, "Kirim Karay Türkleri", Türk yili, 1 (Istanbul, 1928).

[80] О караимизме у хазар см.: S. Szyszman, "Le Roi Boulan et le problème de la conversion de Khazars", Ephemerides Theologicae Lovanienses, 33 (1957), 68-76; idem, "Les Khazars: problèmes et controverses", Revue de l'Histoire des religions, 152 (1957), 174-221.

[81] По всей видимости, на караимский диалект также оказал влияние хазарский язык. О положении западно-караимского (трокайского диалекта) по отношению к другим тюркским языкам и диалектам см.: Tadeusz Kowalski, Karaimische Texte in Dialekt von Troki (Kraków, 1929), pp. I-Ixxi; A. Zajaczkowski, Ze studiów nad zagadnieniem ebazarskim (Kraków, 1947), pp. 61-75; Szyszman, "Karäer", pp. 29-75.

[82] Szyszman, "Karäer", pp. 26-35.

[83] Ibid, pp. 39-40.

[84] Ibid, pp. 39-40.

[85] Сборник старинных грамот, сс. 1-53; Бершадский, Документы и регесты, 1, 28-29; его же, Литовские евреи, сс. 241-243, 248-250; Szyszman, "Karäer", pp. 37-38.
[86] Szyszman, "Karäer", pp. 35-36.
[87] Szyszman, "G. Peringers Mission", ZDMG, 102 (1952), 219-226; idem, "Karäer", p. 39.
[88] Mattew of Miechow, De duabus Sarmatiis, pp. 174 (Latin text) и 96 (русский перевод). Ср.: Szyszman, "Karäer", p. 37. Матвей Меховский делает подобное же утверждение по поводу тракайских евреев (т.е. караимов); см. сс. 186 (латинский текст) и 109 (русский перевод).
[89] РИБ, 20, кол.909, 1148, 1156, 1181; Szyszman, "Karäer", p. 38.
[90] Г-н Шишман привлек мое внимание к этому документу в письме, датированном 12 июня 1958 г. По его мнению, вопрос о выселении караимов из Великого княжества Литовского в 1495-1503 гг. должен быть в целом пересмотрен. См. также: Szyszman, "Karäer", p. 42, n. 61.

Глава VII. УПАДОК ЛИТВЫ И РОСТ ВЛИЯНИЯ УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ

[1] Kutrzeba, 2, 174.
[2] О королеве Боне см.: W. Pociecha, "Bona Sforza", PSB, 2 (1936), 288-294.
[3] Довнар-Запольский, сс. 295, 311.
[4] См.: H. Aubin, "The Lands East of Elbe and German Colonization Eastwards", CEH, 1 (1942), 374-375. О крестьянах при германском праве в Польше см.: Wojciechowski, pp. 193-203.
[5] Текст "Устава на волоки" см. в: РИБ, 30 (1914), кол. 542-585. Ср.: Грушевский, История, 5, 206-209; Довнар-Запольский, сс. 276-311, 322-333; Любарский, Очерк, сс. 242-246; Kutrzeba, 2, 85-95. Современная монография о реформе: Пичета, Аграрная реформа Сигизмунда Августа.
[6] Грушевский, История Украины-Руси, 5, 206.
[7] Грушевский, История Украины-Руси, 5, 214-215.
[8] Там же, с. 220.
[9] Довнар-Запольский, с. 352.
[10] Там же, сс. 318-320.
[11] Там же, с. 333.
[12] ПСРЛ, 13, 255-258; Соловьев, История, 6, 139.
[13] ПСРЛ, 13, 271; Голобуцкий, с. 74.
[14] Голобуцкий предполагает (с. 77), что к тому времени, как Вишневецкий построил свою крепость на острове Хортица, уже существовала казацкая "сечь" на острове Томаковка ниже по Днепру. Для этого предположения нет источников.
[15] ПСРЛ, 13, 286, 288, 296.
[16] Сборник, 59, 538-551.
[17] Грабеньский, с. 113.
[18] Сборник, 59, 577-580.
[19] Бестужев-Рюмин, 2, 247; Любавский, Очерк, сс. 259-260.
[20] ПСРЛ, 13, 320.
[21] ПСРЛ, 13, 322-324.
[22] ПСРЛ, 13, 321.
[23] ПСРЛ, 13, 327-328.
[24] ПСРЛ, 13, 329.
[25] Сборник, 71, 1-10.

[26] Сборник, с. 20.
[27] Там же, сс. 23-46.
[28] Шмурло, 2, ч. 1, 81.
[29] Грабеньский, сс. 113-114; Любавский, Очерк, сс. 260-261; Kutrzeba, I, 201-202.
[30] Любавский, Очерк, сс. 265-267.
[31] Довнар-Запольский, сс. 490-496.
[32] Там же, с. 477.
[33] См.: W. Pociecha, "Barbara Radziwillowna", I (1935), 294-298.
[34] Pociecha, "Bona Sforza", p. 293.
[35] Kutrzeba, I, 166-168; Wojciechowski, pp. 264-266. В XIV и XV вв. не только шляхта, но и города образовывали конфедерации по различным поводам.
[36] Любавский, Очерк, с. 295; Грабеньский, сс. 107-108, 114. Многие документы 1563-1564 гг. опубликованы в Akta Unji, pp. 154-185.
[37] Любарский, Очерк, сс. 295-298; Грабеньский, с. 114.
[38] ПСРЛ, 13, 355-364; Карамзин, История, 9, 41-44; Бестужев-Рюмин, 2, 272-273.
[39] Сборник, 71, 121-131.
[40] Там же, сс. 131-151.
[41] Там же, сс. 151-163.
[42] Там же, сс. 163-173.
[43] Там же, с. 260.
[44] Там же, с. 267.
[45] ПСРЛ, 13, 377; Карамзин, История, 9, 29; Бестужев-Рюмин, 2, 273.
[46] Карамзин, Примечания, 9, 36 (пр. 99).
[47] Сборник, 71, 331.
[48] Там же, с. 156.
[49] Голобуцкий, сс. 82-83.
[50] Сборник, 71, 156.
[51] ПСРЛ, 13, 339-340; СГГД, 1, 477-487 (№№ 175-177); Соловьев, История, 6, 201; Бестужев-Рюмин, 2, 259.
[52] Соловьев, История, 6, 203-204.
[53] Письма напечатаны в Посланиях Ивана Грозного, сс. 241-247.
[54] Об этом см.: Н. Устрялов, Сказания князя Курбского (2-е изд.), сс. 18-19. См. также В. Корсакова, "Курбский", РБС, т. "Кнапне-Кюхельбеккер", сс. 589-591.
[55] ПСРЛ, 13, 390.
[56] ПСРЛ, 13, 388-389. Ср.: Новосельский, сс. 428-429.
[57] Fenell, pp. 192-194.
[58] Fenell, p. 208.
[59] О люблинской Унии 1569 г. а см.: М.В. Довнар-Запольский, "Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г. а", ДМАО, 2 (1897); Любавский, Сейм, сс. 815-850; его же, Очерк, сс. 301-303; Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 13-85; его же, Западная Россия, сс. 134-143; Kutzeba, I, 197-201; 2, 192-197; Halecki, Dzieji Unji Jagiellońskiej, 2, 248-253. Документы Люблинского сейма см. в Akta Unji, pp. 189-381, а также неофициальный дневник сейма в: Дневник Люблинского Сейма, изд. Коялович (С.-Петербург, 1896).
[60] Дневник Люблинского Сейма, с. 13. Ср.: Лаппо, Княжество Литовское, 1, 13-14.
[61] После смерти Николая Радзивилла "Черного" в 1565 г. Николай Радзивилл Рудый замеиил его на этом посту, будучи наиболее влиятельным литовским государственным деятелем.
[62] Т.е. должность великого князя литовского все еще существовала.
[63] Дневник Люблинского сейма, с. 12; Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 18-19.
[64] Дневник, с. 19; Лаппо, 1, 15.

[65] Любавский, Очерк, с. 304.
[66] Akta Unji, pp. 193-209.
[67] Ibid, pp. 207-209.
[68] Дневник, с. 187; Лаппо, 1, 187.
[69] Там же, сс. 194-195; Лаппо, 1, 187.
[70] Akta Unji, pp. 309-319.
[71] bid, pp. 319-321.
[72] Лаппо, 1, 44.
[73] Akta Unji, pp. 366-379.
[74] Шмурло, 2, ч. 1, 364.
[75] Лаппо, Западная Россия, сс. 141-143; Шмурло, 2, Ч.1, 364-365.
[76] Об этом см.: Лаппо, Западная Россия, сс. 145-151; Шмурло, 2, Ч.1, 364-365.
[77] О Третьем Литовском Статуте см.: Лаппо, Литовский Статут 1588 г. а, Ч.I-II.
[78] Предисловие Санеги к его изданию Третьего Литовского Статута, Временник, 19, XI. Ср.: Лаппо, Западная Россия, с. 184.
[79] Лаппо, Западная Россия, с. 188.
[80] Kntrzeba, 2, 214-215.
[81] См.: Vernadsky, Political and Diplomatic History of Russia, pp. 137, 159, 160, 165, 166; Stökl, Die Entstehung des Kosakentums.
[82] G. Vernadsky, "The Riddle of the Gothi-Tetraxitae", SOF, II (1952), 281-283; Монголы и Русь, Киевская Русь.
[83] О Codex Cumanicus см.: D.A. Rasovsky, SK, 3, 193-214.
[84] *ξιφη σφαγης υπο καζακων*, см.: Антонин, "Заметки XII-XIV веков", ЗОО, 5, (1863), 613; Грушевский, История Украины-Руси, 7, 77; Stökl, pp. 43-44.
[85] Allen, The Ukraine, p. 69.
[86] О городе Ясы см.: Древняя Русь, Монголы и Русь.
[87] Киевская Русь.
[88] G. Pachymeres, De Michaele et Andronico Paleologis (2 vol. Bonn, 1835), 1, 344; Н.И .Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Петроград, 1922), с. 28; Монголы и Русь.
[89] См.: Монголы и Русь; Stökl, pp. 56-60.
[90] См. также : Г. Вернадский, Начертание русской истории (Прага, 1927) сс.108-111; idem, Political and Diplomatic History of Russia, p. 137; Монголы и Русь; Stqkl, pp. 64-105.
[91] См. также: Монголы и Русь, Stökl, pp. 106-110.
[92] Костомаров, Богдан Хмельницкий, 1, 6-7.
[93] Даль, Словарь, 2, 73.
[94] Doroshenko, Narys istorii Ukrainy, 1, 152.
[95] Голобуцкий, сс. 56-57.
[96] АЗР, 1, №170; Костомаров, Богдан Хмельницкий, 1, 7; Грушевский, История Украины-Руси, 7, 81; Stökl, pp. 116-117; Голобуцкий, с. 57.
[97] О происхождении украинских казаков см.: Костомаров, Богдан Хмельницкий, сс. 1-19; Владимирский-Буданов, "Население Юго-западной России от половины XV века до Люблинской Унии"; М.К. Любавский, "Начальная история малорусского казачества", ЖМНП, 300 (1895), 217-244; A. Jablonowski, "Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Korona", KH, 7 (1893), 408-435; Платонов, Очерки по истории Смуты, сс. 113-120; Грушевский, История Украины-Руси, 66-127; Doroshenko, Narys istorii Ukrainy, 1, 144-161; Krupnyckyi, Geschichte der Ukraine, pp 49-64; Allen, The Ukraine, pp. 64-72; W. Tomkiewicz, "O składzie społecznym i etnicznym kozaczyny ukrainskiej na przelomie XVI i XVII wieku", PH, 37 (1948), 249-260; Stökl, Die Entstehung des Kosakentums; Голобуцкий, сс.23-63.

[98] Сборник, 41, 194-196; Грушевский, 7, 83; Stökl, p. 116.
[99] Об Остафии Дашкевиче см.: W. Pociecha, "Daszkievicz", PSB, 4 (1938), 444-447.
[100] Грушевский, 7, 115-116.
[101] Недавно М. Голобуцкий предположил, что Вишневецкий был "феодалом", главным мотивом которого было подавить казачье движение, а не поддерживать его (Голобуцкий, сс. 71-87). Предположение представляется преувеличением и неприемлемо для меня.
[102] Грушевский, 7, 114-127. Голобуцкий отрицает какую-либо связь между личностью Вишневецкого и эпическим образом Байды (Голобуцкий, сс. 84-87).
[103] Doroshenko, Narys istorii Ukrainy, 1, 155.
[104] Lassota, Tagebuch, pp. 210-212; Грушевский, История, 7, 287-292.
[105] Vasmer, REW, 1, 650.
[106] Монголы и Русь.
[107] Vasmer, "esaul", REW, 1, 405.
[108] А. Флоровский, Чехи, 2, 323-331.
[109] Грушевский, 7, 155-157; Doroshenko, Narys istorii Ukrainy, 1, 158.
[110] Грушевский, 7, 142-143; Doroshenko, 1, 157.
[111] Грушевский, 7, 154-155; Doroshenko, 1, 158.
[112] Грушевский, 7, 163.
[113] Голобуцкий, с. 94.
[114] Грушевский, 7, 293; Doroshenko, 1, 159-160.
[115] LSZ, №18; Голобуцкий, с. 100.
[116] LSZ, №17; Грушевский, История, 7, 191; Голобуцкий, сс. 105-106.
[117] Грушевский, 7, 198-199; Doroshenko, 1, 190; О Комуловиче см. Pierling, 2, 329-360; Halecki, "Passevino's Last Statement", pp. 296-297.
[118] Татарские ханы Казани, Астрахани и Крыма тоже признавались царями. Современная русская форма имперского титула "император" впервые стала употребляться в России Лже-Дмитрием I в 1605-1606 гг., затем снова была введена Петром Великим в 1721 г. и употреблялась им и его преемниками до 1917 г.
[119] О казацком восстании 1594-1596 гг. см.: Грушевский, 7, 200-239; Doroshenko, 1, 191-194; Голобуцкий, сс. 127-146.
[120] LSZ № 45; Голобуцкий, с. 137.

Глава VIII. БРЕСТСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ

[1] См.: Монголы и Русь.
[2] Kutrzeba, I, 128, 131.
[3] Н. Суворов, Учебник церковного права (4-е изд., Москва, 1912), сс. 395-396; J.B. Sagmüller, "Patron and Patronage", The Catolic Encyclopaedia, 11(1911), 560-561.
[4] Грушевский, История Украины-Руси, 5, 262.
[5] Шмурло, 2, Ч.1, 383.
[6] Vasmer, REW, I, 676.
[7] АЮЗР, I, Ч.1, №№ 4 и5, и сс. XVI, XXI; Макарий, 9, 337-339; Шмурло, 2, Ч. 1, 384-385.
[8] АЮЗР, I, Ч.1, №№ 25-29, 31-34, 40-42, 46, 50, 53; Макарий, 9, 445-448, 451, 452; Шмурло, 2, Ч. 1, 385.
[9] Шмурло, 2, Ч. 1, 386-387.
[10] Грушевский (выше, сн. 4), 5, 261-268.
[11] Там же, с. 271.
[12] О "чешских братьях" см.: А. Флоровский, Чехи, I, 370-376 и 382-392. См. также:

P. Brock, The Political and Social Doctrines of the Unity of Czech Brethren (The Hague, 1957).

[13] О реформации в Польше и Литве в XVI веке см.: Н.Н. Любович, История реформации в Польше: Кальвинисты и Антитринитарии (Варшава, 1883); S. Kot, ed., Reforacja w Polsce (поквартально публиковавшаяся в Кракове), I, (1922-); Idem, "L'Influence de Michel Servet sur le mouvement Anti-trinitarien en Pologne et en Transylvanie", in B. Becker, ed., Autour de Michel Servet et de Sebastien Castillion (Haarlem, 1953), pp. 72-115; Bruckner, 2, 120-121; Макарий, 9, 311-328; Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 232-235; Шмурло, 2, Ч. 1, 387-389; E. Kupsch, "Der Polnische Unitarismus", JGOE, 5(1957), 401-440.

[14] Сборник, 59, 550-551.

[15] Лаппо, Великое княжество Литовское, 1, 233-234.

[16] Устрялов, Сказания князя Курбского, сс. 287-288.

[17] О Симоне Будном см.: S. Kot, "Budny Szymon", PBS, 3 (1937), 96-99. В конце жизни Будный стал антитринитарианином.

[18] Макарий, 9, 321-322.

[19] Там же, с. 323.

[20] Skarga, Synod Brzeski (см. сн. 56, ниже); Макарий, 9, 322.

[21] Устрялов, Сказания князя Курбского, с. 285.

[22] Adrian Regenvolscins (Andreas Wegierski) Systema historico-chronologienm ecclesiarum Slavonicarum (Trajecti ad Rhenum, 1652), p. 263, русский перевод в: Чтения, 8 (1847), 3; Вилинский, с. 101.

[23] Доклад о взятии Полоцка см.: ПСРЛ, 13, 353-359.

[24] Зиновий, Истины показание (Казань, 1863), сс. 48-49.

[25] О контрреформации см.: Н.Н. Любович, Начало католической реакции и упадок реформации в Польше (Варшава, 1890); Макарий, 9, 350-373; Шмурло, 2, Ч. 1, 389-393; Bruckner, 2, 155-163.

[26] Макарий, 9, 404-405.

[27] Там же, с. 421; Шмурло, 2, Ч. 1, 391.

[28] Каратаев, с. 95 (сс. 204-206) и сн. 98.). с. 210.

[29] Halecki, "Possevino's Last Statement", p. 285.

[30] Ibid, p. 284.

[31] K. Lepszy, Walka stonnictw w pierwszuch Latah panowania Zygmunta III (Kraków, 1929); Halecki, "Possevino's Last Statement", pp. 298-302.

[32] Опубликовано в кн.: Halecki, "Possevino's Last Statement", pp. 298-302.

[33] О просветительской деятельности православных вельмож и городских братств см.: Макарий, 9, 409-419, 446-477; К.В. Харламнович, Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века (Казань, 1898); Грушевский, История, 6, 479-498, 516-520; Шмурло, 2, Ч. 1, 394-397; Г. Флоровский, Пути русского богословия, сс. 34-35.

[34] О типографии братьев Мамоничей см.: Лаппо, Литовский Статут 1588 г., 1, Ч. 2, 257-309.

[35] О западнорусских городских братствах см.: Макарий, 9, 412-419; А. Папков, Братства (Москва, 1900); Грушевский, сс. 211-222.

[36] Труды Курбского см. в кн.: "Сочинения князя Курбского", РИБ, 31. О просветительской деятельности Курбского в Литве см.: И. Ясинский, "Сочинения Курбского как исторический источник", КиУпИзв (1888), NN 10-11; Макарий, 9, 422-423; А.С. Архангельский, Приложение, сс. 3-166; В. Корсакова, "Курбский", РБС, Том "Кнаппе-Кюхельбеккер" (1903), 594-595; Г. Флоровский, Пути русского богословия, сс. 32-33. Перед приездом в Литву Курбский написал биографию Максима Грека. См.: E. Denissoff, "Une Biographie de Maxime le Grec par Kourbski", OSP, 20 (1954), 44-84.

[37] Письма Артемия опубликованы в: РИБ, 4, кол. 1201-1448. См. также: Вилинский, Послания старца Артемия. Об Артемии см.: Г. Флоровский, Пути, сс. 31-32.
[38] РИБ, 4, 913.
[39] О Иване Федорове см.: Первопечатник Иван Федоров (Москва, 1935); R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer (Cambridge, Harvard University Press, 1955).
[40] Грабеньский, сс. 118-119.
[41] Макарий, 9,14; Шпаков,Учреждение патриаршества в России, сс. 277-278, приложение, сс. 113-116.
[42] HRM, Supplement, № 60; АЗР, 4, N 5; Макарий, 9, 458-460.
[43] АЗР, 4, № 20; Макарий, 9, 460-461; 482-485.
[44] АЗР, 1, Ч. 1, № 60, 250; АЗР, 4, № 20; Макарий, 9, 488-490.
[45] Макарий, 9, 493-495.
[46] Об истории подготовки Брестской церковной унии см.: Макарий, 9, 478-652; Грушевский (выше, сн. 4), 5, 508-605; Шмурло, 2, Ч. I, 397-402; K. Chodynicki, pp. 194-346; Г. Флоровский, Пути, сс. 30-46; G. Hoffmann, "Die Wiedervereinigung der Ruthenen mit Rom", OC, 12 (1924-25), 125-172; A.M. Amman, pp. 169-184; Halecki, "Possevino's Last Statement". Халецкий объявил в своем исследовании, что он готовит книгу об истоках и почве Брестской унии [O. Halecki; From Florence to Brest, 1439-1596 (Rome, 1958; New York, Fordham University Press, 1959). Этот труд появился слишком поздно для того, чтобы я мог использовать его для этого тома].
[47] О Потее см.: Макарий, 9, 534-536; Шмурло, 2, Ч. 1, 398-399; Грушевский, История украинской литературы, 5, 380-402.
[48] АЗР, 4, № 45; Макарий, 9, 537-539.
[48a] Проблема объединения христианских церквей вновь возникла в наше время, приобретя международное значение. 25 января 1959 г. папа Иоанн XXIII объявил, что ему хотелось бы созвать экуменический собор, с целью найти единство "между римско-католической церковью и другими христианскими общинами во всем мире... Следует понимать так, что новый папа убежден в том, что настало время действий для нового объединения, прежде всего, между Римом и восточными христианами"(New York Times, 26 января 1959 г.). В апреле 1959 г. патриарх константинопольский Афенагор I сделал следующее заявление: "Никакой синод не может быть назван экуменическим до тех пор, пока он действительно не будет таковым, то есть всехристианским. Если православная церковь приглашена, то она будет представительствовать только тогда, когда всему христианскому миру будет предложено прислать своих представителей" (New York Times, 23 апреля 1959 г.). Можно заметить, что отношение патриарха Афенагора к унии церквей 1959 г. сходно с отношением князя Константина Острожского в 1595 г., но охватывает большую сферу, поскольку патриарх считает участие "всего христианского мира"(то есть, включая протестантов) предпосылкой дискуссии об унии.
[49] АЗР, 4, № 53; Макарий, 9, 551-552.
[50] Польский текст и латинский перевод "Статей" см.: Hoffman, "Die Wiedervereinigung", pp. 142-158; латинский перевод ранее опубликован: Theiner, Vetera Monumenta, 3, № 185, 234-235. Сопроводительное письмо митрополита и двух епископов к папе см.: АЗР, 4, № 68; ср.: Макарий, 9, 571-579.
[51] АЗР, 4, № 71; Макарий, 9, 585-586.
[52] АЮЗР, I, Ч. 1, № 109; Макарий, 9, 586-588.
[53] Макарий, 10, 705; Шмурло, 2, Ч. 1, 401.
[54] Письмо Ипатия и Кирилла львовскому епископу Гедеону см.: АЮЗР, I, Ч. 1, № 416, 482-485; Theiner, Vetera Monumenta, 3, № 185, 240-260; Макарий, 9, 620-628.
[55] АЮЗР, I, Ч. I, № 120; АЗР, 4, №№ 97 и 100; Макарий, 9, 643-644.

[56] О Брестском церковном соборе см.: Макарий, 9, 652-674; Соловьев, История, 10, 55-59; Грушевский (выше, сн. 4), 5, 605-613; Дорошенко, Нарыс Истории Украины, I, 182-183; Ammann, 181; Власовский, I, 248-275. Труды, написанные о Брестском соборе современниками — следующие. А) с позиций католиков: Piotr Skarga, Synod Brzeski i iego obrona (Krako´w, 1597); русский перевод, Описание и оборона Берестейского (Вильна, 1597), о котором см.: Каратаев, I, № 133, 260-261. Как польский, так и русский тексты воспроизведены в: РИБ, 19, кол. 183-328. Б) с греко-православной позиции: Ekthesis (описание заседаний собора) (Краков, 1559), анонимно опубликованный на польском (предполагается, что одновременно был опубликован русский перевод, но до сих пор не обнаружено ни одной его копии); польский текст воспроизведен в РИБ, 19, кол. 329-376; Христофор Филарет (псевдоним), Апокрисис или Апология (1598 или 1599 гг.); отпечатано, вероятно, в Остроге, см.: Каратаев, № 136, сс. 263-265. Польский перевод появился в 1600 г. Оба и русский, и польский — текста воспроизведены в: РИБ, 19, кол. 477-982. Предполагалось, что либо Христофор Бронский, либо Мартин Броневский был автором Апокрисиса, но нет прямых свидетельств касательно того или другого предположения. (Дополнительная ссылка: Halecki, From Florence to Brest, pp. 287-419).

[57] О Д. Халецком см.: O. Halecki, "Chalecki Dymitr", PSB, 3 (1937), 247-249.

[58] Грушевский (выше, сн. 4), 6, 568-569.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ. См.: Акты археологической экспедиции.
АЗР. См.: Акты Западной России.
АИ. См.: Акты исторические.
Акты археологической экспедиции (ААЭ) (С.-Петербург, 1836). 3тт.
Акты Западной России (АЗР) (С.-Петербург, 1846-53). 5 тт.
Акты исторические (С.-Петербург, 1841-42). 5 тт.
Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (С.-Петербург, 1863-92) 15 тт.
Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV - начала XVI веков., Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин, ред., 1-2 (Москва, 1952-58).
Архангельский А.С., Очерки из истории западнорусской литературы XVI - XVII веков (Москва, 1888).
Архив Юго-западной России (Киев, 1859-1911). 24 тт.
АФЕД. См.: Казакова Н.А. и Лурье И.С., Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века.
АЮЗР. См.: Архив Юго-западной России.

Базилевич К.В., Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века (Москва, 1952).
Белокуров С., Сношения России с Кавказом (Москва, 1889).
Бершадский С.А. Документы и регесты к истории евреев в Литве (С.-Петербург, 1883).
Бершадский С.А. Литовские евреи (С.-Петербург, 1898).
Бестужев-Рюмин К.Н., Русская история, 2, Ч. I (С.-Петербург, 1885).
Брокгауз-Ефрон, Энциклопедический словарь (ЭС). Отсылки к изданию полутома.
БСЭ. Большая Советская Энциклопедия (2-е изд.).
Будовиц И., Русская публицистика XVI века (Москва, 1947).

Вальденберг В., Древнерусские учения о пределах царской власти (Петроград, 1916).
Вальденберг В., "Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности", Византийский Временник, 24 (1926), 27-34.
Василенко Н.П., "Литовско-русское государство", ЭС, 34 (1896), 818-827.
Василенко Н.П., "Право Магдебургское", ЭС, 48 (1898), 890-896.
Вельяминов-Зернов В.В., Исследование о касимовских царях и царевичах (С.-Петербург, 1863-87). 4 тт.
Вернадский Г., Древняя Русь.
Вернадский Г., Киевская Русь.
Вернадский Г., Монголы и Русь.
Вернадский Г., Начертание русской истории (Прага, 1927).
Веселовский Н.И., Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Петроград, 1922).
Веселовский С.Б., Феодальное землевладение в северо-восточной Руси (Москва и Ленинград, 1947).
Веселовский С.Б., "Владимир Гусев, составитель судебника 1497 года", Исторические записки, 5 (1939), 31-47.

Вилинский С.Г., Послание старца Артемия XVI века (Одесса, 1906).
Владимирский-Буданов М.Ф., Хрестоматия по истории русского права (С.-Петербург и Киев). 3 тт. Т. I, 6-е изд. (1908); Т. 2, 5-е изд. (1915); 4-е изд. (1908).
Владимирский-Буданов М.Ф., "Население Юго-западной России от половины XV века до Люблинской Унии", АЮЗР, 7, Ч. II (Киев, 1891).
Владимирский-Буданов М.Ф., "Немецкое право в Польше и Литве", ЖМНП, 8-12 (1866).
Владимирский-Буданов М.Ф., Обзор истории русского права (7-е изд., С.-Петербург и Киев, 1915).
Власовский И., Нарыс истории украинской православной церквы, I (Нью-Йорк, 1955).
Воскресенская Летопись, ПСРЛ, 7-8 (1856-59).
Временник. Временник общества истории и древностей.

Гаркави А., "Караимы", ЭС, 27 (1895), 427-431.
Герберштейн-Малеин. Герберштейн С. фон, Записки о московских делах, А.И. Малеин, изд. и пер. (на русский) (С.-Петербург, 1908).
ГНП. Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
Голобуцкий В.А., Запорожское казачество (Киев, 1957).
Голубинский Е.Е., История русской церкви (Москва, 1901-17). 2 тт., каждый - в двух частях.
Грабарь И., История русского искусства. 6 тт., не завершена (Москва б/д (1909-1912); 2-е изд. 1-3, Москва, 1953-55).
Грабеиьский В., История польского народа, русский перевод, Н. Ястребов, ред. (С.-Петербург, 1910).
Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГНП), С.Н. Валк, ред. (Москва и Ленинград, 1949).
Греков Б.Д., Крестьяне на Руси до XVII века (Москва и Ленинград, 1946).
Греков Б.Д. и Якубовский А.И., Золотая Орда и ее падение (Москва и Ленинград, 1950).
Грушевский М., История украинской литературы (Киев, 1923-27). 5 тт.
Грушевский М., История Украины-Руси (Киев и Львов, 1898-1937). 10 тт.
Гудзий Н.К., История древнерусской литературы (2-е изд., Москва. 1941).

Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка (С.-Петербург, 1881; новое издание, Москва, 1954). 4 тт.
ДДГ. См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI веков.
ДМАО. Древности Московского археологического общества. Труды славянской комиссии.
Дмитриева Р.П., Сказание о князьях Владимирских (Москва и Ленинград, 1955).
Дневник Люблинского Сейма 1569 года, М.И. Коялович, ред. (С.-Петербург, 1869).
Довнар-Запольский М.В., Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах (С.-Петербург, 1901).
Долгоруков П.Д., князь, Российская родословная книга (С.-Петербург, 1854-55). 4 тт.
Дорошенко Д., Нарыс истории Украины (Варшава, 1932-33), 2 тт.
Древности Московского археологического общества. Труды славянской комиссии (ДМАО).
Древняя Русь. См.: Вернадский, Древняя Русь.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI веков (ДДГ), С.В. Бахрушин и Л.В. Черепнин, ред. (Москва и Ленинград, 1950).

Дьяконов М.А., Очерки общественного и государственного строя древней Руси (4-е изд., С.-Петербург, 1912).

Еврейская энциклопедия, А. Гаркави и Л. Каценельсон, ред. (С.-Петербург, 1906-13). 15 тт.
Жереда до истории Украины-Руси (Львов, Комиссия Шевченковского научного общества, 1895-1919). 16 тт.
Жмакин В., Митрополит Даниил и его сочинения (Москва, 1881).
ЖМНП. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП).

Записки научно-исследовательского объединения (ЗНИОП) (Прага).
Записки наукового товарыства имени Шевченка (ЗНТШ).
Записки Одесского общества истории и древностей (ЗОО).
Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (ЗОРСА).
Записки Русского исторического общества в Праге (ЗРИОП).
Записки русского научного института в Белграде (ЗРНИБ).
Зимин А.А., И.С. Пересветов и его современники (Москва, 1958).
Зиновий Отенский, монах, Истины показание (Казань, 1863).
ЗНИОП. Записки научно-исследовательского объединения (Прага).
ЗНТШ. Записки наукового товарыства имя Шевченка.
Золотая Орда. См.: Греков Б.Д. и Якубовский А.И., Золотая Орда и ее падение.
ЗОО. Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
Зотов Р.В., О черниговских князьях по Любецкому синодику (С.-Петербург, 1892).
ЗРИОП. Записки русского исторического общества в Праге.
ЗРНИБ. Записки русского научного института в Белграде.
Зуров Л., Отчина (Рига, 1929).

ИА. Исторический архив.
ИЗ. Исторические записки.
Иконников В.С., Максим Грек (Киев, 1866).
Иконников В.С., Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории (Киев, 1869).
Иконников В.С., Опыт русской историографии (Киев, 1891-98). 2 тт., каждый - в двух частях.
Иоасафовская летопись (Москва, 1957).
Иосиф (Санин), Просветитель, или обличение ереси жидовствующих (3-е изд., Казань, 1896).
Исторические записки (ИЗ).
Исторический архив (ИА).
Источниковедение истории СССР, I, М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1940).

Казакова Н.А. и Лурье И.С., Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века (АФЕД) (Москва и Ленинград, 1955).
Казанская история, В.П. Адрианова-Перетц и Г.Н. Моисеева, ред. (Москва и Ленинград, 1954).
Калугин Ф., Зиновий, инок Отенский (С.-Петербург, 1894).
Карамзин Н.М., История Государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1851-53). 12 тт.

Карамзин Н.М., Примечания к истории Государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1852-53). 12 тт.
Каратаев И., Описание славяно-русских книг, I (С.-Петербург, 1878).
Киевская Русь. См.: Вернадский, Киевская Русь.
Киевская старина (КиСт).
КиСт. Киевская старина.
КиУнИзв. Киев, Университет, Известия.
Ключевский В.О., Боярская дума древней Руси (4-е изд., Москва, 1910).
Ключевский В.О., Древнерусские жития как исторический источник (Москва, 1871).
Ключевский В.О., Курс русской истории (American Council of Learned Societies Reprints, Russian Series, № 14). Воспроизведение московского издания 1937 г. 5 тт.
Кондаков Н.П., Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, I (С.-Петербург, 1905).
Кондаков Н.П., Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Прага, 1929).
Константин, Архимандрит [К.И. Зайцев], "Чудо русской истории", I, "Возникновение православного царства", Православный путь (1951), сс. 108-126.
Копанев А.И., Манков А.Г., Носов Н.Е., Очерки истории СССР. Конец XV - начало XVII вв. (Ленинград, 1957).
Корсакова В., "Курбский", РБС, том "Кнаппе-Кюхельбеккер", сс. 589-591.
Костомаров Н.И., Богдан Хмельницкий (4-е изд., С.-Петербург, 1884). 3 тт.
Костомаров Н.И., Северворусские народоправства (С.-Петербург, 1863).2 тт.
Крымский А.Е., История Туреччины (Киев, 1924).
Курбский А.М., князь, "Сочинения", Г.З. Кунцевич, изд., РИБ, 31 (1914).

Лаппо И.И., Литовский Статут 1588 года, I (Ч. I-II), Исследование; 2, Текст (Каунас, 1934-37).
Лаппо И.И., Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория, I-II (С.-Петербург, 1901).
Лаппо И.И., Западная Россия и ее соединение с Польшею (Прага, 1924).
Леонтович Ф.И., Крестьяне Юго-западной России по литовскому праву XV и XVI веков (Киев, 1863).
Леонтович Ф.И., "Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве", ЖМНП, 2-4, 7, 10, 12 (1896), 4-5 (1897).
Леонтович Ф.И., "Рада великих князей литовских", ЖМНП, 9-10 (1907).
Лихачев Д.С., Русские летописи (Москва и Ленинград, 1947).
Лихачев Н.П., Разрядные дьяки XVI века (С.-Петербург, 1888).
"Литовская Метрика", РИБ, 20 (1903), 27 (1910), 30 (1914), 33 (1915).
"Литовский Статут", Первый (1529): и Временник, 21. Второй (1566): Временник, I. Третий (1588): Временник, 18. О последнем издании Третьего Статута см.: Лаппо, Литовский Статут 1588 года, 2.
Лобаиов-Ростовский А.Б., князь, Русская родословная книга (2-е изд., С.-Петербург, 1895). 2 тт.
Лурье И.С., "Из истории политической борьбы при Иване III", Ленинградский университет, Отдел исторических наук, Ученые Записки, 10 (1940), 90-91.
Любавский М.К., Литовско-русский сейм (Москва, 1901).
Любавский М.К., Начальная история казачества, ЖМНП, 300 (1895), 217-244.
Любавский М.К., Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства (Москва, 1892).

Любавский М.К., Образование основной государственной территории великорусской народности (Ленинград, 1929).
Любавский М.К., Очерк истории Литовско-Русского государства (2-е изд., Москва, 1915).
Любович Н.Н., История реформации в Польше: кальвинисты и антитринитарии (Варшава, 1883).
Любович Н.Н., Начало католической реакции и упадок реформации в Польше (Варшава, 1890).
Лященко П.И., История народного хозяйства СССР, I (Москва, 1947).

Макарий (Булгаков), митрополит, История русской церкви (С.-Петербург, 1877-91). 12 тт.
Максимович Е.Ф., "Первосоветник Думы боярской", ЗРИОП, 2 (1930), 141-162.
Малинин В., Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (Москва, 1901).
Матвей из Мехова (Меховита, Меховский), Трактат о двух сарматиях, С.А. Аппинский, ред. и пер. на русский, (Москва и Ленинград, 1936).
Материалы по истории СССР, 2, А.А. Новосельский, Л.В. Черепнин, Л.Н. Пушкарев, ред. (Москва, 1955).
Меховита. См.: Матвей из Мехова.
Меховский. См.: Матвей из Мехова.
Милюков П., Очерки по истории русской культуры, 2-3 (Париж, 1930-31).
Монголы и Русь. См.: Вернадский, Монголы и Русь.
Московский университет. Общество истории и древностей. Чтения.

Никитин, Афанасий, Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466-1472 гг., Б.Д. Греков и В.П. Адрианова-Перетц, ред. (Москва и Ленинград, 1948).
Никитский А., История экономического быта Великого Новгорода (Москва, 1893).
Никитский А., Очерк внутренней истории Пскова (С.-Петербург, 1873).
Никитский А., Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде (С.-Петербург, 1879).
Никоновская летопись, ПСРЛ, 9-13 (1862-1906).
Новгородская первая летопись, А.Н. Насонов, ред. (Москва и Ленинград, 1950).
Новгородская третья летопись, ПСРЛ, 3, 205-279.
Новгородская четвертая летопись, ПСРЛ, 4 (2-е изд., Петроград, 1925)
Новицкий И.П., "Очерк истории крестьянского сословия Юго-западной России", АЮЗР, 6, Ч. I (Киев, 1876), 1-161.
Новосельский А.А., Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века (Москва, 1948).
Носов Н.Е., Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века (Москва и Ленинград, 1957).

Охлоблын О., Московская теория III Рима в XVI-XVII стол. (Мюнхен, 1951)
Очерки 2, Очерки 3. Очерки истории СССР. Период феодализма: [2] XIV-XV вв.; [3] Конец XV - начало XVII вв. (Москва, 1953-55).

Павлов А.С., Исторический очерк секуляризации церковных земель в России (Одесса, 1871).
Павлов-Сильванский Н.П., Феодализм в удельной Руси (С.-Петербург, 1910).
Памятники дипломатических сношений (ПДС), I (С.-Петербург, 1851).
Памятники русского права (ПРП), 1-4, С.В. Юшков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, ред. (Москва, 1952-56).

Памятники старинной русской литературы (ПамятникиСРЛ),опубликованы графом Г. Кушелевым-Безбородько, тт. 1, 2, 4, Н. Костомаров, ред.; Т. 3, А.Н. Пыпин, ред. (С.-Петербург, 1860-62).
Папков А., Братства (Москва, 1900).
ПДС. См.: Памятники дипломатических сношений.
Пересветов И., Сочинения И. Пересветова, Д.С. Лихачев и А.А. Зимин, ред. (Москва и Ленинград, 1956).
Петухов Е.В., Русская литература, древний период (Юрьев, 1912).
Письма. Письма русских государей (Москва, 1848).
Пичета В.И., Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве (Москва, 1958).
Платонов С.Ф., Лекции по русской истории (6-е изд., С.-Петербург, 1909).
Платонов С.Ф., Очерки по истории Смуты (С.-Петербург, 1899).
Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков, В.И. Малышев, ред. (Москва и Ленинград, 1952).
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).
Порфиридов Н.Г., Древний Новгород (Москва и Ленинград, 1947).
Послания Ивана Грозного. Текст подготовлен Д.С. Лихачевым и И.С. Лурье и отредактирован В.П. Адриановой-Перетц (Москва и Ленинград, 1951).
Потемкин В.П., ред., История дипломатии, 1 (Москва, 1941).
Пресняков А.Е., Лекции по русской истории, 2, выпуск 1 (Москва, 1939).
Пресняков А.Е., Образование Великорусского государства (Петроград, 1918).
Просветитель. См.: Иосиф (Санин), Просветитель, или обличение ереси жидовствующих.
ПРП. См.: Памятники русского права.
Псковские летописи, 1, А. Насонов, ред. (Москва и Ленинград, 1941). См. также ПСРЛ, 4.
Пушкарев С.Г., Обзор русской истории (Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1953).
Пушкарев С.Г., "Целовальники в суде и управлении Московской Руси", ЗРНИБ, 9 (1953), 17-53.

РАНИОН. Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Институт истории.
Расовский Д.А., "К вопросу о происхождении Codex Cumanicus", SK, 3 (1929), 193-214.
РБС. См.: Русский биографический словарь.
Ржига В.Ф., "Боярин-Западник XVI века (Ф.И. Карпов)", РАНИОН, 4 (1929), 39-50.
РИБ. См.: Русская историческая библиотека.
Родословная книга ("Бархатная книга") (Москва, 1787). 2 тт.
"Родословная книга", Временник, 10 (1851), 1-286.
Российская ассоциация научных институтов общественных наук (РАНИОН).
Русская историческая библиотека (РИБ) (С.-Петербург, 1872-1927). 39 тт.
Русский биографический словарь (РБС) (С.-Петербург, 1896-1918). 25 тт., не завершен.
Рязановский В.А., Обзор русской культуры, 1-2 (Нью-Йорк, 1947-48). т. 2 в двух частях.

Савва В., Московские цари и византийские василевсы (Харьков, 1901).
Садиков П.А., Очерки по истории опричнины (Москва и Ленинград, 1950).

Сборник. Сборник Императорского Русского исторического общества.
Сборник Русского археологического общества в королевстве С.Х.С. (СРАОКС).
Сборник старинных грамот и узаконений Российской Империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов (С.-Петербург, 1890).
СГГД. См.: Собрание государственных грамот и договоров.
Сергеевич В.И., Древности русского права (С.-Петербург, 1908-11). 3 тт.
Смирнов В.Д., Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты (С.-Петербург, 1887).
Смирнов И.И., Очерки политической истории русского государства 30-50х годов XVI века (Москва, 1958).
Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI - XVII веках, 1 (Москва, 1946).
Собрание государственных грамот и договоров (СГГД) (С.-Петербург, 1813-94). 5 тт.
Соловьев А., "Святая Русь", СРАОКС, 1 (1927), 77-113.
Соловьев С.М., История России с древнейших времен (1-е изд., Москва, 1851-79). 29 тт.
Соловьев С.М., Об отношениях Новгорода к велнким князьям (Москва, 1845).
Спасский И.Г., Русская монетная система (Москва, 1957).
Сперанский М.Н., История древней русской литературы, 2 (Москва, 1921).
СРАОКС. Сборник Русского археологического общества в королевстве С.Х.С.
Струве П., "Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права древней Руси", отдельный оттиск из "Сборника Русского института в Праге", 1 (Прага, 1929).
Струве П., Социальная и экономическая история России (Париж, 1952).
Суворов Н., Учебник церковного права (4-е изд., Москва 1912).
Судебники. Судебники XV-XVI веков, Б.Д. Греков, ред. (Москва и Ленинград, 1952).
Таврическое общество истории, археологии и этнографии (Симферополь), Известия (ТОИАЭ).
Тарановский Ф.В., Обзор памятников Магдебургского права (Варшава, 1897).
Типографская летопись, ПСРЛ, 24 (1921).
ТОДРЛ. См.: Труды отдела древнерусской литературы.
ТОИАЭ. См.: Таврическое ... Известия.
Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ) (Академия наук, Институт русской литературы).
Тупиков Н.М., "Словарь древнерусских личных собственных имен", ЗОРСА, 6 (1909), 58-913.

Ульянов Н.И., "Комплекс Филофея", Новый Журнал, 45 (1956), 249-273.
Устрялов Н., ред., Сказания князя Курбского (2-е изд., С.-Петербург, 1842).
Устюжский летописный свод, К.Н. Сербина, ред. (Москва и Ленинград, 1950)

[Федоров И.] Первопечатник Иван Федоров (Москва, 1935).
Федотов Г.П., Святые Древней Русн (Париж, YMCA Press, 1931).
Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне (Прага, 1936-1947). 2 тт.
Флоровский Г., Пути русского богословия (Париж, 1937).
Форстен Г.В., Борьба из-за господства на Балтийском море в XV - XVI столетиях (С.-Петербург, 1884).

Харлампович К.В., Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века (Казань, 1898).
Хрущев И., Исследования о сочинениях Иосифа Санина (С.-Петербург, 1868).

Черепнин Л.В., Русская палеография (Москва, 1956).
Черепнин Л.В., Русские феодальные архивы XIV - XVI веков, 1-2 (Москва, 1948-51).
Чтения. См.: Московский университет ... Чтения.
Чубатый Н., "Державно-правне становище украиньских земель Литовской держави", ЗНТШ (1926), 134-135, 144-145.

Шахматов М.В., "Государственно-национальные идеи чиновных книг венчания на царство московских государей", ЗРНИБ, 1 (1930), 245-278.
Шахматов М.В., "Исполнительная власть в Московской Руси", ЗНИОП, 1, № 5 (1935).
Шмурло Е., Курс русской истории, 2, Ч. 1-2 (Прага, 1933-34).
Штаков А.И., Учреждение патриаршества в России, 1 (Одесса, 1912), Приложения (Одесса, 1912).

Экземплярский А.В., "Глинский, князь М.Л.", ЭС, 16 (1893), 866-867.
Экземплярский А.В., Великие и удельные князья северной Руси в татарский период (С.-Петербург, 1889-91). 2 тт.
Эльяшевич В.Б., История права поземельной собственности в России, 1-2 (Париж, 1948-51).
Энциклопедический словарь (ЭС). См.: Брокгауз-Ефрон.
ЭС. См.: Брокгауз-Ефрон.

Ясинский И., "Сочинения князя Курбского как исторический источник", КиУнИзв (1888), №№ 10-11.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

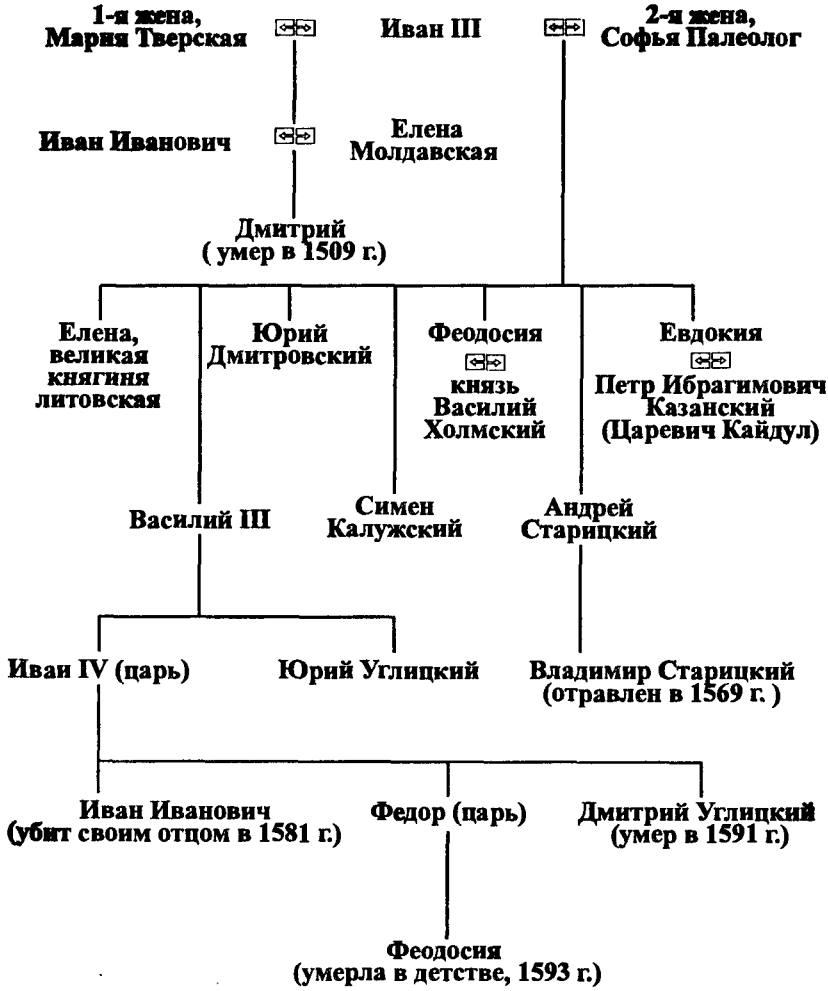
Нижеследующие таблицы не преследуют цели дать полную генеалогию каждого русского княжеского или боярского рода, но могут помочь читателю определить для себя родословную некоторых выдающихся правителей и государственных деятелей, о которых идет речь в настоящем томе.

I. ПРЕДКИ ИВАНА III

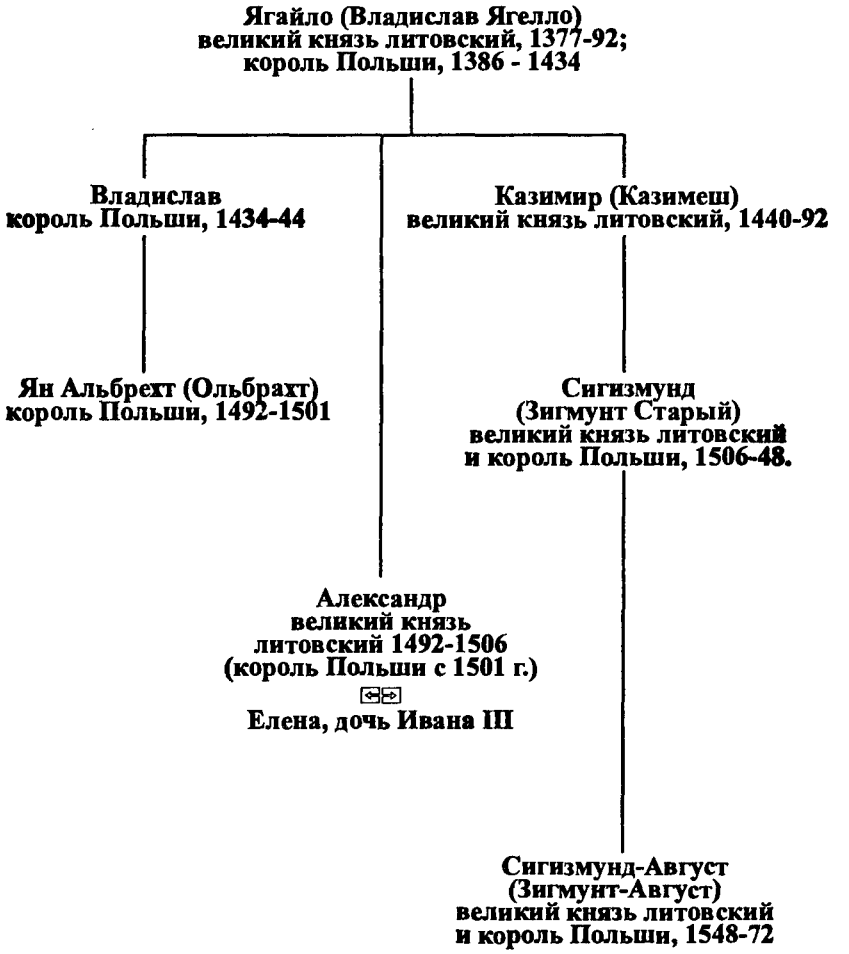
Рюрик Ютландский

Игорь	⇔	**Ольга Псковская** (предположительно, скандинавская княжна)
Святослав	⇔	**Малуша** (ключница Ольги; предположительно, славянка)
Владимир Святой	⇔	**Рогнеда Полоцкая** (скандинавская княжна)
Ярослав Мудрый	⇔	**Ингигерда Шведская**
Всеволод I	⇔	Византийская княжна из дома Мономахов (имя неизвестно)
Владимир Мономах	⇔	2-я (или 3-я) жена (имя неизвестно)
Юрий I	⇔	Половецкая княжна (имя неизвестно)
Всеволод Большое гнездо	⇔	**Мария** (осетинская княжна)
Ярослав I Суздальский и Владимирский	⇔	**Феодосия Рязанская**
Александр Невский	⇔	**Александра Полоцкая**
Даниил Московский (основатель рода Даниловичей)	⇔	(происхождение и имя его жены неизвестны; предположительно, русская)
Иван I (Калита)	⇔	**Елена** (происхождение неизвестно; предположительно, русская)
Иван II	⇔	**Феодосия Брянская**
Дмитрий Донской	⇔	**Евдокия Суздальская**
Василий I	⇔	**Софья Литовская** (дочь Витовта)
Василий II	⇔	**Мария Боровская**
Иван III	⇔	**1-я жена, Мария Тверская** **2-я жена, Софья Палеолог**

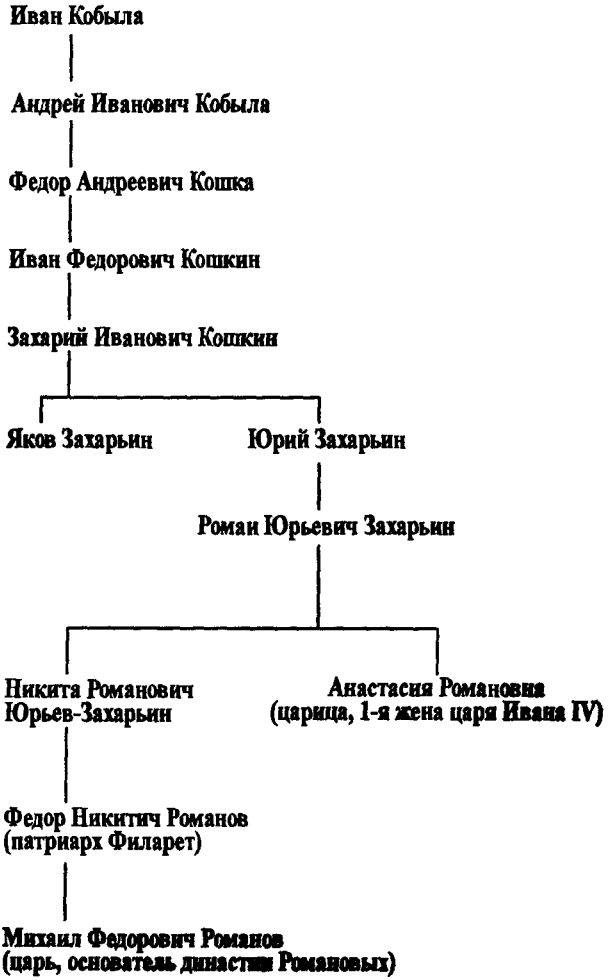
II. ПОТОМКИ ИВАНА III



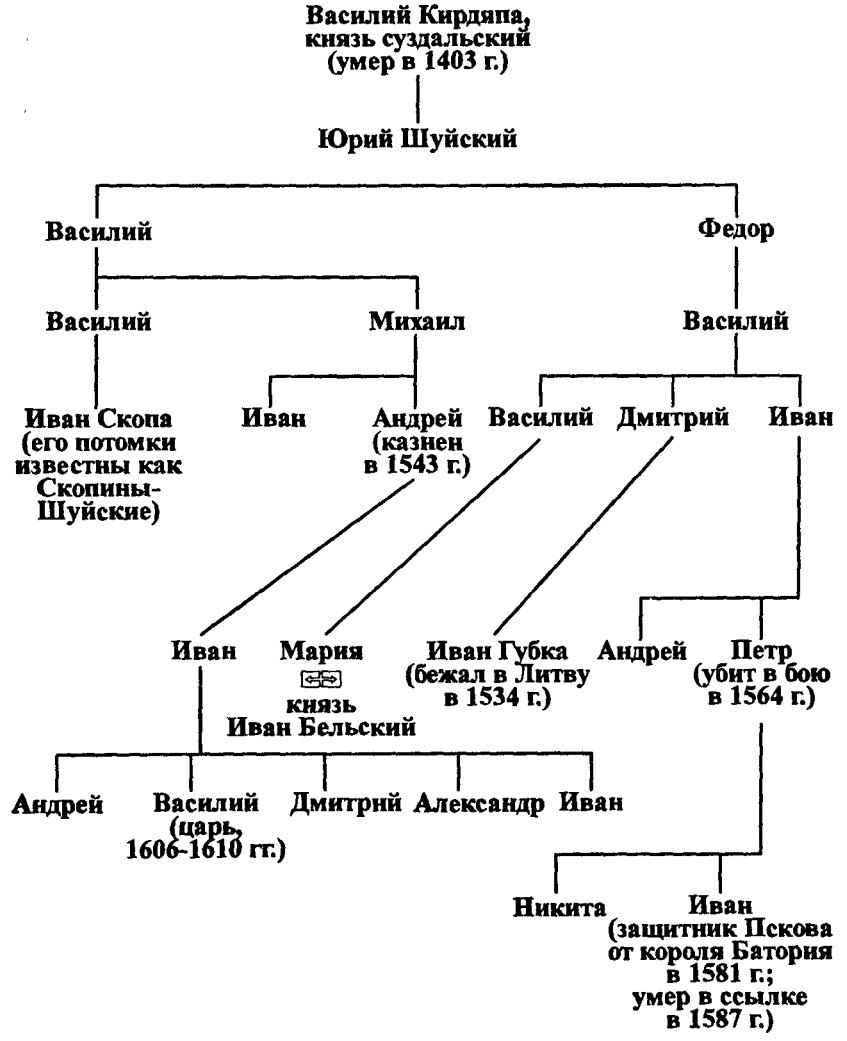
III. ЯГЕЛЛОНЫ



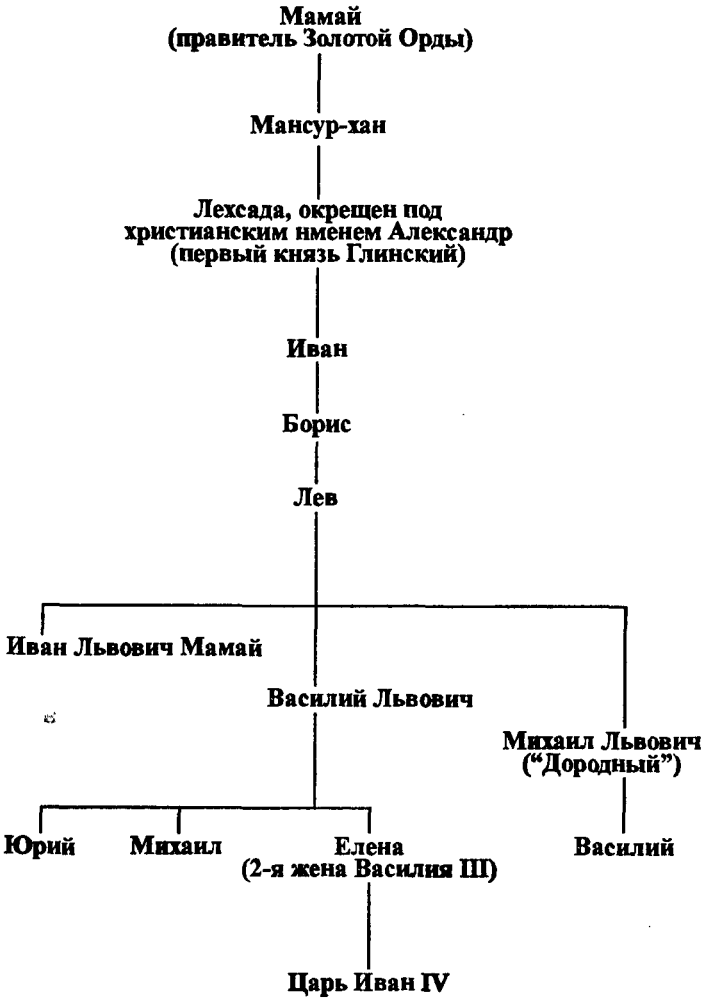
IV. ПРЕДКИ РОМАНОВЫХ



V. КНЯЗЬЯ ШУЙСКИЕ



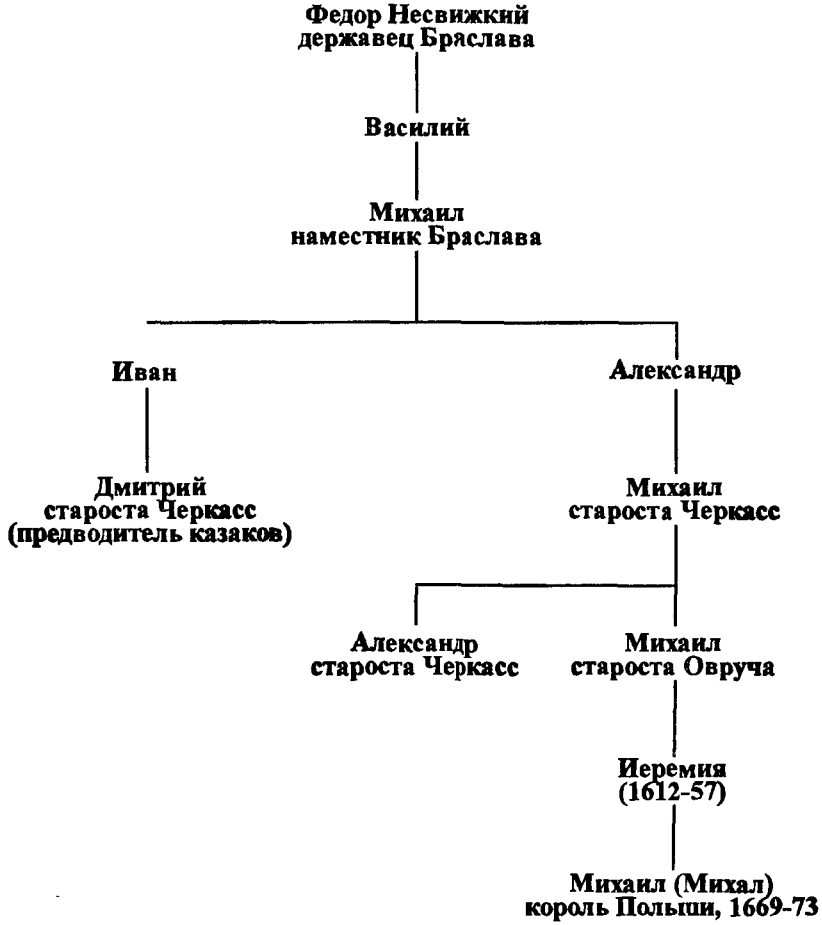
VI. КНЯЗЬЯ ГЛИНСКИЕ



VII. КНЯЗЬЯ ОСТРОЖСКИЕ

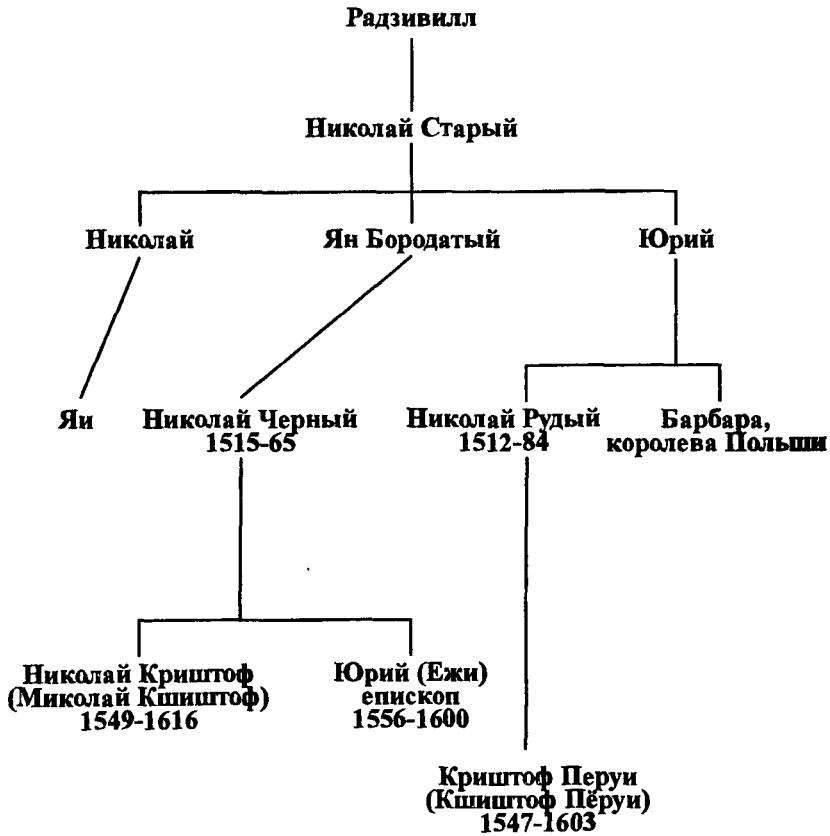
Князья Острожские принадлежали к дому Рюрика, предположительно, к туровской ветви.

VIII. КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКИЕ

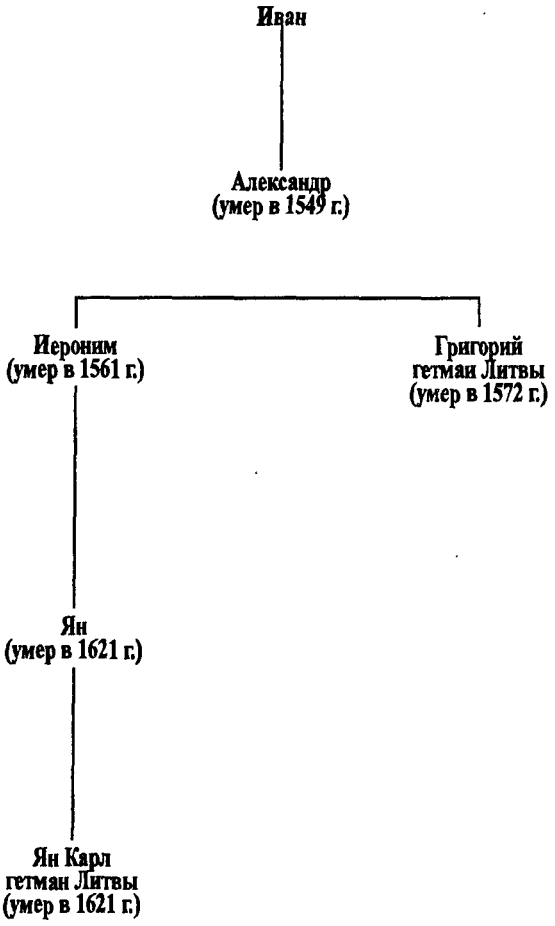


По-видимому, потомки Корибуты, сына Ольгерда. См.: Монголы и Русь, Таблица X.

IX. РАДЗИВИЛЛЫ



X. ХОДКЕВИЧИ


Иван
Александр
(умер в 1549 г.)
Иероним
(умер в 1561 г.)
Григорий
гетман Литвы
(умер в 1572 г.)
Ян
(умер в 1621 г.)
Ян Карл
гетман Литвы
(умер в 1621 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
Введение. РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА 7
Глава I. ВИЗАНТИЙСКИЙ БРАК ИВАНА III 21
1. Человек и правитель 26
2. Софья Палеолог 25
3. Зоя в Москве 30
Глава II. НОВГОРОД 36
1. Культурные традиции 36
2. Между Москвой и Литвой 40
3. Конституция 44
4. Конфликты с Москвой, 1456 и 1470-1471 гг. 52
5. Капитуляция, 1478 г. 63
6. Восстание и коиечное подчинение 69
7. Легенды 73
Глава III. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III 77
1. Основные факторы 77
2. Борьба с Золотой Ордой 82
3. Отношения с Турцией, Крымом и Казанью к 1487 году 88
4. Москва и Литва, 1487-95 гг. 93
5. Ближний Восток и Казань, 1490-96 гг. 100
6. Конфликты со Швецией, Литвой и Ливонией, 1492-1503 гг. 103
Глава IV. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИВАНА III 107
1. Объединение Великороссии 107
2. Региональные грамоты и судебник 112
3. Землевладение, армия и возвышение дворянства 118
4. Боярская дума и секуляризация церковных земель 127
5. Политический и династический кризис, 1497-99 гг. 132
6. Последние годы Ивана III 140
Глава V. Правление Василия III 145
1. Василий и его советники 145
2. Присоединение Пскова 152
3. Внутренняя и внешняя политика, 1505-1522 гг. 162

4. Победа иосифлян и второй брак Василия III ... 169
5. Рост имперской идеологии ... 179
Глава VI. Западная Русь в XVI веке ... 185
1. Введение ... 185
2. Правительство и администрация ... 193
3. Армия ... 203
4. Социальные классы ... 206
5. Аристократия ... 207
6. Дворянство ... 210
7. Рабы (холопы) ... 214
8. Крестьяне ... 216
9. Горожане ... 222
10. Евреи ... 227
11. Караимы ... 229
Глава VII. Упадок Литвы и рост влияния украинских казаков ... 233
1. Между Москвой и Польшей, 1526-1566 гг. ... 233
2. Люблинская уния 1569 г. ... 257
3. Рост влияния украинских казаков ... 264
Глава VIII. Брестская церковная уния ... 282
1. Введение ... 282
2. Положение православной церкви в Западной Руси ... 283
3. Протестантский период ... 287
4. Католическая контрреформация ... 291
5. Православие в Западной Руси ... 294
6. Причины конфликта между епископами и мирянами ... 297
7. Западнорусские епископы и Рим ... 299
8. Брестский собор и провозглашение унии ... 302
ЗАМЕЧАНИЕ О РУССКИХ ОТЧЕСТВАХ И ФАМИЛИЯХ ... 306
ПРИМЕЧАНИЯ ... 308
БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ ... 328
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ... 336

КАРТЫ

1. Русские города XV века. *9*
2. Пять новгородских провинций (пятины). *41*
3. Россия в 1462 г. *81*
4. Россия около 1530 г. *173*
5. Польша и Литва в 1466 г. *181*
6. Россия около 1580 г. *237*
7. Излучина Днепра в XVI веке. *251*
8. Днепр: острова, укрепления и пороги, XVI век. *267*

Вернадский Г.В.

В35 Россия в средние века. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. — Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997, 352 с.

"Россия в средние века" — четвертая книга "Истории России" Г.В. Вернадского, посвященная периоду XV — начала XVI веков, когда происходит становление централизованного русского государства. Обращаясь к обширному кругу источников, автор рисует панораму экономической, социально-политической и культурной истории Московского царства в эпоху обретения им независимости от татаро-монголов и постепенного роста его мощи.

Книга адресована широкому кругу читателей. На русском языке издается впервые.

Отв. за выпуск А. Московкин
Научная редакция П. Малыгин
Литературная редакция Т. Гринберг, Н. Минина
Художник В. Корольков
Компьютерный набор, верстка и корректура
издательство «РИП-Холдинг»

ЛР № 061845 от 27.11.92 г.
ЛР № 064478 от 26.02.96 г.
Формат 84×108 1/32. П. л. 11. Бумага офсетная. Печать ролевая.
Гарнитура Петербург. Тираж 7000 экз. Заказ № 463.
ТОО «ЛЕАН». Россия, 170000, Тверь, Вагжановский пер., 9.
ООО «АГРАФ». Россия, 109544, Москва, а/я 16.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Государственного
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.